

К.ВАЛИШЕВСКИЙ



ЦАРСТВО  
ЖЕНЩИН

К.ВАЛИШЕВСКИЙ • ЦАРСТВО ЖЕНЩИН



К. ВАЛИШЕВСКИЙ



ЦАРСТВО  
ЖЕНЩИН



*Репринтное воспроизведение  
издания 1911 года*

МОСКВА СП "ИКПА" 1989

По данным Всесоюзного социологического исследования "Книга в современном обществе", проведенного Институтом книги в 1988 году, большой интерес у читателей вызывает историческая литература, особенно по истории Отечества, как русских, советских, так и зарубежных авторов.

В этом плане для массового читателя представляют интерес и книги К. Валишевского.

В  $\frac{4702010104-008}{939-89}$  — без объявл. © Оформление "ИКПА"  
1989

ISBN 5-85202-008-7

К. ВАЛИШЕВСКІЙ.

ЦАРСТВО ЖЕНЩИНЪ

ЕКАТЕРИНА І.  
АННА-ЕЛИЗАВЕТА.

«ПЪСЪ ЖИТІЙНАЯ ЖИЗНЬ»

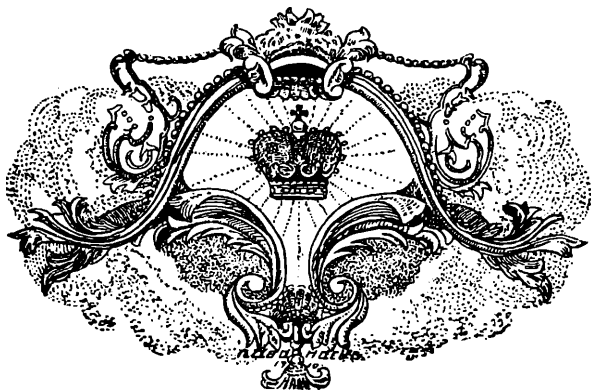
ПОЛН. ПЕРЕВ. СЪ ФРАНЦ.

А. ТРЕТЪЯКЪ.

КНИГОИЗД.

СЕРИНКСЪ.

п. Иванъ сѣвъ.



## ПРЕДИСЛОВІЕ.

Порядокъ, въ которомъ эти изслѣдованія являются на судъ публики, не имѣютъ въ себѣ ничего произвольнаго, несмотря на то, что это кажется такъ на первый взглядъ. Я откровенно признаюсь, что мною руководило предполагаемое въ публикѣ любопытство, которому авторъ не можетъ навязывать ни своего таланта, ни предмета, занимающаго его. Въ мало извѣстныхъ странахъ прежде всего вниманіе путешественника привлекаютъ на себя болѣе близкія, а также болѣе возвышенныя точки. Задача этой книги—заняться промежуточными пространствами. Но послѣдуютъ ли за проводникомъ?

Совѣтую моимъ читателямъ припомнить русскую поговорку: „*Громада*, т. е. толпа, — *великій человекъ*“. Самъ Петръ I,—какъ я пытался доказать,—былъ только выраженіемъ коллективнаго дѣла массы собранныхъ воедино энергій, развитіе которыхъ не сохранило послѣ него той головокружительной быстроты, но характеръ и внутренняя сила которыхъ выяснилась именно тогда. Поглощая эти элементы въ своей могучей личности, онъ сдавливалъ и маскировалъ ихъ. Впослѣдствіи же они вырвались наружу

и съ какой силой! Съ точки зрѣнія политическаго и общественнаго движенія, эпоха, которой мы намѣреваемся заняться, соотвѣтствуетъ одному изъ періодовъ застоя, даже какъ бы отступленія назадъ, повидимому, представляющихъ постоянный законъ въ развитіи русскаго народа. Однако, жизнь трепещетъ и въ продолженіе такихъ остановокъ подъ хаотической, странной, иногда чудовищной внѣшностью.

Мнѣ уже дѣлали упрекъ въ слишкомъ большомъ пристрастіи къ живописной сторонѣ историческихъ событій. На этотъ разъ рискую навлечь на себя этотъ упрекъ еще въ большей степени. Но я убѣжденъ, что въ этомъ отношеніи между мною и моими критиками существуетъ простое недоразумѣніе и смѣшеніе слѣдствія съ причиной. Этотъ споръ похожъ на упрекъ, который обитатель равнины могъ бы сдѣлать обитателю Бернскаго кантона: „Вы показываете мнѣ однѣ только горы“! И притомъ исторія Россіи въ XVIII вѣкѣ не швейцарскій пейзажъ. Скорѣе это пейзажъ изъ эпохи міроустройства. Вы присутствуете при возникновеніи міра. Все здѣсь выдвигается вдругъ, внезапно, все полно рѣзкихъ противоположностей. Рѣдкая глава этой книги не послужитъ сюжетомъ для драмы или романа. И одинъ недостатокъ послѣднихъ—это то, что въ нихъ внесли вымыслъ—совершенно излишній! Неподкрашенная дѣйствительность этой эпохи оставляетъ позади себя воображеніе всѣхъ Дюма.

*Царство женщинъ* должно было наложить романтическій отпечатокъ на эпоху, продолжавшуюся почти три четверти вѣка, что тѣмъ болѣе за все это время никакой законъ о престолонаслѣдствіи не вмѣшался для ея установленія или поддержанія. Страна самовольно установила у себя это царство женщинъ. И точно также она поступала съ ними.



Освободившись отъ деспотизма создателя народнаго величя, духъ анархіи и исканія приключеній, лежащій въ основаніи всякаго образующагося общества, предъявилъ свои права подъ различными формами. Царство женщинъ былъ одной изъ нихъ, а правленіе фаворитовъ—другой.

И то и другое замѣчательнымъ образомъ способствовало возникновенію тѣхъ преданій и анекдотовъ, въ припадкѣ которыхъ меня обвиняли. Я люблю ихъ, когда они забавны, но считаю своей обязанностью относиться къ нимъ по заслугамъ, если они ложны. Но и тогда я считаю возможнымъ истолковать ихъ въ правильномъ смыслѣ. Какимъ образомъ? Я уже говорилъ объ этомъ въ другомъ мѣстѣ. Составляя имѣющійся матеріалъ и согласуя его, мнѣ дѣлалась на это возраженіе, что въ такомъ случаѣ количество замѣняетъ мнѣ качество. Это возраженіе не убѣдило меня. Спросите двухъ людей, бѣгущихъ по улицѣ, куда они бѣгутъ. Одинъ отвѣтитъ вамъ, что пожарные проѣхали къ театру; другой—что загорѣлась городская дума. Вы ошибетесь немногимъ, заключивъ, что видѣли дымъ гдѣ-то. Врядъ ли я сочту безупречной женщину, которой приписываютъ двадцать любовниковъ, но я не стану искать въ этомъ еще какихъ-либо указаній. А подобныхъ фактовъ масса даже въ исторіи.

По мнѣнію другихъ критиковъ, я вообще слишкомъ остороженъ въ своихъ заключеніяхъ. Дѣйствительно, я не считаю себя за торговца непреложными истинами. Не трудно схватить одинъ звукъ, слушая одинъ только колоколь. Я же стараюсь ввести какъ можно больше колоколовъ въ мой звонъ.

Среди документовъ, которыми я пользовался, немного совершенно неизданныхъ, я постарался провѣрить прочіе по источникамъ, и эта предосторожность не оказалась без-

полезной для меня. Приношу благодарность моему молодому другу Зихель-Дюлону, оказавшему мнѣ помощь при моихъ справкахъ въ дрезденскомъ архивѣ, точно такъ же, какъ его свѣтлости князю Гогенлоэ, германскому канцлеру, и г. Козеръ, директору государственнаго берлинскаго архива, доставившихъ мнѣ доступъ и возможность пользоваться этими драгоценными хранилищами, гдѣ я нашелъ нѣсколько указаній и документовъ, не значеніе и интересъ которыхъ для этой книги, — а еще больше для послѣдующей — читатель, конечно, оцѣнитъ.

*К. Валишевскій.*

---

## ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Приступая къ переводу книги Валишевскаго, переводчикъ нашелъ нужнымъ провѣрить всѣ мѣста, касающіяся документовъ на русскомъ языкѣ, и привести ихъ языкомъ подлинника, а не въ переводѣ.

---

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.



ЖЕНА и ВНУКЪ.



**Государственные перевороты, возведенные въ правило.  
Екатерина I.**

I. Наслѣдіе Петра Великаго.—Никакихъ указаній.—Ни завѣщанія, ни династіи, ни закона о престолонаслѣдіи.—Партіи.—Екатерина, руководимая умными совѣтниками, дѣйствуетъ ловко.—День 28 января 1725 г.—Наскорю созванное избирательное собраніе.—Вмѣшательство гвардіи.—Избраніе Екатерины.—II. Периодическіе государственные перевороты.—Военная диктатура.—Политическія и общественныя послѣдствія.—Свобода сословій.—Правленіе женщинъ.—Его историческіе элементы.—Женщина въ славянской старинѣ.—Русскіе женскіе типы.—III. Нравственный обликъ новой государыни.—Окружающіе и дворъ.—Приближенные.—Семья.—Голштинскій домъ.—Герцогиня Курляндская.—Наперсники и любовники.—Искатели приключеній—вѣмцы и польскіе перебѣжчики.—Левенвольдь.—Сапѣга.—Интимныя нравы.—Непрерывныя оргіи.—Видимое отсутствіе правительства.—Ключъ къ загадкѣ.

I.

Легендарный проектъ революціоннаго декрета въ двухъ статьяхъ: „ст. I. Нѣтъ ничего. Ст. 2. Исполненіе сего декрета не возлагается ни на кого“ нашелъ себѣ буквальное примѣненіе въ Россіи послѣ смерти ея великаго руководителя. Не стало государя въ странѣ, гдѣ вся власть сосредоточивалась въ его рукахъ, и не было никого, кто бы могъ замѣнить его. Не было ни наслѣдника, ни закона о престолонаслѣдіи. Законъ воплощался въ нѣсколькихъ словахъ, написанныхъ самимъ Петромъ уже костенѣющей рукой въ минуты агоніи: „Отдайте все...“ Онъ не могъ кончить, и отъ его воли, бывшей всѣмъ, не осталось ничего.

Въ древней Москвѣ этотъ вопросъ рѣшался на основаніи обычая. Послѣдній былъ склоненъ слѣдовать естественному закону наследованія въ нисходящей линіи, и въ концѣ XVI вѣка этотъ принципъ, повидимому, упрочился. Но въ 1598 г., послѣ смерти послѣдняго сына Ивана Грознаго, онъ не могъ примѣняться: домъ Рюриковичей прекратился. Первый изъ Романовыхъ (1613) занялъ престолъ по избранію. Онъ былъ избранъ всей страной—или какъ тогда говорили „всѣмъ народомъ“—въ собраніи мѣстныхъ бояръ. Принципъ, повидимому, снова вошелъ въ силу, когда Алексѣй наследовалъ своему отцу, Михаилу Федоровичу, а Федоръ Алексѣевичъ, въ свою очередь—отцу Алексѣю Михайловичу. Но послѣ смерти Федора снова оказался перерывъ и наступилъ произволъ. Былъ избранъ Петръ I, но онъ раздѣлилъ тронъ съ старшимъ братомъ Иваномъ, и въ продолженіе нѣкотораго времени существенную часть наследія у нихъ отнимала сестра, Софья. Въ 1722 г. Петру, въ свою очередь, вздумалось внести въ этотъ законъ, столько разъ нарушаемый, новый принципъ: право государя назначать себѣ преемника. Говорятъ, что онъ самъ воспользовался этимъ правомъ, назначивъ въ завѣщаніи, оставленномъ имъ при отравленіи въ персидскую кампанію, себѣ преемницей Екатерину. Но тутъ случилось дѣло Мовса \*) и завѣщаніе было уничтожено. Слѣдовательно—опять ничего.

Здѣсь, для объясненія какимъ образомъ былъ найденъ выходъ изъ этого тупика, мы должны были бы обратиться къ теоріи эволюціонистовъ о созданіи органовъ исполняемыхъ или функціямъ. Судя по донесенію посла Рабутина \*\*), въ то время въ Петербургѣ существовало три главныхъ партій. Кромѣ дочерей, рожденныхъ Екатериной (Аввы и Елизаветы),

---

\*) См. Валишевскій.—*Петръ Великій*, депеша датскаго посла Вестфаля, Москва 24 апрѣля (5 мая) 1729 г. въ Сборникѣ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, LXVI. Тоже свидѣтельство о завѣщаніи въ запискахъ Кампредона. (1724). Иностранное дѣло, Россія, т. XIX.

\*\*) *Buschings Magazin*, XI.

Петра были двоюродныя сестры—дочери его старшаго брата Ивана (герцогиня Мекленбургская, герцогиня Курляндская и Прасковія Ивановна), права которых могли казаться большими, и внукъ—сынъ несчастнаго Алексѣя, рожденнаго первой женой императора, Евадоей. Ребенку было всего девять лѣтъ, и онъ не былъ въ состояніи управлять государствомъ. Но тѣмъ не менѣе завязалась борьба между партией этихъ наслѣдниковъ и мачехой—второй женой Петра. Знать, вообще, стояла на сторонѣ малолѣтняго Петра Алексѣевича, видя въ немъ возможность отмстить реформатору и вооружиться противъ его реформъ. Къ несчастью, Петръ разрѣдилъ ряды этой именной знати вокругъ трона. Осталось только нѣскольکو Голицыныхъ и Долгорукихъ, да два старыхъ военныхъ—князь Репнинъ и Борисъ Шереметьевъ. Самый отважный изъ Голицыныхъ—Михаилъ—былъ въ это время съ войскомъ въ Украинѣ. Прочій персоналъ, управлявшій дѣлами, состоялъ изъ выскочекъ, креатуръ преобразователя, которыхъ исчезновеніе его грозило повергнуть обратво въ ту неизвѣстность, откуда онъ извлекъ ихъ. Единственнымъ спасеніемъ для нихъ было продлить царствованіе въ прежнемъ духѣ. Естественно, что ихъ взгляды обратились на подругу царя, съ которой—они это чувствовали—ихъ связывали общіе интересы и стремленія. Она была ихъ поля ягода—такая же выскочка и креатура, какъ они. Особенно Меншиковъ имѣлъ причины считать ее своей союзницей. Но также и Девьеръ, и Ягужинскій имѣли поводъ отдать ей преимущество. За немѣнѣемъ завѣщанія, они приводили слова Петра—которымъ можно было придать двойное толкованіе—будто бы сказанныя имъ наканунѣ коронаціи его жены, во время пирушки у одного голландца \*).

Иныхъ доводовъ у нихъ не было.

Третья партія мечтала объ ограниченіи самодержавія во вкусѣ

---

\*) Германнъ. *Geschichte des russ. Staats*, со словъ Бассевича. Также *Büschings Magazin* XI.

шведской конституціи, и готова была высказаться за того изъ кандидатовъ, который охотнѣе всего согласился бы на подобную реформу. Но Петръ поставилъ всѣхъ втупикъ своею смертью: умерши, такъ же какъ жилъ и дѣйствовалъ—съ молниеносной быстротой. Ни у одной партіи не было ничего подготовлено. Ни слѣда какой либо организаціи. У одной только Екатерины было дѣйствительное оружіе въ рукахъ. За нее, кромѣ того, стояли всѣ иностранцы, опасавшіеся возвращенія къ прежнимъ московскимъ традиціямъ, которымъ, казалось, угрожалъ имъ сынъ Алексѣя. То же самое было во всѣхъ *коллегіяхъ*, гдѣ большинство членовъ было также иностранцами. За Екатерину же стоялъ Синодъ—плодъ реформы Петра,—а между сотрудниками Петра—наиболѣе энергичные и вліятельные. Даже нѣкоторые представители знати: Толстой, какъ палачъ Алексѣя, контръ-адмиралъ Апраксинъ, какъ другъ Толстого и Мевшикова \*). На ея же сторонѣ стоялъ герцогъ Голштинскій, женихъ одной изъ ея дочерей, а благодаря ему и провинціи, завоеванныя у Швеціи—Ливонія, Эстонія, Карелія, питавшія смутную надежду, что она возвратитъ ихъ матери. Наконецъ, въ ея рукахъ находилась государственная казна.

Найдя хорошихъ совѣтниковъ, Екатерина сумѣла благоразумно воспользоваться ихъ указаніями. Въ оутки, предшествовавшія катастрофѣ, она часто уходила отъ постели умирающаго и, запершись у себя, вела искусный торгъ. Въ это время у нея перебивали гвардейскіе маіоры и капитаны и уходили, унося съ собой обѣщанія и задатки: немедленную уплату жалованія, не выдававшагося полтора года; выдача каждому солдату по тридцати рублей награды.

Однимъ изъ подполковниковъ былъ Меншиковъ. Другой—Иванъ Бутурлинъ, принадлежавшій по всѣмъ своимъ семейнымъ связямъ къ про-

---

\*) Соловьевъ: „Исторія Россіи“, т. XVIII. Германнъ, IV. Соловьевъ основывается, главнымъ образомъ, на перепискѣ французскаго посла Кампредона.



тивоположной партіи; но онъ былъ въ ссорѣ съ княземъ Репнинымъ, президентомъ Военной Коллегіи, и также посвѣтилъ Екатерину.

Такимъ образомъ готовился день 28 января 1725 года. Петръ умеръ въ 5 часовъ. Въ 8 часовъ Сенатъ, Синодъ и такъ называемый *генералитетъ*—чиновники, принадлежавшіе къ первымъ четыремъ классамъ по табели о рангахъ, учрежденной Петромъ—собрались въ Зимнемъ дворцѣ. Кто ихъ созвалъ? Никто. Вошло уже въ обычай, что въ критическіе моменты лица, составлявшія естественную опору трона, немедленно отправлялись въ мѣсто пребыванія правительства. Тотчасъ же начались споры о престолонаслѣдіи и самые бурные. Первымъ заговорилъ Дмитрій Голицынъ, предлагая преемникомъ малолѣтняго Петра Алексѣевича при регентствѣ императрицы и Сената. Собственнымъ починомъ это импровизированное собраніе превратилось въ избирательное. Толстой горячо возражалъ. Регентство Софьи оставило плохія воспоминанія. За Екатерину говорили ея способности, добродѣтели и желаніе самого Петра, чтобы корона перешла къ ней. Во время рѣчи Толстого одобрителный ропотъ, донесшійся изъ одного угла залы, обратилъ вниманіе на группу гвардейскихъ офицеровъ, собравшихся тамъ, собственно не имѣя никакого права присутствовать въ столь высокомъ собраніи. Репнинъ вскочилъ, рѣзко крикнувъ на нихъ. вмѣсто всякаго отвѣта Бутурлинъ подошелъ къ окну и сдѣлалъ знакъ рукой. Въ отвѣтъ послышался барабанный бой. Внутренніе дворы и всѣ входы во дворецъ были заняты войсками. Здѣсь находились полностью оба гвардейскихъ полка.—„Кто осмѣлился... безъ моего приказа?..—началь было Репнинъ.—У меня привазь императрицы,—невозмутимо отвѣтилъ Бутурлинъ.

Послѣ этого дебаты продолжали только для формы. Для формы Апраксинъ запросилъ статсъ-секретаря Макарова, существуетъ ли завѣщаніе. Когда послѣдовалъ отвѣтъ, что „ничего нѣтъ“, адмиралъ предложилъ отправиться „заявить вѣрноподданническія чувства цар-

ствующей императрицѣ“. И всѣ пошли. Енатирина вступила на престоль.

По какому праву? Опубликованный въ то же утро манифестъ также ссылался на коронацію 1724 года, какъ на фактъ, указавшій новую государыню. Но всѣ понимали, что она была обязана властью выбору нѣкоторыхъ изъ своихъ подданныхъ, оцравшемся на военную демонстрацію, которая и положила конецъ всѣмъ спорамъ. Повидимому, Репнинъ, Дмитрій Голицынъ и Долгорукій желали, чтобы такъ начатое дѣло получило санкцію коллективнаго выбора, въ которомъ приняли бы участіе всѣ сословія. Но гвардейскіе офицеры и слышать объ этомъ не хотѣли. Они заявили, что взрывать нѣ куски всякаго, кто осмѣлится не признавать *ихъ императрицы* \*). Нѣсколько отдѣльныхъ личностей протестовали. Два раскольника отказались принести присягу: „Разъ баба стала царемъ, пусть бабы ей и крестъ цѣлуютъ“. Но послѣ двухъ допросовъ въ застѣвкѣ \*\*) ихъ упрямство рукой сняло. Масса оказалась вполне покорной.

---

\*) Брюкнеръ. *Вѣстникъ Европы* 1894 г. На основаніи донесеній—вѣнскаго резидента Гогенгольца.

\*\*) Костомаровъ „*Монографія*“ и „*Историческія изысканія*“.



## ЕКАТЕРИНА I

(Портретъ, исполненный перомъ худож. Риго).  
Дашковская галерея въ СПб.



## II.

Такимъ образомъ созданъ новый способъ передачи верховной власти. Онъ сохранился съ небольшими вариантами до восшествія на престолъ Павла I въ 1796 г. Екатерина I, правда, оставила завѣщаніе, въ которомъ назначала Петра Алексѣевича своимъ преемникомъ; но, снова нарушая законъ 1722 года, она пожелала установить вѣчный порядокъ престолонаслѣдія, возвращаясь къ старому принципу престолонаслѣдія по нисходящей линіи. Когда Петръ Алексѣевичъ умеръ послѣ четырехъ лѣтъ царствованія, никто и не вспомнилъ объ исполненіи этого завѣщанія. — Анна I, Иванъ III, Елизавета и Екатерина II были обязаны своимъ воцареніемъ послѣдовательно государственными переворотамъ, подобнымъ описанному мною, при чемъ гвардія постоянно играла въ этихъ переворотахъ роль древняго хора. Липа, произведшія переворотъ 1762 г., не руководились даже тѣнью какого-либо принципа, и Орловы съ женой Петра III пошли кратчайшимъ путемъ — тѣмъ, которымъ всегда идутъ военные, чувствуя за собой силу \*)

Эта военная диктатура была сначала только орудіемъ въ рукахъ нѣкоторыхъ начальниковъ. Впослѣдствіи, въ корпораціи, изъ которой она произошла, проснулись идеи независимости, на которыхъ отразилось ея возникновеніе. Въ гвардіи даже простыми солдатами служилъ цвѣтъ дворянства. И это повело къ важнымъ послѣдствіямъ въ политическомъ и общественномъ отношеніяхъ. Роль, выпавшая на долю одной изъ ея фракцій, дала всему дворянству сознаніе, что оно правящій классъ въ странѣ. Хотя попыткамъ олигархіи и за-

---

\*) Дитятинъ: „Этюды по русскому государственному праву“.

тѣмъ конституціонныхъ реформъ, самонадѣянно предпринятыхъ ею, было суждено окончиться быстрой неудачей, однако, гоняясь за этимъ призракомъ, она имѣла удачу не остаться съ пустыми руками. Характеристичной чертой всей эпохи со смерти Петра Великаго и до восшествія Александра I является постепенное освобожденіе словій отъ всевозможныхъ тормазовъ, которыми ихъ опутывала организація древней Москвы, да и Россіи поздѣйшаго времени. Первымъ освободилось дворянство. Петръ Великій подчинилъ его значенію, какъ владѣтеля главнаго государственнаго капитала — земли — его значенію какъ слуги государства. Миръ при его преемникахъ отодвинулъ на второй планъ это значеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ важность, пріобрѣтенная правящимъ классомъ побуждала само правительство поддерживать экономическіе интересы этого класса. Не теряя ничего изъ своихъ правъ и даже пріобрѣтая новыя, дворянство мало-по-малу освободилось отъ военной службы, самой тяжелой изъ всѣхъ повинностей. Это пало сначала тяжестью на прочія сословія, затѣмъ по естественной игрѣ общественнаго сдѣленія, и эти сословія воспользовались выгодами, пріобрѣтенными такимъ освобожденіемъ. Мы прослѣдимъ успѣхъ этой эволюціи.

Съ помощью государственныхъ переворотовъ царство женщинъ упрочилось на цѣлые 70 лѣтъ. Явленіе это не представляетъ ничего выходящаго изъ ряда вонъ для славянской земли. Въ Россіи, также какъ въ Чехіи и даже Польшѣ, женщина въ древности часто проявляла черты амазонки. Козьма Пражскій говоритъ объ основаніи женскаго города Дѣвина на скалѣ близъ столицы. Легендарная служанка знаменитой Любуши, Власта, мечтала подчинить все правительство Чехіи женщинамъ, съ помощью крайне жестокой мѣры. Предполагалось выкалывать всѣмъ младенцамъ мужского пола правый глазъ и отрубать большіе пальцы на обѣихъ рукахъ. Но примѣненіе мѣры встрѣтило сопротивленіе, и Власта погибла въ борьбѣ. Въ русскихъ былинахъ, одинъ изъ богатырей Кіевскаго цикла Добрыня, попадаетъ въ плѣнъ къ поленицѣ, которая, схвативъ его за русыя

кудри, приподнимаетъ съ земли. Иногда побѣжденные мстятъ за поражение—любовью. Но измѣны въ этомъ отношеніи не допускаются! Тогда къ измѣннику обращаются съ такою рѣчью: „У меня два меча, два кинжала; насыду на твои рученьки-ноженьки, наварю пива изъ твоей крови, намакаю свѣчей изъ твоего сала“. И обманутая героиня держитъ слово. Она приглашаетъ на пирь родителей измѣнника и предлагаетъ загадку: „Сижу на любимомъ, пью его и свѣчу имъ себѣ“. Самъ непобѣдимый Илья Муромецъ находитъ себѣ достойную соперницу въ Палкѣ, дочери Соловья-разбойника. Съ женою Дуная не можетъ сравняться ни одинъ кievскій стрѣлокъ.

Такое превосходство зависитъ не отъ одной только физической силы или ловкости. Древніе славяне склонны были видѣть въ женщинѣ колдунью, имѣющую сношенія съ сверхъестественнымъ міромъ и обладающую могучими чарами. Даже вселяемая женщиной любовь приписывалась колдовству. Въ дѣйствительности же первыми могущественными князьями, законодателями, судьями, организаторами славянскихъ земель были женщины: Любуша въ Чехіи, Ольга—въ Россіи, какъ въ послѣдствіи великимъ человекомъ своего вѣка стала жена Петра III—Екатерина *Великій* \*).

Народная традиція сломилась только подъ вліяніемъ Византіи и татарскаго ига. И, наконецъ, патріархальная организація нанесла ей рѣшительный ударъ, создавъ новый порядокъ вещей, сущность котораго прекрасно передается народной поговоркой: „Кому воду носить? — Бабѣ.—Кому биты быть?—Бабѣ.—А за что?—За то, что баба“. У алтайскихъ племенъ презрѣніе къ женщинѣ составляло основаніе общественнаго строя, и на родинѣ Ольги, несмотря на все предшествовавшее, патріархальный строй нашелъ такую благоприятную почву для своего развитія, что русское общество XVI и XVII вв. кажется близкимъ къ Японіи, Китаю или Риму временъ патріархатовъ. Личность нигдѣ не играетъ никакой роли.

---

\*) Такъ называлъ Екатерину II Вольтеръ.

Однако, традиція сохранила свои глубокіе корни. Въ Новгородѣ, несмотря на Византію, женщины еще появлялись на народныхъ собраніяхъ. Марія Борецкая въ Новгородѣ, великія княгини Евдокія и Софья въ Москвѣ, Евдокія и Анастасія въ Твери, Анна въ Византіи, Елена въ Суздали, принимали участіе въ общественной жизни, давали аудіенціи посламъ, появлялись въ торжественныхъ обѣдахъ. Кое какіе остатки всего этого сохранились и до позднѣйшаго времени, несмотря на явный шагъ назадъ. Убѣгая отъ домашняго гнета, женщины XVII вѣка организовали вооруженныя шайки. Древнія поленицы имѣли до послѣдняго времени преемницъ, вошедшихъ въ исторію. Во главѣ одной изъ шаекъ, слѣдовавшихъ за Стенькой Разиннымъ (1671 г.) Григорій Долгорукій встрѣтилъ женщину, которую любезно распорядился съечь.

Но даже въ теремѣ до-петровскихъ преобразованій, женщина не приняла вполне восточнаго характера. Ее, правда, держали взаперти, цѣнили ея красоту на вѣсь—при чемъ только пять пудовъ считалось допустимымъ минимумомъ. Любили ли ее? Только физически и грубо, на что указываютъ и поэтическія произведенія того времени, гдѣ грубая чувственность занимаетъ мѣсто отсутствующаго чувства. Тургеневъ сказалъ: „Наша, такъ называемая, эпическая литература одна между всѣми другими, европейскими и азіатскими, одна, замѣтите, не представляетъ никакой типической пары любящихъ существъ“ \*). Вспомнимъ преданіе о князѣ Петрѣ и женѣ его Февроніи. Изгнанные изъ Москвы, они ѣдутъ внизъ по рѣкѣ въ лодкѣ. Одному изъ спутниковъ царя приходитъ мысль поухаживать за княгиней. Она велитъ ему зачерпнуть воды сначала справа отъ лодки, потомъ слѣва и выпить ее. — Сладше ли вода съ одной стороны, чѣмъ съ другой?—Одинакова.—Ну вотъ, и женщина одинакова, гдѣ бы вы ее ни взяли“.

Но при всей тираніи и униженіи, женщина отчасти царитъ въ

---

\*) Дымъ.



домашней жизни. Законъ и обычай единогласно отводятъ ей здѣсь въ извѣстномъ смыслѣ привилегированное положеніе. Она управляетъ домою. Она можетъ наравнѣ съ мужчиной и вполнѣ самостоятельно владѣть имѣніемъ, крѣпостными и распоряжаться ими по своему усмотрѣнію. Это обстоятельство заставляетъ выдвинуться типъ *барыни-хозяйки*. И этотъ типъ ясно обозначается, когда женское вліяніе торжествуетъ, и женщина призывается къ почестямъ и тягостямъ высшаго сана. Мы видимъ такой типъ съ начала героической эпохи и до рубежа XIX вѣка. Анна и Елизавета, послѣ Екатерины I, являются именно представительницами этого типа на престолѣ, проявляя такую же патріархальную простоту, какъ любая дворянка, управлявшая своей *вотчиной* во времена Алексѣя Михайловича. И такую же суровость. Очень ясное представленіе о такой личности можетъ дать намъ герцогиня Мекленбургская, Екатерина Ивановна, которая, присутствуя однажды на представленіи одной трагикомедіи, замѣтила, улыбаясь своему сосѣду, иностранному дипломату (Вергхольцу), что актеръ, игравшій царя—одинъ изъ ея „голоповъ“—передъ выходомъ на сцену получилъ двѣсти палочныхъ ударовъ.

Съ сестрой Петра Великаго, Наталіей Алексѣевной, появляется новый типъ—типъ артистки, писательницы, провозвѣстницы женщины-доктора будущаго. И въ быстромъ развитіи послѣдняго типа въ наши дни нельзя не признать исторической преемственности. Но вообще, исторія, какъ и традиція, были скорѣе неблагопріятны для развитія части интеллектуальныхъ способностей въ этой сферѣ. Изъ пятисотъ портретовъ, собранныхъ въ словарь Баятышъ-Каменскаго, начиная съ Баяна, только двѣнадцать женскихъ, да и тѣ сомнительнаго достоинства. И не въ такого рода качествахъ надо искать секрета необыкновеннаго счастья, выпавшаго на долю *маріенбургской плыницы*.

### III.

„Допетровская Русь прошла къ новой Россіи черезъ публичный домъ“—сказаль Герценъ. Это преувеличеніе; однако, уже изъ того, что сообщено мною о происхожденіи и правахъ этой необычайной наслѣдницы\*), призванной продолжать царствованіе Петра, уже ясно, что нельзя совершенно отрицать нѣкоторой справедливости въ словахъ ядовитаго публициста. Было высказано сомнѣніе въ цѣнности нѣкоторыхъ приведенныхъ мною свидѣтельствъ. Но вотъ одно, которое уже недоступно никакимъ сомнѣніямъ. Я заимствую его изъ офіціальнаго сочиненія, содержащаго въ себѣ избранныя выдержки изъ переписки русскихъ государей. Само собой разумѣется, что выдержки не могли быть завѣдомо доброжелательными. 18 іюня 1717 г. Петръ пишетъ женѣ изъ Спа, гдѣ онъ лѣчился, и поручаетъ отвезти письмо любовницѣ, которую отсылаетъ отъ себя по совѣту докторовъ, запретившихъ ему до поры до времени „всякую домашнюю забаву“\*\*). Вотъ отвѣтъ Екатерины:

„Что же изволите писать, что вы метресишку свою отпустили сюда для своего воздержанія, что при водахъ, невозможно съ нею веселитца и тому вѣрю; однакожь больше мню, что вы оную изволили отпустить за еѣ болѣзнь, въ которой она нынѣ пребываетъ, и для леченія изволила поѣхать въ Гагу, и не желала бы я (о чемъ

---

\*) См. Петръ Великій.

\*\*\*) А понеже во вѣремя пития водъ домашней забавы дохтуры употреблять зашърещаютъ, того ради я метресу свою отпустилъ къ вамъ, ибо не могъ бы удержаться, ежели бы при мнѣ была.

Изъ Шпа въ 18 день іюня 1717. (*Письма русскихъ государей.* Изд: Коммиссіи печатанія государственныхъ грамотъ, состоящей при Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ).

Боже сохрани!) чтобъ и галанъ <sup>1)</sup> той метресешки таковъ здоровъ приѣхалъ, какова она приѣхала“. Довольно ядовито сказано, но Екатерина не злопамятна, что показываютъ заключительныя строки письма. „А что изволите въ другомъ своемъ писаніи поздравлять именами старика <sup>2)</sup> и шишечкиными <sup>3)</sup>, и я чаю, что ежелибы сей старикъ былъ зять то бѣ и другая шишечка на будущій годъ поспѣла <sup>4)</sup>).

Мы, очевидно, далеки отъ Людовика XIV и Маріи Терезіи, даже отъ мадемуазель Ла-Вальеръ и наимѣнне наставительныхъ образцовъ, завѣщанныхъ любовными приключеніями тѣхъ временъ Западу. И я остаюсь при убѣжденіи, что подошелъ насколько возможно ближе къ истинѣ въ портретѣ этой невѣроятнѣйшей изъ императрицъ, который пытался нарисовать и къ которому уже не думаю возвращаться. Къ сожалѣнію, полагаю, что пробѣлы и неясныя точки останутся въ немъ всегда. Герценъ упоминаетъ еще о лубочной картинѣ, видѣнной имъ въ гостиницѣ и наводящей на размышленія. Она представляетъ Петра, сидящаго за столомъ, установленномъ явствами и бутылками, и Меншикова, приводящаго ему „на закуску“ дебелую красавицу. Внизу подпись: „Вѣрный подданный уступаетъ любимому имъ царю самое, что у него ни на есть драгоцѣнное“. Эта картина, если она существуетъ, заключаетъ въ себѣ все, что есть достовѣрнаго въ прошломъ Екатерины *Первой* до ея возвышенія на степень супруги и государыни.

Въ 1702 г. ее звали Мареой, и отъ дома пастора Глюка до лагеря завоевателя Ливоніи она исполняла обязанности дѣвушки, приученной къ самымъ грубымъ домашнимъ работамъ, а вмѣстѣ съ

---

<sup>1)</sup> Возлюбленный — *galant*.

<sup>2)</sup> Самого Петра.

<sup>3)</sup> Сынъ Петра и Екатерины, тоже Петръ, умершій по второму году.

<sup>4)</sup> *Письма русскихъ государей и другихъ особъ царской семьи.* Изд. Коммиссіи печатанія государственныхъ грамотъ, состоящей при Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

тѣмъ не отказывавшей въ услугахъ болѣе интимнаго свойства, въ которыхъ никогда не отказывали особы ея положенія. Къ концу слѣдующаго года Петръ привезъ ее въ Москву, гдѣ у нея, вѣнча, родились дочери Анна и Елизавета, и гдѣ ее перевелъ въ православіе попъ Василій, впослѣдствіи архимандритъ Варлаамъ. Только тогда она приняла имя Екатерины. Съ Петромъ она была обвиняна въ 1712 г. Здѣсь я буду говорить о томъ, что она представляла изъ себя, уже будучи самодержицей всероссійской.

По словамъ Кампредона, она не умѣла ни читать, ни писать, но послѣ трехъ мѣсяцевъ упражненія научилась прилично подписывать государственныя бумаги \*). Къ дипломатическимъ свидѣтельствамъ можно отнести съ сомнѣніемъ и не безъ причины. Но вотъ еще свидѣтельство, уже неопровержимое: это книга прихода-расходная комнатныхъ денегъ императрицы Екатерины—за время отъ 1722 до 1725 г. \*\*). Изъ нея передъ нами встаетъ цѣлый нравственный обликъ. Въ этой записи можно съ удовольствіемъ прочесть о поощреніи, оказываемомъ наукѣ: одинъ преображенецъ, пожелавшій ѣхать учиться въ Амстердамъ, получилъ двадцать червонныхъ, и столько же выдано составителю французской грамматики. Но и только. Большинство же императорскихъ щедротъ относятся къ писарямъ, садовникамъ, подносящимъ какой-нибудь особенный салатъ или выгоняющимъ рѣдкія, раннія овощи, паяцамъ... Одинъ изъ нихъ, ходящій на головѣ, получилъ тридцать червонныхъ, между тѣмъ какъ царевна Наталія Алексѣевна въ свои именины получила всего двадцать, въ новомъ кошелькѣ. Въ мартѣ 1724 г. княжнѣ Голицыной обазана почти такая же щедрость, какъ паяцу: двадцать три червонныхъ,

---

\*) Документъ отъ августа 1726 г. Архивъ иностр. д. Записки и документы, Россія т. V.

\*\*\*) Русскій Архивъ 1847 г. т. I.

чтобъ плакала о сестрѣ \*). Кое-гдѣ вѣскольکو проявленій жалости и состраданія. Русская женщина XVIII вѣка была сострадательна къ несчастнымъ и охотно помогала имъ. Въ „Всякой всячинѣ“ Екатерины II очень поучительна въ этомъ отношеніи одна сцена: посѣщеніе тетки племянникомъ, желающимъ получить наслѣдство. Чтобы добратъся до нея, ему приходится пробратъся черезъ цѣлый рядъ нищихъ, слѣпыхъ, калѣкъ. Переднія Екатерины I—когда онѣ завелись у нея—представляли подобное-же зрѣлище. Солдаты, матросы, ремесленники приходили туда ежедневно просить: кто помощи, кто царицу быть у него кумой. Она никогда не отказывала и давала по нѣскольку червонныхъ каждому изъ своихъ крестниковъ. Она назначала приданое сиротамъ, выдавала пенсіи ветеринарамъ шведской войны, раздавала подаянія священникамъ, монахамъ, пѣвчимъ, приходившимъ съ рождественскими пѣснями. Находимъ два червонныхъ, выданныхъ мужику, который не могъ заплатить подушной подати;

---

\*) Декабря 5. Дано Ивану Семенову сыну Горлецкому, который поднесъ ея величеству книгу, грамматику французскую въ день тезоименитства ея величества... 20 червонныхъ.

Марта 14. Изволила ея Императорское величество пожаловать княгинѣ Натальѣ Петровнѣ Голицыной 23 червонныхъ, для того, чтобы она плакала по сестрѣ, и она плакала того же числа.

21 декабря. Дано садовнику Матису за поднось огурцовъ ея величеству 2 червонныхъ.

24 декабря. Изволила ея величество быть въ своемъ огородѣ: дано садовнику Ивану Яковлеву 5 червонныхъ, да садовникамъ же 6-ти человекамъ, которые при немъ въ наукѣ, по 1 червонному. Садовнику Якубу Трифонову, что у него жена родила двухъ сыновей, дано 2 червонныхъ.

16 генваря. Изволила ихъ величество быть въ зимнемъ домѣ и смотрѣть суки Левины дѣтей и дано царю Исаю 7 червонныхъ.

16-го же. Садовнику Улфу Уффельтъ 5 червонныхъ, который изъ Дубковъ привезъ салатъ и рѣдку въ домъ ея величества.

20-го же. Дано въ Царскомъ селѣ садовнику Якубу Кашперту 10 червонныхъ за приносъ овощей и т. д.

но столько же получилъ другой, оказавшійся способнымъ въ восемьдесятъ лѣтъ взлѣзть на дерево.

Вы понимаете разницу! Одна только крупная трата—Екатерина располагала тогда еще очень небольшими средствами—на уплату въ 1724 г. за грузъ водки изъ Данцига. Еще краснорѣчивое прибавленіе 25 сентября 1725 г.—уже послѣ смерти Петра—изволила ея Императорское Величество пожаловать княгинѣ Анастасіи Петровнѣ Голицыной (*княгиня-игуменья* оргій предшествовавшего царствования) десять червонныхъ за то, что она выпила при столѣ ея величества два кубка пива англійскаго. Октября 12—ея величество императрица изволила пожаловать свѣтлѣйшей Анастасіи Петровнѣ двадцать червонныхъ, за которые выпила два бокала вина винограднаго краснаго. Недѣлю спустя, 19 октября: Въ вечернее кушанье указала, вѣроятно, ея величество государыня императрица пожаловать свѣтлѣйшей княгинѣ Голицыной 15 червонныхъ, за которые червонные выпила она большой кубокъ винограднаго вина. Въ то же число положено въ другой кубокъ 5 червонныхъ, который она не выпила и оные червонные отданы Мундшенку Григорію Будакову; итого обошлось 20 червонныхъ.

Гдѣ мы? Все это напоминаетъ какъ бы притонъ разврата. Дипломаты и собиратели анекдотовъ тутъ не при чемъ. Но и у нихъ множество указаній въ томъ же духѣ. Секретарь саксонскаго посольства, Френсдорфъ, описываетъ утренніе визиты Меншикова своей бывшей служанкѣ, которую онъ застаётъ еще въ постели. Разговоръ неизмѣнно начинается вопросомъ: „Чего бы замъ выпить?“ Послѣ того осушаютъ нѣсколько стаканчиковъ водки, и круговая идетъ до вечера; вино чередуется съ *простой* и иностранными наливками \*). А Кампредонъ вводитъ въ свои *Мемуары* 1726 г. слѣдующій характерный разговоръ, обыкновенно не серьезный, перешедъ на маленькую княж-

---

\*) Hermann.

ну Наталію, умершую черезъ нѣсколько дней послѣ царя. Царипа заплакала. Ея горе вызвало тяжелое молчаніе всего общества. Тотчасъ послѣ ужина, прежде чѣмъ еще удалились неприглашенные, предоставивъ полную свободу небольшому числу гостей, остающихся на ночную вечеринку, продолжающуюся обыкновенно въ послѣдніе шесть мѣсяцевъ до девяти часовъ утра, графъ Сапѣга, порядочный вѣтренникъ, всегда гопявшійся за весельемъ, взялъ стаканъ и крикнулъ громко: „Кто скажетъ „масса“ \*). Царица отвѣтила „Топъ!“ и, отеревъ слезы, осушила стаканъ вина“.

О томъ, каковы были эти „вечеринки“ и каковы были участвовавшіе въ нихъ, *Мемуары* вдаются въ большія подробности. „Меншиковъ только для совѣта. Ягужинскій на всѣ руки, и всякому приходитъ чередъ... Баронъ Лёвенвольдъ, кажется, пользуется наибольшимъ вліяніемъ... Девьеръ принадлежитъ къ явнымъ фаворитамъ... У графа Сапѣги тоже свое мѣсто. Это красивый малый, хорошо сложенный, въ полной силѣ молодости. Ему часто посылаютъ букеты и драгоценныя вещи... Есть еще фавориты второго класса, но ихъ знаетъ только фрейлейнъ Іоганна, старая горничная царицы, вѣдающая ея развлеченіями“.

Записки такимъ образомъ только резюмируютъ переписку, относящуюся къ періоду отъ 1725 до 1727 года и изобилующую подобными чертами:

14 октября 1725 г.—Царица (Екатерина I) продолжаетъ съ нѣкоторымъ излишествомъ предаваться удовольствіямъ, до такой степени, что это отзывается на ея здоровьи.

22 декабря.—Царицѣ было довольно плохо послѣ кутежа въ день св. Андрея... Кровоупусканіе принесло ей облегченіе; но такъ какъ она чрезвычайно полна и ведетъ жизнь очень неправильную,

---

\*) При игрѣ въ кости начинали партію, говоря, напимѣръ: „Масса десять пистолей“.

то думаютъ, что какой-нибудь непредвидѣнный случай сократитъ ея дни <sup>1)</sup>.

Датскій посоль, Вестфаль, съ своей стороны, высчиталъ количество венгерскаго вина и данцигской водки, потребленныхъ за два года царствованія, и получилъ сумму около милліона рублей <sup>2)</sup>—недурная цифра для государства, общіе доходы котораго составляли всего около десяти милліоновъ.

Это свидѣтели пристрастные? Можетъ быть. А расходная книга? Я согласенъ руководствоваться исключительно ею. Хотя и Кампредона никакъ нельзя назвать непріязненнымъ соглядатаемъ. Онъ въ это время мечталъ о франко-русскомъ соглашеніи и примѣшивалъ къ своимъ рапортамъ самые лестные отзывы о „талантахъ“ и „умѣ русской государыни“, прибавляя въ то же время, какъ она собственно-ручно пытала одну изъ своихъ женщинъ, виновную въ томъ „что та разболтала, какъ заставила вылѣзти изъ-подъ ея (императрицной) постели камергера, притворившагося пьянымъ и намѣревавшагося дожидаться тамъ часа, удобнаго для любовниковъ“. Кампредонъ отдавалъ справедливость мужеству и самообладанію храброй подруги, которой Петръ приписывалъ свое спасеніе въ роковой день при Прутѣ. Онъ рисовалъ ее производящей смотръ своимъ гвардейцамъ и даже не вздрогнувшей при залпѣ,—по случайности или нарочно—убившемъ человѣка въ четырехъ шагахъ отъ нея. „Пуля была не для того бѣдняка“,—просто сказала она, подозвавъ начальника маневровъ и вырывая у него шпагу <sup>3)</sup>. Но на французскаго посла, такъ же какъ на всѣхъ его товарищей, общій строй жизни при новомъ царствованіи производилъ впечатлѣніе вѣчнаго праздника, превращаемаго, благодаря склонностямъ императрицы и традиціямъ предыдущаго царствованія, въ оргію.

---

<sup>1)</sup> Арх. Иностр. дѣлъ.

<sup>2)</sup> Корсаковъ, *Воцареніе Анны I.*

<sup>3)</sup> 12 февраля 1726. Арх. Ин. Дѣлъ.



Приближенныхъ императрицы, старыхъ и новыхъ, уже было бы достаточно, чтобы придать ея царствованію именно такой характеръ. Началось съ камеръ-фрау. Ихъ было три нѣмки, во главѣ съ Анной Крамеръ, плѣненной, какъ ея госпожа, при взятіи Нарвы и посланной съ семьей въ Казань. Мѣстный губернаторъ, „оцѣнивъ ее“, по выраженію князя Долгорукова въ его *Запискахъ* <sup>1)</sup>, послѣдовалъ примѣру Меншикова, уступивъ ее Петру, который сначала помѣстилъ ее при дѣвицѣ Гамильтонъ (одной изъ своихъ любовницъ), затѣмъ при самой Екатеринѣ, сдѣлавъ ее фрейлиной; потомъ она стала его домоправительницей и, наконецъ, перешла гофмейстериною ко двору великой княжны Наталіи Алексѣевны. Юстина Грюнвальдъ и Иоганна Петрова, нѣмецкаго имени которой, скрытаго подъ этой русской фамиліей, мнѣ не удалось узнать, довершали въ 1725 году тріо. Два года спустя, Крамеръ въ обществѣ четвертой нѣмки, Каро, какъ говорили, бѣжавшей изъ гамбургскаго публичнаго дома—вотъ почти буквальное подтвержденіе словъ Герцена — попала въ тюрьму за кражу брилліантовъ. По смерти великой княжны Наталіи одинъ изъ ея перстней очутился на пальцѣ секретаря-нѣмца молодого князя Долгорукова, фаворита Петра II <sup>2)</sup>.

Изъ русскихъ только двѣ были близки къ императрицѣ: дѣвица Толстая и вышеупомянутая княгиня Голицына, подвиги которой мы видѣли.

Нечего сказать, хорошая компанія! Но и сама семья стояла своихъ слугъ. 21 мая 1725 г. была свадьба старшей дочери императрицы, Анны Петровны, съ герцогомъ Голштинскимъ, Карломъ-Фридрихомъ. Три дня спустя, саксонскій резидентъ доносилъ своему двору:

„Меня увѣряютъ, что послѣ свадьбы герцогъ Голштинскій три

---

1) 1867—71 г.

2) *Сборникъ V*. См. Есиповъ. *Горничная Екатерины I*. Историческій Вѣстникъ.

раза не ночевалъ дома или по нежеланію жены, или изъ-за московской гризетки, которая здѣсь. Мать въ отчаяніи, что пожертвовала дочерью“. Впрочемъ, сама принесенная въ жертву дочь вовсе не приходила въ отчаяніе. На слѣдующій годъ тотъ же дипломатъ писалъ, что она вознаграждаетъ себя, ночуя, „то у одного, то у другого“, въ обществѣ своей двоюродной сестры, будущей императрицы Анны I \*).

Введеніе этой голштинской вѣтви въ домъ Романовыхъ и въ русскую исторію было послѣднею мыслью Петра Великаго. Единственный сынъ старшей сестры Карла XII, Гедвиги-Софіи и Фридриха IV, герцога Голштинскаго, мужа Анны Петровны, повидимому, ждало современемъ наслѣдіе дяди. Побѣжденный при Полтавѣ Карлъ увлекъ и несчастнаго принца въ своемъ паденіи. Собственныя владѣнія его сдѣлались добычей Даніи, такъ что, не зная куда броситься, герцогъ, наконецъ, рѣшился искать пріюта въ Россіи, гдѣ его ждало неожиданное счастье. Болѣзненный, некрасивый, не умный, онъ не имѣлъ ничего, чѣмъ могъ бы понравиться. Однако, онъ настолько понравился Екатеринѣ, что она пожелала имѣть его зятемъ, и Петръ одобрилъ ея выборъ. Какъ претендентъ на шведскую корону и законный владѣтель земли, захваченной Даніей, молодой человекъ соглашался на различныя комбинаціи высшей политики. Екатерина, не занимавшаяся политикой, унесла съ собой тайну своего предпочтенія; но можно догадываться о его причинахъ. Симпатія между пороками—одинъ изъ самыхъ неизмѣнныхъ законовъ природы. Анна Петровна не сразу согласилась. Она, повидимому, заслуживала лучшей партіи. Даже Шантро, котораго нельзя заподозрѣть въ лести, говоритъ, что она была „красавицей“, а передаваемый имъ анекдотъ о графѣ Апраксинѣ, навязчивое ухаживаніе котораго сна отвергла, показываетъ, что княжна была не глупа. Когда этотъ слишкомъ предприимчивый Ловсласъ подалъ ей шпагу, прося смерти отъ ея руки,

---

\*) Hermann.

если она отвергаетъ его, она сдѣлала видъ, что хочетъ дѣйствительно пустить въ ходъ оружіе и обратила нахала въ бѣгство \*). Послѣ замужества, только нѣсколько отсроченнаго смертью Петра, она, какъ мы видѣли, не отказывала себѣ въ развлеченіяхъ, между тѣмъ какъ восшествіе на престолъ Екатерины выдвинуло герцога въ первый рядъ и сдѣлало изъ него ближайшаго совѣтника и довѣреннаго тещи. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ вмѣстѣ со своимъ министромъ Бассевичемъ былъ какъ бы чѣмъ-то вродѣ регента.

Подругой почныхъ развлеченій его жены была Анна Курляндская, дочь старшаго брата Петра, Ивана, овдовѣвшая въ 1710 г., т.-е., на другой день своего брака. Петръ устроилъ эту свадьбу между двумя поѣздками по Германіи, дѣйствуя также не безъ задней мысли, оказавшейся гениальной идеей. Вассальная связь, соединявшая Курляндію съ Польшей, ослабѣла съ теченіемъ времени, и герцогство уже давно являлось лакомымъ кусочкомъ для другихъ, болѣе сильныхъ сосѣдей. Герцогъ Курляндскій не успѣлъ отвезти жену домой: онъ умеръ дорогой, опившись на своей свадьбѣ. Я рискую еще разъ навлечь на себя обвиненіе, что рассказываю сказки! Петръ, тѣмъ не менѣе, пожелалъ, чтобы Анна Ивановна жила въ Митавѣ. Она тамъ скучала и подъ различными предлогами часто являлась на берега Невы, гдѣ тоже находила себѣ утѣшенія. Ея агентомъ въ Петербургѣ былъ Рейнгольдъ Левенвольдъ.

Левенвольдъ принадлежалъ къ семьѣ, происходившей изъ Люнебурга, но поселившейся съ тринадцатаго вѣка въ Ливоніи; онъ служилъ въ шведской арміи, а послѣ Полтавы перешелъ на сторону побѣдителя. Очень способный къ интригѣ, онъ воспользовался герцогиней Курляндской, чтобы приблизиться ко двору, и служилъ ей, составивъ цѣлую приверженную ей партію, центромъ которой была очень живая и вліятельная особа, княгиня Волконская, урожденная Бестужева. Анна Иоанновна, которую ея Курляндское герцогство кормило плохо,

---

\*) Chantreau, Voyage en Russie, 1794.

постоянно \*) и сильно нуждалась въ деньгахъ, и ея друзья удовлетворяли ея требованіямъ, обирая ея сестеръ, кричавшихъ „караулъ“. Получивъ за эти услуги право являться ко двору запросто, ловкій придворный сумѣлъ воспользоваться имъ для своей выгоды. Типичный представитель нѣмцевъ, державшихся „тише воды, ниже травы“, а при послѣдующихъ царствованіяхъ, заявившихъ такія громкія притязанія, Левенвольдъ старался всѣми силами устроить свою карьеру. Красиваго, но ничтожнаго при его прекрасныхъ манерахъ, тратившаго на игру и другія прихоти большія суммы денегъ, получаемыя отъ женщинъ, искуснаго устроителя праздниковъ и интимныхъ пирушекъ, его принялъ съ распростертыми объятіями кружокъ, среди котораго Екатерина вознаграждала себя за лишенія минувшихъ дней. Онъ сдѣлался ея возлюбленнымъ одновременно съ Петромъ Сапѣгой. Съ послѣднимъ, принадлежавшимъ къ одной изъ знаменитѣйшихъ польскихъ семей, въ Россіи появляется новый видъ авантюриста-перебѣжчика, которые при катастрофѣ, постигшей въ недалекомъ будущемъ ихъ родину, должны были заботиться о спасеніи своего достоинства цѣной, обыкновенно уплачиваемой за подобныя компромиссы. Отецъ его, бывшій кандидатомъ на высшую военную должность въ республикѣ, умеръ русскимъ фельдмаршаломъ и секретнымъ агентомъ на жалованіи своихъ новыхъ государей \*\*). Судьба, еще болѣе выгодная, но еще менѣе славная, ожидала его сына. Рассказывали, что Екатерина была крѣпостной двумъ дворянъ; этимъ объясняется ихъ прибытіе въ Петербургъ послѣ возвышенія ихъ бывшей „холопки“.

Вотъ изъ кого состоялъ дворъ! Не извинительно ли, что дипломатическій корпусъ, знавшій только его и, видя, что онъ предавался своимъ естественнымъ склонностямъ, судилъ о правительствѣ по

---

\*) Хмыровъ, *Графиня Головкина и ея время*.

\*\*\*) Иностран. дѣла. Россія. Переписка Маньяна, а позднѣе Берниса съ Опиталемъ. Письма отъ 20 Декабря 1728 г. и отъ 1-го октября 1758 г.

лицамъ, какъ бы составлявшимъ его? Лефортъ, напр. писалъ:

*14 июля 1725 г.* Нѣтъ возможности опредѣлить поведение этого двора. День превращается въ ночь, онъ не въ состояніи позаботиться обо всемъ. Все стоитъ; ничего не дѣлается... Никто не хочетъ взять на себя никакого дѣла... Дворецъ становится недоступнымъ; всюду интриги, искательство, распадъ...

*25 мая 1726.*—Воюсъ прослыть за вряля, если опишу придворную жизнь... Кто повѣрить, что ужасныя попойки превращаютъ здѣсь день въ ночь... О дѣлахъ позабыли; все стоитъ и погибаетъ...

*15 марта 1727.*—Казна пуста; денегъ не поступаетъ, никому не платятъ... Однимъ словомъ, не нахожу красокъ, чтобы описать этотъ хаосъ \*).

Но такъ было только повидимому. Безъ сомнѣнія, Екатерина была неспособна заботиться объ обширномъ хозяйствѣ, выпавшемъ ей на долю и не походившемъ на тѣ, въ которыхъ ей приходилось блистать въ ту пору, когда она стирала бѣлье Меншикова, или позднѣе, когда готовила своему новому хозяину его любимыя блюда. Она была въ состояніи присутствовать на ученіи какого-нибудь полка и находить удовольствіе въ подобномъ зрѣлищѣ. Она снова жила лагерной жизнью, привычной ей въ теченіе столькихъ лѣтъ. А кромѣ того, тамъ можно было видѣть красивыхъ молодцовъ и сдѣлать выборъ между ними. Но, между двумя чарками водки, заботы императрицы, такъ же, какъ и способности ея, не шли дальше этого. Очевидно, она вовсе и не помышляла о томъ, чтобы управлять. А правительство, между тѣмъ, существовало. Оно, правда, не знало въ какую сторону броситься среди хаоса, описываемаго саксонскимъ агентомъ, но все же не погибало въ немъ, безъ чего это царствованіе и послѣдующія, немногимъ отличавшіяся отъ него, навѣрное были бы гибелью Россіи. Царству женщинъ противустояло въ Россіи, какъ и

---

\*) Сборникъ III.

въ другихъ странахъ, естественная противоположная партія, одновременно гибельная и спасительная: фаворитизмъ, историческое значеніе котораго и фізіономію я постараюсь обрисовать. Это явленіе не вполне разрѣшаетъ загадку, сбывавшую съ толку всѣхъ современныхъ наблюдателей: поддержаніе и развитіе огромной державы при условіяхъ, по всѣмъ видимостямъ, способныхъ привести ее къ гибели.

Россія имѣла другія причины для жизни и роста, и я также постараюсь выяснитъ ихъ. Но участіе во власти Меншикова и Потемкина было однимъ изъ необходимыхъ факторовъ этой столь изумительной судьбы.



## Г Л А В А II.

### **Фаворитизмъ.—Меншиковъ.**

I.—Историческое происхожденіе фаворитизма.—Борьба Меншикова съ его соперниками.—Острое столкновеніе.—Учрежденіе Верховнаго Совѣта.—Характеръ и послѣдствіе реформы.—Періодическій упадокъ самодержавія.—Екатерина не имѣетъ никакого значенія.—Самодержавіе и фаворитизмъ въ опасности.—Местъ Меншикова.—II. Вопросъ о престолонаслѣдіи.—Агитація въ пользу Петра Алексѣевича.—Проектъ замужества.—Вмѣшательство Даніи и Австріи.—Графъ Рабутинъ.—Дѣвица Крамеръ.—Петръ Алексѣевичъ, женихъ Меншиковой.—Торжество фаворита.—Смерть Екатерины.—Ея завѣщаніе.—Восшествіе на престоль Петра II.—III. Общіе итоги царствованія.—Участіе Екатерины.—Ничтожество и грязь.—Почему Россія не послѣдовала за ней въ этомъ паденіи.—Страна и ея естественныя богатства.—Задатки силы и причины слабости.—Преобразование безъ преобразователя.—Безсиліе страны продолжать.—Финансовыя затрудненія.—Экономія поневолѣ.—Спасаютъ виѣшность.—Академія наукъ.—Виѣшній престижъ.—Дипломатія Петра Великаго.—Положеніе Европы.—Союзъ съ Франціей.—Причины его неудачи.—Людовикъ XV и Елизавета.—Угрозы войны.—Союзъ съ Австріей.—Присоединеніе Пруссіи.—Первый тройственный союзъ.—Основаніе его и виды въ будущемъ.—Итогъ.—Внутреннее и виѣшнее развитія задержались, но не прекратились.—  
Развитіе продолжается.

### I.

Естественное дополненіе къ окончательной формѣ женскаго правленія—фаворитизмъ—имѣетъ въ Россіи двѣ стороны. Левенвольды и Салъги представляютъ одну изъ нихъ—наиболѣе неприглядную.

Съ Меншиковымъ и Потемкинымъ, въ послѣдствіи, типъ фаворита поднимается до степени политической общественной силы и дѣлается однимъ изъ необходимыхъ колесъ правительственной машины. Уже самодержавіе клонилось къ созданію подобнаго колеса. Я показаль\*), какъ Петръ—частію по личному капризу, а частію по необходимости—создалъ такъ сказать подобіе себѣ, назначая то Ромодановскаго, то Меншикова, своими замѣстителями въ нѣкоторыхъ основныхъ обязанностяхъ самодержавія. Не имѣя государственнаго учрежденія, способнаго снять съ него долю бремени разнообразныхъ обязанностей, лежавшихъ на немъ, обособленное и сосредоточенное въ самомъ себѣ самодержавіе рушилось подъ тяжестью этихъ обязанностей, даже въ томъ случаѣ, если его представителемъ являлась личность исключительной мощи. Екатерина I и ея ближайшіе преемники даже не помышляли о томъ, чтобы нести тяжесть, и она сама собой скатилась на плечи стоявшихъ вблизи. Послѣ смерти Петра, Меншикову оставалось дѣлать только то, что онъ дѣлалъ десятки разъ прежде, когда царь отсутствовалъ или предавался развлеченіямъ. И на другой день послѣ смерти, такъ же, какъ наканунѣ, административные органы—Сенатъ, коллегіи, различные канцеляріи—они оказывались неспособными ни на какую инициативу. Меншиковъ замѣнялъ ее и продолжалъ управлять по-прежнему. Онъ сдѣлался повелителемъ.

По какому праву? Какъ постоянный замѣститель царскаго авторитета, хотя подобное исполненіе неограниченной власти и не было обусловлено никакимъ закономъ. Такова неотъемлемая черта фаворитизма, гдѣ бы онъ ни проявлялся.

Примѣненіе на практикѣ такого режима не обошлось безъ затрудненій. Во время жизни Петра, когда фаворитъ исполнялъ обязанности государя, послѣдній стоялъ позади его, давая свои согласія на временныя распоряженія своего *второго я*. Екатерина желала подражать своему супругу; но у нея не было желѣзной руки рефор-

---

\*) Петръ Великій.



матора, и среди окружающих императрицу Меншиковъ нашелъ себѣ соперниковъ. Герцогъ Голштинскій съ первыхъ дней проявилъ намѣреніе потягаться съ нимъ и не подчиняться высокому, все усиливавшемуся въ этомъ бывшемъ пирожникѣ. Бассевичъ старался еще раззадорить честолюбіе и подозрительность своего герцога. У Меншикова не было ни гибкости, ни такта, чтобы устранить послѣдствіе этого. Однажды, когда онъ представилъ принцу своего восьмилѣтняго сына, мальчикъ вздумалъ встать во время пріема, и всѣ придворные послѣдовали его примѣру; а Меншиковъ и не подумалъ найти излишнимъ подобное выраженіе почтенія. Этотъ инцидентъ вызвалъ скандалъ. Появились и другіе недовольные. Побѣжденные 28 января, но не примирившіеся, Голицыны и Долгорукие, не разставались съ мыслью о конституціонной олигархіи. Внутренняя жизнь страны частью зависѣла отъ пораженій этой борьбы.

Въ концѣ 1725 г. она поведла къ острому столкновенію. Одинъ изъ нѣмцевъ—сотрудниковъ Петра, отысканный имъ незадолго до смерти и предназначенный въ будущемъ къ великой роли, инженеръ Минихъ, былъ занятъ въ это время скромной работой: постройкой Ладожскаго канала. За недостаткомъ другихъ рабочихъ, ему давали солдатъ, и въ 1726 г. онъ потребовалъ ихъ 15,000. Сенатъ намѣревался удовлетворить его просьбу, когда Меншиковъ взялъ на себя доложить высокому собранію, что оно не можетъ располагать ни однимъ человѣкомъ, каково-бы ни было его постановленіе. Подобный способъ рѣшенія вопросовъ былъ совершенъ въ господствующемъ духѣ, но Петра уже не существовало, чтобы санкціонировать его, и результатъ получился иной. Сенатъ выказалъ недовольство. Нѣкоторые его члены выразили намѣреніе не ѣздить болѣе на засѣданія, и распространился слухъ, что возникшее неудовольствіе этимъ не ограничится. Кампредонъ ждалъ революціи. Онъ видѣлъ въ перспективѣ правительство, „приблизительно вродѣ англійскаго“, и слышалъ, что подобный проектъ уже составленъ и тайно посланъ въ украинскую армію, откуда и „начнется движеніе“. Дѣйствительно, идея по-

добнаго конституціоннаго преобразованія носилась въ воздухѣ и голштинская и олигархическая партіи старались осуществить его каждая по своему. Даже въ Сенатѣ, остатки старой знати, ослабленной реформами, сходились съ людьми, недавно возвысившимися, родѣ Ягужинскаго, находя невыносимымъ деспотизмъ фаворита.

Меншиковъ испугался и довольно ловко пошелъ на компромиссъ, отразившійся подобно большинству такого рода перемѣнъ, прежде всего на собраніи, первоначально вызвавшемъ столкновеніе. 3 февраля 1726 года вышелъ указъ объ учрежденіи *Верховнаго Тайнаго Совѣта* изъ девяти членовъ, въ руки которыхъ должны были перейти важнѣйшія, какъ внутреннія, такъ и внѣшнія, государственныя дѣла. Иностранцы не сразу поняли смыслъ подобнаго учрежденія. Кампредонъ видѣлъ въ немъ дѣло самого Меншикова и Толстого, имѣвшее цѣлью утвердить поколебавшійся авторитетъ Екатерины и собственную власть, но не безъ нѣкоторыхъ противорѣчій; а также онъ упорно продолжалъ видѣть въ новомъ учрежденіи переходъ къ англійскому или шведскому образу правленія\*). Это былъ только переходный компромиссъ\*\*). Старая знать получила съ Апраксинымъ и Дмитріемъ Голицынымъ представительство въ совѣтѣ, дававшее возможность удовлетворять ея стремленія и непріязнямъ, а герцогъ Голштинскій засѣдалъ въ Совѣтѣ рядомъ съ Толстымъ и Меншиковымъ. Власть раздѣлили между собой, не позаботившись, однако, опредѣленно разграничить ее. Это послужило, отчасти, причиной неувѣренности общественнаго мнѣнія того времени, находящему еще и теперь отголосокъ въ ученыхъ спорахъ. Но въ сущности произошла только замѣна однихъ лицъ и именъ другими. Учрежденіемъ новаго органа у Сената отнимались три функціи—законодательная, исполнительная и судебная, которыя до того времени принадлежали ему. Теперь ему остались однѣ крохи. Такимъ образомъ реформа получила характеръ

---

\*) Деша отъ 26 февраля 1726. Арх. Ин. Д.

\*\*) Трачевскій, *Исторія Россіи*; Ключевскій, *Лекціи по Русской исторіи*.

простой замѣны. Въ организаціи, полученной имъ отъ Петра, Сенатъ уже представлялъ изъ себя скорѣе Совѣтъ, чѣмъ Палату. Въ немъ засѣдало всего одиннадцать членовъ, большинство которыхъ имѣло еще другія должности, такъ что въ дѣйствительности присутствовало всего трое или пятеро \*). Онъ и теперь еще сохранялъ теоретически, нѣкоторую инициативу въ дѣлахъ законодательства; но ему приходилось уже предлагать свои проекты на разсмотрѣніе Совѣта, вмѣсто того, какъ то дѣлалось прежде, на утвержденіе императрицы. Точно также въ области администраціи и административной юстиціи, гдѣ его полномочія оставались, въ сущности, очень обширными, Совѣтъ отнималъ у него только главенство въ этой обширной компетенціи. Однако, никакимъ текстомъ не было урегулировано распределеніе, такъ что въ первыя минуты возникло, даже среди прямо заинтересованныхъ, сомнѣніе въ дѣйствительности уменьшенія этого главенства—*diminutio capitis*. Послѣдующій указъ отъ 9 февраля еще увеличилъ неувѣренность, приказавъ Сенату „пребываться въ прежнемъ состояніи и достоинствѣ“, и сохранить въ официальной перепискѣ за нимъ наименованіе „Правительствующаго Сената“. Переходъ совершался постепенно, мало-по-малу: указомъ отъ 7 іюля 1727 г. уменьшалась сфера дѣятельности сенаторовъ въ дѣлахъ уголовныхъ: указъ 27 іюля 1727 г. отнялъ у нихъ управленіе Мало-россій. И такъ далѣе.

Въ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ возникновенію и разитію новаго органа, дѣйствительно крылся зародышъ реформы, важной въ другомъ отношеніи, и почти революціи. При болѣе близкомъ взглядѣ, Совѣтъ и его дѣятельность являются слѣдствіемъ внутренней работы, происходившей въ продолженіе вѣковъ въ авторитарическомъ режимѣ подъ двойнымъ вліяніемъ его теоретическаго всемогущества и дѣйствительной слабости—антагонизма между личной властью и принципомъ представительства, вызвавшего въ немъ са-

---

\*) Филипповъ. *Исторія Сената*.

момъ постепенное разложенеіе. Рассмотрѣнное нами столкновение съ его исходомъ можетъ послужить только примѣромъ такого антагонизма, точно такъ же, какъ образование въ прошломъ различныхъ специальныхъ совѣтовъ, во всѣ времена заступавшихъ мѣсто абсолютизма въ эпохи его періодическихъ ослабленій \*). И абсолютизму Екатерины I грозила окончательная гибель въ этой многолѣтней борьбѣ. Протоколы засѣданій новаго совѣта содержатъ въ этомъ отношеніи весьма назидательныя указанія. 23 декабря 1725 г. члены совѣта послѣ засѣданія въ отсутствіи ея величества перешли въ апартаменты императрицы, и... прежде послушали какъ играютъ куранты недавно купленныхъ часовъ, а затѣмъ государыня сооблаговолдила принять докладъ, чтеніе котораго продолжалось полчаса. Послѣ того она отправилась обѣдать, пригласивъ и совѣтниковъ къ столу. Она отдала дѣламъ все вниманіе, на какое была способна. Въ слѣдующемъ году, съ 1-го января по 6 мая, день ея смерти, она ни разу не присутствовала въ засѣданіяхъ совѣта \*\*).

Такимъ образомъ примѣняемое самодержавіе превращалось въ совершенную фикцію. И скоро совѣтъ ограничилъ эту фикцію даже въ томъ, что, долше всего сохраняется изъ всѣхъ внѣшнихъ проявленій власти, обреченныхъ на погибель: ни въ формулѣ присяги, приносимой совѣтниками; ни въ указахъ, исходившихъ изъ Совѣта,—нигдѣ Екатерина не называется *самодержицей*. Потому что они, эти совѣтники, имѣли—или присвоили себѣ—право законодательной дѣятельности *motu proprio*. Вопросъ этотъ былъ спорнымъ и не рѣшенъ окончательно и до сихъ поръ; но указъ отъ 4-го августа 1756 г., *измѣненный* Совѣтомъ уже послѣ подписанія его императрицей, повидимому, рѣшаетъ споръ. Мѣра была принята въ отсутствіи Меншикова и направлялась противъ него, а именно противъ

---

\*) Сергіевичъ. *Лекціи по исторіи русскаго права.*

\*\*) Протоколы Совѣта, опубликованные въ *Сборникѣ*. Сравн. Филиппова.

обычая устныхъ распоряженій, имѣвшихъ силу закона, давать которыя фаворитъ присвоилъ себѣ привилегію. Тѣмъ болѣе знаменательнъ поступокъ совѣта. По буквѣ, указы Совѣта всегда бывали *именные*, отъ имени императрицы, такъ какъ предполагалось, что она предсѣдательствовала на всѣхъ собраніяхъ. Мы видѣли, какъ оправдалось это предположеніе \*).

Захватъ власти, осуществленный такимъ образомъ, получилъ, наконецъ, вполне законное и неопровержимое признаніе въ завѣщаніи Екатерины, которымъ во время малолѣтства великаго князя Петра Алексѣевича за регентствомъ признавались всѣ права самодержавнаго государя \*\*).

Первымъ, для чего совѣтники воспользовались этими правами, было: не обратить никакого вниманія на послѣднюю волю императрицы въ другихъ отношеніяхъ. Но со временемъ, борьба, склонявшаяся какъ будто къ пораженію самого фаворитизма, какъ прямого продукта единодержавія, и къ исключенію его изъ будущихъ судьбъ страны, доставила Меншикову самый блестящій случай взять реваншъ; такъ что онъ одно время былъ въ состояніи составить противовѣсъ судьбѣ своихъ противниковъ и направить имъ во вредъ всѣ свои прежнія преимущества.

---

\*) Взгляды Г. Филиппова, которыхъ я придерживаюсь, оспаривались М. Алексѣевымъ, вначалѣ какъ бы раздѣлявшимъ ихъ въ „*Исторіи русскаго политическаго права*“; но затѣмъ ставшаго на сторону противоположнаго мнѣнія. См. брошюру: *Легенда объ Олгархическихъ стремленіяхъ Верховнаго Совѣта*.

*Валлишевскій.*

\*\*\*) Великій князь Петръ Алексѣевичъ имѣеть быть сукцессоромъ... 3) Во время малолѣтства имѣють администрацію нести наши объ цесаревны, герцоги и прочіе члены Верховнаго Совѣта, который обще изъ 9 персонъ состоятъ имѣеть... 5) И симъ имѣеть колную власть правительствующаго самодержавнаго государя, такого опредѣленія о сукцессіи ни въ чемъ не отмѣнять.

*Изъ завѣщанія Екатерины.*

## II.

Выборъ, сдѣланный партизанами Екатерины, вручившими ей власть самодержицы, скоро являлся передъ ними въ своемъ настоящемъ свѣтѣ, т. е. въ свѣтѣ поступка очень необдуманнаго. Екатеринѣ шель пятидесятый годъ, и ея здоровье, уже сильно пошатнувшееся, требовало осторожности, о которой она и думать не хотѣла, предаваясь удовольствіямъ и кутежамъ подъ всѣми видами. Скоро стало ясно, что она долго такъ не протянетъ, и возможность ея близкой смерти ставило создателей ея карьеры въ очень затруднительное положеніе. Если бы наслѣдникомъ оказался сынъ Алексѣй или одна изъ дочерей Петра, Меншикову и Толстому грозила бы одинаковая опасность. Отъ мужа герцогини Голштинской имъ нечего было ждать ничего хорошаго. Сестра ея, Елизавета, которую тщетно старались пристроить во Францію—мы еще вернемся къ этому эпизоду—нашла въ 1726 г. партію гораздо менѣе блестящую, и также въ голштинской семьѣ. Ея женихъ, двоюродный братъ ея деверя, братъ одного изъ многочисленныхъ претендентовъ на курляндскій престолъ а, пока что, епископъ (любекскій), умеръ до свадьбы, и задача осталась прежней. Человѣкъ, за котораго Елизавета могла выйти со временемъ, могъ также оказаться врагомъ. Остерманъ, будущій государственный человѣкъ, уже начинавшій выдвигаться, встречивъ было фаворита и его друзей своимъ предложеніемъ соединить обѣ соперничавшія вѣтви потомства Петра бракомъ между теткой и племянникомъ, между Елизаветой и сыномъ Алексѣя. Церковь не дозволяла такого союза, но уже само возникновеніе подобнаго проекта при всей его невыполнительности указывало, что всѣ убѣждены въ невозможности, чтобы молодой великій князь былъ обойденъ вто-

рично. И духовенство, и народъ видѣло въ немъ законнаго наслѣдника. Архимандритъ нижегородскаго монастыря, Исаѳа, поминалъ на ектеніяхъ „Благочестивѣйшаго великаго государя нашего Петра Алексѣевича“, и когда ему возражали, отвѣчалъ: „Хотя мнѣ голову отсѣвьте, буду такъ поминать, а противъ присланной формы (Благовѣрнаго великаго князя) поминать не буду, потому что оны нашъ государь и наслѣдникъ. Въ тайную канцелярію то и дѣло доставляли мужичья и женщія, виновныхъ въ томъ, что они высказывали подобныя же взгляды \*)“.

Предписаніе церквамъ поминать на ектеніяхъ цесаревенъ прежде царевича, первенство, отданное герцогу Голштинскому передъ маленькимъ Петромъ въ официальныхъ церемоніяхъ, только раздражали общественное мнѣніе, которому постоянно чудилось вмѣшательство вооруженной силы. Опять пошла толка объ украинской арміи. Говорили, что она уже на пути.

Безъ сомнѣнія неожиданное выступленіе, посредствомъ котораго Меншиковъ въ 1726 г. вздумалъ бороться съ Морицомъ Саксонскимъ въ Курляндіи и водвориться тамъ вмѣсто его, было слѣдствіемъ подобнаго тревожнаго положенія вещей. Я ниже коснусь того, какъ авантюра окончилась неудачей для обоихъ претендентовъ. Но Меншиковъ не замедлилъ подыскать себѣ исходъ гораздо болѣе выгодный.

Возможность восшествія на престолъ одной изъ дочерей Екатерины угрожала также Даніи изъ-за шлезвигскаго спора. Сознывая свое безсиліе устранить опасность одними собственными силами, датскій министръ Вестфаль обратился къ своему коллегѣ, австрійскому послу. Петръ Алексѣевичъ приходился племянникомъ германской императрицѣ, что создавало для представителя Германіи привилегированное положеніе. Принадлежавшій къ древней бургундской фамиліи, родственной по матери голштинскому дому (она была князес-

---

\*) Соловьевъ. *Исторія Россіи*. Т. XIX. Ссылка на „Дѣла Тайной Канцеляріи“ въ Государственномъ Архивѣ.

сой Голштинъ-Визенбургской и происходила отъ вѣтви этой фамиліи, поселившейся въ Саксоніи и Силезіи) графъ Рабутинь имѣлъ связи въ обоихъ лагеряхъ и поэтому пользовался большимъ вліяніемъ. Онъ придумалъ, чтобы уладить все, исходъ еще болѣе своеобразный, чѣмъ планъ Остермана.

У Меншикова было двѣ дочери, для которыхъ онъ мѣтилъ очень высоко. Онъ отказалъ принцу Ангальтъ-Дессаускому, сватавшемуся за одну, подъ предлогомъ, что мать принца слишкомъ низкаго происхожденія. Говорили, что она была дочерью аптекаря. Старшая, красивая, граціозная и скромная по словамъ современниковъ—Марія Александровна, съ 1727 г. была невѣстой Петра Сапѣги. Она обожала своего жениха, что было вовсе не по душѣ Екатеринѣ, которая все отсрочивала свадьбу. Вдругъ императрица рѣшилась разстроить ее совсѣмъ и выдать за Сапѣгу свою племянницу Скаронскую, вѣроятно надѣясь, что та не будетъ такъ же расположена къ своему мужу. Сапѣга благодушно покорился, но Меншиковъ ворчалъ, говорилъ о вознагражденіи, которое ему обязаны дать, и Рабутинь подвернулся какъ разъ ксатати, указавъ ему этотъ проектъ, до котораго самъ фаворитъ, несмотря на свое безграничное честолюбіе, можетъ быть и не додумался бы. Во всякой другой странѣ проектъ сочли бы безумствомъ; но ловкій дипломатъ зналъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло. Дѣвица Крамеръ получила 30,000 червонныхъ, чтобы расположить императрицу въ пользу проекта\*), и въ мартѣ 1727 г. по Петербургу разнеслась вѣсть, что Петръ Алексѣевичъ назначенъ по завѣщанію Екатерины ея наслѣдникомъ, и что онъ женится на дѣвицѣ Меншиковой, а отецъ послѣдней по этому случаю получаетъ отъ императора Карла VI грамоту на владѣніе герцогствомъ Козель въ Силезіи съ принятіемъ въ число владѣтельныхъ князей европейскихкихъ.

Напрасно обѣ цесаревны бросились къ ногамъ матери, умолая

---

\*) Щербатовъ, *Записки*, 1828; Долгоруковъ, *Записки*.



ее не наносить такого позора дому Романовыхъ; Меншиковъ одержалъ верхъ, найдя сильную поддержку во главѣ старой вельможной партіи, Дмитрія Голицынѣ, не видѣвшемъ другого средства возвести на престолъ сына Алексѣя. Можно себѣ представить ярость и гнѣвъ Толстого, которому измѣнилъ его другъ, и теперь грозили навѣрное преслѣдованія. Онъ пытался оказать отчаянное сопротивленіе. Обманутый Апраксинымъ, всегда малодушнымъ, лишенный поддержки Ягужинскаго, котораго Меншиковъ благоразумно удалилъ подѣ предложомъ порученія въ Польшѣ, Толстой нашель союзниковъ только въ лицахъ, имѣвшихъ мало вліянія: въ Бутурлинѣ и Девьерѣ \*). Да и эти не сходились между собой. Девьеръ склонялся на сторону Анны Петровны, походившей, по его словамъ, на отца, а Толстой предпочиталъ Елизавету, потому что мужъ герцогини Голштинской, безъ сомнѣнія смотрѣлъ на Россію только какъ на ступень къ шведскому престолу. Стокгольмъ еще сохранялъ престижъ въ Петербургѣ! Никто не отваживался на рѣшительный шагъ у Екатерины. Одинъ сваливалъ порученіе на другого. Прошли ведѣли и мѣслцы въ бездѣйствіи, какъ вдругъ 10 апрѣля 1727 г. Екатерина заболѣла. Уже 8 марта Лефортъ писалъ на своемъ варварскомъ французскомъ языкѣ: „Царица, повидимому, серьезно больна опухолью въ ногахъ, поднимающейся къ бедрамъ и не предвѣщающей ничего хорошаго. Считаютъ, что причина—злоупотребленіе спиртными напитками \*\*).

Сила будущаго тестя, будущаго императора, зависѣвшая отъ его положенія, вполнѣ проявилась по этому случаю такъ же, какъ полное ничтожество всѣхъ правительственныхъ учрежденій, когда какое-нибудь изъ ряда вонъ выходящее обстоятельство требовало ихъ вмѣшательства. Меншиковъ вполнѣ забралъ Верховный Совѣтъ въ свои руки, и онъ творилъ его волю. Было рѣшено считать Петра Алексѣе-

---

\*) Настоящая фамилія этого авантюриста-португальца была, повидимому, де Віейра.

\*\* ) Hermann.

вича несовершеннолѣтнимъ до 16 лѣтъ, а регентомъ на это время быть его тестю хотя по праву управлять долженъ былъ Совѣтъ.

При совершеннолѣтіи племянника, двѣ цесаревны, Анна и Елизавета, должны были получить каждая по 1,800,000 рублей и брилліанты матери, раздѣленные поровну.

Толстой счелъ свое дѣло потеряннымъ и притихъ. Но Меншикову были извѣстны всѣ его прежніе происки, и онъ воспользовался нѣкоторыми необдуманнми поступками Девьера, чтобы устранить всѣхъ участниковъ заговора. У него были, кромѣ того, старые счеты съ португальцемъ, съ которымъ ему пришлось поневолѣ породниться, выдавъ за него свою сестру. Девьеръ былъ арестованъ. Обвинительный актъ противъ несчастнаго былъ образцомъ уголовного процесса того времени. Девьера обвиняли въ томъ: 1) что онъ не только не былъ въ печали при жестокой болѣзни параксизмуса ея величества, но и веселился и плачущуюся Софью Карлусовну (Скавронскую), племянницу императрицы вертѣлъ вмѣсто танцевъ и говорилъ ей: „Не надобно плакать“. 2) Въ другой палатѣ самъ сѣлъ на кровать и посадилъ съ собой его высочество великаго князя и нѣчто ему на ухо шепталъ; въ тотъ же часъ и государыня цесаревна Анна Петровна въ безмѣрной бывъ печали и стоявъ у стола плакала; и въ такой печальный случай онъ, Девьеръ, не вставъ противъ ея высочеста и не отдавъ должнаго рабскаго респекта, но со злой своей придерзостью говорилъ ея высочеству, сидя на той кровати: „О чемъ печалишься, выпей рюмку вина!..“ 4) Его высочество напоминалъ, что его высочество сговорилъ жениться, а они за нею (за невѣстою его) будутъ волочиться, а его высочество будетъ ревновать“.

Всѣ эти обвиненія служили, конечно, только предлогомъ, чтобы начать розыскъ съ его обычными приемами—пыткой и кнутомъ. Въ застѣнкѣ Девьеръ признался въ своемъ сообщничествѣ съ Толстымъ и Бутурлинымъ. Послѣдній, имѣвшій вліятельныхъ родственниковъ, отдѣлялся ссылкой въ свои помѣстья. Двое другихъ были „лишены чина, чести и деревень“ и сосланы въ Сибирь. Относительно Девье-

ра еще прибавлено по приказанію Меншикова: „Девьеру, при ссылкѣ, учинить наказаніе, бить кнутомъ“ \*).

Но, казалось, очевиднымъ, что и обѣ цесаревны принимали участіе въ заговорѣ. Испуганный герцогъ Голштинскій поспѣшилъ вступить въ соглашеніе съ временщикомъ черезъ посредство Бассевича, и Меншиковъ оказался сговорчивымъ, согласившись на то, чтобы обѣимъ цесаревнамъ было выдано немедленно по милліону и чтобы онѣ не были забыты при установленіи порядка будущаго престолонаслѣдія. Герцогъ даже добился утвержденія обѣщанія, даннаго Петромъ, поддержать при случаѣ притязанія его (герцога) на шведскую корону. Все это должно было найти себѣ мѣсто въ завѣщаніи императрицы, новую редакцію котораго составилъ Бассевичъ. Меншиковъ же взялъ на себя заботу о подписаніи его государыней. Наконецъ, изъ милліона, назначеннаго принцессѣ Голштинской, фаворитъ выговорилъ себѣ 60,000 рублей, не ожидая, что ему скоро придется отвѣтить за это мошенничество.

Все это происходило въ первыхъ числахъ мая. Екатерина умерла, и тотчасъ же завѣщаніе, устанавливающее права Анны и Елизаветы, на тотъ случай, если бы Петру Алексѣевичу пришлось умереть безъ наслѣдниковъ, было прочитано въ присутствіи членовъ императорской фамиліи, членовъ Верховнаго Совѣта, Сената, Синода и Генералитета. Завѣщаніе явно нарушало законъ престолонаслѣдія, установленный Петромъ Великимъ, такъ же, какъ законъ естественный, все не упоминая о законныхъ дочеряхъ Ивана, *старшаго брата*, передъ которыми было оказано предпочтеніе *незаконнымъ* дочерямъ *меньшого брата*. Сапѣга, не отходившій отъ смертнаго одра императрицы, утверждалъ, что она ничего не подписывала. Но большинство было удовлетворено признаніемъ, наконецъ, правъ сына

---

\*) Дѣло Девьера въ Государственномъ Московскомъ Архивѣ. Соловьевъ. Костомаровъ—*Монографіи* XVI. Алабинъ—*Біографія Бутурлина* въ „Русской старинѣ“.

Алексѣя. Всѣ поздравляли молодого императора, какъ поздравляли Екатерину, а народъ принялъ это новое царствованіе такъ же, какъ предыдущее, не спрашивая о причинахъ. Секретарь императорскаго кабинета, Макаровъ, увѣдомилъ о востествіи на престолъ Петра главное лицо тогдашней Москвы—графа Мусина-Пушкина любопытнымъ письмомъ, гдѣ Петръ II является одновременно государемъ по завѣщанію, по избранію и по наслѣдству: „По ея величества *тестаменту*, учинено *избраніе* на престолъ Россійскій новымъ императоромъ *наслѣдственному* государю, его высочеству великому князю Петру Алексѣевичу.

Екатерина царствовала два года и два мѣсяца. Я постараюсь теперь подвести итоги этого царствованія съ двойной точки зрѣнія: внутренней и вѣшной политики.



---

<sup>7)</sup> Соловьевъ. Ссылка на Записную книгу кабинета въ Государст. архивъ и о слухахъ относительно подложности завѣщанія на донесеніе Лефорта.

### III.

Личное участіе Екатерины въ этомъ правленіи не велико, какъ уже было указано. Оно вначалѣ ограничилось раздачей наградъ и рядомъ мѣръ, вознаграждавшихъ многочисленныхъ болѣе или менѣе важныхъ опальниковъ прошедшаго царствованія. Въ Петербургѣ появилась цѣлая толпа какъ бы выходцевъ съ того свѣта: Шафировъ, Скавронскій-Писаревъ, Лестокъ и монахъ Суздальскаго монастыря, замѣшанный въ дѣлѣ Евдокіи, а также друзья несчастной царицы и родственники Глѣбова. Ушакову, палачу Монса и его сообщниковъ, было поручено вернуть изъ Сибири повѣренную преступной любви, чуть было не погубившей Екатерину, Матрену Балкъ и ея дѣтей. Секретарь казеннаго любовника, Столѣтовъ, шутъ Балакиревъ, тоже запутанный въ трагическомъ процессѣ, были возвращены изъ ваторжныхъ работъ, а документы, относящіяся до этого знаменитаго процесса, запечатаны, за исключеніемъ одного письма, вѣроятно, особенно компрометирующаго, которое было сожжено \*).

Одна только Евдокія не воспользовалась милостями императрицы. Ее, правда, вывели изъ монастыря, гдѣ она была заточена, но только для того, чтобы помѣстить въ болѣе надежную тюрьму: въ Шлиссельбургскую крѣпость. Правда, на ея содержаніе были назначены достаточныя суммы; но это не мѣшало ей временами даже голодать. Деньги расходились по рукамъ тюремщиковъ, а Екатеринѣ некогда было наблюдать за ихъ употребленіемъ.

Она веселилась. А если и случалось ей вмѣшиваться въ дѣла правленія, то не къ пользѣ ихъ. Какъ мы видѣли, она присутство-

---

\*) Семевскій, *Екатерина Алексѣевна*.

вала на парадахъ, и вздумала также присутствовать на морскихъ ученіяхъ и сама руководить морскими маневрами. Но это не мѣшало генераль-адмиралу Апраксину замѣчать, что у его матросовъ нѣтъ одежды, даже иной разъ рубашекъ. Суда старѣли и не возобновлялись. Въ продолженіе всего царствованія спустили только два линейныхъ корабля. Въ 1726 г. было приказано вооружить войско, но не оказалось денегъ. Адмиралу пришлось выдать займы 2000 рублей изъ своего кармана на неотложныя нужды \*). Петръ обрѣлъ въ Мариенбургской плѣнницѣ подругу, подходящую къ его вкусамъ и привычкамъ; но она всегда была только вьющимся растеніемъ, обвиняющимся вокругъ могучаго ствола. Когда великанъ-дубъ палъ, то она расплосталась по грязи, вернувшись къ ничтожеству.

Предположивъ, что Россія послѣдуетъ за Екатериной въ этомъ паденіи, современные наблюдатели сильно ошибались также и относительно того, что составляло сущность и величіе предыдущаго царствованія. Необузданная энергія и героическая мощь преобразователя работали надъ организмомъ, сильнымъ уже самомъ по себѣ и способнымъ существовать и даже расти дальше, извлекая изъ собственныхъ запасовъ элементы силы и роста. Конечно, теперь, казалось, отсутствовалъ импульсъ, заставившій страну однимъ скачкомъ перескочить черезъ стадіи прогресса, въ другихъ мѣстахъ измѣряемая вѣками. Народная масса, ничего не появившая въ реформахъ, не имѣла ни желанія, ни возможности продолжать идти этимъ путемъ, цѣль котораго не видима, тѣмъ же шагомъ, уже начавшимъ утомлять даже самого Петра. Для того же, чтобы продолжать личное дѣло реформатора, у его естественныхъ наслѣдниковъ, кромѣ Екатерины, съ Меншиковымъ во главѣ, не хватало ни направляющей идеи, ни даже техническихъ званій. Петръ ихъ приставилъ къ работѣ, какъ самъ за нее сталъ, безъ подготовки, безъ согласованія между поставленной задачей и способностью ее выполнить. Онъ также не давалъ

---

\*) Веселаго: *Исторія флота*.

себѣ труда посвятить своихъ сотрудниковъ въ общій планъ заданія, которое намѣревался строить. Большинство не знало ни цѣли, ни назначенія мелкихъ подробностей, поручаемыхъ ихъ выполненію. Наконецъ, большая часть была искателями приключеній, видѣвшими въ этой работѣ только заработокъ или способъ сдѣлать карьеру. Предоставленные самимъ себѣ, они пошли къ тому, что ихъ больше интересовало, а главное, занялись придворными происками.

Царствованіе Екатерины составило застой въ начавшемся развитіи. Но, можетъ быть, это еще не было несчастьемъ. Дѣйствительно, кажется, что Петръ своими колоссальными размѣрами и блескомъ своего генія заслонялъ неспособность страны выдержать, пока, въ общемъ эту цивилизацію, которую на нее навалили. Точно также при введеніи новаго порядка вещей, нѣкоторые недостатки слишкомъ поспѣшной постройки укрѣпились отъ взгляда преобразователя, а теперь выступали наружу. Въ этой странѣ—какъ я уже сказалъ и какъ показало близкое будущее—скрывались ресурсы огромные, но еще мало пригодные для употребленія ихъ согласно ученымъ формуламъ западной экономіи: была масса человѣческихъ жизней, которыми можно было распорядиться; не было недостатка въ людяхъ, преданныхъ и мужественныхъ, но богатыхъ было немного; больше подданныхъ, готовыхъ идти на смерть за своего государя, чѣмъ способныхъ отдать хотя нѣсколько рублей въ его казну. Крѣпкая вѣра реформатора въ быстрое развитіе промышленности и торговли, недавно созданныхъ, не подтвердилась. Доходы не только не увеличивались, но, напротивъ, уменьшались въ ужасающихъ размѣрахъ. Въ 1725 г. едва-едва собирали десять милліоновъ рублей—нищенство для большой европейской державы, которую приходилось поддерживать на извѣстной ногѣ. А въ ближайшіе годы доходы спустились даже до 8 милліоновъ! Это явленіе не трудно объяснить, если вспомнить о современномъ распредѣленіи общественныхъ и экономическихъ силъ. На долю промышленнаго и торговаго класса приходилось въ 1722 г.—годъ первой *ревизіи*—всего 2,9%, т. е. 172,000 душъ

на шесть миллионѣвъ, составлявшихъ населеніе Великой Россіи. Въ послѣдующее пятидесятилѣтіе приростъ въ этомъ отношеніи самый незначительный, и цифры поднимаются только на 196 тысячъ и 6,400,000. Для всей имперіи данныя, собранныя однимъ современнымъ дипломатомъ, Вокеродомъ \*), оказываются еще менѣе утѣшительными. Дворянство, чиновники и духовенство составляютъ 3,8%, 1,5% и 2,3% горожанъ. А остальные? Остальные, т. е. 90% были крестьяне. Новый режимъ, навязанный странѣ, ложится особенно тяжело и именно на этотъ послѣдній классъ, единственный дѣйствительно продуктивный, и одинъ онъ не былъ въ состояніи вынести этой тяжести. Уже въ 1724 году оказалось миллионъ недоимокъ отъ невзноса подушной подати, т. е. 25%. Административная система, введенная Петромъ, сама по себѣ была создана, чтобы дѣлать болѣе тяжелой непропорціональную тяготу податей, лежавшую на этихъ единственныхъ плательщикахъ. Въ основаніи этой системы лежали два элемента весьма различнаго происхожденія и значенія: коллегіальная организація и привлеченіе къ дѣлу мѣстныхъ силъ — первое происхожденіе заграничнаго, второе — освященное народной традиціей. Первый элементъ оказался на практикѣ совершенно непригоднымъ, я, уничтожая его, наслѣдники великаго человѣка только повкиновались инстинкту самохраненія, второе начало могло и должно было дать хорошіе результаты въ будущемъ; но опыты, дѣлаемые съ его приложеніемъ, безъ Петра, показались преждевременными. Въ этомъ отношеніи, какъ во многихъ другихъ, преобразование безъ преобразователя походило на машину, которую лишили двигателя.

Вмѣстѣ съ гениемъ у Петра была вѣра, способная сдвинуть горы. Но подобныя чудеса не бываютъ продолжительны. Предполагали, что постепенная націонализація административныхъ учреждений, заимствованныхъ извнѣ, входила въ общій планъ, задуманный реформаторомъ, и я согласенъ признать это, хотя онъ и не высказалъ

---

\*) *Russland unter Peter dem Grossen.*



своихъ намѣреній въ этомъ отношеніи; но во всякомъ случаѣ, эта задача превосходила способности его преемниковъ. Она довольно ясно сознавали каково было унаслѣдованное ими положеніе вещей. Была учреждена подъ предсѣдательствомъ Дмитрія Голицына коммиссія для разсмотрѣнія состоянія городовъ и деревни и отысканія способовъ удучшенія фиска, представители котораго были изъ рукъ вонъ плохи, что и вело всѣхъ къ раззоренію. Коммиссія указала совершенно справедливо на слишкомъ большое число чиновниковъ, занятыхъ распределеніемъ податей, на тиранію мѣстныхъ властей, на неудобства отъ постоя войскъ въ округахъ, какъ на причины все усиливающагося истощенія. Лекарство было найти гораздо труднѣе, да и некогда оказалось искать его. Придворныя интриги, борьба партій захватили всѣ умы. Сражались за Меншикова или противъ него и, между прочимъ, додумались только—для выхода изъ затрудненія—вернуться къ практикѣ XVII вѣка — когда *воеводы* были одновременно въ своихъ областяхъ и администраторами, и судьями, и собирателями податей. Народъ, правда, прозвалъ ихъ „волками лютыми“, но подобныя вещи легко забываютъ, когда возвращаются къ старымъ порядкамъ, что въ обычаѣ у всѣхъ странъ. Прибавили висѣлицъ для лихоимцевъ и вымогателей, надѣясь съ помощью подобной предосторожности положить конецъ злоупотребленіямъ. Но положеніе дѣлъ не улучшалось; поступленія все падали. Тогда рѣшили уменьшить расходы. Не только отказались отъ достройки зданія по широко задуманному архитекторомъ плану, но даже склонялись пожертвовать нѣкоторыми частями уже возведенными или строящимися. Даже въ области народнаго образованія—этомъ краеугольномъ камнѣ цивилизующаго зданія—паролемъ стало примѣненіе самой строгой экономіи, и въ октябрѣ 1726 г. указъ объявилъ сліяніе свѣтскихъ школъ съ духовными семинаріями, уничтожая однимъ почеркомъ пера одно изъ важнѣйшихъ созданий реформы.

Сохранился только фасадъ съ его декоративной внѣшностью, выстроенный Петромъ Великимъ нѣсколько напоказъ. Екатерина I въ

этомъ отношеніи какъ будто исполняла гордыя слова, которыми начала свое царствованіе, говоря, что съ помощью Божьей она надѣется выполнить всѣ начинанія своего супруга. Она осуществила учрежденіе Академіи наукъ, задуманное великимъ человѣкомъ, и въ странѣ, гдѣ девять десятыхъ жителей не умѣли читать, снарядила экспедицію Беринга, намѣченную въ предыдущемъ царствованіи. Берингъ былъ датчанинъ, а Блуентростъ, президентъ Академіи—нѣмецъ, и кичась ихъ подвигами и работами, Россіи какъ будто щеголялъ въ чужихъ перьяхъ, отнимая въ то же время отъ употребленія менѣе тщеславнаго, но болѣе полезнаго средства, которыхъ, какъ мы видѣли, не хватало на самыя насущныя потребности. Но крайности, повидимому, составляютъ во всѣхъ направленіяхъ и отношеніяхъ одинъ изъ законовъ, управлявшихъ развитіемъ этой страны. Повидимому, задыхаясь и обнищавъ, она въ то же время являлась способной поддерживать, во всей его неприкосновенности съ вѣшной стороны, политическое наслѣдіе Петра. Соратники Петра—Долгорукій, Матюшкинъ, Левашовъ защищали его завоеванія въ Персіи; Голицынъ наблюдалъ за новыми украинскими границами, Менгденъ—за австрійскими; Бухгольцъ за сибирскими; Алексѣй Головинъ въ Берлинѣ, братъ его, Иванъ, въ Гагъ, Куракинъ—въ Парижѣ, Ланчинскій—въ Вѣнѣ, Головинъ—въ Стокгольмѣ; Ненлюевъ и Румянцевъ—въ Константинополѣ—сохранили только что родившейся дипломатіи весь престижъ, который она уже успѣла приобрѣсти. Даже въ Китаѣ Савви Владиславовичу Рагузинскому удалось вступить въ сношеніе съ мандаринами, благодаря іезуитамъ, помощи которыхъ онъ попросилъ не колеблясь, выказавъ при этомъ терпимость, примѣръ которой далъ Петръ, общавъ ордену способствовать его членамъ, корреспондентамъ и миссіонерамъ проѣздъ по Россіи. Съ другой стороны, успѣвъ взять на жалованіе несчастнаго грузинскаго царя Бахтанга, эта дипломатія выказала все разнообразіе и обиліе средствъ, находившихся въ ея распоряженіи для разрѣшенія важнаго восточнаго вопроса.

И зять Петръ оставилъ положеніе, полное затрудненій и опасно-

стей. Европа, какъ извѣстно, скоро послѣ восшествія на престолъ Екатерины оказалась раздѣленной на два лагера. Австрія соединилась съ Испаніей, чтобы отнять Гибралтаръ у Англіи. Существовалъ проектъ брака между Маріей Терезіей и Донъ Карлосомъ, сыномъ второй жены Филиппа V. Скипетръ, находящійся такимъ образомъ въ рукахъ испанскаго принца, долженъ былъ установить гегемонію Австріи въ Италіи, гдѣ Парма, Піаченца и Тоскана, упроченныя за Донъ-Карлосомъ, присоединялись къ его владѣніямъ—Неаполя и Сициліи. На Вѣнскій трактатъ, подписанный 30 апрѣля 1725 г. императоромъ и Испаніей съ такими намѣреніями, Англія отвѣтила въ слѣдующемъ сентябрѣ мѣсяцѣ Ганноверской конфедераціей, въ которую привлекла, несмотря на оппозицію Вальпола, Пруссію и Францію. Пруссія не долго оставалась въ немъ. На поляхъ доклада о выгодахъ подобнаго союза, представленнаго министрами королю Фридриху Вильгельму, онъ написалъ: „Я невѣста, за которой гонятся. Поэтому и я желаю имѣть что-нибудь осязательное взамѣнъ; иначе никто меня не получитъ“. Онъ до безконечности варіировалъ это желаемое возмездіе: то являлись претензіи Пруссіи на Юлихъ и Бергъ, то требовалась гарантія въ мекленбургскомъ наслѣдствѣ, безъ которыхъ король считалъ для себя невозможнымъ начать кампанію. Наконецъ, всѣ отъ него отвернулись, рѣшившись переимѣнить планъ. Положеніе, занятое Россіей, сильно вліяло на его колебанія.

Въ политическое наслѣдіе Петра входили отношенія съ Англіей, если не прямо враждебныя, то по крайней мѣрѣ очень натянутыя. Въ дѣйствительности дипломатическія сношенія были прерваны. Кампредонъ старался возстановить ихъ. Готовился франко-русскій союзъ, который влекъ за собой примиреніе съ Англіей. Къ несчастью, это было зданіе, воздвигаемое на иллюзіи. Екатерина, послѣ смерти Петра, положила въ основаніе его невозможное требованіе: женитьбу Людовика XV на Елизаветѣ. По моему мнѣнію, принесеніе въ жертву естественныхъ интересовъ Россіи повсюду, гдѣ они приходили въ соприкосновеніе съ интересами Франціи, Турціи, Даніи, Швеціи и

Польша, даже оплаченные подобной цѣной, не имѣло себѣ оправданія. Уже одинъ вопросъ о владѣніи Шлезвигомъ, гарантированномъ Франціей и Англіей Даніи, образовалъ съ этой стороны пропасть. Въ Версалѣ, собственно говоря, никогда и не обсуждали серьезно подобнаго проекта. Подлинный отчетъ объ этихъ переговорахъ, имѣвшихъ слѣдствіемъ многочисленныя недоразумѣнія, не оставляютъ сомнѣнія въ этомъ отношеніи. 11 апрѣля 1725 г. Екатерина, давая аудіенцію Кампредону, заговорила по-шведски, чтобъ не быть понятой окружающими. Она увѣряла французскаго посланника, что „предпочла бы дружбу съ Франціей дружбѣ всѣхъ прочихъ европейскихъ державъ“. И въ тотъ же день императрица отказалась отъ болѣе подробныхъ объясненій; Меншиковъ отправился къ Кампредону и открыто заговорилъ о бракѣ, высказывая большую уступчивость въ условіяхъ; даже, обѣщая, что Елизавета приметъ католичество! Посланникъ могъ только сказать, что онъ очень польщенъ предложеніемъ, но просилъ отсрочки, чтобы передать его въ Версалъ и получить оттуда соотвѣтствующія распоряженія. Но прежде еще, чѣмъ его курьеръ вернулся, въ Петербургѣ распространился слухъ о предполагаемомъ союзѣ Людовика XV съ англійской принцессой. Онъ вызвалъ большое волненіе. Но такъ сильно было желаніе смѣшать кровь вонской крестьянки съ самой благородной кровью Европы, что тотчасъ же пошли на уступки. На этотъ разъ посредникомъ выступилъ герцогъ Голштинскій. Онъ заявилъ Кампредону, что готовъ удовлетвориться герцогомъ Орлеанскимъ. Поскакалъ новый курьеръ. Двойной отвѣтъ, привезенный имъ изъ Версаля отъ 21 мая, былъ къ несчастью таковъ, что пришлось положить конецъ всѣмъ надеждамъ. Въ этомъ отвѣтѣ выраженія безконечной благодарности сопровождались категорическимъ отказомъ, едва скрываемымъ подъ нѣсколькими вѣжливыми выраженіями: боялись „какъ бы намѣреніе царицы перевести свою дочь въ иную религію не показалось зазорнымъ ея подданнымъ... и къ тому же герцогъ Орлеанскій уже просватанъ...“

Проектъ союза былъ похороненъ въ тотъ день, когда въ Петер-

бургъ стало извѣстно содержаніе этой депеши. Переговоры по этому вопросу, которые какъ будто намѣревались продолжать, проекты и контрпроекты, принимаемые Кампредономъ какъ бы за серьезные, не обманывали никого во Франціи. Такъ что 8 ноября 1725 г. посланнику было предписано прекратить переговоры, а когда онъ не послушался, то въ декабрѣ ему объявили прямо, что ему нечего дѣлать при царскомъ дворѣ. Русскіе дипломаты старались замаскировать свое пораженіе и уже начатые переговоры съ вѣнскимъ дворомъ. Кампредонъ звалъ о послѣднихъ: Ягужинскій открыто говорилъ о нихъ за столомъ у австрійскаго императорскаго министра, общая „скоро задать страху Англіи и ея друзьямъ“. Въ январѣ 1726 г. самъ французскій посоль передавалъ тревожные слухи, носившіеся по этому поводу: царица и ея Совѣтъ рѣшили напасть на Данію, лишь только море очистится ото льда. Въ Версалѣ не колебались о томъ, какъ слѣдуетъ принять эту угрозу. Кампредону было тотчасъ же поручено отвѣчать на нее „самыми вѣскими представленіями“, сопровождаемыми увѣренностью, что король не преминетъ принять участіе въ вызванныхъ такимъ образомъ враждебныхъ дѣйствіяхъ. О союзѣ уже не было и рѣчи! Вызванная на борьбу Франція взялась за оружіе. Кампредонъ просилъ аудіенціи у императрицы, но не получилъ ея и просилъ прислать ему предписаніе о выѣздѣ, не откланявшись государынѣ. Пахло войной\*).

Къ счастью, до того не дошло. Въ маѣ 1726 г. сильный англійскій флотъ изъ 23 судовъ и датская эскадра, соединенные подъ командой адмирала Уоджера, появился передъ Ревелемъ. Предметъ этой демонстраціи, не принесшей пользы союзникамъ, остался загадкой. Россія очень благоразумно удержала свои корабли подъ защитой естественныхъ прикрытій негостепріимнаго берега и отвѣчала на вызовъ двумя миролюбивыми манифестами (іюнь и августъ 1726) дававшими англичанамъ право свободной торговли у себя. Когда,

---

\*) Переписка Кампредона въ Архивѣ Иностран. Дѣлъ. Россія.

въ сентябрѣ Англія и Данія рѣшились сняться съ якоря и направились къ западу, не выпустивъ ни одного пушечнаго заряда. Россія могла посмѣяться надъ ними и имѣла всѣ выгоды побѣды.

Ея согласіе, данное 6 августа 1726 г. на участіе въ Вѣнскомъ трактатѣ, казалось сначала менѣе благоразумнымъ и еще до сихъ поръ вызываетъ ожесточенную критику. Зачѣмъ это понадобилось Россіи? Какой интересъ былъ для нея обѣщать тридцать тысячъ человѣкъ на службу императору? И обѣщать ему столько же противъ Турціи. Новаго столкновенія съ Турціей возможно было предвидѣть только въ весьма отдаленномъ будущемъ, между тѣмъ какъ германскія поля битвы могли ежедневно потребовать новыхъ вспомогательныхъ русскихъ силъ. Въ этомъ отношеніи считали, что интересы герцога Голштинскаго и Меншикова заняли мѣсто выгодъ, которыя могла бы извлечь Россія изъ этого трактата. Дѣйствительно, императоръ одновременно присоединился къ русско-шведскому договору 1724 г., обѣщавшему герцогу Голштинскому возвращеніе его наслѣдія, и къ самому австро-русскому соглашенію была прибавлена секретная статья въ томъ же смыслѣ. Съ другой стороны и Меншиковъ имѣлъ извѣстныя причины относиться доброжелательно къ Австріи. Однако, все это были второстепенныя и призрачныя комбинаціи, и Швеціи пришлось скоро отдѣлиться отъ русскаго союза, и ея присоединеніе къ ганноверской лигѣ въ мартѣ 1727 года было дѣломъ самого Меншикова. Получивъ 5000 червонныхъ англійскихъ денегъ, временщикъ не поколебался сообщить шведамъ, что въ Верховномъ Совѣтѣ существуетъ большое разногласіе по вопросу о интересахъ герцога Голштинскаго, что Екатерина очень больна, а онъ самъ, Меншиковъ, очень расположенъ предоставить Швеціи полную свободу примкнуть къ какой ей угодно партіи \*).

Изъ всѣхъ документовъ, которые мнѣ пришлось просмотрѣть по этому поводу, совершенно ясно, что герцогъ не сумѣлъ привлечь къ

---

\*) Соловьевъ. *Ист. Рос.* Гл. XIX.

себѣ опредѣленныхъ симпатій на берегахъ Невы. Въ Совѣтѣ и среди овружающихъ Екатерину желали отдѣлаться отъ него, хотя бы принеся для этого денежную жертву.

Такимъ образомъ Швеція оказалась съ Франціей въ одномъ лагерѣ, а Россія въ другомъ; но при этомъ притязанія молодого герцога на наслѣдіе Карла XII и его еще болѣе неоспоримыя права на владѣніе Шлезвигомъ не играли никакой роли. Но, съ другой стороны, не въ силахъ Меншикова было бы связать интересовъ его отечества съ интересами Австріи, если бы обѣ стороны не увлекались по наклону естественнымъ ходомъ ихъ историческаго развитія. Этотъ союзъ также составлялъ часть наслѣдія Петра Великаго, страстно желавшаго его, чтобъ отомстить за пораженіе при Пругѣ, и огорчавшагося, что не удавалось добиться его. Союзъ былъ логическимъ слѣдствіемъ отношеній, созданныхъ Петромъ между Россіей и ея западными сосѣдями.

Не принимавшая никакого участія въ бракѣ дочери Меншикова Пруссія скоро послѣдовала примѣру Австріи. Лавируя и торгуясь направо и налево, Фридрихъ Вильгельмъ незамѣтно увлеклся въ эту сторону. Послѣ смерти Петра, прусскій министръ въ Петербургѣ, Мардефельдъ \*), спросилъ, какой трауръ онъ долженъ носить по царѣ. Король отвѣчалъ: „Какъ по мнѣ“. И при дворѣ трауръ былъ тогда вложенъ на три мѣсяца, когда обыкновенно его сокращали до шести недѣль. Даже послѣ поѣздки въ Ганноверъ, Фридрихъ сумѣлъ убѣдить Головкина, что интересы Россіи не пострадаютъ отъ этого, и началъ придумывать проектъ присоединенія ея къ лигѣ, къ которой онъ самъ временно примкнулъ. Такъ какъ вопросъ о Шлезвигѣ, повидимому, мѣшалъ осуществленію этой комбинаціи, то онъ храбро предложилъ Головкину взамѣнъ Шлезвига Курляндію...

— Но вѣдь Курляндія не ваша, государь...

---

\*) Густавъ баронъ фонъ Мардефельдъ служилъ представителемъ Пруссіи до 1728 г., когда его преемникомъ сталъ его племянникъ Аксель Мардефельдъ, оставшійся на этомъ посту до 1746 г.

— Не все ли равно. Лишь бы ее вырвать у Польши и Саксоніи!

Въ основаніи всѣхъ этихъ переговоровъ между сосѣдями сѣверо-западной Европы уже чувствовался польскій вопросъ. И такимъ образомъ, когда въ іюль 1726 г. Россія заставила Морица Саксонскаго убраться изъ Митавы, Фридрихъ Вильгельмъ высказалъ свою благодарность, и 10 (21) августа слѣдующаго года Мордефельдъ подписалъ въ Петербургѣ конвенцію, которая, подъ видомъ возобновленія древнихъ связей съ Россіей, въ сущности послужила началомъ новой политической системы\*). Рѣчь шла опять о Польшѣ; державы, подписавшія трактатъ, обязывались поддерживать тамъ избраніе, послѣ смерти Августа II, туземнаго кандидата. Конвенція была закончена 12 слѣдующаго октября въ Вюстераузенѣ австро-прусскимъ соглашеніемъ, и такимъ образомъ оказался связаннымъ пучекъ, который долженъ былъ, несмотря на различныя случайныя превратности и перевороты, вызвать разстройство европейскаго равновѣсія черезъ гибель турецкаго могущества и уничтоженіе польской самостоятельности.

Я уже имѣлъ случай высказаться о значеніи, даже чисто политическомъ, этого перваго *тройственного* союза. Я остаюсь при своемъ мнѣніи, что Россія могла отнестись къ Польшѣ иначе, чѣмъ присоединять въ Польшѣ къ своимъ дѣлямъ нѣмецкія домогательства. Но Петръ во что бы то ни стало стремился впутать свою страну въ игру европейскихъ комбивацій; онъ желалъ, чтобы его дипломатія фигурировала повсюду и отзывалась на весь европейскій дипломатическій перезвонъ континента, хотя бы ей приходилось въ критическія минуты опрокидывать карточный столъ, толкая играющихъ. И въ этомъ отношеніи великій человекъ тоже оставилъ наслѣдіе своимъ преемникамъ, и чтобы продолжать партію, не рискуя,

---

\*) Droysen, Geschichte der preussischen Politik.



нихъ не хватило ни высокоумѣрной рѣшимости, ни его смѣлости, ни счастья...

И однако, несмотря на ихъ несостоятельность, Россія — этого нельзя отрицать — осталась въ выигрышѣ, благодаря сдѣявленію благопріятныхъ обстоятельствъ, гдѣ многія склонны увидать или вмѣшательство какого-либо свѣтлаго Провидѣнія, или какого-либо мрачнаго рока; но легко прослѣдить вліянія причинъ совершенно естественныхъ: несомнѣнное могущество національнаго инстинкта, несоизмѣримые взрывы силъ, накопившихся въ огромной имперіи и вытекающія отсюда попытки вступить на путь, гдѣ, за отсутствіемъ такого высшаго рѣшенія, которое, быть можетъ, пришло бы въ голову великому человѣку, жизненные задачи, оставленные имъ преемникамъ, рѣшились, если и не вполне, то во всякомъ случаѣ безъ ущерба для себя.

Польскіе читатели должны постараться понять меня: я говорю здѣсь какъ историкъ, и отказался бы отъ своей задачи, если бы поймалъ себя на томъ, что позволяю говорить своимъ личнымъ симпатіямъ. Въ мою задачу не входитъ высказываться за или противъ раздѣла Польши, но я долженъ освѣтить задатки превосходства, позволявшіе Россіи, производя этотъ раздѣлъ, покорить себѣ, конечно, меньше, чѣмъ она должна была и на что претендовала, изъ Славянскихъ земель, но занять, однако, въ сѣверной Европѣ положеніе завидное. Непосредственные преемники Петра не всегда и не вездѣ умѣли воспользоваться этими задатками въ общей ихъ грозной сложности; но они ни погубили ни одного изъ нихъ. Напротивъ — особенно за предѣлами Россіи — они сохранили и даже улучшили въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ положенія, пріобрѣтеныя до нихъ. Какимъ образомъ? Съ помощью какихъ таинственныхъ силъ, замѣстившихъ такой очевидный недостатокъ, ресурсовъ и способностей? Я не сумѣю лучше отвѣтить на вопросъ, какъ вдавшись въ нѣкоторыя подробности этого курляндскаго дѣла, ядовито названнаго Лефортомъ „бабьей войной“ и составляющаго самое большое дѣло царствованія,

мало способнаго предпринять что-либо болѣе значительное. Пружины, направлявшія иностранную политику Екатерины I, обнаруживаются въ этомъ дѣлѣ вполне ясно, а читатель будетъ въ выигрышѣ еще тѣмъ, что познакомится съ нѣкоторыми изъ главныхъ дѣйствующихихъ лицъ, призванныхъ къ участию въ новыхъ драмахъ, сценой которыхъ суждено было въ скоромъ времени стать Петербургу и Москвѣ.



## Г Л А В А III.

### Бабя война.—Морицъ Саксонскій.

I. Курляндское наслѣдство.—Происхожденіе кандидатуры Морица Саксонскаго.—Проектъ брака съ Анной Іоанновной и Елизаветой Петровной.— Морицъ въ Польшѣ.—Его успѣхи у варшавскихъ дамъ.—Августъ II поддерживаеъ его.—Оппозиція польской знати.—Перемѣна въ отношеніяхъ короля.—Тайный отъѣздъ Морица въ Митаву.—Онъ увлекаеъ Анну Іоанновну и пріобрѣтаеъ расположеніе курляндцевъ.—Его избраніе.—II. Борьба партій въ Петербургѣ.—Юбки за Морица.—Кандидатура Меншикова.—Его прибытіе въ Митаву.—Свиданіе съ Морицомъ.—Ложные слухи.—Морицъ выходитъ побѣдителемъ.—III. Проектъ договора въ его пользу между Августомъ II и Россіей.—Неудача.—Польскій сеймъ высказывается противъ курляндскаго избранника.—Изгнаніе.—Новые планы брака и любовныя похождения Морица.—Герцогиня курляндская на его сторонѣ.—Двойное вмѣшательство Россіи и Польши.—Бѣгство Морица.—IV. Онъ возобновляетъ переговоры.—Шансы на успѣхъ у Елизаветы.—Окончательное разочарованіе.—V. Эпизодъ.—Десять лѣтъ спустя.—Снова проснувшіяся иллюзіи.—Коронація Елизаветы въ Москвѣ.—Приглашеніе туда Морица.—Многообѣщающій пріемъ.—Романъ обрывается.—Судьбы Курляндіи и Россіи.

#### I.

Курляндское герцогство было леннымъ владѣніемъ Польши, получившимъ въ XVI вѣкѣ, при послѣднемъ гроемейстерѣ тевтонскаго ордена, Готтхардѣ-фонѣ-Кеттлерѣ, устройство наслѣдственнаго княжества, подъ протекторатомъ Республики. Въ 1698 г. одинъ изъ

потомковъ Кеттлера, Фридрихъ Казиміръ, умеръ, оставивъ вдову, урожденную прусскую принцессу, и шестилѣтняго сына, Фридриха Вильгельма, опекуномъ котораго состоялъ его дядя, Фердинандъ. Въ 1709 г. наслѣдникъ вступилъ на престолъ при содѣйствіи Петра Великаго и умеръ въ слѣдующемъ году, какъ уже упомянуто выше, сдѣлавшись мужемъ Анны Іоанновны. Наслѣдникомъ оказался Фердинандъ; но старый, весь поглощенный набожностью, вѣчно ссорившійся съ курляндскими чинами или съ Польшей, герцогъ остался въ Данцигѣ, предоставивъ митавскій дворецъ Аннѣ Іоанновнѣ, а правленіе кому угодно было бы, или кому удалось бы захватить его. Король польскій, Курляндскіе чины и Россія — ожесточенно оспаривали его другъ у друга. Россія приобрѣла наибольшее вліяніе, благодаря Бестужеву, назначенному Петромъ состоять гофмейстеромъ при Аннѣ Іоанновнѣ. Онъ сдѣлался любовникомъ Анны, въ ожиданіи Бирона, и какъ могъ, помогаль ей въ управленіи несчастными курляндцами. Что же касается поляковъ, всегда готовыхъ выпустить добычу за ея тѣнь, то они усчитывали главвымъ образомъ будущее, мечтая о полномъ присоединеніи, предлогъ къ которому имъ могла дать смерть Фердинанда \*).

Подобное разрѣшеніе вопроса не могло нравиться ни Россіи, ни Пруссіи, ни даже королю польскому, втайнѣ мечтавшему о герцогствѣ для одного изъ своихъ сыновей. Самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для избѣжанія такого исхода было вторичное замужество Анны Іоанновны и, ввиду ея полнаго на то согласія, стали одинъ за другимъ являться различные претенденты на ея руку. Въ декабрѣ 1717 г. Петръ даже подписалъ съ саксонскимъ дворомъ договоръ, гдѣ обѣщаль руку принцессы и непринадлежащее ей наслѣдіе герцогу Іоанну Адольфу Саксенъ-Вейсенфельскому \*\*). Когда этотъ планъ разстроился, Берлинъ предложилъ въ 1722 г. принца Карла Прусскаго. Затѣмъ наступилъ чередъ принца Карла Александра Вюр-

\*) Szujski. *Исторія Польши*.

\*\*\*) Cruse, *Curland unter den Herzogen*.

тенбергскаго, который уже за два года до того старался привлечь на свою сторону русскаго посланника въ Вѣнѣ, подаривъ ему драгоценный перстень. Этимъ посланникомъ былъ никто иной, какъ Ягужинскій, и принцъ не могъ сдѣлать болѣе неудачнаго выбора. Постоянно соперничавшій съ Меншиковымъ и вытѣсненный имъ, авантюристъ въ минуты откровенности за чаркою вина, самъ признавался, что Россія ему надоѣла; онъ мечталъ поселиться въ Польшѣ и стремился укрѣпить свои связи съ Варшавою и Дрезденомъ \*) Ягужинскій принялъ перстень, но не исполнилъ порученія. Затѣмъ фигурировалъ еще одинъ изъ принцевъ Гесенъ-Гомбургскихъ, вызванный Петромъ въ 1723 г. въ Петербургъ съ намѣреніемъ убѣдиться, не окажется ли онъ подходящимъ для одной изъ его племянницъ, и, наконецъ, владѣтельный князь Ангальдъ-Цербтскій, Іоаннъ-Фридрихъ.

Мысль о кандидатурѣ Морица, повидимому, зародилась въ плодovitомъ воображеніи саксонскаго повѣреннаго въ Петербургѣ, Лефорта, и всплыла на свѣтъ Божій въ 1725 г., по смерти Петра I, когда, видимо, открылось болѣе широкое поле для всякаго рода интригъ. Незаконному сыну Августа II и красавицы Авроры фонъ-Кёнигсмаркъ въ то время исполнилось двадцать девять лѣтъ, и онъ пользовался репутаціею самаго блестящаго и легкомысленнаго офицера. Ведя въ Парижѣ разсыянную жизнь, предаваясь безумной игрѣ въ карты, онъ, однако, сумѣлъ получить нѣмецкій пѣхотный полкъ, находившійся на службѣ Франціи, и по тому, какъ онъ имъ командовалъ, не трудно было предвидѣть будущаго полководца. Во время пребыванія Анны Іоанновны въ Петербургѣ, въ сентябрѣ 1725 г., одна изъ ея приближенныхъ, по порученію Лефорта, заговорила съ ней о прекрасномъ кавалерѣ, чьи галантныя похождения шумѣли отъ Парижа до Варшавы. Не требовалось большого труда, чтобы возбудить воображеніе, жаждавшее пищи. Морицъ, предупрежденный, тоже не колебался ни минуты и, вырвавшись изъ объятій Адриенны Ле-

---

\*) Weber, Moritz, Graf von Sachsen.

куврерь, поспѣшно направился въ Польшу. Онъ уже разъ былъ женатъ по расчету на Викторіи фонъ-Лёбенъ, и, запутавшись окончательно въ долгахъ, послѣ громкаго развода давно мечталъ о богатой невѣстѣ.

Въ Варшавѣ его встрѣтила депутація курляндскаго дворянства, повидимому, уже получившаго приказъ отъ вдовствующей герцогини, и предложила ему безъ всякихъ замедленій корону. Но въ Петербургѣ Лефортъ неожиданно измѣнилъ свое намѣреніе. Какъ разъ въ это время приближенные Екатерины были заняты прискаиваніемъ жениха для Елизаветы, и изобрѣтательнаго дипломата осѣнила мысль замѣнить некрасивую дочь Іоанна прекрасной дочерью Петра. Онъ поспѣшилъ послать Морицу ея портретъ, сопровождая его соблазнительными комментаріями: „хорошо сложенная, прекраснаго средняго роста, круглолицая и очень хорошенькая, съ искрящимися глазками, прелестнымъ цвѣтомъ лица и красивой шеей“. Онъ клянется что, она такъ же, какъ и сестра ея, „безъ ума отъ него“ и ждетъ его, „сгорая нетерпѣніемъ“ и, предвосхитивъ мысль m-me де Сталь увѣрялъ, что „желанія русской женщины достаточно, чтобы взорвать городъ“.

Очувтившись такимъ образомъ между двумя невѣстами, соблазнительными каждая въ своемъ родѣ, юный герой сначала колебался въ выборѣ. Елизавета была привлекательнѣе, зато Аннѣ принадлежала Митава. Наконецъ, онъ рѣшилъ, что всего надежнѣе тамъ укорениться съ помощью герцогини, чѣмъ впоследствии возвращаться. И его стратегическій глазъ указалъ ему, что базой задуманнаго предпріятія должна скорѣе служить Варшава, нежели Петербургъ, и первые шаги доказали справедливость его предположенія.

Въ апрѣлѣ 1725 г. совѣтъ саксонскихъ министровъ рѣшилъ, что Морица слѣдуетъ назначить коадьюторомъ стараго герцога курляндскаго. Фактъ этотъ, отрицаемый впоследствии графомъ Флемингомъ, первымъ министромъ Августа II, достовѣренъ. Король пошелъ еще дальше, разрѣшая декретомъ созывъ курляндскаго сейма,

гдѣ должно было произойти это избраніе. Что касается согласія Россіи, то Морицъ, основываясь на увѣреніяхъ Лефорта, не сомнѣвался, что добьется его, прибывъ въ Петербургъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ, придуманнымъ для него матерью. Последняя уже нѣсколько лѣтъ имѣла съ столицей на берегахъ Невы сношенія по поводу помѣстій въ Эстляндіи, приходившихся ей по наслѣдству отъ брата. Вначалѣ все, казалось, шло какъ нельзя лучше. Одинъ изъ курляндскихъ депутатовъ, состоявшій въ то же время комиссаромъ при польской арміи въ Ливоніи и, по приказу командующаго войсками, поддерживавшій сношенія между Варшавой и Митавой, ручался за благожелательное настроеніе своихъ соотечественниковъ. Даже самъ ливонскій гетманъ Потѣй, подъ вліяніемъ жены, предлагалъ свои услуги, чтобы поддержать кандидатуру всей силой своего вліянія. „Его натолкнули на это дѣло, какъ Адама на грѣхъ“, говорилъ объ немъ Флеммингъ. Жена королевскаго великаго маршала, Біелинская, побочная сестра Морица, естественно проявила столь же большое усердіе. „Она уступила графу свои сервизы и даже графа д'Астеля для нѣкотораго надзора за ними“, писалъ майоръ Главенкамль, спутникъ будущаго герцога \*). Даже недостатка въ деньгахъ не было у этого баловня судьбы. Правда г-жа Кёнигсмаркъ напрасно добивалась отъ короля, чтобы онъ выкупилъ три большихъ жемчужины, вѣсившихъ каждая до двухсотъ гранъ и заложенныхъ за семь тысячъ у одного ювелира. Больше ей нечѣмъ было подѣлиться съ сыномъ! Августъ, уже выкупавшій ихъ однажды, пообщалъ, но не сдержалъ слова \*\*). Тогда Адриенна Лекувреръ продала часть своихъ драгоценностей и прислала сорокъ тысячъ ливровъ. Жена Потѣя тоже позаимствовала изъ мужниной шкатулки, и Морицъ устроился вполнѣ прилично.

Онъ уже собирался въ путь, когда отцемъ неожиданно овладѣли

---

\*) 1-ое іюня 1726 г. Дрезденскій Архивъ.

\*\*) Weber.

сомнѣнія и тревога, вполне понятныя при настроеніи умовъ, царившемъ въ Варшавѣ. Легко себѣ представить, что, разъ въ дѣло вмѣшались г-жи Потѣй и Біолинская, оно получило широкую огласку и вызвало всеобщее возбужденіе и единодушное негодованіе. Итакъ, не удовольствовавшись тѣмъ, что породнилъ своихъ незаконныхъ дочерей со знатнѣйшими фамиліями страны, Августъ собирался теперь одѣлять своихъ побочныхъ сыновей благами, составлявшими народное достояніе! Поднялся крикъ и шумъ. Коронный канцлеръ Гимбекъ, отказавшійся приложить печать къ указу о созывѣ сейма, заговорилъ суровымъ языкомъ; всѣ саксонскіе министры единогласно совѣтовали своему монарху отказаться отъ задуманнаго намѣренія, и 21-го мая 1726 г. въ день, назначенный для отъѣзда Морица, передъ нимъ предсталъ графъ фонъ-Мантейфель, со смущеннымъ видомъ давшій ему понять, что король желаетъ, чтобы сынъ его оставался въ Варшавѣ.

Уже одѣтый и вполне собравшійся въ путь графъ дожидался только рекомендательнаго письма, обѣщаннаго ему отцомъ къ русской императрицѣ.

— Это приказъ?—спросилъ онъ.

— Кажется, да.

— Я не желалъ бы ослушаться короля; но, если я не поѣду, все пропало.

Мантейфель понялъ, что молодой человекъ рѣшился идти на проломъ и поспѣшилъ предупредить о томъ короля, но тотъ уже удался въ спальню и не могъ его принять. Русскіе историки склонны думать, что въ этотъ день Августъ умышленно ускорилъ часъ своего отхода ко сну, и, возможно, что они правы. Морицъ дѣйствительно уѣхалъ въ ту же ночь, простившись предварительно съ нѣкоторыми дамами и объявивъ имъ, что его „нелегко будетъ догнать“. Потѣй далъ ему конвой изъ ливонскихъ драгунъ.

Въ это самое время Кампредонъ, повидавъ Россію, находился проѣздомъ въ Митавѣ и тамъ узналъ о прибытіи графа. Ему сооб-



щили „что Морицъ остановился въ домѣ барона Бера, расположенномъ по сосѣдству съ тѣмъ, гдѣ герцогиня Курляндская проводила лѣто; что онъ уже два раза посѣщалъ герцогиню и его женитьба, такъ же какъ и избраніе, не подлежатъ сомнѣнію.

Дѣйствительно, Морицъ не терялъ времени. Отказавшись въ настоящее время отъ Петербурга, онъ рѣшилъ покончить дѣло съ Курляндіей. При помощи денегъ Адриенны Лекувреръ и г-жи Потѣй онъ образовалъ милицію; своими воинственными манерами онъ очаровалъ мѣстное дворянство, въ то время, какъ его галантное обращеніе и красивая наружность заставляли таять отъ восторга толстую Анну. 1 іюля со своимъ геройственнымъ презрѣніемъ къ орфографіи, составляющимъ неотъемлемую принадлежность его легендарной личности, онъ могъ написать графу фонъ-Фризенъ, тоже бывшему жениху m-lle Лёбенъ и женившемуся впоследствии на графинѣ фонъ-Козель, незаконной дочери Августа: „Я васъ слишкомъ люблю, дорогой графъ, чтобы не подѣлиться съ вами всѣми своими новостями. Я избранъ наслѣднымъ герцогомъ Курляндскимъ, и мнѣ поручено управленіе, пока герцогъ Фердинандъ получитъ увѣдомленіе отъ короля“.



## II.

Онъ воображалъ, что въ Петербургѣ, какъ и въ Варшавѣ примирятся съ совершившимся фактомъ. Между тѣмъ, происшедшія тѣмъ временемъ событія вовсе не носили успокоительнаго характера. Подъ давленіемъ негодующей польской шляхты, Августъ, котораго сынъ непочтительно прозвалъ „королемъ на картинкѣ“ долженъ былъ послать ему вслѣдъ цѣхановскаго старосту, Наквасскаго, съ новымъ приказомъ, возбранявшимъ созывъ сейма. Курлявдцы, „такіе же вспыльчивые, какъ французы“, по увѣренію Морица, собирались бросить въ рѣку королевскаго посла, но затѣмъ ихъ пылъ выразился только демонстраціями. „Они открывали свои сердца избранному имъ монарху, но не кошельки“, выразился одинъ нѣмецкій историкъ \*). Обратившемуся впослѣдствіи въ ихъ преданности, чтобы оставить себѣ охрану, Морицу не удалось набрать и ста человѣкъ. Въ Петербургѣ дѣло приняло еще худшій оборотъ. Влюбленная Анна послѣдила написать Меншикову и Остерману, прося разрѣшенія выйти замужъ за графа \*\*). Въ маленькомъ женскомъ кружкѣ, который Ле-

---

\*) Förster, Fridrich-August II; Weber.

\*\*\*) Переписка русскихъ государей, IV.

1727 іюня 13. Письмо Герцогини Курляндской Анны Ивановны къ князю А. Д. Меншикову объ оставленіи при ней Петра Бестужева.

Светлейшій Князь!

Вчерашнего числа чрезъ наршнаго я себя моимъ писмомъ ваше (ѣ) светлости рекомандовала въ протекцію, і при томъ просила, чтобъ ваша светлость ізволили доложить Его Императорскому Величеству, чтобъ Петра Бестужева отъ меня не брать; и онъ Бестужевъ не хотель более здесь мешкать, пока я вашей

фортъ сумѣлъ привлечь на сторону своего любимца, началось бурное ликованіе. „Наши друзья и въ особенности женщины“, писалъ саксонскій довѣренный, „просто въ восторгѣ... Если онъ (Морицъ) не прибудетъ скоро, то я предчувствую, что онъ сами бросятся ему навстрѣчу. Столько тысячъ червонцевъ, сколько нашъ герой совершать подвиговъ Актэя, меня весьма устраивали бы“. Но 16 мая 1726 г. Верховный Совѣтъ рѣшилъ иначе, остановивъ свой выборъ на епископѣ Любекскомъ, Карлѣ-Августѣ Голштинскомъ, родственникѣ супруга Анны Петровны, какъ на подходящемъ кандидатѣ на курляндскій престолъ, и поэтому Бестужевъ долженъ былъ заранѣе протестовать

---

светлости отвѣтъ получу, і по указу Его Императорскаго Величества заѣтре едетъ въ Питербурхъ: каторавасъ покорностию рекомандую въ высокую вашей светлости милости І съ покорностию прошу вашу светласть показать ко мне милость и доложить Его Императорскому Величеству, чтобъ повелелъ его Бестужева ко мне отпустить, понеже моі дворъ і деревни смотреть безъ него некому, За что вашей светлости наградить всемоуці(й) Богъ, і я, доколе жива, буду Бога молить і весьма надежна, что ваша светласть, по прошенію моему, ко мне милость показать ізволи-те. А ежели ваша светласть повелите мне здеса служить, я отъ сердца готова і все по воли вашей светлости безъ всякова сумне-нія іли другой мысли поступать буду, что вашей светлости угод-но будетъ. Въ семь свидѣтельствуюсь самимъ Богомъ, что я во всепослушаности себя предала во волю и протекцію вашей свет-лости, въ надежде вашей светлости высокой милости ко мне, ва-шей светлости верная и ко услугамъ должная,

*Анна.*

1727 сентября 30. Письмо Герцогини Курляндской Анны Ивановны къ вице-канцлеру *А. И. Остерману*, поздравительное съ полученіемъ графскаго достоинства, и съ просьбой объ отпускѣ къ ней Петра Бестужева.

**А н д р е й І в а н о в и ч ь !**

Его Императорское Величество блаженно і вечно—достойный памяти Государь моі дядя определилъ мнѣ оборъ-гофмистеромъ Петра Бестужева для управления двора і деревень моихъ, і (онъ)

противъ избранія Морица. Правда Меншиковъ не принималъ участія и относился непріязненно къ этому рѣшенію; но герцогу Саксонскому было не много пользы отъ основаній, какимъ руководствовался временщикъ. Чувствуя потерю своего вліянія, благодаря могущественнымъ пройскамъ, Меншиковъ подумывалъ объ томъ, чтобы удалиться отъ двора, и втихомолку, съ помощью генерала Роппа, курляндца, состоявшаго на службѣ у Россіи, работалъ надъ созданіемъ себѣ партіи въ герцогствѣ. Его планы, которымъ онъ сумѣлъ снискать одобреніе Екатерины, внезапно обнаружались въ іюнь, когда Императрица выступила въ Совѣтъ съ заявленіемъ, что она измѣнила свое рѣшеніе и предполагаетъ предложить курляндскимъ избирателямъ самого Меншикова, получившаго приказъ немедленно отправляться въ Митаву въ сопровожденіи Василія Луквича Долгорукова, дипломата петровской школы, исполнявшаго всегда трудныя порученія. Въ случаѣ, если курляндцы его не пожелаютъ, имъ будетъ предоставленъ выборъ между сыномъ епископа Любекскаго и однимъ изъ принцевъ Гессенъ-Гомбургскихъ, состоявшихъ на русской службѣ.

---

былъ до сего времени, котораго я поступками і управленіемъ весьма довольна. А въ прошломъ і нынешнемъ году князь Меншиковъ делалъ мне многие обиды, о чемъ чаю вашему сятельству небезызвесно, і его Петра Бестужева, досаждал мне, ныне велелъ позвать бесъ всякова дела въ Питербурхъ; а я безъ него не могу другому дворъ і деревни вверить. І нынѣ пришло безъ него все въ великій не порядокъ і комфузію і убытки, понежъ онъ все знаеть; того ради всепокорно прошу вашего сятельства показать ко мне любовь і милость і ево Петра Бестужева ко мне возпомоществовать по прежнему отправить, чемъ меня бесконечно къ службѣ вашей і фамил(ь)и вашей одолжить ізволите, за что і я вашему сятельству отслужить готова. Прошу покорно сотворить ко мне милость въ моемъ прошеніи; и я на васъ въ крепкой надежде остаюсь і себя рекомондую вашего сятельства въ неотменную протекцію, і пребываю съ моимъ почтеніемъ вашего сятельства готовая къ услугамъ,

*Анна.*

Поэтому при открытіи сейма кандидатура Меншикова была открыто выставлена однимъ изъ депутатовъ, долго распространявшимъ о ресурсахъ, какимъ обладалъ этотъ кандидатъ для поддержанія своихъ притязаній, а также для защиты своихъ интересовъ и интересовъ Курляндіи противъ всякаго рода враговъ. Морицъ взялъ верхъ, но со стороны Петербурга въ особенности положеніе вещей продолжало оставаться весьма угрожающимъ. Вскорѣ въ Митаву стали прибывать курьеры, возвѣщая о прибытіи устраниннаго кандидата и о вступленіи въ предѣлы Курляндіи двѣнадцати тысячъ русскихъ. 8 іюля въ Митаву прибылъ Долгорукій и выразилъ предсѣдателю сейма неудовольствіе государыни. Она не признавала постановленія сейма, неправильно собраннаго, безъ разрѣшенія короля Польскаго и требовала созыва новаго сейма.

— Но король Польскій не разрѣшитъ его снова!

— Это уже дѣло императрицы.

Меншиковъ дожидался въ Ригѣ результатовъ этихъ переговоровъ. Анна воспѣшила къ нему, со слезами на глазахъ умоляя вступить за Морица. Временщикъ былъ неумолимъ. Россія не желала такого герцога, а царевна не могла выйти замужъ за незаконнаго сына. 10 іюля Меншиковъ съѣхался съ Долгорукимъ въ Митавѣ и ночью приказалъ русскимъ войскамъ занять городъ. На слѣдующій день произошло знаменитое свиданіе двухъ соперниковъ, породившее фантастическіе рассказы. Подробности его до сихъ поръ покрыты тайной. Вначалѣ весьма бурное, оно затѣмъ, повидимому, приняло мирный оборотъ. Грубый вопросъ Меншикова: „Кто ваши родители?“ и отвѣтъ сына Авроры Кёнигсмаркъ: „А кто были ваши?“ передаются графомъ Рабутиномъ, находившемся въ это время въ постоянной перепискѣ съ Морйцомъ, и овладѣвшимъ подробными свѣдѣніями о событіяхъ, разыгравшихся въ Митавѣ въ іюнѣ и іюль мѣсяцахъ \*).

---

\* ) Друденскій Архивъ. *Дѣла Курляндіи*. Переписка и документы.

о вызовѣ, будто бы сдѣланномъ имъ Меншикову, разрѣшить немедленно споръ любымъ, выбраннымъ имъ оружіемъ. Когда Меншиковъ заговорилъ о томъ, что съ палкой въ рукахъ докажетъ курляндцамъ, что онъ тутъ хозяинъ, будущій побѣдитель при Фонтенуа, „чтобы лично на себѣ не получить такого доказательства“, рѣшился на поступокъ, не столь героическій, если вѣрить ему на слово—что всего правдоподобнѣе,—и предложилъ поединокъ—на сто тысячъ рублей. Тотъ изъ двухъ, кому удастся остаться герцогомъ Курляндскимъ и добиться на то согласія короля Польскаго, улатить сопернику требуемую сумму. Тогда разговоръ сразу перешелъ въ дружелюбный тонъ, Меншиковъ согласился на предложеніе и наивно попросилъ рекомендабельнаго письма къ королю. Просьба эта показалась Морицу настолько забавной, что онъ ее немедленно исполнилъ. Копія письма сохранилась, Меншиковъ впоследствии предъявлялъ оригиналъ, какъ доказательство акта отреченія. Дѣйствительно, тамъ находится слѣдующая двусмысленная фраза: „Онъ (Меншиковъ) желаетъ, государь, чтобы я защищалъ передъ Вами его интересы, и такъ какъ я стремлюсь доказать ему, насколько близко они меня касаются, то умоляю Ваше Величество удѣлить имъ особое вниманіе“

Какой бы выводъ не истекалъ изъ такого страннаго разрѣшенія столь важнаго спора, онъ всетаки противорѣчитъ остальнымъ драматическимъ эпизодамъ, приписываемымъ борьбѣ двухъ противниковъ. А Нейль вслѣдъ за д'Алансономъ, де ла Варъ-Дюпаркомъ, вслѣдъ за барономъ д'Эспаньякъ рассказываютъ объ осадѣ, выдержанной Морицомъ противъ меншиковскихъ драгунъ при помощи спеціальнаго караула Анны Іоанновны. Даже самъ Германъ \*) повторяетъ эту басню, припутывая сюда еще дочь митавскаго горожанина, оказавшюся въ эту критическую минуту около Морица и помогшую ему спастись цѣлымъ и невредимымъ. Смущеніе, слезы, переодѣваніе въ платье красавца офицера, бѣгство въ окно, радость осаждающихъ,

---

\*) Geschichte d. R. S.

схватившихъ бѣглянку, думая задержать въ ней самого героя, гнѣвъ, затѣмъ жалость со стороны предводителя пападающихъ, который оставляетъ при себѣ плѣнницу и, наконецъ, женится на ней,—все это, вѣроятно, чистѣйшія выдумки въ разсказѣ и приключеніи, о которомъ Морицъ навѣрное не преминулъ бы сообщить друзьямъ, если бы принималъ въ немъ участіе. Но онъ передаетъ имъ только, что ожидалъ осады въ ночь съ 11 на 12 іюля и потому держался со своими спутниками на сторожѣ, коротая время за пирушкой и игрой въ карты. Но ничто не потревожило эту бессонную, не слишкомъ весело проведенную ночь, и на слѣдующій день Меншиковъ покинулъ Митаву съ *tanto di naso*,—съ носомъ—какъ писалъ Морицъ графу Фризену, нарисовавъ длинный носъ сбоку своего письма: „Мое положеніе, добавляетъ онъ, день ото дня становится все рискованнѣе; мнѣ на это наплевать.

Въ распоряженіи временщика въ это время находилось всего нѣсколько сотъ драгунъ—сила, которую онъ благоразумнымъ образомъ счелъ недостаточной, чтобы затѣвать борьбу съ такимъ, повидимому, рѣшительнымъ человѣкомъ, какъ его соперникъ. Онъ обрушился на курляндцевъ, угрожая сослать въ Сибирь предсѣдателя сейма, канцлера и дюжину депутатовъ и обѣщая вернуться съ двадцатью тысячами солдатъ, если они не соберутъ сейма въ десятидневный срокъ и не остановятъ своего выбора на немъ. Онъ настоятельно приступилъ къ одному изъ секретарей. Бестужеву приказалъ опечатать всѣ бумаги Анны Іоанновны и наказалъ кнутомъ нѣкоторыхъ изъ ея слугъ. Но, видя, что, несмотря на всѣ угрозы и дерзости, Морицъ, повидимому, не думаетъ сдаваться, Меншиковъ удалился въ Петербургъ, куда за нимъ послѣдовала герцогиня Курляндская, принося свои сѣтованія и мольбы. Курляндцы начали жаловаться съ своей стороны. Польша выразила такъ же протестъ; даже самъ Верховный совѣтъ нашелъ, что Меншиковъ зашелъ слишкомъ далеко; въ августѣ Бестужевъ получилъ увѣдомленіе, что императрица отказалась отъ мысли провести избраніе временщика, но что ему предстоитъ выд-

винуть другихъ русскихъ кандидатовъ. Въ случаѣ же, если король польскій ихъ не одобритъ, предоставить выборъ самимъ курляндцамъ, за исключеніемъ лишь Морица. Несмотря на это, послѣдній не желалъ уступать занятаго положенія во ожиданіи новой грозы, налетѣвшей на этотъ разъ со стороны Польши.





### III.

Въ С.-Петербургѣ къ концу года его шансы какъ будто улучшились. Кромѣ Лефорта у него оказался тамъ новый защитникъ, не столь избобрѣтательный, но болѣе сдержанный и ловкій—французскій полковникъ де Фонтеней, втихомолку подготовлявшій комбинацію, способную согласить интересы большинства, если не всѣхъ существовавшихъ соперниковъ. Теперь она можетъ показаться довольно фантастичной, но въ октябрѣ 1726 г. Маньявъ, уполномоченный агентъ Франціи, оставленный въ Петербургѣ Кампредономъ, находилъ ее вполне возможной. Петръ настолько расширилъ границы дѣйствительности и возможности, что его пріемники въ нихъ запутывались. Дѣло шло не болѣе не менѣе, какъ о раздѣлѣ Ливоніи между Потѣмъ, Меншиковымъ и графомъ Саксонскимъ, который округлил бы такимъ образомъ свои Курляндскія владѣнія. Августъ отнесся къ такому соглашенію благосклонно, какъ отецъ, но не какъ король Польши, слишкомъ ясно повимая его выгодность, чтобы ему противиться. \*) Извѣстно, что вообще онъ ничего не имѣлъ противъ сдѣлокъ, касавшихся нераздѣльности территоріи Польши.

Но Лефортъ съ своей стороны упорно настаивалъ на мысли замѣнить Анну Елизаветой и такимъ образомъ препятствовалъ хлопотамъ влюбленной герцогини. Онъ сообщалъ воспитательницѣ прелестной царевны самыя подробныя свѣдѣнія „объ всѣхъ достоинствахъ Курляндскаго избранника, до самыхъ секретныхъ включительно“. Екатерина не знала больше, кого слушать, Меншиковъ какъ будто соглашался съ планами Фонтенея, самъ Морицъ склонялся на убѣж-

---

\*) Децеша Маньяна отъ 18 Марта 1727. Иност. дѣла, Россія.

денія получить Елизавету и Курляндію, посредствомъ договора заключеннаго между императрицей и королемъ Польши, при чемъ должна была поплатиться послѣдняя. „Дѣло было покончено“, писалъ онъ поздѣе, описывая неудачу, постигшую его надежды: „Курьера, прибывшаго ко мнѣ изъ Петербурга, я отправилъ къ королю, приняшему его въ Вѣлостокѣ, у Бравицкой. Выпили за такую хорошую вѣсть, и король, всегда рекомендующій другимъ молчаніе, былъ такъ добръ, что сообщилъ объ ней нескладной дылдѣ обезьяннхъ (женѣ королевскаго штандартъ-юнкера) разболтавшей объ этомъ всѣмъ, кому было не лѣнь слушать. Ему напомнили о конфедераціи и онъ испугался. Дальнѣйшее вамъ извѣстно“.

Возможно, что всегда легко поддававшійся надеждамъ нашъ пылкій герой преувеличивалъ бывшіе у него шансы на успѣхъ, и дѣла вовсе не обстояли такъ блестяще, по крайней мѣрѣ, въ Петербургѣ. Но неумѣстная болтливость Августа правдоподобна, такъ какъ достоверно обнаружена интрига именно въ это время, а такъ же и тѣ послѣдствія, на которыя намекаетъ Морвицъ. 11-го Октября 1726 г. саксонскіе министры приняли рѣшеніе не поддерживать далѣе затѣю, грозившую вызвать возмущеніе во всей Польшѣ. Напрасно жена Потѣя уговаривала по-французски Флемминга, въ то время, какъ мужъ ея убѣждалъ его по-латыни. Уступая настояніямъ польскаго сейма, собравшагося въ Гродно въ сентябрѣ 1726 г. король подписалъ декретъ, призывавшій Морица обратно, а 9-го ноября, сеймъ, который напрасно старался сорвать представитель Россіи, Ягужинскій \*), провозгласилъ присоединеніе Курляндіи къ Польшѣ, послѣ смерти Фердинанда, отвергая избраніе графа Саксонскаго, объявляя его врагомъ страны и назначая комиссію для разсмотрѣнія текущихъ дѣлъ. Былъ поднятъ даже вопросъ объ отправкѣ депутаціи къ посланнику Франціи съ требованіемъ отнять у отверженца полкъ, какъ у человѣка публично опозореннаго“.

---

\*) Соловьевъ. Ист. Рос.

А Морицъ все еще не соглашался покинуть Митаву. Безъ денегъ, проводя почти весь день въ постели, по свидѣтельству Кронхельма, шведскаго дворянина, приставленнаго къ нему матерью, слушающая чтеніе Донъ-Кихота, онъ ждалъ, пока судьба ему улыбнется снова. И онъ отчасти былъ правъ. Постановленія Гродненскаго сейма, возбудивъ подозрительность Россіи и Пруссіи, создавали для графа Саксонскаго новые шансы на успѣхъ. Въ концѣ 1726 г. изъ Петербурга былъ присланъ въ Митаву Девьеръ, чтобы на мѣстѣ ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ. Онъ видѣлся съ Морицомъ и не упоминалъ болѣе объ его отреченіи. Девьеръ докладывалъ императрицѣ, что нѣсколько разъ, у графа, при ея имени, навертывались слезы на глазахъ, и Екатерина, все еще занятая этой бабьей войной, была, повидимому, растрогана. Новыя инструкціи предписывали Девьеру представить дѣла ихъ естественному теченію. Въ январѣ неутомимый Лефортъ придумалъ новую комбинацію. Анна Іоанновна была въ ссорѣ съ Меншиковымъ, Елизавета замѣшена въ послѣднихъ переговорахъ съ Августомъ; прося руки Софіи Скавронской, которая съ удовольствіемъ промѣняла бы польскаго принца на владѣтельнаго герцога, Морицъ могъ навѣрняка разсчитывать задѣть государыню за ея самое чувствительное мѣсто и такимъ образомъ добиться исполненія своей мечты.

Но Морицъ съ негодованіемъ отвергнулъ предложеніе. Онъ скорѣе соглашался остановиться на толстой „*Nan*“, какъ Лефортъ фамильярно называлъ герцогиню Курляндскую. Но мѣсяцъ спустя, онъ не удержался, чтобы не испортить своихъ преимуществъ и съ этой стороны. По крайней мѣрѣ происшествіе, которое его біографы относятъ къ этому времени, кажется правоподобнымъ, какъ ввиду обстоятельствъ, такъ и ввиду характера самого героя. Анна отвела ему апартаменты у себя во дворцѣ, и здѣсь ему случалось принимать самую очаровательную изъ фрейлинь герцогини. Однажды ночью, провозжая красавицу, заслушавшуюся его рѣчей до поздняго часа, и неся ее на рукахъ по случаю глубокаго снѣга, покрывавшаго дворцо-

вый дворъ, онъ столкнулся по дорогѣ съ старухой, державшей фонарь. Той показалось, что передъ ней привидѣніе о двухъ головахъ, и она принялась кричать благамъ матомъ. Намѣреваясь пивкомъ ноги потушить выроненный ею изъ рукъ фонарь, Морицъ поскользнулся и упалъ съ своей ношей на злополучную старуху, привявшемуся кричать еще громче, такъ что произошелъ переполохъ, и Анна узнала, по картинному выраженію Корлейля, что ея женихъ „не любить Вестфальской ветчины въ такомъ видѣ“ или по крайней мѣрѣ долженъ отъ нея отдохнуть за другихъ лакомыхъ кусочкахъ \*) Герцогиня немедленно послала въ Петербургъ извѣщеніе о своемъ гнѣвѣ и разочарованіи, и вскорѣ Морицъ былъ увѣдомленъ Лефортомъ, что его дѣла принимаютъ скверный оборотъ. Однако, въ то же время (въ февралѣ 1727 г.) Курляндскій сеймъ подтвердилъ свой первоначальный выборъ, и Морицъ могъ себя поздравить, что справился съ этимъ чудовищемъ многоголовымъ, многоротымъ, безъ ушей и безъ рукъ, и барону Медему поручено было его соотечественниками отправиться въ Варшаву и тамъ заставить признать ихъ выборъ. Но поляки приготовились къ отпору, и посолъ былъ оставленъ въ пути. Въ апрѣлѣ 1727 г. Морицъ отправился въ Дрезденъ въ сопровожденіи двухъ слугъ, загѣмъ въ Парижъ, въ поискахъ за деньгами и поддержкой. Переговоры о займѣ въ Англіи не привели къ желанному результату; но, наконецъ, парижскій еврей Леманъ согласился ссудить Морицу 20000 экю, тогда онъ снова вернулся въ Саксонію, но такъ какъ отецъ отказался отъ всякихъ переговоровъ о Курляндіи, то онъ тайно покинулъ Дрезденъ, чтобы черезъ Польшу добраться до Митавы, и дорогой узналъ о смерти Екатерины. лишившей его послѣдней надежды на успѣхъ \*).

---

\*) Carlyle „Story of Frederic the Great“. Сходство принцессы съ Вестфальской ветчиной поразило англійскаго историка ср. „Исторію Морица Саксонскаго“.

\*\*) Weber, Geschichte.

Меншиковъ снова сдѣлался всемогущимъ. Въ Митавѣ Морицъ засталъ генерала Леси, командовавшаго двумя русскими иѣхотными полками и двумя полками кавалеріи и предложившаго ему удалиться, „если онъ не желаетъ отправиться въ мѣста отдаленныя“. Графъ засѣлъ на островѣ Усмайтенъ, до сихъ поръ сохранившемъ названіе *Moritz Holm*, и пытался вступить въ переговоры. Но съ нимъ было не болѣе трехсотъ человѣкъ—рекрутовъ, привезенныхъ по большей части моремъ изъ Нидерландовъ; Леси не желалъ ничего слушать, и 18 августа, сверженный герцогъ рѣшился отступить, переплывъ озеро на рыбацкѣй лодкѣ и добравшись до ближайшей гавани, между тѣмъ какъ его маленькое войско сдалось съ оружіемъ и обозомъ. Русскіе обращались съ плѣнниками хорошо, затѣмъ передали ихъ полякамъ, оставившимъ солдатъ у себя на службѣ и отпустившимъ домой офицеровъ. Гардеробъ Морица былъ ему возвращенъ благодаря подарку, предложенному польскому комиссару, Краснянскому. Его лакею, Бовэ, удалось спасти въ шкатулочкѣ документъ объ избраніи. Но серебряная посуда г-жи Белинской исчезла во время разгрома.

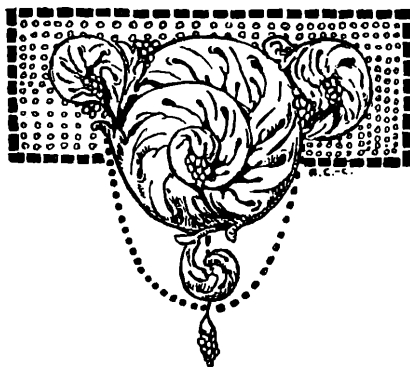
Укрывшись въ Данцигѣ, Морицъ всетаки еще не счѣталъ свое дѣло проиграннымъ. Требуя отъ Леси свои вещи и увѣряя, что ихъ забрали на 74,960 экю, онъ поручилъ русскому генералу передать самому Меншикову свои условія возможнаго соглашенія: 40000 экю за отказъ временщика отъ его притязаній на Курляндію. Но гонецъ прибылъ въ Петербургъ какъ разъ во время катастрофы, окончательно сокрушившей могущество временщика \*), а вслѣдъ за Леси появились въ свою очередь польскіе комиссары съ епископомъ Христофоромъ Шембкомъ во главѣ, въ сопровожденіи тысячи литовскихъ драгунъ. Посреди неурядицы, вызванной въ Петербургѣ смертью Екатерины, русскій генералъ, хотя и располагавшій болѣе значительными силами, не рѣшился оказать сопротивленіе этимъ

---

\*) Бантышъ-Каменскій „Дипломатическія сношенія“.

посланцамъ, на чьей сторонѣ было право. Былъ созванъ новый курляндскій сеймъ, и въ декабрѣ 1727 г. имъ были признаны постановленія польскаго сейма въ Гродно.

Но, очевидно, это было лишь временное разрѣшеніе вопроса, во всякомъ случаѣ не нарушавшее отношеніе къ нему Россіи. При помощи Анны, попрежнему проживавшей въ Митавѣ, и полковъ Лесн, всегда готовыхъ доказать свое превосходство въ численности и дисциплинѣ, у правительства С.-Петербурга оставалась неоспоримая возможность предъявить властныя требованія, и не могло быть сомнѣній, что это должно произойти въ ближайшемъ будущемъ. Одинъ Морицъ не желалъ того понять, обнаруживая до конца упорство, сослужившее ему лучшую службу на другихъ поляхъ брани.



#### IV.

Въ ноябрѣ 1728 г. новый посланецъ, отправленный имъ въ Петербургъ, Баконъ, ходатайствовалъ за него, какъ за единственнаго человѣка, имѣвшаго возможность помѣшать анексії Курляндіи Польшей. Управляя страной при поддержкѣ Россіи, Морицъ считался бы ея вассаломъ, обязывался выплачивать ежегодно 40000 р. податей и содержать количество войскъ, нужное по ея усмотрѣнію. Предложеніе Бакона было выслушано безъ особаго вниманія и, наконецъ, въ январѣ 1728 г. ему былъ данъ отрицательный отвѣтъ. Не одна Польша относилась враждебно къ его планамъ. Они беспокоили также Австрію, намекавшую, что Морицъ способенъ открыть Англіи одну изъ курляндскихъ гаваней. Но вслѣдъ за отъѣздомъ Бакона, Лефортъ снова заволновался и началъ слать въ Дрезденъ посланіе за посланіемъ, увѣряя, что его отпустили лишь съ цѣлью, чтобы онъ привезъ, какъ можно скорѣе, Морица въ Петербургъ. Въ высшихъ сферахъ снова склонялись къ мысли остановить на немъ выборъ въ мужья для Елизаветы, которая выражала лишь желаніе посмотреть „повравится ли ей товаръ“. И сообщеніе это не лишено было извѣстной доли правды. Въ то время, испанскій посланникъ, герцогъ де Лирія, внимательно слѣдившій за придворными интригами, также полагалъ, что у Морица не мало шансовъ на успѣхъ. Преемникъ Екатерины, Петръ II, высказывалъ къ теткѣ нѣжность, которая, снова выдвигая впередъ прежніе замыслы Остермана, многихъ сильно беспокоила. Олигархическая партія видѣла въ томъ угрозу своимъ притязаніямъ и желанію держать подъ опекой юнаго императора. Новый австрійскій министръ, Вратиславъ, предвидѣлъ, что дочь Петра Великаго, выйдя замужъ за своего племянника, по-

желаетъ вернуть Россію къ ея прежнему варварскому состоянію и воспрепятствуетъ ея вмѣшательству въ дѣла Европы, иначе говоря выскажется противъ отправки тридцати тысячъ солдатъ на помощь союзникамъ. И тѣ, и другіе мечтали лишь какъ бы удалить цесаревну изъ Россіи, выдавъ ее замужъ, и въ Петербургѣ въ это время происходило настоящее состязаніе жениховъ, въ число которыхъ попалъ даже самъ старый, малопривлекательный герцогъ Фердинандъ. Ему посоветовали лучше посвататься за толстую „*Nan*“, что онъ не заставлялъ себѣ повторять два раза. Но герцогиня отклонила его предложеніе, а въ началѣ 1729 г. Елизавета объявила отказъ всѣмъ. Петръ II покинулъ ее, и она утѣшалась въ его измѣнѣ способами, приводившими въ отчаяніе самыхъ неустрашимыхъ изъ ея жениховъ. Даже самъ Лефортъ признавался, что поведеніе цесаревны отнимаетъ у друзей графа Саксонскаго охоту добиваться для него союза съ ней \*).

---

) Письмо отъ 7 февраля 1729 г. Дрезденскій Архивъ. См. Saint-Repé Taillandier, Maurice de Saxe. См. Депеши Липія „*Восемнадцатый вѣкъ*“ (изд. Бартеньева), Маньянъ, *депеша отъ 30 декабря 1728 года Вид. иностр. дѣлъ*. Россія. Въ Москвѣ всѣ ропщутъ на образъ жизни царя, вина въ этомъ окружающихъ его. Любящіе отечество приходятъ въ отчаяніе, видя, что государь каждое утро, едва одѣвшись, садится въ сани и отправляется въ подмосковную съ княземъ Алексѣемъ Долгорукимъ и остается тамъ цѣлый день. Миѣ хорошо извѣстно, что одна изъ главнѣйшихъ цѣлей князя Алексѣя—заставить царя вести такую жизнь, состоитъ въ томъ чтобы удалить его отъ принцессы Елизаветы. Настоящій фаворитъ не сопутствуетъ государю, чтобы во время царскихъ выѣздовъ наединѣ предаваться собственнымъ удовольствіямъ и наслажденіямъ.

Принцесса Елизавета дѣлаетъ то же и съ такой ужасной публичностью, что доходитъ до безстыдства. Нужно ждать, что не далеко время, когда съ нею поступятъ какъ-нибудь рѣшительно.

И въ другомъ мѣстѣ:

Принцесса Елизавета по красотѣ физической — это чудо; грація ея неопишима; но она лжива, безнравственна и



На этотъ разъ Морницъ сдался и вернулся во Францію, гдѣ его ожидала столь блестящая будущность. Но всетаки онъ не могъ забыть ни Курляндіи, ни Елизаветы, и я напомню сейчасъ, чтобы не возвращаться болѣе къ этому вопросу, романическій эпилогъ этой странной звантюры.



---

крайне честолюбива. Думаютъ ее заключить въ монастырь. Въ необходимости послѣдняго она убѣждаетъ ежедневно своимъ дурнымъ поведеніемъ, и, если впредь не будетъ вести себя лучше, все же кончитъ тѣмъ, что ее запрутъ въ монастырь.

## V.

Прошло десять лѣтъ. Нѣсколько властителей перемѣнилось въ Курляндіи съ тѣхъ поръ, какъ на Россійскій престолъ вступила „толстая *Nan*“, такъ долго терпѣвшая во всемъ неудачу и, повидимому, столь мало предназначенная для такой судьбы. Темный проходимецъ занялъ въ Митавѣ мѣсто, такъ страстно желанное Морицомъ. Казалось, съ этой стороны былъ положенъ рѣшительный конецъ его честолюбивымъ замысламъ, когда въ 1741 г. паденіе Бирона и восшествіе на престолъ Елизаветы вызвали полный переворотъ, снова выдвинувъ впередъ вопросъ о злополучномъ герцогствѣ. И тотчасъ же Морицъ, отдыхая отъ побѣдъ, вернулся къ своимъ прежнимъ заманчивымъ мечтамъ. 12 іюля 1741 г. онъ писалъ изъ Парижа графу фонъ-Брюль: „Я не питаю особенныхъ иллюзій; но если бы вамъ удалось затянуть дѣло, можетъ быть, судьба и всеобщая неурядица обратились бы въ мою пользу. Мнѣ нечего ожидать отъ Россіи, а потому я ни чѣмъ не рискую“ \*). Какъ въ началѣ неудавшагося предпріятія, онъ вообразилъ снова, что кратчайшій путь въ Митаву изъ Парижа идетъ черезъ Варшаву. Но вскорѣ вѣсти, дошедшія изъ далекой Москвы, гдѣ Елизавета короновалась на царство, намѣтили передъ нимъ иную дорогу и даже иную цѣль. Елизавета все еще не вышла замужъ, и его теперешніе сообщники, Ла Шетарди, весьма предпримчивый посланникъ Франціи, и Лестокъ, отважный интриганъ, оба, поддерживая дѣятельную переписку съ графомъ Саксонскимъ, старались ослѣпить его заманчивой перспективой. Онъ поддался соблазну. Побѣдитель при Прагѣ (1741 г.)

---

\*) Witzthum Moritz von Sachsen.

побѣдитель при Эгрѣ (1742), Морицъ получилъ отпускъ и въ то время, какъ французская армія покидала столицу Богеміи, онъ углублялся въ негостепріимныя равнины Россіи. 12-го іюня 1742 г. онъ, наконецъ, представляется Елизаветѣ, въ тотъ же день пригласившей его танцовать съ ней контрдансъ. Спустя два дня, Ла Шетарди даетъ большой обѣдъ въ честь знатнаго путешественника. Императрица прибываетъ туда, возвращаясь съ поѣздки верхомъ. На ней мужское платье, вѣрный признакъ—съ чѣмъ мы неоднократно встрѣчаемся—ея желанія пококетничать. Она обращается съ Морицомъ по-товарищески, съ очаровательной простотой, и очень поздно засиживается въ его обществѣ. 18 іюня происходитъ новая встрѣча у Воронцова на завтракъ по-русски, длившемся девять часовъ. По окончаніи трапезы гости садятся на коней, чтобы сопровождать царицу, летящую галопомъ по иллюминированнымъ улицамъ Москвы. Гроза заставляетъ веселую кавалькаду искать убѣжища въ кремлѣ, гдѣ Елизавета сама показываетъ Морицу принадлежности коронованія. Затѣмъ снова продолжаютъ прогулку верхомъ, и императрица какъ будто невзначай обращается къ Шетарди съ предложеніемъ, не желаетъ ли онъ угостить ееужиномъ. Посланникъ былъ о томъ предупрежденъ заранѣе. Подѣхавъ къ его дому около часа ночи, наѣздники увидели блестящую иллюминацію и фонтаны изъ бѣлаго и краснаго вина на площади для народа, собиравшагося толпами. Два стола на двадцать и тридцать кувертовъ, блестяще сервированные, ожидали гостей. Елизавета переодѣлась—она промокла—и, по словамъ саксонскаго посла Петцольда, „около шести часовъ утра, ея величество, затемняя солнце блескомъ своей красоты, удалилась въ полночь удовольствіи“ \*).

Но завязавшійся романъ тутъ круто обрывается, несмотря на свое заманчивое начало, такъ какъ Морицъ убѣждается, что для не-

---

\*) Дешеша отъ 25-го іюня 1742, Дрезденскій Архивъ; Дешеша Ла Шетарди отъ того-же числа, *Иностран. дѣль, Россія*.

го нѣтъ другого мѣста около императрицы, какъ во время такихъ веселыхъ пикниковъ. Онъ вскорѣ покидаетъ Москву, а за нимъ слѣдуетъ и Ла Шетарди.

Я остановился на этомъ эпизодѣ, потому что въ его обглѣмъ обзорѣ удивительно ясно обрисовывается общій характеръ русской исторіи за вторую четверть восемнадцатаго вѣка. Повидимому, здѣсь царить полнѣйшая неурядица, прихоть и бурныя столкновенія личныхъ честолюбій и страстей. Въ зависимости отъ успѣховъ Морица и „влюбленностей“ петербургскихъ красавицъ, судьба Курляндіи становится, повидимому, игрою случая и любви, внѣ всякой зависимости отъ политическихъ интересовъ Россіи. И всетаки только эти интересы берутъ постепенно верхъ надо всѣмъ. Морицъ, Меншиковъ, Биронъ исчезаютъ другъ за другомъ, оставляя за собой все усиливающуюся русскую гегемонію на берегахъ Балтики, все глубже пускающій корни протекторатъ въ Митавѣ, и, когда наступитъ время, Екатеринѣ II останется лишь протянуть руку, чтобы овладѣть добычей, которую отдали въ ея власть всѣ эти соперники, сами того не вѣдая и не желая.



## Г Л А В А IV.

---

### Императоръ забавляется.—Петръ II.

I. Воспитаніе юнаго императора.—Многообъщающее начало.—Любознательность и задатки великодушія.—Выборъ воспитателя — Остерманъ.—Водвореніе въ домъ Меншикова.—Ловкая политика временщика.—Онъ пытается примириться съ Долгорукимъ и удаляетъ герцоговъ Голштинскихъ.—Полное торжество.—II. Болѣзнь временщика.—Либеральныя мѣропріятія Верховнаго Совѣта.—Освобожденіе Евдокіи.—Новыя вѣянія.—Сестра и тетка.—Наталья и Елизавета.—Соперникъ.—Иванъ Долгорукой.—Его семья возвращается къ своимъ прежнимъ чувствамъ.—Петръ пріобрѣтаетъ вкусъ къ независимости и разсѣянной жизни.—Увлеченіе охотой и утѣхами любви.—Участіе въ кутежахъ.—Марія Меншикова позабыта.—Выздоровѣвшій временщикъ пытается измѣнить положеніе дѣлъ.—Столкновенія.—Праздникъ въ Ораніенбаумѣ.—Немилость.—Изгнаніе Меншикова въ Ораніенбургъ.—Разрывъ помолвки.—III. Новое соперничество.—Борьба Остермана и Натальи Алексѣевны противъ Долгорукихъ.—Отъѣздъ въ Москву.—Надежды Остермана на Евдокію.—Бабка и внукъ.—Разочарованіе.—Торжество Долгорукихъ.—Коронованіе.—Ссылка Меншикова въ Сибирь.—Бердовъ.—Печальная участь семьи.—IV. Петръ II продолжаетъ развлекаться.—Тщетныя старанія заинтересовать его дѣлами.—Его увлеченіе охотой и страсть къ кутежамъ усиливаются.—Кровососительная любовь.—Эгерія, превратившаяся въ вакханку.—Кочевая жизнь.—Новая привязанность.—Немилость Елизаветы.—Смерть Натальи.—V. Екатерина Долгорукая.—Романическое прошлое.—Искусное кокетство.—Бродячая жизнь.—Нѣтъ болѣе правительства.—Горенки.—Разочарованіе и недовѣріе.—Ловушка.

## I.

Заглавіе, данное мною этой книгѣ, на первый взглядъ совсѣмъ не подходитъ къ новому двухлѣтнему періоду, къ которому я теперь перехожу, такъ какъ въ это время на престолѣ находилась не императрица, а императоръ. Но, при болѣе близкомъ знакомствѣ, оно оказывается вполне соответствующимъ дѣйствительности. Женщины царили болѣе чѣмъ когда либо, и, если не всегда дѣла правленія находились въ рукахъ фаворитовъ, то лишь потому, что иногда правительство отсутствовало совсѣмъ.

Преемнику Екатерины I исполнилось три года, когда умерла его мать, несчастная Шарлотта Вольфенбюттельская. Двѣ жевщины изъ простонародья, необразованныя и грубыя—одна вдова портного, другая кабатчика, заступили около него ея мѣсто. Нѣмецъ, по профессіи учитель танцевъ, научилъ Петра читать и писать, и такъ какъ ему пришлось когда-то служить матросомъ, то пытался посвятить его въ науку мореплаванья. Въ 1719 г. по смерти отца, къ ребенку были приставлены болѣе серьезные воспитатели, русскій—Мавринъ, и венгерецъ—Зейкинъ \*), но Петръ I нисколько не интересовался его занятіями, попрежнему весьма малоуспѣшными. Когда Зейкинъ обратился къ нему съ просьбой присутствовать на экзаментѣ своего ученика, царь съ гнѣвомъ прогналъ его прочь.

Реакціонная партія, сливавшая свои интересы и упованіе на будущее съ судьбой царевича, съ удовольствіемъ глядѣла на такую заброшенность. Къ мысли возстановить посредствомъ него естествен-

---

\*) Его настоящей фамиліи не удалось найти. Зейкинъ,—повидимому, передѣлка венгерской фамиліи на русскій ладъ.

ный порядок престолонаслѣдія, примѣшивалась, благодаря этому, надежда на возможный возвратъ къ прежнимъ національнымъ традиціямъ, когда обходились безъ школъ. Не менѣе заманчивая перспектива ограниченія самодержавной власти „чего легче достигнуть при государѣ невѣжественномъ“, тоже дразнила воображеніе многихъ, и Петръ II, при своемъ восшествіи на престоль, казался вполне созданымъ, чтобы оправдать всѣ эти расчеты.

Ему минуло одиннадцать лѣтъ, и въ немъ не обнаруживалось, повидимому никакого сходства съ дѣдомъ. Съ физической и моральной стороны—онъ скорѣе напоминалъ свою мать. Нѣжная душа Шарлотты, казалось, отражалась въ его большихъ глазахъ и пріятномъ лицѣ, а ея грація въ стройной фигурѣ юнаго царя. Иностранные дипломаты единогласно восторгались его пріветливостью, а народъ приписывалъ ему великодушіе, доброту и умъ, позволявшіе предвидѣть въ немъ примѣрнаго государя. Изъ устъ въ уста передавалось его письмо, будто бы написанное сестрѣ, гдѣ онъ давалъ обѣщаніе подражать императору Веспасіану, желавшему, чтобы никто не уходилъ отъ него съ печальнымъ лицомъ \*).

---

\*) Упомянутое о Веспасіанѣ встрѣчается въ рѣчи, произнесенной юнымъ императоромъ при его первомъ появленіи въ Верховномъ Совѣтѣ—гдѣ онъ, по плану Остермана, долженъ былъ присутствовать каждую среду и пятницу: „Послѣ того, какъ Богъ изволилъ меня въ малолѣтствѣ всея Россіи императоромъ учинить, наивящее мое стараніе будетъ, чтобъ исполнить должность добраго императора, т. е. чтобъ народъ мнѣ подданный съ богобоязненностью и правосудіемъ управлять; чтобъ бѣдныхъ защищать, обиженнымъ вспомогать, обиженныхъ и неправедно отягощенныхъ отъ себя не отгонять, но веселымъ лицомъ жалобы ихъ выслушать и по похваленному императора Веспасіана примѣру никого отъ себя печальнаго не отпускать“.

Но въ бумагахъ Остермана сохранилось письмо Петра II къ сестрѣ Натальѣ Алексѣевнѣ на латинскомъ языкѣ—повидимому, еще Зейкинъ выучилъ этому языку Петра II: онъ на немъ переписывался и съ Остерманомъ—по содержанію напоминающее вышеприведенную рѣчь. *Примѣч. перев.*

Относительно духовной стороны одиннадцатилѣтняго ребенка трудно сказать что-либо опредѣленное. Она еще совершенно не обрисовалась. Возможно, что у сына Алексѣя были задатки всѣхъ качествъ, какими его одаряли; задачей воспитанія было ихъ развить; но къ несчастью труды Маврина и Зейкина были прерваны въ самомъ началѣ, уступивъ мѣсто всевозможнымъ увлеченіямъ и всякаго рода соблазнамъ и отравамъ неограниченной власти. Вначалѣ ребенокъ, дѣйствительно, покорно подчинился положенію, созданному силой обстоятельствъ. Его пріучили называть Меншикова „батюшкой“; онъ такъ и, продолжалъ. Онъ даже согласился на то, чтобы его перевезли изъ императорскаго дворца, гдѣ времезщикъ спасался, какъ бы юный государь не ускользнулъ какимъ-либо образомъ изъ-подъ его надзора. Подъ предлогомъ, что тѣло покойной императрицы должно тамъ пребывать для поклоненія нѣсколько недѣль, будущій тестъ помѣстидъ своего будущаго зятя въ собственномъ домѣ на Васильевскомъ Островѣ. Онъ отпустилъ его двухъ наставниковъ, считая ихъ справедливо неудовлетворяющими требованіямъ, и доказалъ свою прозорливость, если не мудрую предусмотрительность относительно личныхъ интересовъ, замѣстивъ ихъ Остерманомъ. Возведенный уже въ санъ вице-канцлера и обнаруживъ на этомъ посту выдающіяся качества, хитрый вестфалецъ, чей дипломатическій геній былъ признанъ Петромъ, выказалъ себя отличнымъ педагогомъ. Росписаніе занятій, составленное имъ на нѣмецкомъ языкѣ и изданное впоследствии въ русскомъ переводѣ будущимъ учителемъ Екатерины II, Адауровымъ, выставляетъ его съ этой стороны весьма въ благопріятномъ свѣтѣ. Уроки короткіе и остроумно разнообразныя, очень широкая система, отдающая предпочтеніе дружескимъ бесѣдамъ между воспитанникомъ и наставникомъ, составляли основанія избраннаго имъ метода преподаванія.

Мальчикъ сперва пристрастился къ ученю, а такъ же и къ учителю. Утромъ, вставъ съ постели, онъ бѣжалъ прямо къ нему въ рубашкѣ. И Меншиковъ вначалѣ не могъ нахвалиться юнымъ



императоромъ. 12-го мая происходило блестящее празднество въ домѣ на Васильевскомъ островѣ, куда былъ приглашенъ дворъ привѣтствовать государя въ занятыхъ имъ апартаментахъ. Появившись на этомъ собраніи, Петръ II съ рѣшительнымъ видомъ выступилъ впередъ и сказалъ громкимъ голосомъ: „Сегодня я хочу уничтожить фельдмаршала!“ Общее смятеніе! Обыкновенно подъ этимъ именемъ подразумѣвали Меншикова. Но маленькій императоръ сейчасъ же далъ понять милой улыбкой, освѣтившей его лицо, что смущеніе было напрасно. Важно онъ вынулъ изъ кармана и протянулъ своему будущему тестю грамоту, возводившую его въ санъ генералиссимуса. Меншиковъ напрасно добивался этой почести отъ Екатерины.

22-го мая, послѣ погребенія императрицы, состоявшагося 16-го, члены Верховнаго Совѣта отправились къ новому главнокомандующему съ выраженіемъ своего одобренія по поводу желанія, высказаннаго покойной въ своемъ завѣщаніи относительно женитьбы Петра II на Маріи Меншиковой. Черезъ два дня помолвка была отпразднована съ большимъ блескомъ; женихъ отличался привѣтливостью, отвѣчая поцѣлуями на цѣлованіе руки и раздавая лично кубки съ венгерскимъ виномъ. Невѣста одновременно получила титулъ императорскаго высочества, дворъ и содержаніе въ тридцать четыре тысячи. Ея тетка Варвара Арсеньева, старая интригантка, злой геній семьи, назначенная гофмейстериней двора будущей императрицы (также заставляла статсъ-дамъ цѣловать себѣ руку \*).

Добравшись до вершины власти, Меншиковъ обнаружилъ большую ловкость. Сознвая необходимость въ опорѣ для упроченія зданія своихъ паразитическихъ удачъ, онъ сумѣлъ найти ее среди той же знати, считавшей его позоромъ и посрамленіемъ въ своей средѣ. Восшествіе на престолъ Петра II, отчасти результатъ его

---

\*) Михневичъ. „Девъ невѣсты Петра II“ Историческіе очерки и рассказы.

Стараній, уже примиряло его съ Голицыными. Князя Алексѣя Григорьевича Долгорукаго онъ назначилъ гофмейстеромъ двора цесаревны Натальи Алексѣевны, и кромѣ того сдѣлалъ его помощникомъ воспитателя при Остерманѣ. Сынъ князя, Иванъ, замѣшанный въ дѣлѣ Девьера и выключенный изъ гвардіи, получилъ свой прежній чинъ, и Меншиковъ сдѣлалъ его товарищемъ юнаго государя. Михаилъ Владиміровичъ Долгорукій получилъ кресло въ Сенатѣ, и братъ его, Василій, настолько былъ этимъ тронутъ, что въ письмѣ къ Меншикову называлъ его своимъ милостивымъ государемъ и отцомъ \*).

Во враждебномъ лагерѣ оставалась только семья герцоговъ Голштинскихъ, побѣжденныхъ, но не смирившихся. Послѣ 19-го мая, со смертью жениха Елизаветы, умершаго отъ оспы, ихъ значеніе упало. Подъ предлогомъ опасенія заразы, Меншиковъ заставилъ герцога съ супругой выдержать карантинъ, при этомъ такъ щедро расточая уколы всякаго рода, что въ концѣ іюля герцогская чета рѣшила покинуть Россію. Временщикъ только этого и добавившейся, выказалъ большую уступчивость, на свой ладъ, въ дѣлѣ улаженія политическихъ и денежныхъ претензій, предъявленныхъ при отъѣздѣ дочерью Петра Великаго и ея супругомъ. Впредь до разрѣшенія вопроса относительно Шлезвига, согласно договору, заключенному по этому поводу между Швеціей и императоромъ, государство обязывалось выплачивать Голштинской герцогской четѣ сто тысячъ флориновъ. Изъ милліона, обѣщаннаго герцогинѣ, двѣсти тысячъ подлежало немедленной выплатѣ, а остальные въ теченіе восьми лѣтъ. Но временщикъ вычелъ въ свою пользу шестьдесятъ тысячъ рублей,

---

\*) За высокую вашу, моего государя и отца милость... премоного благодарствую, и не могу чѣмъ заслужить до смерти моей того, только могу просить всемогущаго Бога да воздастъ вамъ, моему отцу, всевышній за ваше великодушіе со всею вашею высокою фамиліей. *Дѣла Меншикова въ Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.* (Соловьевъ).

выговоренныхъ имъ за комиссію. Владелецъ несмѣтныхъ богатствъ, постоянно увеличивавшихся благодаря его хищеніямъ, онъ выказывалъ одновременно невѣроятную жадность и расточительность. Онъ еще вынудилъ у герцога письменное обязательство на двадцать тысячъ рублей въ видѣ подарка Бассевичу, изъ которыхъ тотъ не получилъ ни гроша. 25-го іюля 1727 г. Анна Петровна отплыла въ Киль, гдѣ, годъ спустя, родился будущій супругъ Екатерины II.

Успокоившись съ этой стороны, Меншиковъ быстро освободился отъ остальныхъ, менѣе значительныхъ противниковъ, отправивъ Шафирова въ Архангельскъ, Ягужинскаго на Украину и замѣстивъ освободившіяся такимъ образомъ должности своими ставленниками. Императорскій кабинетъ подъ управленіемъ Макарова его смущалъ, такъ какъ пріобрѣлъ чрезвычайную независимость при Екатеринѣ I. Онъ его уничтожилъ за излишествомъ при несовершеннолѣтнемъ государѣ; Макарова назначилъ президентомъ финансовой коллегіи и теперь чувствовалъ себя на вершинѣ безграничной и безпредѣльной власти. Но въ это самое время его постигла случайная неудача, ставшая для него роковой.



## II.

Въ первыхъ числахъ іюля здоровье временщика, доселѣ не сокрушимое, пошатнулось. У него появилось кровохарканье, и врачи объявляли его безнадежнымъ. Онъ самъ сознавалъ свое опасное положеніе, но ожидалъ неизбежнаго конца съ мужествомъ и душевнымъ величіемъ, не покидавшими его и впослѣдствіи среди обстоятельствъ, способныхъ потрясти самыя закаленные сердца. Онъ составилъ для своего воспитанника нѣчто вродѣ завѣщанія, исполненнаго благородства, и написалъ въ Верховный Совѣтъ, поручая ему свое семейство. Черезъ нѣсколько недѣль его крѣпкій организмъ взялъ верхъ надъ болѣзною, но за это время и Верховный Совѣтъ, и самъ Петръ II привыкли обходиться безъ него. Совѣтъ получившій свободу дѣйствій, старался снискать себѣ популярностъ, принявъ нѣкоторыя мѣры либеральнаго характера, какъ уничтоженіе каменныхъ столбовъ и кольевъ, на которыхъ, среди самаго Петербурга, все еще разлагались трупы и головы казненныхъ, отравляя воздухъ, и предоставляя иностранцамъ зрѣлище, совершенно несоотвѣтствующее европейскому лоску, какой Петръ стремился придать своей столицѣ. Это былъ первый шагъ къ уничтоженію „Преображенскаго приказа“, канцеляріи политическаго розыска, поставлявшей палачей, дѣйствительно постепенно исчезнуваго во время царствованія Петра II. Надо сознаться, что извѣстный толчекъ въ этомъ направленіи былъ данъ самимъ Меншиковымъ. Такъ въ его присутствіи и съ его согласія, въ первомъ засѣданіи подъ предсѣдательствомъ Петра II, Совѣтъ рѣшилъ возстановить гетманство въ Малороссіи, положивъ конецъ правленію насилія и произвола. Со времени заключенія въ крѣпость Петромъ Великимъ исправляющаго должность



Княжна

МАРІА АЛЕКСАНДРОВНА МЕНШИКОВА.



гетмана, Полуботка, область управлялась коллегіей, вершившей ея судьбы весьма самовластно. Другими постановленіями имѣлось въ виду облегчить бремя и снять путы, наложенные на торговлю фискальной политикой Преобразователя. Но, воспользовавшись отсутствіемъ временщика, Совѣтъ сдѣлалъ крупныя шаги въ этомъ направленіи. Уже на слѣдующій день, какъ Меншиковъ слегъ въ постель, указомъ была освобождена изъ Шлиссельбурга Евдокія Лопухина, въ монашествѣ Елена 1718 года \*) Меншиковъ прекрасно сознавалъ, что невозможно держать въ заключеніи бабу царствующаго императора, но боялся взглянуть ей въ глаза и опасался ея мести.

Дѣйствительно ли существовали лишенія строгаго заточенія, которому былъ теперь положенъ конецъ? Въ послѣднее время по этому поводу возникли разногласія. Въ монастырѣ на Ладожскомъ озерѣ Евдокія какъ-будто пользовалась удобнымъ помѣщеніемъ, тремя монашенками для личныхъ услугъ и достаточной суммой денегъ — нѣсколько сотъ рублей ежегодно — для своихъ нуждъ. Въ ея апартаментахъ была устроена часовня и совершалась литургія. Впослѣдствіи, во время ея заточенія въ Шлиссельбургѣ, Меншиковъ слалъ приказъ за приказомъ офицеру, завѣдовавшему стражей, чтобы Елена не терпѣла недостатка ни въ чемъ. Но самая многократность этихъ приказаній заставляетъ сомнѣваться въ ихъ дѣйствительности, а въ перепискѣ Остермана съ этой трогательной жертвой страстей Петра Великаго встрѣчаются слишкомъ краснорѣчивыя намеки на мученія, испытываемыя ею. \*\*)

Верховный совѣтъ озаботился одновременно изгладить всѣ слѣды процесса 1718 г. Всѣмъ лицамъ, у кого сохранился манифестъ, изданный по этому случаю, съ перечнемъ преступленій Евдокіи и Глѣбова, было предложено, подъ угрозой самаго суроваго наказанія, представить его въ руки властей, для сего предназначенныхъ. Мен-

\*) См. „Петръ Великій“.

\*\*) *Переписка русскихъ государей*, III, 37.

шиковъ по своемъ выздоровленіи не рѣшился отмѣнить этихъ распоряженій, но онъ воспротивился пріѣзду Евдокии въ Петербургъ. Подъ предлогомъ близкой коронаціи, когда ея внуку придется покинуть новую столицу, онъ водворилъ престарѣлую царицу въ Москвѣ, гдѣ ихъ ожидало скорое свиданіе. Петръ II не настаивалъ.

Онъ съ своей стороны началъ проявлять наклонность къ независимости. Ускользнувъ въ теченіе послѣднихъ недѣль отъ строгой опеки, въ какой его держалъ будущій тесть, онъ сначала бросился въ сторону Остермана, менѣе суроваго и грубаго, болѣе снисходительнаго и привѣтливаго и во всѣхъ отношеніяхъ для него болѣе привлекательнаго. Но вскорѣ появились еще новыя вліянія. Общество воспитателя было поучительнымъ и интереснымъ, но общество Натальи Алексѣевны еще притягательнѣе. Всѣ современники, русскіе и иностранцы, единодушно восхваляютъ, если не красоту, то неотразимую прелесть этой царевны.

Она не была красива, съ сильными слѣдами оспы на лицѣ и слегка курносая. Но всего лишь на годъ старше брата, она обвнууживала умъ чрезвычайно разносторонній, доступный для самыхъ возвышенныхъ мыслей, сердце, открытое для самыхъ благородныхъ чувствъ. Она давала превосходные совѣты юному императору, уговаривая его работать, избѣгать дурнаго общества, и онъ, вначалѣ ее какъ будто слушался. Осталось письмо, гдѣ онъ пытается выразить красивымъ слогомъ свои тогдашнія чувствованія. Тамъ теорія просвѣщеннаго самодержавія, изложенная на плохой латыни, чередуется съ выраженіями нѣжной благодарности сестрѣ за ея помощь автору въ дѣлѣ воспитанія изъ себя хорошаго государя. \*)

---

\*) „Каждый разъ, какъ я съ собою разсуждаю, сколь много надлежащее воспитаніе императора содѣйствуетъ безопасности и благоденствію народа, не могу не принести неизмѣнной признательности свѣтлѣйшей княжнѣ, моей любезнѣйшей сестрѣ, которая меня поучаетъ полезными увѣщаніями, помогаетъ благоразумными



Къ несчастью, вмѣстѣ съ сестрой появилась на Васильевскомъ Островѣ тетка, очаровательная и жизнерадостная Елизавета, не вспоминавшая ни о работѣ, ни о добродѣтели. Въ семнадцать лѣтъ, рыжеволосая, съ искрящимися глазами, по выраженію Лефортова, стройная, полногрудая она олицетворяла собой веселье, чувственность и страсть. Вліяніе ея началось невиннымъ образомъ, развивая въ племянникѣ любовь къ физическимъ упражненіямъ, которыми она щеголяла, какъ неустрашная наѣздница и неутомимая охотница. Съ наступленіемъ лѣта она увлекала его ежедневно на прогулки верхомъ, или на охоту, и прощай учебныя тетради! Остерманъ не препятствовалъ; послѣдовательность мыслей составляла одно изъ его достоинствъ, а намъ извѣстенъ его планъ относительно юной пары. Вскорѣ воспитанникъ началъ своимъ поведеніемъ оправдывать надежды наставника. Сынъ Алексѣя обнаружилъ весьма раннюю половую зрѣлость, и во время охоты въ обществѣ Елизаветы для него главный интересъ представляла уже не перчатая, или четвероногая дичь. Но Остерману не хватало опытности въ дѣлахъ воспитательныхъ и любовныхъ. Сама Елизавета была такъ же еще слишкомъ неопытна, а ея юный племянникъ слишкомъ робокъ, чтобы путь, на который онъ вступилъ подъ благосклоннымъ взоромъ наставника, не оказался усѣяннымъ препятствіями и окруженнымъ безднами. Возвращаясь съ охоты, Петръ II вздыхалъ по теткѣ и сочинялъ въ ея честь плохіе стихи, но съ наступленіемъ ночи исчезалъ въ обществѣ Ивана Долгорукаго въ поискахъ за удовольствіями, болѣе доступными, жажда которыхъ зародилась у него подъ впечатлѣніемъ его романа.

---

совѣтами, изъ которыхъ каждый день извлекаю величайшую пользу, а мои вѣрныя подданные ощущаютъ живѣйшую радость. Какъ могу я когда-либо забыть сколько заслугъ ко мнѣ? Воистину, чѣмъ счастливѣе нѣкогда будетъ мое государство, тѣмъ болѣе, признавая плоды ея совѣтовъ, поступлю такъ, что она найдетъ во мнѣ благодарнаго брата и императора". (Сбор. Р. И. О.)

Постепенно эти ночныя похождения обращались въ привычку, по милости которой товарищъ, столь неразумно избранный Меншиковымъ, пріобрѣталъ всѣ права, чтобы занять мѣсто временщика, тогда какъ молодой Александръ Меншиковъ, также приставленный отцомъ къ юному государю въ санѣ оберъ-камергера и чинѣ генераль-лейтенанта—въ тринадцать лѣтъ!—вызывалъ недоброжелательные толки, порождая воспоминавія о первомъ герцогѣ де-Люинь. Обращали вниманіе на то, что съ лентой Андрея Первозваннаго онъ удостоился ленты Екатеринбургской, доселѣ предназначенной только для женщинъ. \*)

А Марія Меншикова? Она совершенно ступевалась среди этой новой жизни. Отличаясь красотой, нѣсколько холодной, не обладая вызывающими манерами и чарующей привлекательностью Елизаветы, такъ плѣнившей ея жениха, она ему никогда не нравилась, а теперь внушала чувство близкое къ пренебреженію, вѣрнѣе отвращенію. Онъ сравнивалъ ее съ мраморной статуей. Говорятъ даже, что онъ однажды бросился на колѣна передъ сестрой Натальей, предлагая ей свои часы, только чтобы она помогла ему избавиться отъ невѣсты. Столь же скромная, какъ и гордая, цесаревна съ своей стороны рѣшительно отказывалась бороться съ немилостью, которую всѣ окружающіе Петра, какъ мужчины, такъ и женщины стремились сдѣлать окончательной.

Когда на сценѣ снова появился Меншиковъ, онъ подѣйствовалъ на всю эту компанію, какъ холодный душъ. Его появленіе въ апартаментахъ государя служило сигналомъ ко всеобщему бѣгству. Петръ спасался въ другую дверь, Наталья выскакивала въ окно. Его прозвали „Голіаѳомъ“, „Левіафаномъ“. Наталья, обладавшая способностями къ подражанію и карриатурѣ, возбуждала взрывы хохота, передразнивая его манеры. Съ нимъ вернулись его деспотическія требованія, показавшіяся теперь невыносимыми. Онъ счелъ нужнымъ ихъ усугубить, чтобы подавить признаки замѣчнаго имъ воз-

---

\*) Долгоруковъ „Записки“ I, 11.

мущевія. „Прежній деспотизмъ—игрушки въ сравненіи съ тѣмъ, что царить въ настоящее время“, писалъ Лефорть 5 августа 1727 г. <sup>1)</sup>). Стали возникать столкновенія. Цехъ петербургскихъ каменщиковъ поднесъ императору подарокъ въ видѣ 9000 червонцевъ, Петръ отправилъ ихъ Елизаветѣ, большой мотовкѣ. Меншиковъ, встрѣтивъ посла съ увѣсистымъ мѣшкомъ, вернулъ его обратно.

Царская казна истощилась, и такой подарокъ приходился какъ нельзя болѣе кстати. Петръ вспылилъ: „Я тебѣ покажу, кто изъ насъ двухъ императоръ!“ Меншиковъ не обратилъ вниманія на эти слова, звучашія предостереженіемъ. Можетъ быть, у него не оставалось другихъ способовъ поддержать свой авторитетъ, какъ при помощи свойственныхъ ему крутыхъ мѣръ. Онъ рѣшительно воспротивился склонности къ Елизаветѣ, выказываемой его воспитанникомъ и иностранными дипломатами уже величаемой „страстью“. Однажды, когда императоръ потребовалъ себѣ 500 червонныхъ, Меншиковъ у него строго спросилъ: „Для кого?“ — „Мнѣ нужно“. И, подозревая, что деньги снова понадобятся для цесаревны, Меншиковъ приказалъ ихъ отобрать у нея. То онъ разсчиталъ слугу, пріобрѣтавшаго благосклонность юнаго императора своей услужливостью, то отвѣчалъ сухимъ отказомъ на ходатайства государя за Ягужинскаго.

Но то, что составляло силу его власти: долготѣняя привычка, обаяніе положенія, какъ будто неразрывно связаннаго съ существованіемъ имперіи, кажущаяся невозможность пошатнуть его, не поколебавъ основы государства,—все это исчезло за время роковой болѣзни, послѣ которой временщикъ явился, какъ выходцемъ съ того свѣта. Государство не рушилось безъ него. По какому же праву онъ желалъ занимать въ немъ такое мѣсто? Зависть и соперничество, подавленные или удовлетворенныя, возгорѣлись снова. Долгорукіе, вначалѣ примирившіеся, увидѣли въ благосклонности, оказываемой одному изъ нихъ, восходъ новой зари и вернулись къ сво-

---

<sup>1)</sup> Сборникъ, III.

нимъ прежнимъ чувствамъ. Видя грозу, собиравшуюся надъ его головой, Меншиковъ рѣшилъ сильнѣе опереться на Голицыныхъ. Наскоро задуманная свадьба между его сыномъ и дочерью фельдмаршала Михаила Михайловича, казалось, укрѣпила его надежды въ этомъ отношеніи. Но средство, оказалось недостаточнымъ.

Гроза разразилась въ сентябрѣ. Окончивъ постройку часовни въ своемъ помѣстьѣ въ Ораніенбаумѣ, Меншиковъ задумалъ ознаменовать ея освященіе великолѣпнымъ празднествомъ, на которомъ необходимо долженъ былъ присутствовать его воспитанникъ и тѣмъ положить конецъ уже распространявшимся толкамъ о ихъ взаимномъ охлажденіи. Петръ дѣйствительно обѣщался прибыть; но, желая ли избѣжать щекотливаго положенія для своей дочери, или рѣшившись идти напроломъ, временщикъ отказался пригласить Елизавету, и, въ послѣднюю минуту императоръ, находившійся по близости въ Пергофскомъ дворцѣ, далъ знать, что не будетъ. Праздникъ тѣмъ не менѣе отличался великолѣпіемъ. Члены Верховнаго Совѣта, Голицыны въ полномъ составѣ, канцлеръ Головкинъ, хотя обиженный опалой своего зятя Ягужинскаго, генералы Волковъ, князь Шаховской, Сенявинъ, всѣ были на лицо. Феофанъ Прокоповичъ совершалъ богослуженіе. Пушечные выстрѣлы гремѣли во время обѣда. Но, по окончаніи трапезы члены Совѣта посѣщили въ Петергофъ, чтобы пожаловаться на гостепріимнаго хозяина, который въ церкви занялъ мѣсто, предназначенное для императора. На слѣдующій день Волковъ посовѣтовалъ временщику посѣтить императора и, послѣ нѣкотораго колебанія, Меншиковъ рѣшился выѣхать подъ громъ пушечныхъ выстрѣловъ, сопровождавшій всѣ его передвиженія. Но такъ какъ въ этотъ день приходились именины Елизаветы, то изъ упрямства и послѣдняго проблеска заносчивости онъ устроился такъ, чтобы пріѣхать уже довольно поздно вечеромъ, и потому не получилъ свиданія у государя. У Меншикова было отдѣльное помѣщеніе въ Петергофѣ, гдѣ онъ провелъ ночь; но, когда утромъ онъ пожелалъ представиться императору, то услышалъ, что тотъ съ ран-

няго утра уѣхалъ на охоту. Это уже походило на разрывъ. Меншиковъ отправился къ Натальѣ, при видѣ него обратившейся въ бѣгство по своему обыкновенію. Елизавета согласилась его принять, но неловкій царедворецъ до конца, оя не нашелъ ничего лучшаго, какъ жаловаться ей на неблагодарность императора и заявить о своемъ намѣреніи „все бросить и отправиться въ армію на Украйнѣ“. Елизавету, повидимому, нисколько не испугали такія угрозы. Оя обрушился на Остермана, надѣясь расправиться съ нимъ своей обычной грубостью:

— Вы совращаете императора съ православія! Можете живо очутиться на колесѣ за такое преступленіе.

Вице-канцлеръ глазомъ не моргнулъ и своимъ тонкимъ, шепелявымъ голосомъ отвѣчалъ, смотря въ упоръ на „Голіаѳа“:

— Колесо существуетъ для другихъ злодѣевъ.

— Какъ вы смѣете! Какихъ?

— А, напримѣръ, для фальшивыхъ монетчиковъ.

Такой отвѣтъ сразилъ Меншикова. Его уже давно обвиняли въ этомъ преступномъ занятіи; но чтобы человѣкъ настолько осторожный, какъ Остерманъ, рѣшился намекнуть на подобныя сплетни, надо было признать немилость, очевидную изъ поведенія Петра, непоправимой. Петръ все еще былъ ребенкомъ; въ распоряженіи Меншикова находились всѣ силы государства. Какой-нибудь рѣшительный шагъ могъ еще, пожалуй, спасти его. Но, потому ли, что недавняя болѣзнь ослабила его энергію, или потому, что долголѣтній опытъ подсказывалъ ему бесполезность борьбы, оя не привялъ никакихъ мѣръ, вернулся въ Петербургъ и сталъ ожидать дальнѣйшихъ событій, быстро послѣдовавшихъ одно за другимъ. Въ тотъ же самый день Петръ, появившись въ Петербургъ въ честь Елизаветы и вернувшись въ свои апартаменты съ озабоченнымъ видомъ, призвалъ майора гвардіи Салтыкова и приказалъ ему перевезти съ Васильевского Острова свои экипажи и свои личные вещи. Разрывъ совершился.

Меншиковъ хватался теперь за все, какъ утопающій за соломенку, наудачу и, конечно, сознавая, что не помогутъ ему тѣ послѣднія ухищренія, къ которымъ онъ прибѣгалъ. Спасенія не было! Съ потерей благосклонности повелителя, бездна разверзлась подъ его ногами. Онъ отправилъ гонца къ князю Михаилу Голицыну \*). Гвардія относилась съ уваженіемъ къ престарѣлому воину и, можетъ быть, согласится ему повиноваться. Онъ послалъ за Зейкинымъ, слишкомъ поздно раскаиваясь, что замѣнилъ венгерца вестфальцемъ. Но Голицынъ находился подъ Москвой, а Зейкинъ выѣхалъ на родину. Они не успѣли бы прибыть, да будь они даже здѣсь, присутствіе ихъ не принесло бы никакой пользы. Все зависѣло только отъ юного императора: въ слабыхъ рукахъ тринадцатилѣтняго мальчика сосредоточена была вся власть надъ людьми и обстоятельствами. На слѣдующій же день, 7 сентября 1727 г., Петръ, уже водворившійся въ Лѣтнемъ дворцѣ, предупредилъ гвардію и Верховный Совѣтъ, чтобы впредь они повиновались только его личнымъ приказаніямъ. Временщикъ бросился во дворецъ, но не былъ принятъ. На другой день Салтыковъ, снявъ почетный караулъ, стоявшій у дверей генералиссимуса, объявилъ ему, что онъ арестованъ \*\*).

У Меншикова сдѣлался ударъ, и ему пустили кровь. Его жена, невѣстка Арсеньева, и сынъ, дождавшись императора при выходѣ его изъ церкви, бросились ему въ ноги. Но онъ прошелъ мимо, не произнеся ни слова. Обѣ женщины обратились съ мольбами къ Натальѣ и Елизаветѣ, сопровождавшихъ государя, но удостоились отъ

---

\*) Меншиковъ писалъ Голицыну: „Изволите ваше сіятельство поспѣшить сюда, какъ возможно на почтѣ, и когда изволите прибыть къ перспективной дорогѣ, тогда изволите къ намъ прислать съ нарочнымъ извѣстіе и назначить число, въ которое намѣрены будете сюда прибыть, повеже весьма желаемъ дабы ваше сіятельство прежде всѣхъ изволили видѣться съ нами“.

\*\*) Журналы Верховн. Тайн. Сов.

нихъ лишь презрительнаго взгляда. Нѣкоторые историки <sup>1)</sup> напрасно замѣшивали въ этой послѣдней отчаянной попыткѣ имя царской невѣсты. Она была слишкомъ горда для этого! Но жена Меншикова заслуживала лучшаго приѣма. Это была женщина, всѣми весьма уважаемая. Но молодость жестока. Несчастная проползала цѣлый часъ на колѣнахъ передъ Остерманомъ, не добившись ничего. Придя въ себя, временщикъ написалъ тому, кого не смѣлъ болѣе называть своимъ будущимъ зятемъ, письмо, говоря, что не чувствуетъ за собой никакой вины, но постигнутый тѣмъ не менѣе несчастіемъ царской немилости, умоляетъ о прощеніи и, во вниманіе къ прежнимъ заслугамъ, просить даровать ему свободу и дать почетную отставку. Подобное же письмо, почти въ такихъ же выраженіяхъ отправилъ онъ Натальѣ. Оба остались безъ отвѣта. Счастье измѣнило „Алексаишкѣ“, какъ называлъ Петръ I своего сподвижника. Удививъ весь міръ своими размѣрами, казавшееся несокрушимымъ зданіе его благополучія рушилось, какъ карточный замокъ. Построенное вообще на непрочной почвѣ царскаго благоволенія господство временщиковъ здѣсь, какъ вездѣ, носило характеръ превратности, чѣмъ отчасти смягчались его недостатки.

9 сентября Петръ подписалъ указъ, составленный Остерманомъ, которымъ Меншиковъ ссылался въ свое помѣстье Ораніенбургъ (современный Раненбургъ, Рязанской губерніи). Вышій временщикъ лишился должностей, чиновъ и орденовъ и обязывался дать подписку ни съ кѣмъ не вступать въ переписку. Одновременно было разослано по церквамъ приказаніе, не поминать въ молитвахъ бывшую невѣсту императора. На слѣдующій день семейство Меншиковыхъ покинуло Петербургъ съ поѣздомъ, болѣе чѣмъ княжескимъ: четыре кареты съ запряжкой въ шесть лошадей, полтора ста берлинъ, одиннадцать фургоновъ и сто сорокъ семь слугъ. Толпа глядѣла на поѣздъ равнодушно. Она мало интересовалась крушеніемъ временщи-

---

<sup>1)</sup> Костомаровъ. „Монографія“ XVI, Лефорть, (Сборникъ, III, Сочиненіе Миханевича.

ка. Причины крушенія ей оставались неизвѣстными, и послѣдствія ея не касались. Рассказывали, что изгнанникъ ходатайствовалъ о займѣ у короля Прусскаго, обѣщая уплату, когда сдѣлается императоромъ; что онъ намѣревался смѣстить офицеровъ гвардіи и замѣнить ихъ своими ставленниками; что завѣщаніе Екатерины поддѣлано его стараніями \*). Но это исходило не изъ придворнаго круга.

Въ этой сферѣ, наоборотъ, послѣ отъѣзда Меншикова дѣла его со дня на день, вѣрнѣе съ часу на часъ, принимали худшій оборотъ. Петръ не безъ нѣкотораго опасенія рѣшился поднять руку на колосса, такъ долго приводившаго его въ трепеть. Увидавъ, какъ тотъ рухнулъ отъ одного щелчка, онъ почувствовалъ соблазнъ излить на него свою злобу. Онъ далъ волю своему злопамятству и наущеніямъ Елизаветы и Натальи, не щадившимъ низверженнаго врага, и тому вскорѣ предстояло убѣдиться, что опала, его постигшая, была только началомъ, и онъ катился по наклонной плоскости въ неизмѣримыя бездны. Гонцы летѣли вслѣдъ за изгнанникомъ, принося вѣсти о новыхъ суровыхъ мѣрахъ: въ Вышнемъ-Волочкѣ былъ полученъ приказъ разоружить челядь бывшаго временщика; въ Твери—приказъ отослать обратно въ Петербургъ экипажи и слугъ, признанныхъ излишними; въ Клину—приказъ отобрать отъ Маріи Мевшиковой ея обручальное кольцо и заключить въ монастырь Варвару Арсеньеву. Видно женское вліяніе въ этихъ бесполезныхъ жестокостяхъ. 3 ноября, миновавъ Москву, согласно предписанному маршруту, печальный поѣздъ прибылъ въ Ораниенбургъ. Домъ Меншикова былъ тамъ расположенъ за оградой крѣпости, что при данныхъ обстоятельствахъ, превращалъ его въ тюрьму. Ко всѣмъ выходамъ были приставлены часовые, и бывший временщикъ имѣлъ право писать не иначе, какъ въ присутствіи офицера, завѣдывавшаго стражей \*\*).

---

\*) Соловьевъ.

\*\*) Есиповъ, ссылка князя Меншикова „Отечественныя дѣтписи“.



Онъ твердо переносилъ испытаніе, предвидя новые удары, не заставлявшіе себя ожидать. Остерманъ въ свою очередь оказался немолимымъ, настаивая на возбужденіи дѣла противъ своего бывшаго покровителя. 9 ноября 1727 г. указомъ было предписано приступить къ описи его имѣній. По слухамъ только въ его петербургскихъ домахъ было найдено на двѣсти тысячъ рублей столового серебра, восемь милліоновъ червонцевъ, тридцать милліоновъ серебряной монетой, на три милліона драгоцѣнностей и драгоцѣнныхъ предметовъ. Но Лефортъ, приводящій эти цифры, самъ находитъ ихъ маловѣроятными <sup>1)</sup>. Благодаря перехваченному письму было открыто еще 70 пудовъ серебряной посуды спрятанной въ тайникѣ <sup>2)</sup>. 17 ноября Верховный Совѣтъ получилъ увѣдомленіе отъ графа Николая Головина, посланника въ Стокгольмѣ, о свѣдѣніяхъ, доставленныхъ бывшимъ временщикомъ Швеціи, въ ущербъ интересамъ Россіи. Это вызвало бурю всеобщаго негодованія. Полился потокъ обвиненій, разрастаясь непомерно. Всѣ прошлыя несправедливости, превышенія власти, всевозможныя злоупотребленія припомнились низвергнутому деспоту, въ то время, какъ судебная коммиссія постановила арестовать трехъ его секретарей, а ему самому послать запросъ изъ ста двадцати пунктовъ.

Ему оставалось единственное спасеніе: воспользоваться расколомъ, происшедшимъ уже въ это время въ рядахъ его противниковъ.

---

<sup>1)</sup> Сборникъ III.

<sup>2)</sup> Лефортъ, депеша отъ 20 декабря 1727, не помѣщенная въ Сборникъ (Дреаденскій Архивъ).

### III

Съ усиленіемъ вліянія Остермана на его воспитанника, принимавшаго опасныя размѣры, у него въ свою очередь неизбежно должны были появиться завистники. Такъ какъ онъ пользовался поддержкой Натальи Алексѣевны, то Долгорукіе и Голицыны сплотились вокругъ Елизаветы, справедливо рассчитывая, что послѣдняя со временемъ возьметъ верхъ. Дѣйствительно, освободившись отъ Меншикова, юный императоръ выказывалъ все большую склонность удалиться съ дороги званій и добродѣтелей, по которой стремились направить его сестра и воспитатель. Подъ предлогомъ поглотившихъ его теперь заботъ о дѣлахъ правленія онъ совершенно забросилъ ученые; но Верховный Совѣтъ, въ которомъ онъ рѣшилъ впредь лично председательствовать, не чаще видѣлъ его отъ этого на своихъ засѣданіяхъ. Въ декабрѣ 1727 г. Лефортъ, рисуя обликъ государя, слѣдующимъ образомъ описывалъ его времяпрепровожденіе:

„Императоръ занимается только тѣмъ, что цѣлыми днями и ночами рыскаетъ по улицамъ съ царевной Елизаветой и сестрой, посѣщаетъ камергера (Ивана Долгорукаго) пажей, поваровъ и Богъ вѣсть еще кого...

Кто могъ бы себѣ представить, что эти безумцы (Долгорукіе) способствуютъ возможнымъ кутежамъ, внушая (царю) привычки послѣдняго русскаго. Мнѣ извѣстно помѣщеніе, прилегающее къ бильярдной, гдѣ помощникъ воспитателя приберегаетъ для него запретныя забавы. Въ настоящее время онъ увлекается красоткой, бывшей у Меншикова... и сдѣлалъ ей подарокъ въ пятьдесятъ тысячъ рублей... Ложатся спать не ранѣе семи часовъ утра“<sup>1)</sup>.

---

1) 9 и 20 декабря 1727 г. *Дрезденскій Архивъ*.

Въ то же время характеръ Петра II вырисовывался въ все болѣе и болѣе неблагопріятномъ свѣтѣ. Онъ становился вспыльчивымъ, нетерпящимъ противорѣчій. Въ день свадьбы Сапѣги съ Софіей Скавронской онъ неожиданно вышелъ изъ-за стола среди трапезы. Онъ дулся на сестру, когда та рѣшалась дѣлать ему замѣчанія. Онъ началъ пить. Самъ Остерманъ, упавшій духомъ, вынужденный сказать большымъ, чтобы, по принятой имъ теперь манерѣ, скрыть свои неудачи, возлагалъ свои упованія только на предстоящее свиданіе своего непокорнаго воспитанника съ бабкой, которая безъ сомнѣнія постарается вернуть внука на путь долга. На слѣдующій день послѣ опалы Мевшикова Петръ дѣйствительно подписалъ манифестъ о коронаціи, и приготовленія къ ней происходили съ большой поспѣшностью. Такимъ образомъ предстояло близкое свиданіе въ Москвѣ Евдокіи и Петра II. Но престарѣлая царица и ея предполагаемое вліяніе уже являлись предметомъ ожесточеннаго соперничества. Письма, отправляемая Остерманомъ, скрещивались съ посланіями Долгорукихъ, преисполненными заискиваній. Однако, то былъ напрасный трудъ, такъ какъ Евдокія не выказывала поощренія ни той, ни другой сторонѣ. Углубившись всецѣло въ молитвы, посты и ожиданіе минуты, которая вернетъ ей, наконецъ, радость семейнаго счастья, она выказывала полярнѣйшее равнодушіе къ дѣламъ политическимъ. Тѣмъ не менѣе обѣ противныя партіи, горя взаимной ненавистью, не теряли надежды затронуть въ этомъ отношеніи, если не умъ, то хотя сердце бывшей затворницы.

Передъ отъѣздомъ въ Москву благоволеніе къ Долгорукимъ, казалось, пошатнулось. Елизаветѣ удалось установить дружбу между Петромъ и зятемъ Михаила Голицына, Александромъ Борисовичемъ Бутурлинымъ, ея будущимъ возлюбленнымъ, а, можетъ быть, уже и тогдашнимъ. Одновременно она сблизилась съ Остерманомъ, не покидавшимъ извѣстнаго намъ проекта, тогда какъ Долгорукіе составили себѣ иной планъ, относительно особы государя, вскорѣ получившій осуществленіе. Этимъ объясняется поддержка, оказанная ими въ да-

ное время новой попыткѣ Морица Саксонскаго, тогда какъ испанскій посланникъ съ своей стороны замышлялъ замужество царевны съ инфантомъ Донъ Карлосомъ.

9 (20) января 1728 г., Петръ съ своимъ дворомъ тронулся въ путь. Картина походила на переселеніе цѣлаго народа. Представители всѣхъ вѣдомствъ сопровождали особу государя, и такъ какъ ходили слухи, что ввиду побѣды вельможной партіи, новая столица, пожалуй, будетъ покинута навсегда, то количество путниковъ возрасло до небывалыхъ размѣровъ. Петербургъ опустѣлъ. Въ Твери Петръ схватилъ корь и долженъ былъ двѣ недѣли пролежать въ постели. Бабка огорчилась и заволновалась. „Пожалуй свѣтъ мой, проси у братца своего, чтобъ мнѣ васъ видѣть и порадоваться вами: какъ вы и родились, не дали мнѣ про васъ слышать, не жели видѣть“, писала она Натальѣ. И Остерману: „И такъ меня свѣтлѣйшій князь 30 лѣтъ крушилъ, а нынче опять сокрушаютъ. Только о томъ васъ прошу, чтобы мнѣ внучать своихъ видѣть и вмѣстѣ съ ними быть, а я истинно съ печали чуть жива, что ихъ не вижу. Прошу васъ: дайте, хотя-бы я на нихъ поглядѣла и умерла“<sup>1)</sup>. Она стремилась броситься навстрѣчу внуку. Когда вслѣдствіе запоздавшихъ приготовленій къ встрѣчѣ, императору пришлось прождать еще недѣлю подъ Москвою, ея ветерпнне достигло до крайнихъ предѣловъ. Но распутство—смертельный ядъ для нравственной чуткости, и Петръ уже обнаруживалъ сердечную сухость, смущавшую его прежнихъ поклонниковъ. Онъ сдѣлалъ видъ, что не понимаетъ ожиданій бѣдной старухи.

Въездъ состоялся 4 февраля при всеобщемъ восторгѣ. Въ немъ рѣдко бываетъ недостатокъ въ подобныхъ случаяхъ. Кромѣ того, дѣда слишкомъ ненавидѣли на берегахъ Москвы, чтобы внукъ тамъ не пользовался широкой популярностью. Но свиданіе, столь страстно желанное Евдокіей, такъ ветерпнливо ожидаемое Остерманомъ,

---

<sup>1)</sup> Подлинное письмо царицы Евдокіи. *Письма русскихъ государей.*

разрушило всеобщія на него упованія. Внукъ и внучка, чтобы избѣжать лишнихъ изліяній, пригласили съ собой Елизавету. Наталья, сторонница реформъ, людей и порядковъ Запада, о чемъ было извѣстно бабкѣ, желала уклониться отъ щекотливыхъ разговоровъ, Петръ же опасался иныхъ наставленій изъ области его личнаго поведенія. Однако, ему пришлось выслушать нѣсколько замѣчаній по поводу разсѣянной жизни и совѣтъ жениться какъ можно скорѣе, хотя бы на иностранкѣ, на что Петръ не далъ никакого отвѣта, прекратилъ бесѣду и считалъ свой долгъ исполненнымъ, окруживъ бывшую затворницу почестями и обезпечивъ ее въ денежномъ отношеніи, чего она была такъ долго лишена. Евдокіи было назначено содержаніе въ шестьдесятъ тысячъ рублей и дворъ, гдѣ представители высшей аристократіи, князь Ельчевъ, князь Хилковъ, князь Лобановъ и два Лопухиныхъ, оспаривали другъ у друга должность пажей, камергеровъ и мундшенковъ<sup>1)</sup>. „Исполнивъ свой долгъ“, юный императоръ вернулся къ своимъ развлеченіямъ.

Вліяніе Остермана ослабѣло окончательно. Въ атмосферѣ древней столицы, гдѣ Долгорукіе чувствовали себя въ родной средѣ, они быстро взяли верхъ. Петръ вскорѣ выразилъ свое благоволеніе къ нимъ, назначеніемъ сразу двухъ представителей семьи, Алексѣя Григорьевича и Василя Лукича, членами Верховнаго Совѣта. Въ то же время Иванъ Долгорукій заступилъ мѣсто Александра Меншикова въ должности оберъ-камергера и, создавшійся такимъ образомъ триумvirатъ, повидимому, обезпечилъ за собой непреодолимое вліяніе юнаго государя. Они держали его въ рукахъ циничнымъ рѣшеніемъ потворствовать его наклонностямъ къ кутежамъ, а такъ же заботливымъ стараніемъ обращаться съ нимъ, какъ съ взрослымъ, тогда какъ сама Елизавета, а по ея примѣру Голицыны, не говоря уже объ Остерманѣ, видѣли въ немъ только ребенка. Побѣдой воспользовались, чтобы окончательно погубить ораніенбургскаго изгнанника.

---

<sup>1)</sup> Журналъ засѣданій Верховнаго Совѣта. *Сборникъ С. Г.*

Коронованіе совершилось 24 февраля (5 марта) 1728 г. Спустя нѣскольکو дней у Суасскихъ воротъ въ Кремлѣ было подобрано анонимное письмо, заключающее краснорѣчивую челобитную въ пользу Меншикова противъ Долгорукихъ. Подобные приемы полемики, замѣняя собой несуществовавшую тогда прессу, являлись обычными въ то время. Общественное мнѣніе приписывало составленіе пасквиля Голицынымъ. Впослѣдствіи подозрѣнія въ авторствѣ пали на духовника Евдокія, подкупленнаго сестрой жены Меншикова, Ксеніей Колычевой, проживавшей въ Москвѣ. <sup>1)</sup> Во всякомъ случаѣ Долгорукіе, увидавъ себя въ силѣ, постарались употребить все свое вліяніе для жестокаго отмщенія. Указомъ Верховнаго Совѣта была объявлена полная конфискація имущества бывшаго временщика, его ссылка въ Сибирь, въ Березовъ, вмѣстѣ со всѣми домочадцами, и постриженіе Варвары Арсеньевой въ болѣе отдаленный монастырь, съ содержаніемъ „по полуполтинѣ на день“. Безчисленные дворцы и дома, принадлежавшіе изгнаннику въ Петербургѣ, Москвѣ, Ораніенбаумѣ, Ямбургѣ, Нарвѣ, Капоріи, громадныя помѣстья въ тридцати шести губерніяхъ Великороссіи, въ Ингріи, Эстляндіи и Малороссіи (152,356 десятинъ въ этой послѣдней, не считая дѣсовъ и пастбищъ, простиравшихся на десятки квадратныхъ верстѣ), роскошная обстановка, деньги (72,570 руб. было найдено въ одномъ изъ московскихъ домовъ, никогда не выдавшемъ его посѣщенія)—все было раздѣлено между императорскою казною и счастливыми побѣдителями. Два полицейскихъ чиновника (пристава) явились 16 Апрѣля 1728 г. для объявленія приговора къ несчастному изгнаннику и сейчасъ же, посадивъ его въ простую кибитку, увезли. По дорогѣ экипажъ былъ настигнутъ еще отрядомъ солдатъ, которые подъ предлогомъ осмотра, отобрали отъ осужденнаго тѣ немногія вещи, какія онъ успѣлъ захватить съ собою, оставивъ буквально только бывшую на немъ одежду и ни одной перемѣны бѣлья. Такъ же были отобраны вещи, привад-

---

<sup>1)</sup> Маньянъ, 26 Апрѣля 1728 г. Арх. Иностр. Дѣлъ: Россія.

лежавшія его женѣ и дочерямъ. Княгиня Дарья, выѣхавшая больною, умерла 10 мая въ Услонѣ, близъ Казани. Мужу едва была дана возможность ее похоронить. На слѣдующій же день его вмѣстѣ съ дѣтьми отравили дальше, по Камѣ.

Березовъ, въ 1066 верстахъ отъ Тобольска, на обрывистомъ берегу Сосвы, недалеко отъ ея слиянія съ Обью, представляетъ изъ себя маленькій городокъ Сибири, расположенный среди тундръ и тайги. Зима тамъ продолжается отъ семи до восьми мѣсяцевъ, морозы доходятъ до 45 гр. по Реомюру ниже нуля, такъ что птицы мерзнутъ на лету и лопаются стекла. Съ ноября по декабрь солнце восходитъ въ десять часовъ и заходитъ въ три. Въ іюнѣ оно скрывается за горизонтомъ менѣе, чѣмъ на два часа, но лѣто длится всего три недѣли, а весной и осенью густые туманы погружаютъ землю въ морозную тьму. Небо всегда покрыто тучами, дуетъ рѣзкій вѣтеръ, часто переходящій въ ураганы. Меншиковъ прибылъ въ этотъ пріютъ отчаянія въ августѣ 1728 г. Заключенный вначалѣ съ сыномъ и двумя дочерьми въ городской тюрьмѣ, онъ впоследствии получилъ разрѣшеніе выстроить себѣ домъ. Онъ самъ работалъ топоромъ, пилой и рубанкомъ и, покончивъ съ домомъ, пожелалъ еще пристроить къ нему церковь, употребивъ свои сбереженія на ея приличное убранство. Онъ располагалъ десятью рублями въ день и держалъ при себѣ десять слугъ. Бывшій временщикъ не падалъ духомъ, не высказывалъ ни отчаянія, ни возмущенія. На лодкѣ, перевозившей его по Камѣ на мѣсто ссылки, его видѣли спокойно вращающимъ вѣтелъ. <sup>1)</sup> Въ Тобольскѣ, когда враждебно настроенная толпа встрѣтила изгнанниковъ градомъ камней, онъ воскликнулъ громкимъ голосомъ: „Бейте только меня, пощадите женщинъ!“ Онъ жалѣлъ лишь объ участи своей семьи, упрекая себя въ томъ, что послужилъ причиною ея несчастья.

---

<sup>1)</sup> Лефорть, 14 іюня 1728 г. Дрезденскій Архивъ. Neumann. Diplomatiscbe Beiträge.

Жертвы французской революціи умѣли умирать въ Россіи, жертвы самодержавія умѣли переносить свое паденіе, что, пожалуй, еще труднѣе. Исключительныя обстоятельства и жизненныя условія всегда содѣйствуютъ развитію особыхъ добродѣтелей и особыхъ пороковъ.

Завѣдомый лихоимецъ, предполагаемый фальшиво-монетчикъ, Меншиковъ, присвоемъ униженіи проявилъ много душевнаго величія. Увѣряютъ, что онъ пополнилъ среди ужаснаго испытанія, его постигшаго, и въ то же время, страшно зябкій ранѣе, теперь закалилъ себя отъ холода. Но, когда его сразилъ вторичный ударъ, послѣдовавшій въ ноябрѣ 1729 г., въ Березовѣ не нашлось никого, чтобы во время пустить кровь. Онъ скончался 56 лѣтъ отъ роду. Мѣсяць спустя его любимая дочь Марія, бывшая царская невѣста, сошла вслѣдъ за нимъ въ могилу. Горе при видѣ ея медленнаго угасанія, ускорило его кончину.

Преданіе говоритъ, что несчастная молодая дѣвушка сочеталась въ Сибири бракомъ съ княземъ Федоромъ Долгорукимъ, сыномъ Василія Лукича, который, воспользовавшись разрѣшеніемъ ѣхать за границу, послѣдовалъ за этой закатившейся звѣздой, страстно влюбленный, несмотря на ея холодность. Въ 1825 г. въ Березовѣ была открыта могила, принятая за могилу Меншиковыхъ, гдѣ были найдены два маленькихъ дѣтскихъ гробика, что послужило подтвержденіемъ такой легенды. Создался разсказъ, что княжна Долгорукая умерла родами, разрѣшившись отъ бремени двумя мертворожденными младенцами, погребенными вмѣстѣ съ ней. <sup>1)</sup> Нашлись даже вещественныя доказательства, какъ будто подтверждавшія гипотезу о бракѣ: драгоценная шуба, сохранившаяся въ семействѣ священника, благословлявшаго союзъ и считавшаяся тамъ даромъ супруга по этому поводу; золотой медальонъ съ волосами княжны, повѣшенный имъ въ церкви въ Березовѣ по смерти жены. <sup>2)</sup>

---

<sup>1)</sup> Шубинскій, „Очерки“.

<sup>2)</sup> Топографическая таблица Урала, изданная въ 1852 г. Топографическимъ Департаментомъ Военнаго министерства.



Можно извинить нѣмецкаго романиста, воспользовавшагося темой, опирающейся на такія солидныя доказательства; <sup>1)</sup> хотя на мой взглядъ, этотъ романъ лишь роняетъ исторически доказанныя благородныя, гордыя и трогательныя черты героини. Къ несчастью—или вѣроятно къ счастью въ данномъ случаѣ—историкъ обязанъ быть болѣе недовѣрчивымъ. За Березовымъ въ это время былъ учрежденъ строгій надзоръ: тамъ невозможно было совершить вѣнчанія тайкомъ; однако, никакихъ слѣдовъ этой свадьбы въ дѣлахъ современной полиціи не сохранилось. Марія Меншикова заслуживала прозвища, даннаго ей Петромъ, и трудно допустить, чтобы „мраморная статуя“ ожила подъ небомъ Сибири. Наконецъ, генеалогія Долгорукихъ XVIII вѣка извѣстна во всѣхъ подробностяхъ, и князь Федоръ никогда не существовалъ <sup>2)</sup>. По всѣмъ вѣроятіямъ дочь была погребена рядомъ съ отцомъ, но могила исчезла. Вырытая на берегахъ Сосвы, она вѣроятно, была размыта водой.

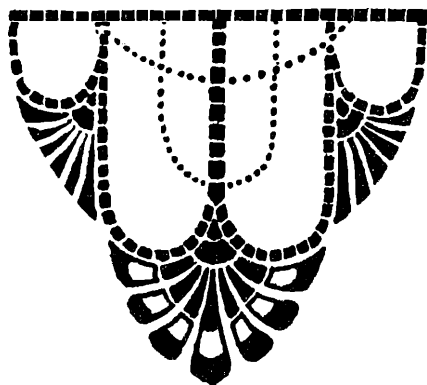
Двое остальныхъ дѣтей временщика были возвращены изъ ссылки и избавлены отъ бѣдствій однимъ изъ его преемниковъ, Бирономъ, котораго на такой милосердный поступокъ вызвало вовсе не чувство великодушнаго состраданія. Банки лондонскій и амстердамскій, гдѣ хранились значительныя вклады Меншикова — девять милліоновъ по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ—отказались выдать ихъ русскому правительству. Биронъ придумалъ способъ соглашенія, рѣшивъ выдать дочь покойнаго за своего брата Густава. Сыну въ то же время былъ возвращенъ княжескій титулъ и двѣ тысячи крѣпостныхъ изъ девяти тысячъ, принадлежавшихъ его отцу, а также данъ чинъ прапорщика въ Преображенскомъ полку, хотя прежде онъ былъ генералъ лейтенантомъ. Изъ вкладовъ, на выдачу коихъ послѣдовало

---

<sup>1)</sup> Августъ Лафонтэнъ. Его произведеніе переведено на русскій языкъ подъ заглавіемъ: „*Князь Федоръ Долгорукій и княжна Марія М—ва.*“

<sup>2)</sup> Михневичъ.

теперь согласіе банковъ, супруга Густава Бирона получила миллионъ, остальное же было раздѣлено между ея братомъ и государственной казной. Урожденная княжна Меншикова была въ замужествѣ очень несчастлива и умерла въ 1737 г. не оставивъ дѣтей <sup>1)</sup>).



---

<sup>1)</sup> Долгоруковъ. „Мемуары“.

#### IV.

Между тѣмъ Петръ II веселился. Въ апрѣлѣ 1728 г. извѣстіе о рожденіи въ Килѣ сына у герцогини Голштинской послужило поводомъ къ многочисленнымъ празднествамъ. На великолѣпномъ балу во дворцѣ всѣмъ бросилось въ глаза отсутствіе Натальи. Она объяснила свой поступокъ нездоровьемъ, но сдѣлалось извѣстнымъ, что царевна провела весь вечеръ у герцогини Курляндской и толки пошли своимъ чередомъ. Передавали, что Наталья ревнуетъ Петра къ Елизаветѣ, закружившись въ свою очередь въ водоворотъ безумныхъ кутежей, среди которыхъ непрерывно протекала жизнь ея брата, сгорая пламенемъ кровосмѣсительной любви и изъ Эгеріи превратившись въ вакханку. Послѣ продолжительнаго ожиданія Петръ открылъ балъ съ теткой, потомъ, разсерженный и раздосадованный, удалился въ сосѣдній покой для попойки со своими обычными сотоварищами. Елизавета продолжала танцевать и, случайно, юный императоръ замѣтилъ что Ивана Долгорукаго около него не было. Онъ быстро направился въ танцевальный залъ и его лицо исказилось: Елизавета и молодой князь танцевали вмѣстѣ и царевна, раскраснѣвшаяся отъ движенія и удовольствія, съ затуманившимися глазами и тяжело-дышащей грудью, казалось, забыла весь міръ въ опьянѣніи настоящей минутой. Говорили такъ же, что Остерманъ поддерживалъ эту ревность, чтобы удалить Долгорукихъ и привести въ исполненіе возделѣанный имъ планъ <sup>1)</sup>.

---

<sup>1)</sup> Дешеш герцога де Лирія „*Восемнадцатый вѣкъ*“. Другія выдержки изъ этихъ дешешъ были напечатаны „Русской Стариной“. *Журналъ*, составленный изъ переписки посланника, сохраняемый въ Вѣд. Ин. Дѣлъ (Мем. и док. томъ VIII) содержитъ еще нѣкоторые тексты, доселѣ не напечатанные. Къ несчастью я не могъ воспользоваться испанскимъ изданіемъ, недавно вышедшимъ.

Послѣ пасхи Петръ отправился съ Елизаветой на охоту, въ которой опять не принимала участія Наталья; подтачиваемая печалью, она на этотъ разъ серьезно заболѣла со всѣми признаками чахотки. Но Верховный Совѣтъ и генералитетъ должны были сопровождать государя во время этого путешествія, рассчитаннаго на нѣсколько мѣсяцевъ. Пятисотъ экипажей потянулось изъ помѣстья въ помѣстье, располагаясь на ночлегъ въ лѣсахъ и степяхъ. Охотились на волковъ, лисицъ и зайцевъ съ англійскими собаками; на пернатую дичь съ прирученными соколами и ястребами. Устраивались облавы на медвѣдей но въ нихъ императоръ участія не принималъ. Молодые и сильные слуги въ охотничьихъ ливреяхъ: зеленомъ кафтанѣ съ золотой или серебряной перевязью, красныхъ штанахъ и горностаевыхъ шапкахъ справлялись со звѣремъ ружьями или рогатинами. Охоты сопровождалась безконечными пиршествами въ старомъ московскомъ духѣ. Безчисленные торговцы располагались базаромъ вокругъ лагеря, гдѣ такимъ образомъ воскресали восточно-азіатскіе нравы по желанію Долгорукихъ, мечтавшихъ отбить у своего юнаго повелителя навсегда вкусъ къ Петербургу и цивилизованной жизни.

Дѣйствительно, Петръ день ото дня все сильнѣе увлекался такимъ бродячимъ существованіемъ, съ которымъ Елизавета также, видимо, освоилась, тогда какъ ея бывшій танцоръ, Иванъ Долгорукій, болѣе утонченный и жаждавшій болѣе разнообразныхъ удовольствій, быстро имъ прискучилъ. Сцена на балу не повторилась больше такъ какъ сами родители юноши хлопотали о томъ, чтобы удалить его отъ особы царя, съ расчетомъ еще болѣе завладѣть послѣднимъ. И Петръ безъ всякаго сожалѣнія видѣлъ, какъ Иванъ частенько возвращался въ Москву, куда его мавили другія любовныя похождения. Связь съ княгиней Трубецкой, мужа которой онъ публично оскорбилъ, высмѣявъ его позоръ, окончателно успокоила императора и лишила Елизавету иллюзій, если только она ихъ питала.

Такимъ образомъ тетка и племянникъ оставались съ глазу на глазъ среди наслажденій сильными физическими упражненіями и деревен-

скими празднествами, одинаково ихъ прельщавшими, среди опьявѣнія любовной страсти, все еще привлекавшей ихъ другъ къ другу.

Въ концѣ мая смерть Анны Петровны набросила траурный флеръ на этотъ вѣчный праздникъ, не остановивъ его. Тѣло было перевезено въ Петербургъ, но Петръ ни на минуту не подумалъ ѣхать туда на похороны, и въ день его именинъ состоялся балъ, какъ обыкновенно. Въ июлѣ татарскій набѣгъ на Малороссію потребовалъ присылки туда войскъ, въ то время, какъ угроза коалиціи между Турціей и Швеціей приковывала общественное вниманіе къ плачевному состоянію флота, приходившаго въ упадокъ. Посланникъ императора австрійскаго и посланникъ испанскій присоединились къ Остерману, убѣждая императора вернуться. Онъ не желалъ ничего слышать. Его страсть къ охотѣ съ приближеніемъ осени еще усилилась, виѣсгѣ съ новымъ увлеченіемъ, старательно подготовленнымъ Долгорукимъ. Въ Горенкахъ, помѣстьи Алексѣя Григорьевича, главы семьи куда искусно былъ завлеченъ государь, Елизавета нашла себѣ соперницъ, обладавшихъ надъ ней двойнымъ преимуществомъ, гораздо большей уступчивости и не столь безпорядочнаго поведенія. Дѣйствительно, едва Иванъ Долгорукій пересталъ беспокоить Петра, какъ его замѣнилъ Бутурлинъ, и въ угоду этой новой прихоти царица сама старалась избавиться отъ общества своего племянника. Она вернулась въ Москву и подъ предлогомъ хожденія на богомолья странствовала по всѣмъ окрестнымъ монастырямъ, дѣлая по тридцать, сорокъ верстъ пѣшкомъ въ сопровожденіи единственной горничной и своего возлюбленнаго. При свиданіяхъ съ Петромъ въ промежуткахъ между такими путешествіями она умирала отъ усталости и, не переставая, жаловалась на свои денежные затрудненія, въ которыхъ, вѣроятно отчасти виноватъ былъ Бутурлинъ. Какъ прежде у ея матери, у нея происходилъ громаднѣйшій расходъ вина <sup>1)</sup>. Дочери Алексѣя Долгорукаго не давали никакихъ поводовъ къ по-

---

<sup>1)</sup> Делеша де Лиріа „Восемнадцатый вѣкъ“.

добнымъ неудовольствіямъ, и старшая, Еватерина, подъ вліяніемъ отца проявлявшая искусное кокетство, переходящее въ волнующую близость, уже мечтала надѣть на палець кольцо, отнятое у Маріи Меншиковой.

Въ ноябрѣ 1728 г. болѣзнь Натальи приняла опасный оборотъ. Она умирала отъ чахотки, и Петръ съ трудомъ разстался съ наслажденіями въ Горенкахъ, чтобы присутствовать при ея послѣднихъ минутахъ. Съ ней угасла послѣдняя опора Остермана и иностранныхъ дипломатовъ, потерявшихъ надежду вернуть царя въ Петербургъ и уговорить его заняться дѣлами. Вице-канцлеръ поговаривалъ даже объ своей отставкѣ<sup>1)</sup>. Они напрасно старались воспользоваться несчастьемъ, поддѣлавъ переписку, которую умирающая согласилась вручить брату. То была переписка императрицы и принца Евгенія, гдѣ оба выражали желаніе, чтобы Петръ вернулся въ столицу на берегахъ Невы<sup>2)</sup>. Они окружили фиміамомъ могилу усопшей бѣдняжки, приписывая ей всевозможныя достоинства и добродѣтели. Миѣ было бы слишкомъ жалко ихъ опровергать. Но юнаго императора нельзя было ни тронуть, ни убѣдить; онъ провелъ часъ зимы и весь февраль мѣсяць въ Горенкахъ, и въ мартѣ 1729 г. отправился въ новое охотничье странствованіе съ Алексѣемъ Долгорукимъ, его женой, сыновьями и дочерьми. Елизавета не получила на этотъ разъ приглашенія сопутствовать ему и оставалась въ Москвѣ, гдѣ начала уже открыто говорить о предстоящей свадьбѣ царя и Екатерины Алексѣевны Долгорукой. И такое рѣшеніе дѣйствительно состоялось въ томъ же году.

---

<sup>1)</sup> Лефортъ, 29 ноября 1728 г. Дрезденскій Архивъ. Негманн „Diplomatische Beiträge.

<sup>2)</sup> Дешеш де Лиріо.

## V.

У Алексѣя Долгорукаго было три дочери. Старшая, восемнадцатилѣтняя красавица, великолѣпно сложенная, съ необыкновенно вѣжливымъ цвѣтомъ лица, густыми черными волосами и огненными глазами, весьма смѣлая, высоколѣрная и надменная, казалась болѣе подходящей для побѣды, отъ которой зависѣла будущность семьи. Получивъ воспитаніе въ Варшавѣ, въ домѣ дѣда своего Григорія Федоровича Долгорукаго, съ честью занимавшаго различные дипломатическіе посты, она имѣла еще надъ сестрами преимущества образованія, развившаго природныя дарованія ея ума\*) Екатерина Долгорукая превосходно справилась съ ролью, столь подходящей къ ея характеру и честолюбію. Охота этой весной постоянно происходила вдвоемъ. На поляхъ и въ лѣсу, какъ въ палаткѣ, такъ и за пиршествами, во время игръ и танцевъ, за которыми коротались вечера, Екатерина всегда оказывалась рядомъ съ царемъ. Она не пропускала ни одного удобнаго случая наградить его поцѣлуемъ, по милости проиграннаго пари à discrétion, ни одвой неожиданной встрѣчи въ сумеркахъ въ уединенномъ мѣстѣ.

Въ маѣ Остерманъ попытался снова отвлечь императора, устроивъ подъ Москвой маневры и рассчитывая, что юный государь увлечется игрой въ солдаты. Но Петръ объявилъ, что отправится въ Ростовъ, чтобы поохотиться въ его окрестностяхъ, и вернется обратно лишь въ іюнѣ, къ своимъ имьянинамъ. Тогда члены Верховнаго Совѣта рѣшили тоже разъѣхаться по своимъ помѣстьямъ, ихъ примѣру послѣдовалъ самъ вице-канцлеръ, и правительства не стало. Царь дѣйствительно вернулся въ Москву только 21 іюня и то лишь по-

---

\*) Хмыровъ. „Графиня Головкина и ея время“; Долгоруковъ *Мемуары*.

тому, что созрѣвающіе хлѣба мѣшали охотѣ. Долгорукіе имѣ, повидимому, окончательно завладѣли, а съ наступленіемъ осени такое мнѣніе въ обществѣ еще окрѣпло, когда царь сталъ снова собираться на охоту на неопредѣленное время. Двѣсти гончихъ собакъ, четверста слишкомъ борзыхъ сопровождали на этотъ разъ его все увеличивавшійся обозъ. За короткое время четыре тысячи зайцевъ, пятьдесятъ лисицъ, пять волковъ и три медвѣдя были убиты или застрелены. Но безпокойный умъ и взбалмошный характеръ юнаго государя уже начали проявлять въ это время признаки усталости и разочарованія. На поздравленіе съ особенно удачной охотой онъ отвѣчалъ со злой усмѣшкой: „я сдѣлалъ больше, чѣмъ взялъ трехъ медвѣдей; я веду за собой четырехъ двуногихъ животныхъ“. Очевидно, онъ намекалъ на Алексѣя Долгорукаго и его дочерей. Въ тотъ же вечеръ, во время игры въ фанты, узнавъ, что на его долю снова выпало счастье поцѣловать красавицу Екатерину, Петръ сердито вышелъ вонъ.

Понялъ ли онъ, наконецъ, честолюбивые замыслы семьи и убѣдился ли, что, пожертвовавъ Меншиковымъ, лишь перемѣнилъ опекуновъ? Или его смущало поведеніе молодой дѣвушки своей вызывающей смѣлостью? Раньше, когда еще никакъ вельзя было предвидѣть блестящей судьбы, позднѣе ей улыбнувшейся, она благосклонно выслушивала объясненія въ любви графа Миллессимо, атташе при посольствѣ императора австрійскаго и родственника посланника. Поселившіеся въ Богеміи съ пятнадцатаго вѣка, графы Миллессимо являлись вѣткою древняго итальянскаго дома Каретто, владѣтельныхъ маркизовъ Савоны и другихъ областей. Такая партія не представлялась бы неравнымъ бракомъ. Но отношенія молодыхъ людей почему то облекались тайной. Устраивались свиданія у голландскаго резидента и „происходилъ усиленный обмѣнъ любовными записочками“, если вѣрить Лефорту<sup>1)</sup>. По другимъ свѣдѣніямъ дѣло дошло до по-

<sup>1)</sup> Дешеша отъ 9 декабря 1728 г., Дрезденскій Архивъ. Сборникъ V.



молвки \*). Но, когда надежды семьи устремились гораздо выше, польскій атташе сейчас же получилъ отказъ, и Екатерина прослыла жертвой. Однако, все, что намъ извѣстно объ ея характерѣ, говорить скорѣе за то, что жертва съ ея стороны была добровольная. Всетаки толковъ въ Москвѣ было не мало, и до Петра легко могли дойти разговоры объ романѣ и объ обстоятельствахъ, круто его оборвавшихъ. Въ апрѣлѣ 1729 г., гостя на дачѣ у графа Вратислава, Миллессимо имѣлъ неосторожность сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ изъ ружья недалеко отъ императорскаго дворца, несмотря на весьма строгія запрещенія, изданныя по этому поводу. Его остановилъ патруль и представилъ къ Алексѣю Долгорукому, причемъ „однѣмъ гренадеръ шелъ впереди, а другой позади съ кнутомъ въ рукахъ, чтобы подгонять арестованнаго“, сообщаетъ Маньянъ\*\*). Пройдя четыре версты пѣшкомъ подъ такимъ конвоемъ по разбитымъ дорогамъ, можно себѣ представить въ какомъ видѣ несчастный молодой чловѣкъ долженъ былъ предстать предъ оберъ-гофмейстеромъ, каковой постъ занималъ теперь Алексѣй Долгорукій. Послѣдній сдѣлалъ видъ, что не узналъ приведеннаго преступника, затѣмъ сослался на царскій приказъ и на настояніе Миллессимо, требовавшаго удовлетворенія, и кончилъ тѣмъ, что грубо повернулся къ нему спиной и ушелъ. Скандалъ принялъ необычайныя размѣры. Дипломатическій корпусъ весь принялъ сторону потерпѣвшаго. Остерману пришлось приложить громадныя усилія, чтобы уладить дѣло, и Петръ также не могъ оставаться въ невѣдѣніи этого происшествія.

---

\*) Леди Рондо, супруга англійскаго резидента въ Москвѣ, утверждаетъ это въ своихъ письмахъ. (Англійское изданіе 1774 г. русское изданіе 1874 г.) Бантышъ-Каменскій въ „*Біографіи генералиссимусовъ*“ противорѣчитъ этому свидѣтельству, лишь смѣшивая Екатерину Долгорукую съ ея сестрой Еленой. См. *Михневичъ Конфиденціальныя донесенія Хохенхольца у Брикнера: „Россія при Петрѣ II“*.

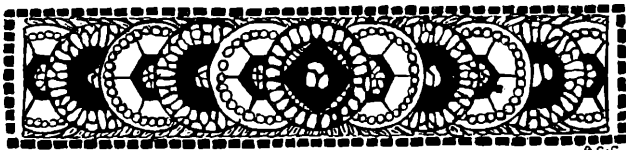
\*\*\*) 14 апрѣля 1729 г., Вѣд. Иностр. Дѣлъ. Россія.

Когда царь сталъ проявлять охлажденіе къ той, которую уже всѣ считали будущей царицей, причины такой переменѣ были слишкомъ понятны, не принимая даже въ расчетъ непостоянства, уже неоднократно обнаруженнаго юнымъ государемъ. Но Долгорукіе зашли слишкомъ далеко, чтобы отступить. Говорятъ, что ими въ это время было искуснымъ образомъ подстроено свиданіе наединѣ, послѣ котораго Петру не оставалось ничего, какъ исполнить обязательство, данное имъ въ минуту любовнаго опьянѣнія<sup>1)</sup>. Во всякомъ случаѣ, тѣмъ или инымъ способомъ, онъ попалъ въ ловушку и 22 октября 1729 г. въ день его рожденія, справлявшася въ Тулѣ, Екатерина фигурировала уже въ качествѣ царской невѣсты. 19 ноября того же года, собравъ въ Лефортовскомъ дворцѣ Верховный Совѣтъ и генералитетъ, царь официально объявилъ о своей свадьбѣ и приготовленія къ ней немедленно начались.

Но, пока Долгорукіе разставляли западню, куда попалъ сынъ Алексѣя, позабывшій свой санъ и обязанности, что случилось съ наслѣдіемъ Петра Великаго? По свѣдѣніямъ, найденнымъ въ семейныхъ бумагахъ, съ февраля 1728 г. по ноябрь 1729 г., восемь мѣсяцевъ протекли почти въ непрерывныхъ охотахъ, изъ которыхъ одна продолжалась пятьдесятъ пять, а другая пятьдесятъ два дня, не считая небольшихъ поѣздокъ по тому же поводу<sup>2)</sup>. Выше я упомянулъ, что былъ моментъ, когда все правительство совершенно отсутствовало. Какъ же обходилась безъ него Россія? На этотъ вопросъ я постараюсь отвѣтить.

<sup>1)</sup> Долгоруковъ, „Мемуары“; Лефортъ, депеша отъ 6/17 апрѣля 1730 г.; Дрезденскій Архивъ.

<sup>2)</sup> Долгоруковъ.



## Г Л А В А V.

### Олигархія и анархія.—Верховники.

I. Преемники Меншикова.—Олигархическая партія.—Голицыны и Долгорукіе.—Раздѣленіе власти.—Растройство и подчиненіе правительственныхъ функцій.—Верховный совѣтъ и Сенатъ.—Удаленіе Петра II отъ дѣлъ.—II. Результаты.—Дезорганизація высшей и низшей полиціи. Уничтоженіе Преображенскаго приказа и его послѣдствія.—Пожары и грабежи.—Неудачная законодательная попытка.—Выгодныя финансовыя мѣропріятія, введенныя по инициативѣ Остермана.—Устраненіе отъ дѣлъ его коллегъ.—Онъ одинъ представляетъ изъ себя правительство. — Разстройство арміи и флота. — Умственное движеніе замерло.—Религіозныя смуты.—Выжидательная политика.—Внѣшность сохраняется.—Автоматическія дѣйствія на востокъ.—Договоръ съ Китаемъ.—Экспедиція Беринга.—III. Всеобщая косность и реакціонное теченіе, недостаточно вознаграждаемое подобными успѣхами.—Свидѣтельства современниковъ. Противорѣчивыя мнѣнія.—Почему правительство Петра II было популярнымъ.—Олигархія граничащая съ анархіей.—Временныя благодѣянія режима.—Почему Россія могла его вынести.—Перспективы будущаго.

#### I.

Паденіе Меншикова совершилось благодаря прихоти императора и придворнымъ интригамъ; но Петру и его царедворцамъ не подъ силу было справиться съ политическимъ наслѣдіемъ „Левгаѳана“, доставшемся на долю олигархической партіи, уже давно къ нему стремившейся.

Въ ней главную роль, повидимому, играли Голицыны. Князь Дмитрій Михайловичъ былъ однимъ изъ первыхъ членовъ Верховнаго Со-

вѣта. Старшій изъ четырехъ сыновей боярина Михаила Андреевича, онъ родился въ 1663 г. и очень напоминалъ собой Василія Васильевича, возлюбленнаго Софіи, <sup>1)</sup> своего двоюроднаго брата. Помимо родственнаго сходства, подобно Василию, онъ являлъ собой яркое воплощеніе того, во что вылилась бы русская цивилизація безъ насильственнаго вмѣшательства Петра Великаго. Онъ былъ русскій, стараго закала. Эпоха реформъ застала его уже въ зрѣломъ возрастѣ. Страстно преданный семейнымъ традиціямъ и народнымъ обычаямъ, не позволявшій своимъ младшимъ братьямъ, одинъ изъ которыхъ былъ фельдмаршаломъ, а другой сенаторомъ, садиться безъ приглашенія въ его присутствіи, онъ тѣмъ не менѣе обладалъ въ своей подмосковной, Архангельскомъ, библіотекой въ шесть тысячъ томовъ, съ русскими переводами Макіавели, Гроціуса, Локка и Пуффендорфа. Но, за исключеніемъ этого, то было настоящее жилище стариннаго боярина: деревянный домъ по сосѣдству съ церковью; всего три большихъ комнаты (свѣтлицы); образа по угламъ; дубовыя скамьи по стѣнамъ; печка изъ желтаго изразца; кровать изъ еловаго дерева съ тиковыми подушками и простынями; баня, примыкающая къ одной изъ комнатъ, и на дворѣ невзрачныя на видъ постройки, гдѣ помѣщались кухни, погреба, кладовыя. Повсюду строгая простота; но въ громаднѣйшемъ паркѣ—оранжереи съ рѣдкими растеніями, по размѣрамъ, не уступавшія дому. <sup>2)</sup>

Несмотря на то, что онъ осуждалъ заточеніе Евдокіи, несмотря на процессъ Алексѣя и женитьбу Петра I на Екатеринѣ, а также и на то, что онъ крайне презрительно отзывался о ней, Дмитрія Михайловича не только щадили во время великаго царствованія, но всегда окружали почетомъ. Царь нерѣдко навѣщалъ его, чтобы посовѣтоваться о задуманныхъ мѣропріятіяхъ, и терпѣливо ожидалъ, пока „старикъ“ кончитъ свои молитвы. Убѣжденный аристократъ, владѣтель Архангельскаго находилъ идеаль-

---

1) „Петръ Великій“.

2) Забѣлинъ.

ной шведскую конституцію. Онъ на своемъ вѣку перевидалъ много странъ. Въ 1697 г., тридцати четырехъ лѣтъ отъ роду, онъ ѣздилъ учиться въ Италію. Въ 1701 г., онъ былъ назначенъ посланникомъ въ Константинополь, затѣмъ съ 1708 по 1721 г. занималъ постъ начальника Малороссіи, гдѣ сумѣлъ сосредоточить вокругъ себя всѣ выдающіяся умственные силы страны, сохранивъ по возвращеніи въ Петербургъ, постоянныя сношенія съ Кіевской Академіей. Онъ говорилъ на нѣсколькихъ языкахъ, но ненавидѣлъ нѣмцевъ. Весьма самовластный, не терпѣвшій выраженій, онъ въ этомъ отношеніи очень напоминалъ собой типъ Ивана III и его грознаго внука. Сторонникъ прогресса, но врагъ скороспѣлыхъ новшествъ, съя въ особенности возставалъ противъ переворота, затѣяннаго Петромъ въ области общественныхъ нравовъ, не въ пользу котораго говорилъ примѣръ самого государя. „Вотъ чѣмъ насъ соблазняютъ!“ возмущался онъ.

Побѣдитель Левенгаупта въ битвѣ при Лѣсной, „матери Полтавы“, по выраженію Петра, Михаилъ, братъ Дмитрія, пользовался большимъ уваженіемъ даже среди иностранцевъ. „Во всякой другой мѣнѣ варварской странѣ, „писалъ герцогъ де Лирія“, изъ него вышелъ бы великій человѣкъ“. <sup>1)</sup> Но при большихъ заслугахъ, ни тотъ ни другой не обладали нѣкоторыми качествами, необходимыми для мужей государственныхъ—быстрой сообразительностью, оытностью, энергіей, и совершенно лишены были свойствъ, нужныхъ для паредворца.

Въ этомъ отношеніи Долгорукіе стояли несравненно выше. Василій Лукичъ, „самый учтивый и обходительный русскій“ по свидѣтельству Бассевича, началъ свою дипломатическую карьеру при дворѣ Людовика XIV, о чемъ любилъ вспоминать. Во время своего тринадцатилѣтняго пребыванія въ Парижѣ, онъ довольно близко наблюдалъ англійскую революцію 1688 г. и еще ближе—злоупотребленія самовластія, отличавшія царствованіе Короля-Солнца. Тогда же воз-

---

<sup>1)</sup> *Переписка, добавленія „Русская старина“ 1873.*

никли его сношенія съ іезуитами, не прекратившіяся и по возвращеніи въ Россію. Затѣмъ въ Варшавѣ онъ являлся довѣреннымъ лицомъ Меньшикова по Курляндскимъ дѣламъ, пока не поссорился съ временщикомъ послѣ воцаренія Петра II. Въ Митавѣ онъ пользовался благосклонностью Анны, оцѣвившей его свѣтскія манеры. Изъ всего этого видно, что онъ не лишенъ былъ ловкости. Его двоюродные братья, Алексѣй, Сергѣй и Иванъ Григорьевичи, были люди совершенно невоспитанные, необразованные, направленія реакціоннаго, ставившіе на первый планъ заботы о дѣлахъ семейныхъ и о свисканіи благоволенія императора. Другой родственникъ, Михаилъ Владиміровичъ, держался въ сторонѣ вмѣстѣ съ братомъ Василюмъ, побѣдителемъ на берегахъ Каспія, отличавшимся грубой прямою.

Такимъ образомъ въ семьѣ Долгорукихъ, повидному, образовалось два лагеря. Однако, во всѣхъ важныхъ обстоятельствахъ они поддерживали другъ друга и примирились даже съ Голицыными, чтобы въ Верховномъ Совѣтѣ раздѣлить съ ними управленіе дѣлами внутренними, послѣ паденія Меньшикова. Что касается политики внѣшней, то Василій Лукичъ казался достаточно въ ней освѣдомленнымъ, но скоро ему пришлось признать свою несостоятельность въ сложныхъ хитросплетеніяхъ дипломатическихъ отношеній и комбинацій. Такимъ образомъ—эта забота перешла въ руки Остермана, уже по своему положенію вице-канцлера, вполнѣ соотвѣтствовавшаго такой роли, и принятаго въ февралѣ 1726 г. въ число „верховниковъ“, какъ обыкновенно называли членовъ Верховнаго Совѣта.

Уже начавшееся еще при Екатеринѣ постепенное поглощеніе этимъ собраніемъ полномочій и функцій, номинально распределенныхъ между различными правительственными учрежденіями, теперь пошло гораздо быстрѣе. Совѣтъ упразднилъ послѣдовательно Вотчинную канцелярію, затѣмъ канцелярію Государственной полиціи, называемую обыкновенно „Преображенскимъ приказомъ“, вѣдавшимъ также, или обязаннымъ вѣдать, полицію административную; коллегии Военная и Адмиралтейская, сохранившія при жизни императри-



**ПЕТРЪ II**

(Романовская галерея.)



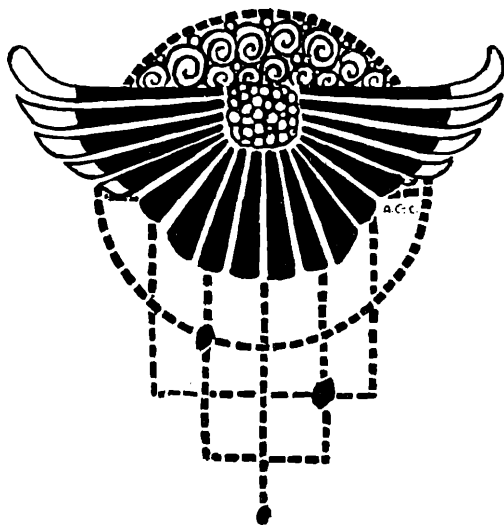


цы извѣстную независимость, теперь перешли въ состояніе полного подчиненія. Сейчасъ же вслѣдъ за паденіемъ Меншикова Совѣтъ вмѣнилъ имъ въ обязанность давать ему отчетъ во всѣхъ мельчайшихъ распоряженіяхъ. Въ области административной и области судебной Совѣту также впредь принадлежала верховная власть, и, лишивъ Сената его законодательныхъ функцій, онъ пользовался ими крайне широко, не задумываясь касаться даже основъ государства, какъ въ вопросѣ о гетманствѣ въ Малороссіи.

Однако, у лишеннаго своихъ правъ Сената, оставалось не мало дѣла. По мѣрѣ того, какъ онъ пересталъ возбуждать зависть вновь возникшей власти, по мѣрѣ того, какъ послѣдняя все болѣе увлекалась задачами высшей правительственной политики, разстройство функцій, захваченныхъ съ слишкомъ большою жадностью, складывалось въ пользу опальнаго учрежденія. Благодаря обратному толчку, Совѣтъ оказался заваленнымъ большимъ количествомъ дѣлъ, которыя верховники считали недостойными своего вниманія. Такимъ образомъ, при упраздненіи Преображенскаго приказа въ вѣдѣніе Сената перешла административная полиція. Стремясь все захватить въ свои руки, новый властелинъ, т. е. Верховный Совѣтъ, видѣлъ невозможность все удержать за собой и, винтъ за винтомъ, разрушалъ механизмъ, налаженный съ такимъ трудомъ Петромъ Великимъ.

Номинальный двигатель этого механизма оставался въ сторонѣ. Открывъ подъ своимъ предсѣдательствомъ засѣданія Совѣта и объявивъ опалу Меншикову, Петръ II сошелъ со сцены, закружившись въ вихрѣ удовольствій, о которыхъ я попытался дать представленіе. На Остермана и Алексѣя Долгорукаго была вначалѣ возложена обязанность служить посредниками между государемъ и его совѣтниками. Но вскорѣ эта двойная передаточная инстанція упразднилась сама собой. Вице-канцлеръ углубился въ иностранную политику, въ которой юный государь ничего не понималъ и не желалъ понимать и интересъ къ которой потеряли сами верховники, а помощникъ воспи-

тателя погрузился всецѣло со своими родственниками въ придворныя интриги; оба оспаривали другъ у друга благоволеніе своего питомца и не чаще его появлялись на засѣданіяхъ. Перехожу теперь къ послѣдствіямъ изложеннаго.



## II.

Упраздненіе „Преображенскаго приказа“ вызвало всеобщее ликование. Но вскорѣ пришлось всѣмъ убѣдиться, что исчезло лишь имя, заслуженно ненавистное. Тюрьмы оставались также переполненными, а доносчики „слова и дѣла“ не отставали отъ этого ужаснаго обычая. Въ 1726 г. небольшой канцелярскій чиновникъ Василій Федоровъ сдѣлалъ доносъ на капитана въ отставкѣ Кобылина, о произнесеніи имъ мятежныхъ рѣчей. Послѣдовала смертная казнь и конфискація имущества осужденнаго. Но доносчикъ остался недовольнымъ: изъ наслѣдства своей жертвы онъ получилъ только корову съ теленкомъ, небольшое количество сѣна, нѣсколько гусей, да индѣекъ, къ чему вдова казеннаго добавила охапку сырыхъ дровъ. Онъ указывалъ на многочисленныхъ другихъ доносчиковъ, чье усердіе удостоилось лучшей награды. Въ 1728 г., восемнадцать смоленскихъ жителей, перешедшихъ въ католичество, были возвращены на лоно православія мѣрами, отъ которыхъ не отказались бы самыя свирѣпыя дѣятели упраздненнаго учрежденія. Увѣщеванія происходили при помощи палача, съ кнутаомъ и топоромъ въ рукахъ.

Такъ обстояло дѣло съ высшей полиціей. Низшая тоже ничего не выиграла отъ перехода въ вѣдѣніе Сената. 23 апрѣля (3 мая) 1729 г. большой пожаръ вспыхнулъ въ Нѣмецкой слободѣ въ Москвѣ и для его тушенія были вызваны солдаты гвардіи. Маньянъ, видѣвшій ихъ работу, описываетъ ее слѣдующимъ образомъ: „Какъ бѣшеные, они устремлялись на дома угрожаемаго квартала, разбивали ихъ ударами топоровъ, а затѣмъ принимались за сундуки, шкапы и погреба, хватали все, что попадало подъ руку, грозя проломить голову хозяевамъ, пытавшимся вступиться за свое имущество...

Видѣли, какъ они даже перерѣзали веревки у колодцевъ, чтобы нельзя было достать воды“. Офицеры не смѣли вмѣшиваться. Толпа ликовала: „Пускай себѣ грабятъ нѣмцевъ!“ Прибытіе Петра II на пожарище прекратило, наконецъ, беспорядки; но Иванъ Долгорукій, въ качествѣ капитана гвардіи исходатайствовалъ прощеніе для грабителей, и въ результатѣ оказались сгорѣвшими сто двадцать домовъ <sup>1)</sup>).

Въ то же время вооруженные грабежи принимали невиданные размѣры на всемъ протяженіи имперіи. Въ 1728 г. шайка, напавъ на селеніе Пряшево, помѣстье князя Куракина въ алатырскомъ уѣздѣ, сожгла двѣ церкви и двѣсти дворовъ и убила управителя <sup>2)</sup>).

Не умѣя внушить уваженія къ существующимъ законамъ, Верховный Совѣтъ, всетаки вздумалъ заниматься законодательствомъ. Такъ какъ дѣло кодификаціи не подвинулись впередъ при Еватеринѣ, то кто-то вспомнилъ, что при Алексѣѣ Михайловичѣ по этому поводу происходилъ созывъ народныхъ представителей. Возвращеніе къ дореформеннымъ обычаямъ прельстило верховниковъ. Они рѣшили созвать снова въ Москвѣ соборъ изъ представителей, избранныхъ дворянствомъ, по пяти человекъ отъ каждой губерніи, съ суточнымъ вознагражденіемъ въ размѣрѣ 50 коп. Но попытка окончилась весьма печально. Всѣ люди, мало-мальски выдающіеся, состояли уже на службѣ; отбросъ, присланный провинціей за неимѣніемъ лучшаго, оказался совершенно не работоспособнымъ <sup>3)</sup>).

Коммиссія по пересмотру законовъ о торговлѣ нѣсколько лучше справилась съ своей задачей, уменьшивъ обложеніе пеньки и драгоценностей, уничтоживъ монополію на торговлю иностраннымъ табакомъ, солью, сибирскимъ пушнымъ товаромъ, принявъ мѣры къ улучшенію обмѣна. Такъ какъ государство оставалось главнымъ про-

---

<sup>1)</sup> Маньянъ, 9 мая 1729 г. Вѣд. Иностр. Дѣлъ, Россія.

<sup>2)</sup> Соловьевъ, XIX. См. также Полное Собраніе Законовъ № 5412.

<sup>3)</sup> Соловьевъ, XIX.

мышленнымъ производителемъ страны, то комиссія надумала оставлять за границей доходы, получаемые имъ отъ продажи своихъ произведеній поташа, дегтя, сибирскаго желѣза, сала, икры—и такимъ образомъ создать свободный фондъ для нуждъ казны. Свобода, дарованная въ 1728 г. добычѣ и продажѣ соли, а также разработкѣ пріисковъ за Тобольскомъ, и новый вексельный уставъ, изданный въ 1729 г., удачно завершили кругъ реформъ, весьма своевременныхъ для большого развитія матеріальныхъ ресурсовъ страны. Верховный Совѣтъ тутъ былъ ни при чемъ. Комиссіей о коммерціи завѣдывалъ Остерманъ, которому постепенно пришлось замѣнить собой во всѣхъ отдѣлахъ своихъ несостоятельныхъ коллегъ. Напрасно онъ выражалъ желаніе заниматься только иностранной политикой; они сваливали на него всю работу, не желая и не умѣя сами ничего дѣлать. Безъ его помощи механизмъ грозилъ ежеминутно остановкой. И дѣйствительно, во время его отсутствія работа прекращалась.

Онъ долго уклонялся отъ вмѣшательства въ дѣла арміи и флота. И въ результатѣ они находились въ состояніи полной заброшенности. Со времени паденія Меншикова у Военной коллегіи не было президента, а такъ какъ отъ президента до сихъ поръ тамъ зависѣло все, то возникъ вопросъ объ образованіи опять-таки комиссіи для его замѣстительства и принятія мѣръ противъ разложенія арміи, обнаруживавшаго уже свои опасные признаки. Но некого было назначить. Флотъ таялъ, очевидно. Прекративъ изъ экономическихъ соображеній постройку крупныхъ кораблей, рѣшили ограничиться пока простыми галерами, но верфи бездѣйствовали, а причина тому достаточно явствуетъ изъ процесса, возбужденнаго въ 1727 г. противъ адмирала Змайевича, уличеннаго въ воровствѣ, приговореннаго къ смертной казни, затѣмъ помилованнаго и посланнаго въ Астрахань командиромъ порта, гдѣ онъ, вѣроятно, не бросилъ своихъ прежнихъ привычекъ <sup>1)</sup>.

Можно себѣ представить, что случилось при подобныхъ обстоятель-

---

<sup>1)</sup> Соловьевъ, XIX.

ствахъ съ умственнымъ движеніемъ, уже сильно пріостановившимся во время предыдущаго царствованія. Продолжались занятія по картографіи, начатыя при Петрѣ I, но работа подвигалась впередъ все медленнѣе и медленнѣе. Академія Наукъ проявляла свою дѣятельность только въ комичномъ видѣ. 24 февраля 1729 г. тамъ происходило публичное засѣданіе по случаю празднованія коронаціи, и на немъ профессоръ Лейтманъ важно представилъ многогранникъ, изображавшій фигуру орла, искусно превращающагося въ августѣйшія черты государя. Пользуясь единственной типографіей столицы вмѣстѣ съ Синодомъ, Академія не обременяла работой печатные станки и была, пожалуй, права, потому что всѣ печатныя произведенія подлежали цензурѣ духовнаго собранія, а Петра I уже не было, чтобы сдерживать ретивость усердія этого собранія. Въ средѣ самого духовенства представителю новаго вѣянія, Θεофану Прокоповичу, приходилось бороться съ епископомъ ростовскимъ, Георгіемъ Дашковымъ, мечтавшимъ о возстановленіи патріаршества, въ расчетѣ, что выборъ не можетъ миновать его особы. Во время царствованія Екатерины Θεофанъ считался еретикомъ, обвинялся въ распространеніи ученія Арія. По доносу монаха, Маркелла Родышевскаго, Θεофанъ даже имѣлъ дѣло съ Преображенскимъ приказомъ и счастливъ былъ, что заплатился только отповѣдью и угрозою, что „съ нимъ поступятъ безъ милосердія“, если онъ подастъ поводъ къ новымъ жалобамъ<sup>1)</sup>. Теперь у

1) „Слушавъ его отвѣты“—говоритъ резолюція по дѣлу Θεофана—„въ которыхъ нѣкоторые противъ показанія архимандрита Маркелла и неподлинно изъяснены, слѣдовать и тому архимандритскому показанію вѣрить императрица не указала; а впредь ему, архіерею, противностей Св. церкви никакихъ не чинить, и имѣть чистое, безоблаженное житіе, какъ всѣ Великороссійскіе Православные архіереи живутъ; также чтобъ и въ служеніи и въ прочихъ церковныхъ порядкахъ нисколько отмѣны не чинили передъ Великороссійскими архіереями; а если онъ въ противность Св. Церкви, по чьему изобличенію, явится виновенъ, то въ томъ ему отъ ея императорскаго величества милости показано не будетъ“. (8 декабря 1726 г.). Журн. Верх. Тайн. Сов.

него былъ союзникъ въ лицѣ Остермана, а паденіе Меншикова избавляло его отъ страшнаго врага; но торжество партіи вельможной и реакціонной создавало новую опасность. Энергичный и ловкій Дашковъ снова сильно заволновался, взводя на своего соперника прежнія обвиненія въ отступничествѣ отъ православія. Въ 1727 г. по приказу Верховнаго Совѣта былъ изданъ „Камень вѣры“, сочиненіе религиозно-полемическое, гдѣ Яворскій изложилъ свое вѣроисповѣданіе суроваго православія и сводилъ свои личные счеты съ пастыремъ-преобразователемъ. Но одновременно, аббатъ Жюбэ, привезенный въ 1728 г. изъ Франціи княгиней Ириной Долгорукой, урожденной Голицыной, въ качествѣ воспитателя ея дѣтей, создавалъ въ самой Москвѣ очагъ католической пропаганды.

Извѣстно, что этотъ человѣкъ отличался необычайной дѣятельностью, предприимчивостью и мужествомъ. Онъ, въ свою бытность священникомъ въ Анверѣ, отказался служить обѣдню, пока маркиза Пароберъ, любовница регента, не удалится изъ церкви. На жалобы красавицы регентъ только отвѣтилъ: „Чего ей понадобилось идти въ церковь?“. Княгиня Долгорукая перешла въ католичество во время своего пребыванія за границей, подъ влияніемъ принцессы Овернской урожденной де-Линь. Вся семья ея отца проявляла наслѣдственно тѣ же наклонности. Находящійся подъ ея покровительствомъ аббатъ Жюбэ, въ подмосковной князя Голицына встрѣчался съ епископомъ тверскимъ Лопатинскимъ и толковалъ съ нимъ о объединеніи церквей <sup>1)</sup>).

Такъ что въ этомъ отношеніи царило полнѣйшее смятеніе и неурядица.

Со стороны виѣшней политики миръ, заключенный турками въ октябрѣ 1727 г. съ персидскимъ узурпаторомъ, Ашрефомъ, котораго Россія отказалась признать, создалъ въ началѣ царствованія

---

1) Толстой . *Католицизмъ въ Россіи*“; Филаретъ „*Исторія русской церкви*“; Долгоруковъ „*Мемуары*“.

серьезную опасность для каспійскихъ областей. Россія располагала тамъ весьма незначительнымъ отрядомъ войскъ, да еще лишеннымъ своего вождя, Василія Владиміровича Долгорукаго, чье присутствіе оказалось болѣе нужнымъ въ Москвѣ. Порта, жалуясь на то, что союзники ее покинули, предложила посредничество для соглашенія съ Ашрефомъ. Услуги были приняты, но не привели ни къ чему, и вскорѣ Неплюевъ сообщалъ изъ Константинополя, что турки намѣреваются напасть на новыя русскія владѣнія въ Персіи. Резидентъ императора, Дальманъ, предложилъ свое посредничество; но Порта, повидимому, отвергала всякое иное вмѣшательство, кромѣ Франціи, а Неплюевъ утверждалъ, что война предпочтительнѣе такого оборота дѣла. Франція, въ союзѣ съ Англіей, казалась ему вдвойнѣ подозрительной. Его мнѣнію не противорѣчили приказанія начальства, такъ какъ онъ ихъ не получалъ. Все искусство Остермана было направлено теперь лишь на то, чтобы выиграть время и сохранить внѣшность. Безъ флота и почти безъ арміи Россія должна была поддерживать видъ могущественной европейской державы. Поэтому она потребовала своего представительства на Суассонскомъ конгрессѣ, совершенно не касавшемся ея интересовъ. Тамъ предстояло, какъ извѣстно, обсужденіе соглашенія между Австріей и ея недавними и будущими соперниками, Франціей, Англіей и Испаніей. Россія, какъ союзница Австріи, пожелала принять участіе въ конгрессѣ и кстати добиться окончательнаго улаженія голштинскаго вопроса. То было дѣло постороннее, и Австрія уклонилась отъ его обсужденія во время переговоровъ, ни къ чему, впрочемъ, не приведшихъ. Послѣ Севильскаго договора, подписаннаго въ ноябрѣ 1729 г. между Франціей, Испаніей, Голландіей и Англіей, правительству Петра II не оставалось ничего другого, какъ выражать свое неудовольствіе въ этой благородной компаніи.

Нѣкоторое удовлетвореніе за то ожидало его съ другой стороны обширной политической сферы, открытой Петромъ Великимъ для дѣятельности и честолюбія своихъ преемниковъ. 20 августа 1727 г.



русскій посланникъ заключилъ съ Небесной имперіей договоръ о вѣчномъ мирѣ, на основаніи *status quo* и установленія торговыхъ сношеній между обѣими державами. Въ этомъ отношеніи само время продолжало начатое дѣло, и по сегодняшній день мы являемся свидѣтелями его медленныхъ, но непреодолимыхъ успѣховъ. Почти одновременно на другой границѣ огромнаго сибирскаго материка Берингъ открылъ знаменитый проливъ. Задумавъ приступить къ исполненію этого предпріятія еще великій государь. Экспедиція подъ начальствомъ Беринга покинула Петербургъ въ январѣ 1725 г. Въ ея составъ входили два лейтенанта, Шпанбергъ и Чириковъ, два лодчана, одинъ гардемаринъ, одинъ географъ, одинъ докторъ и двадцать три матроса или мастеровыхъ. Частью сушей, частью водой—экспедиція добралась весной 1726 г. до Якутска и только въ январѣ 1728 г. до Охотска, претерпѣвъ по пути страшныя лишенія и понеся большія потери. Было время, когда ей приходилось питаться кожей упряжи и обуви. Въ Охотскѣ, гдѣ тогда насчитывалось не болѣе десяти домовъ, Берингъ выстроилъ себѣ жилище и запаса провіантомъ. На лодкѣ, которую также соорудили, и на плохой баркѣ, найденной на мѣстѣ, изслѣдователи добрались до Камчатки, гдѣ былъ снаряженъ корабль большихъ размѣровъ, «св. Гавріиль.» Въ то же время Берингъ ознакомился отъ туземцевъ съ подробностями путешествія, совершеннаго еще въ 1648 г. казакомъ Дежневымъ отъ устья Калмы на Камчатку—моремъ<sup>1)</sup>. Этимъ доказывалось существованіе пролива. Въ іюль, пройдя вдоль берега Азіа и обогнувъ Чукотскій мысъ, т. е. совершивъ въ обратномъ направленіи до 67° 17' ширины путь темнаго предшественника, экспедиція подтвердила открытіе, первенство котораго можетъ такимъ образомъ сдѣлаться предметомъ спора. Но по моему мнѣнію онъ является излишнимъ. Дежневъ не былъ въ состояніи придать научной цѣнности своему открытію, и не видалъ американскаго бе-

---

1) Веселаго „Исторія русскаго флота“.

ство съ которымъ самому Берингу пришлось отложить до слѣдующаго лѣта. Кромѣ того, хотя и подѣ начальствомъ датчанина, экспедиція 1727 г. была русская—иначе не оставалось бы ничего русскаго въ современной исторіи страны.



### III.

То были, конечно, успѣхи, но они не выкупали бездѣятельности съ реакціоннымъ направленіемъ, господствовавшей во все время царствованія сына Алексѣя. Уже одно перенесеніе правительственнаго центра въ Москву угрожало неприкосновенности и будущности великаго наслѣдія, укрѣпленнаго Петромъ I на берегахъ Невы. Въ мартѣ 1728 г. объявленія, расклеенныя по стѣнамъ древней столицы, угрожали „кнутомъ безъ милосердія“ всякому, дерзнувшему заговорить о возвращеніи въ Петербургъ <sup>1)</sup>). Недавно пассивная, выражавшаяся фактически въ бѣгствѣ крестьянъ „въ мать тихую пустыню“,— на материнское лоно безмятежной степи,—и духовно въ углубленіи бояръ въ воспоминанія прошлаго, оппозиція реформамъ стала проявлять движеніе наступательное. Но, вставъ во главѣ реакціи и задумавъ вернуться по наклонной плоскости, по которой вслѣдъ за Преобразователемъ скатилась вся старая Русь во время переворота великаго царствованія, „родовитые люди, именитые бояре“ оказались не въ состояніи выполнить и даже намѣтить какую-нибудь опредѣленную программу. Между ними снова началась вѣчная исторія мѣстничества, избитыхъ фразъ и отжившихъ обычаевъ, плодившихъ безцѣльные мечты. Свидѣтельства современниковъ въ этомъ отношеніи весьма краснорѣчивы и убѣдительно по своему единодушію; это хоръ, въ которомъ саксонецъ Лефортъ, испанецъ Лирія и французъ Маньянъ всѣ поютъ въ одинъ голосъ:

Вотъ что говоритъ первый изъ нихъ:

„Когда я смотрю на то, какъ управляется это государство въ

---

<sup>1)</sup> Лефортъ 4 марта 1728 г. Дрездемскій Архивъ, см. Nermann Diplomatisc he Beiträge.

настоящее время, мнѣ кажется, я вижу сонъ, послѣ царствованія дѣда. Уму человѣческому трудно понять, какимъ образомъ такая сложная машина еще держится безъ помощи, безъ работы... Напрашивается сравненіе (государства) съ кораблемъ во власти бури, на которомъ лоцманъ и экипажъ заснули или пьяны. Сложный механизмъ является игрушкой личной выгоды, безо всякой заботы о будущемъ, и кажется, что экипажъ лишь ожидаетъ сильной бури, чтобы воспользоваться остатками разбитаго корабля... <sup>1)</sup>).

А вотъ отъзвъ Лирія:

„Все идетъ изъ рукъ вонъ плохо; императоръ не занимается дѣлами и не хочетъ о нихъ слышать. Жалованье никому не платятъ, а Богъ вѣсть, что станется съ казной Его Величества. Вооруетъ каждый, кому не лѣнь. Всѣ члены Верховнаго Совѣта больны и по этой причинѣ въ этомъ собраніи душѣ здѣшняго Правительства, засѣданій не происходитъ. Всѣ подчиненные отдѣлы также прекратили свою дѣятельность. Раздаются безчисленныя жалобы. Каждый творитъ, что ему вздумается. И никто не думаетъ помочь бѣдѣ, кромѣ Остермана, который не можетъ одинъ всюду поспѣть. Мнѣ кажется, что почва вполне созрѣла для революціи... <sup>2)</sup>).

Мнѣніе Маньяна не болѣе лестно.

„Не существуетъ болѣе (у русскаго народа) ни правилъ чести, ни дружбы, ни благодарности; всѣмъ руководитъ съ одной стороны полнѣйшее невѣжество, а съ другой жажда скаредной наживы. Можно даже сказать, что это невѣжество еще усилилось, встрѣчая поощреніе въ настоящее царствованіе <sup>3)</sup>).

Посланникъ короля французскаго находился, однако, въ весьма дружескихъ отношеніяхъ съ представителями олигархической партіи и во многихъ случаяхъ ихъ связывала общность взглядовъ.

---

1) Лефортъ, 18 іюня и 25 ноября 1728 г. Дрезденскій Архивъ.

2) Лирія, 15 ноября 1728 г. „Восемнадцатый вѣкъ“.

3) Маньянъ, 9 ноября 1729 г. Иностр. дѣла. Россія.

Можетъ быть, на него невыгодно повліяли злоключенія, испытанныя имъ при вѣздѣ въ Москву? Засадивъ въ грязи карету, ему пришлось послѣдній перегонъ совершить верхомъ на неосѣданной лошади, взнузданной просто веревкой. Но допустимъ, что его слова не заслуживаютъ вниманія. Оставимъ въ сторонѣ всѣхъ свидѣтелей иностранцевъ, свидѣтелей сомнительныхъ. Но вотъ еще одинъ, мѣстный уроженецъ, или почти что такъ, казакъ, прибывшій въ Москву по дѣламъ и добившійся тамъ полнаго успѣха. Слѣдовательно не можетъ быть рѣчи о неблагожелательности. Кроме того его дневникъ сообщаетъ намъ много любопытныхъ подробностей о жизни близъ кремлевскихъ стѣнъ. Онъ занималъ въ самой аристократической части Москвы, въ Китай-городѣ, помѣщеніе, состоящее изъ трехъ домовъ, съ амбаромъ и погребомъ, съ платой за все по три рубля въ мѣсяцъ. Онъ приобрѣлъ англійскую коляску за 22 руб. Купилъ матеріи на кунтушъ по 60 коп. за аршинъ, шубу бѣличью за 2 руб. 60 коп. и восемнадцать паръ соболей за 140 руб. Къ столу онъ имѣлъ осетра, двухъ лососей и десять стерлядей за 3 руб., фунтъ икры за 5 коп., фунтъ чая за полтину, фунтъ кофе за 60 коп. Онъ составилъ себѣ также библіотеку изъ шести книгъ польскаго изданія, изъ которыхъ „*Speculum Saxonum*“ и „*Политика*“ Аристотеля обошлись ему въ 7 руб. 10 коп. Къ нимъ онъ добавилъ сочиненіе о строеніи земного шара за 50 коп.; русскій „*Синоптикъ*“ и два календаря за 1 руб. Въ лавкѣ нѣмца Морица нашель еще барометръ за 1 руб. Затѣмъ онъ позаботился о своемъ здоровьи, побывавъ у царскаго доктора Видлоу, прописавшаго ему декоктъ и пѣявки и взявшаго за совѣтъ четыре ефимка.

Дѣло его заключалось въ томъ, чтобы помочь выпутаться изъ затруднительнаго положенія отцу, полковнику, командовавшему полкомъ и возбуждавшему жалобы своимъ командованіемъ. Устроить дѣло удалось не сразу. Обратившись первоначально къ архіепископу Θεодану Прокоповичу и игуменьѣ Олимпіи Каховской, своимъ землякамъ, онъ не добился ничего. Большого успѣха достигъ онъ у се-

кретаря коллегіи иностранныхъ дѣлъ, вначалѣ согласившагося вымграть съ него нѣкоторую сумму денегъ въ „Шнипъ-швапъ“, а затѣмъ принявшаго подарокъ въ тридцать червонцевъ. Но особенныя чудеса произвели сорокъ червонцевъ, врученные секретарю Верховнаго Совѣта, такъ что къ отъѣзду сына опальный полковникъ превратился въ главнаго казначея Украйны<sup>1)</sup>.

Не ясно ли обрисовываетъ такой простой случай нравственныя качества правительства, прикрывавшагося именемъ Петра II и состоявшаго изъ старинныхъ приказныхъ.

Одинъ изъ иностранцевъ, издавшій относительно положенія современной Россіи въ общемъ далеко нелестныя мемуары, Манштейнъ, однако, запротестовалъ противъ столь удручающихъ единогласныхъ свидѣтельствъ и даже сталъ доказывать противное въ настоящемъ панегирикѣ, которымъ вдохновились въ свою очередь и нѣкоторые русскіе историки. «Лефортъ, Маньянъ и Лирія были поверхностные наблюдатели. Ихъ впечатлѣнія основаны на томъ, что они видѣли при дворѣ. Они не „ходили въ народъ“, по излюбленному выраженію современныхъ славянофиловъ. Если двору, удаленному изъ Петербурга, не нравилось господство олигархической партіи, то у народа было полнѣйшее основаніе цѣнить ея благодѣянія. Ему не приходилось болѣе поставлять рекрутовъ въ армію, переведенную на мирное положеніе и въ нихъ не нуждавшуюся; онъ платилъ меньше податей, такъ какъ у новой администраціи было меньше нуждъ, чѣмъ при Петрѣ I, а слѣдовательно и менѣе требованій“. Такова точка отправленія. Что касается свидѣтельствъ Манштейна, то ихъ основанія весьма легковѣсны. Родившись въ 1711 г., авторъ мемуаровъ не могъ быть достаточно проникательнымъ наблюдателемъ въ 1729 г. Кромѣ того онъ не проживалъ въ Россіи, куда прибылъ лишь въ 1736 г. Я не намѣренъ противорѣчить тому, что правительство Петра II, пока оно существовало, а въ особенности, когда фактически, совсѣмъ прекратило свое существованіе, пользовалось любовью

---

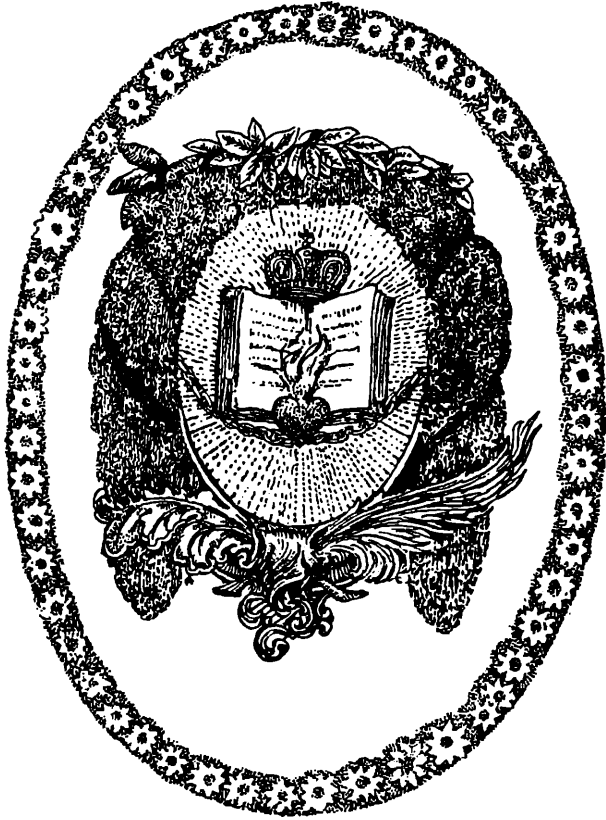
1) Яковъ Марковичъ, *Дневникъ* (1717—1767), 1895 г., II.

среди народа. Народъ повсюду ребенокъ, и самое вѣрное, если не самое честное, средство угодить дѣтямъ—ничего отъ нихъ не требовать, ни въ чемъ ихъ не останавливать, дать полную свободу ихъ прихотямъ и природной лѣности. Позднѣе имъ придется расклаваться, но въ данную минуту они будутъ себя чувствовать на верку блаженства. И такое блаженное состояніе верховники сумѣли создать для простого народа. Никто ничего не дѣлалъ, а потому и отъ другого не требовалъ. Въ 1729 г. Верховный Совѣтъ отмѣнилъ сборъ подушной подати во время земледѣльческихъ работъ <sup>1)</sup>). Конечно это было превосходно, пока можно было обходиться безъ денегъ. Безъ нихъ и обходились нѣкоторое время, такъ какъ машина въ бездѣйствіи топлива не требовала, и олигархія граничила въ данномъ случаѣ съ анархіей, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, которымъ, впрочемъ, такъ часто злоупотребляютъ. Нѣтъ образа правленія менѣе расточительнаго, чѣмъ этотъ, пока онъ существуетъ. Продолжительность же его существованія можетъ быть различна. Организмы низшаго разряда легко переносятъ отсутствіе нѣкоторыхъ жизненныхъ элементовъ и даже нѣкоторыхъ органовъ, лишеніе которыхъ на высшихъ ступеняхъ животной лѣстницы влечетъ за собой смерть. Моллюскъ довольствуется малымъ и не умираетъ отъ ампутацій.

Такимъ образомъ временно разрѣшалась загадка, занимавшая собой весь дипломатическій корпусъ въ Россіи съ 1727 по 1729 г.: существованіе государства, лишеннаго всѣхъ жизненныхъ органовъ, жизнь безъ сердца и желудка. Однако такое состояніе не могло долго продолжаться. Страна, взятая въ цѣломъ, недостаточно усвоила себѣ принципы жизни просвѣщенной, насажденные Петромъ I, чтобы чувствовать въ нихъ необходимость. Однако она не могла до безконечности существовать, не питаясь, и, такъ какъ возвратъ къ патріархальнымъ правамъ прошлаго оказывался неосуществимымъ, то ей грозила неминуемая смерть отъ удушья, еслибы эту катастрофу, предсказанную единогласно Лефортомъ, Лириа и Маньяномъ, не предупредила другая ими не предвидѣнная.

---

<sup>1)</sup> Полное собраніе Законовъ.





## Г Л А В А VI.

---

### Царская трагедія.—Екатерина Долгорукая.

I. Обрученіе Петра II и Екатерины Долгорукой.—Въ Лефортовскомъ дворцѣ.—Зловѣщее преданаменованіе.—Неумѣстная встрѣча.—Графъ Миллесимо.—Привѣтственная рѣчь Василя Долгорукаго.—Долгорукіе на верху величія.—Матримоньяльные планы Ивана Алексѣевича.—Отказъ Елизаветы.—Наталья Шереметьева.—Новая помолвка.—II. Загадочное поведеніе Петра II.—Тайныя свиданья съ Остерманомъ и Елизаветой.—Испугъ и ссоры Долгорукихъ.—Ихъ хищенія.—Волѣзнь царя.—Смертельная опасность.—Семейный совѣтъ въ Головинскомъ дворцѣ.—Несогласія.—Составленіе завѣщанія, провозглашавшаго наслѣдницей Екатерину Долгорукую.—Замышляемый подлогъ.—Иванъ Долгорукій и „Царская рука“.—III. Препятствія.—Сопротивленіе Верховнаго Совѣта.—Враждебность гвардіи.—Черезвычайныя мѣры.—Беременность Екатерины.—Послѣднія попытки.—Евдокія отказывается.—Остерманъ зорко слѣдитъ.—Безсиліе фаворита.—Смерть Петра II.

### I.

Обрученіе Петра II и Екатерины Долгорукой было отпраздновано 30 ноября. Долгорукіе сильно торопились. Церемонія состоялась въ Лефортовскомъ дворцѣ, гдѣ Петръ I проживалъ во время своихъ рѣдкихъ посѣщеній Москвы. Присутствовали Елизавета и герцогиня Мокленбургская съ дочерью, впоследствии недолго царствовавшей въ Россіи подъ именемъ Анны Леопольдовны. Даже сама Евдокія согласилась для такого случая нарушить глубокое уединеніе, въ

какомъ она проживала. Она казалась довольной, счастливой исполненіемъ своего завѣтнаго желанія относительно внука, при томъ осуществленнаго такимъ вѣрнымъ преданіемъ способомъ. Извѣстно, что женитьба царей на боярскихъ дочеряхъ и даже на мелкопомѣстныхъ дворянкахъ является стариннымъ русскимъ обычаемъ. Члены Верховнаго Совѣта, генералитетъ, иностранные посланники и все московское высшее общество также присутствовали на торжествѣ. Невѣста, уже объявленная Императорскимъ Высочествомъ, помѣщалась вмѣстѣ съ родителями въ Головинскомъ дворцѣ. За ней отправился братъ Иванъ, по своему сану оберъ-камергера, и привезъ ее, съ матерью и сестрами въ большой парадной каретѣ, окруженной камеръ-юнкерами, фурьерами и конно-гренадерами. Придворные пажы занимали мѣста на передкѣ кареты; ей предшествовали курьеры и пѣшіе гайдуки. Вслѣдъ тянулась длинная вереница экипажей съ членами семейства Долгорукихъ. Отрядъ изъ 1,200 всадниковъ окружалъ поѣздъ;— мѣра предосторожности, пожалуй, излишняя. Долгорукихъ дѣйствительно ненавидѣли въ средѣ знати, гдѣ они возбуждали зависть и озлобленіе своимъ возвышеніемъ и спесью; но народъ видѣлъ въ этой свадьбѣ залогъ вѣрности царя „Матусѣ Москвѣ бѣлокаменной“ и готовъ былъ рукоплескать, подобно Евдокіи. При въѣздѣ въ дворцовый дворъ, императорская корона, украшавшая парадную карету, или, по другимъ рассказамъ, орель, вѣнчавшій триумфальную арку, съ грохотомъ упалъ на землю<sup>1)</sup>. Это было сочтено за дурное предзнаменованіе, но Екатерина Долгорукая, повидимому, не обратила на то вниманія. Подавъ руку брату, спокойная и уже величественная, она вступила въ высочайшее жилище, въ которомъ ей предстояло жить.

Въ одной изъ залъ, на персидскомъ коврѣ, стоялъ столъ, покрытый золотой парчей, а на немъ крестъ и два золотыхъ блюда съ кольцами. Надѣво отъ стола были поставлены два кресла для

---

<sup>1)</sup> Карабановъ, „Русскіе историческіе анекдоты“. Русская старина, 1871 г.

Евдокіи и для невѣсты, и въ томъ же ряду стулья для привессы Мекленбургскихъ и для Елизаветы. Можно себя представить взгляды, брошенный дочерью Петра Великаго на эти стулья! Кресло для императора стояло направо. Θεοοανъ Прокоповичъ совершилъ установленный обрядъ, два генерала держали надъ четой балдахинъ изъ серебряной парчи, вышитой золотомъ; по окончаніи церемоніи загремѣли пушки, подавая сигналъ къ поздравленіямъ и цѣлованію руки. Елизаветѣ пришлось одной изъ первыхъ поцѣловать руку княжны Долгорукой...

Графъ Миллесимо приблизился въ свою очередь. Леди Рондо, въ своихъ извѣстныхъ письмахъ, безъ сомнѣнія искажила и преувеличила происшедшій при этомъ случай. На движеніе Петра, отстранившаго руку невѣсты, которую онъ держалъ въ своей, Екатерина отвѣчала будто бы рѣзкимъ жестомъ, поднеся отдернутую руку къ губамъ чужеземца. Подробности безусловно невѣрны, если принять въ соображеніе современный этикетъ, опровергающій возможность подобнаго вмѣшательства жениха: *„Онъ не могъ держать въ эту минуту невѣсту за руку“*. Но можно допустить, что молодая дѣвушка не сумѣла на этотъ разъ скрыть понятное волненіе, а Петръ, вообще не заботившійся о сдержанности, позволилъ себѣ какую-нибудь рѣзкость. Друзья Миллесимо увлекли его прочь и уговорили удалиться. Черезъ нѣсколько дней онъ покинулъ Россію.

Екатеринѣ Долгорукой предстояло еще новое испытаніе. Василій Владиміровичъ, человѣкъ весьма прямолинейный, пожелалъ сказать привѣтственную рѣчь. Говорятъ, онъ непріязненно относился къ предстоящему браку, не предвидя отъ него ничего хорошаго. Привѣтствіе его заключалось въ слѣдующемъ: „Вчера я былъ твоимъ дядей, нынче ты моя государыня, а я буду твоимъ вѣрнымъ слугой. Позволь дать тебѣ совѣтъ: смотри на своего августѣйшаго супруга не какъ на супруга только, но какъ на государя, и занимайся только тѣмъ, что можетъ быть ему пріятно. Твоя фамилія многочисленна, но, благодаря Богу, не терпитъ недостатка ни въ чемъ, и члены ея зани-

мають хорошія мѣста, и такъ если тебя будутъ просить о милости кому-нибудь, хлопочи не въ пользу имени, но въ пользу заслугъ и добродѣтели, это будетъ настоящее средство быть счастливою, чего тебѣ желаю“<sup>1)</sup>).

Будущая царица ничего не отвѣтила и, смущенная ли встрѣчей съ Миллесимо, или раздосадованная поведеніемъ Петра, весь вечеръ хранила недовольный видъ. И царь, обращавшій на неvěсту мало вниманія, даже какъ будто избѣгавшій ее, казался озабоченнымъ и сердитымъ. Среди общаго смущенія одна Евдокія сіяла. Былъ фейерверкъ и балъ, но безъ ужина, и всѣ съ облегченнымъ сердцемъ заторопились по домамъ. Невѣста вернулась въ Головинскій дворець, при той же свитѣ, которая сопровождала ея прїѣздъ, и, повидимому, забыла слова дяди. На слѣдующій день графъ Вратиславъ написалъ въ Вѣну, испрашивая для Ивана Долгорукаго княжескій титулъ и герцогство Козель, обѣщанное Меншикову, а по Москвѣ распространился слухъ; что юный фаворитъ получаетъ званіе великаго адмирала. Его отецъ назначается генералиссимусомъ, Василій Лукячъ— великимъ канцлеромъ; Сергѣй Григорьевичъ— оберъ-шталмейстеромъ; его сестра, по мужу Салтыкова, оберъ-гофмейстериной двора будущей государыни. Какая плеяда!

Теперь Иванъ Долгорукій какъ будто задумалъ остепениться. То была натура, полная странныхъ и неожиданныхъ противорѣчій, какихъ не мало въ Россіи и по настоящее время,—сама непосредственность, въ которой еще не переработались разные противоположные задатки, наслѣдственно пріобрѣтенные; гдѣ благородныя чувства, казалось, постоянно боролись съ самыми грубыми наклонностями. Развратникъ и развратитель<sup>2)</sup>), юноша иногда проявлялъ порывы, кото-

---

<sup>1)</sup> Маньянъ.

<sup>2)</sup> Князь Щербатовъ пишетъ о немъ въ своей книгѣ „О поврежденіи нравовъ въ Россіи“: „Кн. Ив. Алекс. Долгорукій былъ молодой, любилъ распутную жизнь, и всѣми страстями, къ которымъ молодые люди, не имѣющіе причины обуздать ихъ, были обла-

рые, будь они не столь мимолетны, могли бы оказать благотворное влияние на Петра. Говорятъ, однажды, заставъ царя, собиравшагося подписать смертный приговоръ, фаворитъ укусилъ его за ухо. Петръ вскрикнулъ отъ боли. „Представьте себѣ, каково будетъ этому человѣку, когда ему будутъ отсѣвывать голову!“ сказалъ Долгорукій. Обаяніе, которое онъ имѣлъ несмотря на его выходки и дурачества, влияние, какимъ онъ пользовался, когда хотѣлъ, завсѣли, можетъ быть, именно отъ такой горячности темперамента и характера. Когда Долгорукій заболѣлъ въ іюль 1728 г., Петръ спалъ на полу около его кровати <sup>1)</sup>). Теперь молодому повѣсѣ вздумалось жениться, подобно своему юному повелителю, и неисправимый лове-

---

даемъ. Пьянство, роскошь, любодѣяніе и насиліе мѣсто прежде бывшаго порядку заступили. Въ примѣръ сему, къ стыду того вѣка скажу, что сълюбили онъ, или, лучше сказать, ваялъ на блудѣяніе себѣ между прочимъ жену Кн. Е. Т., рожденную Головкину, и не только безъ всякой закрытости съ ней жилъ, но при частыхъ сѣздахъ у Кн. Т. съ другими своими молодыми сообщниками пивалъ до крайности, бивалъ и ругивалъ мужа, бывшаго тогда офицеромъ кавалергардовъ, имѣющаго чинъ генераль-майора, и съ терпѣніемъ стыдъ свой отъ прелюбодѣянія жены своей сносившаго. И мнѣ самому случилось слышать, что однажды бывъ въ домѣ сего Кн. Трубецкаго, по исполненіи многихъ надъ нимъ ругательствъ, хотѣлъ, наконецъ, выкинуть его въ окошко, и если Степанъ Васильевичъ Лопухинъ свойственникъ государевъ по бабкѣ его Лопухиной, бывший тогда камеръ-юнкеромъ у двора и въ числѣ любимцовъ князя Долгорукова, сему не воспрепятствовалъ, то сіе исполнено бы было. Но любострастіе его одною или многими не удовольствовало, и онъ иногда, прѣвѣжающихъ женщинъ изъ почтенія къ матери его, затаскивалъ къ себѣ и насилывалъ. Окружающіе его однодворцы и другіе младые люди, своимъ распутствіемъ дружбу его приобрѣтшіе, сему примѣру подражали, и можно сказать, что честь женская не болѣе была въ безопасности тогда въ Россіи, какъ отъ Турокъ во взятомъ градѣ“.

1) Лефортъ, 26 іюля 1728 г., Дрезденскій Архивъ, Негманн, „Diplomatische Beiträge“.

дась рѣшилъ снова ухаживать за Елизаветой на законномъ основаніи. Но царевна возмущилась: она не согласилась принять въ супруги подданнаго! Вообще въ это время она рѣшительно отклоняла всѣ подобныя предложенія, привыкнувъ и полюбивъ жизнь свободную и развлечения, которыя иѣняла и разнообразила до безконечности <sup>1)</sup>). Ея похожденіямъ потерялся счетъ <sup>2)</sup>). Среди зимы она удалилась въ деревню, прибрегая всемогущими Долгорукими, выказывая холодность даже къ самому царю. Но Иванъ Долгорукій упорно стоялъ на своемъ; требовалъ себѣ жену! И нѣсколько недѣль самъ дипломатическій корпусъ занимался этой женитьбой, подыскивая въ невѣсты фавориту то дочь Ягужинскаго, то дочь Миниха или Остермана. Наконецъ, выборъ молодого человѣка палъ на самую богатую и самую красивую невѣсту государства—Наталью Борисовну Шереметьеву, прелестное созданіе, дочь великаго полководца предшествовавшаго царствованія. Эта новая помолвка была отпразднована 14 декабря 1729 г., въ царскомъ присутствіи съ большимъ торжествомъ и невѣроятной роскошью. Кольцо жениха стоило 12,000 руб., невѣсты 6,000 руб. Было рѣшено, что свадьба императора и фаворита состоится въ одинъ и тотъ же день, и балы, и банкеты безпрерывно чередовались въ ожиданіи двойной брачной церемоніи, волновавшей всю страну. Москва наполнялась пріѣзжими провинціалами, спѣшившими со своими семействами изъ глуши въ столицу. Никогда на людской памяти тамъ не бывало такого оживленія и веселья.

---

1) „Поведеніе принцессы Елизаветы съ каждымъ днемъ все дѣлается хуже и хуже: Она безъ стыда дѣлаетъ вещи, которыя заставляютъ краснѣть даже наименѣе скромныхъ“. Де Лиріа, *переписка*.

2) Маньянъ, 1 сентября 1729 г. Вѣд. Иностран. Дѣлъ. Россія.

## II.

Однако, Петръ показывалъ своимъ подданнымъ все болѣе и болѣе сумрачное лицо. Рядомъ съ невѣстой и среди своихъ новыхъ родственниковъ онъ день ото дня все больше принималъ видъ птички, понавшейся въ западню, видъ, дѣйствительно такъ подходившій къ нему при данныхъ обстоятельствахъ, „Слово царское измѣнчиво“. По этой русской пословицѣ Долгорукіе изо всѣхъ силъ стремились ускорить событіе, отъ котораго зависѣла ихъ судьба. Къ несчастію стоялъ Рождественскій постъ, а разныя другія препятствія заставили отложить церемонію до 19 января. Верховный Совѣтъ ассигновалъ на расходы 50,000 руб. и требовалось немало времени, чтобъ ихъ израсходовать.

А пока семейству Долгорукихъ приходилось переживать тревожныя минуты. 1 января, ночью, царь отлучился безъ вѣдома Алексѣя Григорьевича и отправился къ Остерману, гдѣ оказались еще два члена Верховнаго Совѣта. Вице-канцлеръ опять значился больнымъ и не выходилъ уже десять дней изъ комнаты, и одно это обстоятельство могло внушить опасенія всѣмъ, хорошо изучившимъ его манеру. Онъ что-то замышлялъ или предвидѣлъ кризисъ, отъ котораго желалъ остаться въ сторонѣ<sup>1)</sup>. Петръ также видѣлся украдкой съ Елизаветой, горько жаловавшейся на Долгорукихъ. Завладѣвъ всѣмъ, и властью и деньгами, они подвергали ее всяческимъ лишеніямъ. Она привыкла, по обыкновенію, пользоваться услугами двора для своихъ нуждъ, такъ какъ у нея въ домѣ по-прежнему шель большой расходъ, и вотъ теперь, по приказанію Алексѣя Григорьевича,

---

<sup>1)</sup> Лирія, 2 января, 1730 г. „Весемнадцатый вѣкъ“.

ея мундкохи встрѣчали отказъ. Даже соли не хватало у нея на кухнѣ! Долгорукіе вымѣщали свою обиду на пренебрежительный отказъ, полученный Иваномъ, замышлявшимъ даже, какъ онъ самъ сознался впослѣдствіи, заключить цесаревну въ монастырь<sup>1)</sup>. Петръ отвѣчалъ на жалобы тетки словами, сейчасъ же разглашавшимися и безъ сомнѣнія преувеличенными, полными угрозы: „Въ томъ не моя вина; меня не слушаютъ, но я скоро найду средство порвать свои оковы“. Предупрежденные Долгорукіе не сумѣли встрѣтить опасность, какъ только ссорами между собой. Владиміровичи находили, что Григорьевичи зашли слишкомъ далеко, черезчуръ рано держа себя полновластными хозяевами. Иванъ ссорился съ сестрой, требовавшей брилльянты великой княжны Наталіи, будто бы обѣщанные ей Петромъ. Впрочемъ, она брала примѣръ съ отца и остальныхъ родственниковъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, какъ это доказали позднѣйшія изслѣдованія, грабившихъ казну, оспаривая другъ у друга добычу. Но уже близилась катастрофа, примирившая ихъ всѣхъ въ общемъ крушеніи честолюбивыхъ замысловъ.

6 января 1730 г. происходило водосвятіе. Всегдашній врагъ принужденія, Петръ, опоздалъ на церемонію, но присутствовалъ на парадѣ, несмотря на жестокой морозъ, и возвратился домой въ обществѣ невѣсты, стоя на запяткахъ у ея саней. Можетъ быть, настроенный Долгоруками или покоренный какой-нибудь ловкой хитростью красавицы Екатерины, намѣревался онъ такимъ проявленіемъ благоволенія сразу прекратить толки о разрывѣ, слишкомъ сильно разошедшіеся. Вернувшись домой, онъ почувствовалъ ознобъ и на слѣдующій день заболѣлъ оспой<sup>2)</sup>.

---

1) Дѣло Долгорукихъ въ Московскомъ Государственномъ Архивѣ“.

2) Изслѣдованіе М. Львова по этому поводу, помѣщенное въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ (іюль 1896 г.), разъясняетъ нѣкоторыя подробности, невѣрно переданныя въ мемуарахъ современниковъ. По всей вѣроятности, дѣло происходило такъ: Петръ II—какъ объ



Долгорукіе пришли въ отчаяніе. Дипломатическій корпусъ заволновался. Датскій посланникъ уже видѣлъ на престолѣ Елизавету, или ея племянника, герцога Голштинскаго. То была бы потеря Шлезвига. Онъ бросился къ Василию Лукичу, убѣждая что-либо предпринять въ предвидѣніи рокового исхода болѣзни. Но что? То же, что было сдѣлано передъ смертью Петра I. Между женой и невѣстой разница невелика, и новая Екатерина могла царствовать съ такимъ же успѣхомъ, какъ первая. Братья и двоюродные братья заспорили и не могли прійти къ соглашенію. Владиміровичамъ планъ казался рискованнымъ, и они упорствовали въ своихъ возраженіяхъ. Затѣмъ 12 января Петру сдѣлалось лучше, и всѣ вздохнули свободнѣе. Но, пять дней спустя, больной имѣлъ неблагоприятное раскрывъ окно, оспа была застужена; спасенія не оставалось.

На этотъ разъ Алексѣй Григорьевичъ приступилъ къ рѣшитель-

этомъ свидѣлствуютъ многіе иностранцы-современники—послѣ обрученія и на святкахъ былъ боленъ и, вѣроятно, не выходилъ, особенно въ виду тѣхъ страшныхъ холодовъ, о которыхъ упоминаетъ леди Рондо, жена англійскаго резидента при русскомъ дворѣ: „Бѣдная хорошенькая невѣста должна была показаться народу въ этотъ день. Она ѣхала мимо моего дома, окруженная конвоемъ и такой пышной свитой, какую только можно себѣ представить. Она сидѣла совершенно одна въ открытыхъ саняхъ, а императоръ, слѣдуя обычаемъ страны, стоялъ позади ея саней. Никогда въ жизни не помню я дня болѣе холоднаго“. Никто не ожидалъ, чтобъ Петръ рѣшился въ „небывало холодный день“ выѣхать. Но онъ выѣхалъ на парадъ и прокатился съ невѣстой. Между тѣмъ изъ свидѣтельства иностранцевъ видно, что государь былъ настолько нездоровъ передъ 6 января, что даже опасались за его жизнь. Такъ напр., англійскій консулъ Уардъ писалъ: „Здѣсь втайнѣ повторяютъ слухи, будто его величество въ Москвѣ заболѣлъ. Волѣзнь эта, вѣроятно, является послѣдствіемъ безпорядочной жизни, которой молодой монархъ, повидимому, предается со всѣмъ пыломъ юности и безконтрольной власти“. Гогенгольцъ прямо предсказывалъ, что Петру трудно перенести

нымъ мѣрамъ. Гонцы полетѣли по городу, созывая всѣхъ членовъ семейства въ Головинскій дворецъ. Проведя ночь у ложа больного государя, глава дома лежалъ въ постели. Пришлось всѣмъ собраться въ его комнатѣ. „Императоръ боленъ“ заявилъ онъ, „и худа надежда, чтобъ живъ былъ; надобно выбрать наслѣдника“.

— Кого же вы въ наслѣдники выбирать думаете?—спросилъ Василій Лукичъ.

Алексѣй указаль пальцемъ на потолокъ.

— Вотъ кого!

Въ верхнемъ этажѣ помѣщались апартаменты Екатерины. Владиміровичи покачали головой; но Сергѣй Григорьевичъ настаивалъ выражая мысль, волновавшую умы его братьевъ: „Все можно уладить при помощи завѣщанія. Законъ Петра Великаго не отмѣненъ, и государь не могъ бы сдѣлать изъ него лучшаго примѣненія, какъ назначивъ своей преемницей ту, съ которой намѣревался раздѣлить ложе и тронъ!“

Принимая во вниманіе обстоятельства дѣла, такое предложеніе

---

оспу, такъ какъ силы его совершенно истощены отъ неизмѣримой и порочной жизни. Лирія говоритъ, что „съ самаго дня обрученія Петръ впалъ въ такую задумчивость, что ничто болѣе его не развлекало, и онъ даже говаривалъ своимъ приближеннымъ, что скоро умретъ и что жизнь ему наскучила“.

На основаніи всѣхъ вышеприведенныхъ данныхъ съ ббльшей вѣроятностью можно сдѣлать такую поправку относительно случая и мѣсто заболѣванія Петра II. Государь-отрокъ, крайне изнузивъ себя неправильною жизнью, заболѣлъ на святкахъ въ Москвѣ. Не оправившись вполнѣ, онъ, 6 января 1730 г., во время страшнаго холода, выѣхалъ сперва къ войскамъ, шедшимъ для парада въ Кремль, а затѣмъ, заѣхавъ за своею обрученною невѣстою, отправился съ нею въ торжественномъ поѣздѣ къ іорданской процессіи, которую уже не засталъ. Во время этихъ выѣздовъ онъ окончательно простудился, заболѣлъ оспой и въ ночь на 19 января скончался.

нельзя было назвать неосуществимымъ. Иностранные дипломаты обсуждали его и признавали возможнымъ. Но Василій Владиміровичъ возмущился:

— Кто захочетъ ей подданнымъ быть? Княжна Катерина съ государемъ не вѣнчались.

— Хотя не вѣнчались, но обручались—возразилъ Алексѣй.

— Вѣнчаніе иное, а обрученіе иное,—сказалъ Василій Владиміровичъ.

Возгорѣлся споръ. Григорьевичи настаивали на томъ, чтобы вооруженной силой усмирить всякое сопротивленіе.

— Василій Владиміровичъ!—кричалъ Сергѣй,—ты въ Преображенскомъ полку подполковникъ, а Иванъ Алексѣевичъ тамъ маіоръ. Вдвоемъ можете, какъ угодно, распорядиться людьми...

— Что вы ребячье врите!—возразилъ опять Василій.—Какъ тому можно сдѣлаться? И какъ я полку объявлю? Услышавъ отъ меня объ этомъ, не только будутъ меня бранить, но и убьютъ.

Съ этими словами онъ вмѣстѣ съ братомъ Михаиломъ покинулъ собраніе.

Тогда Василій Лукичъ всталъ, сѣлъ у камина, гдѣ пылали дубовыя дрова, и началъ писать. Онъ составлялъ завѣщаніе для подписи царю. Но вскорѣ онъ бросилъ перо. Его неразвитой умъ путался, и непривычные пальцы чертили лишь несвязныя буквы. Тогда всѣ остальные члены семьи принялись за работу, одни подсказывая фразы, другіе старались ихъ передать на бумагѣ. Въ концѣ-концовъ завѣщаніе, провозглашавшее наслѣдницей Екатерину, было готово. Но подпишетъ ли его Петръ? Въ души закралось сомнѣніе, и лица омрачились, когда Иванъ Алексѣевичъ испустилъ крикъ радости. Вынувъ изъ кармана бумаги, онъ протянулъ ихъ родственникамъ:

— Вотъ посмотрите письмо государевой и моей руки: письмо руки моей слово въ слово, какъ государево письмо; я умѣю подѣ

руку государеву подписываться, потому что я съ государемъ въ шутку писываль.

Взявъ перо, онъ написалъ: „Петръ“, и всѣ воскликнули въ одинъ голосъ: „Это безспорно царева рука!“<sup>1)</sup>

Затѣмъ наступило молчаніе. Разговоръ продолжался только взглядами, всѣ другъ друга поняли, и дѣло было рѣшено тутъ же, безъ одного лишняго слова. Фаворитъ представить завѣщаніе для подписи царю, и, если почему-либо этотъ планъ не удался, то позаботится объ остальномъ.



---

<sup>1)</sup> Всѣ эти подробности извѣстны изъ дѣла Долгорукихъ, хранящагося въ Московскомъ Государственномъ Архивѣ. Ср. Костомарова „Монографіи“ XIV.

### III.

Но задуманному предпріятію нужно было обезпечить необходимую поддержку. И съ этой стороны возраженія, представленныя Васильемъ Владиміровичемъ, оказались слишкомъ справедливыми. Въ Верховномъ Совѣтѣ Голицынъ и Головинъ отнесли къ нему, какъ къ безумной затѣѣ. Гвардія оказалась враждебно настроенной. Даже самъ Иванъ испугался высказаннаго имъ предложенія. Добиться царской подписи на завѣщаніи не оставалось надежды; государь лежалъ безъ сознанія, а Остерманъ, внезапно выздоровѣвшій, не отходилъ отъ него ни на минуту, и самый искусный подлогъ рисковалъ быть сейчасъ же обнаруженнымъ. Терявшіе подъ ногами почву Долгорукіе, хватались за другіе плавы, еще болѣе чрезвычайныя: ускорить брачную церемонію, несмотря на болѣзнь жениха; возвести невѣсту, даже безъ брачнаго благословенія на ложе умирающаго <sup>1)</sup>. Это послѣднее рѣшеніе, быть можетъ, вызывалось обстоятельствомъ, относительно котораго у насъ нѣтъ точныхъ данныхъ. По различнымъ свидѣтельствамъ Екатерина Долгорукая была въ это время беременна—отъ самого Петра, по одной изъ версій, что именно и мѣшало государю порвать связывавшее его обѣщаніе, внушавшее ему, очевидно, одно отвращеніе. Щербатовъ <sup>2)</sup> говоритъ, что въ завѣщаніи, составленномъ Долгорукими, упоминалось объ этомъ обстоятельстве, и воспоминаніе объ немъ хранится въ семейныхъ преданіяхъ <sup>3)</sup>. Но затѣмъ появились другія предположенія, высказанныя

---

1) Мардофельдъ, 26 января 1730 г., Сборникъ XV.

2) Щербатовъ, „Сочиненія“.

3) Долгоруковъ, „Мемуары“, I, 295.

Лефортомъ въ апрѣлѣ: „Обрученная дѣвственная невѣста покойнаго царя въ прошлую среду счастливо разрѣшилась отъ бремени дочерью, достойной наслѣдницей гвардейскаго офицера, нѣкоего Нестерова“<sup>1)</sup>. Весьма мало вѣроятя, чтобы высокобѣрная красавица рисковала всей своей будущностью ради такого будничнаго приключенія. Но сама беременность была, повидимому, въ то время общеизвестнымъ фактомъ<sup>2)</sup>. И по пути въ ссылку это непривычное материнство привлекало къ несчастной молодой дѣвушкѣ наивныя выраженія почитанія: крестьяне и крестьянки толпились за ней, стремясь поцѣловать руку той, которую по своему почтили царь<sup>3)</sup>.

Во всякомъ случаѣ вокругъ ложа умирающаго разыгрывалась послѣдняя страстная борьба разрушенныхъ честолюбивыхъ замысловъ. Она коснулась даже Евдокии. Ей было предложено регентство, но она отказалась, ссылаясь на свои лѣта и немощи. 18 января вечеромъ, когда доктора объявили, что угасла послѣдняя надежда, она встала на молитву въ сосѣднемъ покоѣ, приготовляясь принять послѣдній вздохъ внука. Иванъ Долгорукій, ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, выжидая удобной минуты, вопрошая лица, окаменѣлыя отъ ужаса, въ отчаянныя наталкиваясь постоянно на безстрастное лицо Остермана, вѣчно встававшее между нимъ и угасающимъ царемъ. На всякій случай онъ подписалъ одинъ экземпляръ завѣщанія и держалъ другой наготовѣ. Но вице-канцлеръ сторожилъ зорко, а Петръ по-прежнему лежалъ въ безпамятствѣ. Въ часъ ночи онъ потребовалъ себѣ въ бреду лошадей, чтобы ѣхать къ сестрѣ Натальѣ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ скончался. Манштейнъ утверждаетъ, что сейчасъ же послѣ его смерти Иванъ Долгорукій пробѣжалъ по всему дворцу съ обнаженной шпагой въ рукахъ, восклицая: „Да здравствуетъ императрица Екатерина!“ Не встрѣтивъ поддержки, онъ

---

1) 17 апрѣля 1730 г. Дрезденскій Архивъ. Ср. Сборникъ V.

2) Маньянъ, 20 марта 1730 г. Иностр. Дѣла. Россія.

3) Маньянъ, 27 юля 1730 г.

вернулся домой и сжег завѣщаніе. Самое тщательное изслѣдованіе, какому впоследствии были подвергнуты мельчайшіе поступки фаворита, ничѣмъ не подтвердило разсказъ о такой попыткѣ, мало вѣроятной даже для молодого сумасброда. Чтобы провозгласить и заставить признать новую власть на краю бездны, готовой снова поглотить государство вслѣдъ за государемъ, такой единичный голосъ ничего не могъ значить.





ЕЛИСАВЕ ТЪ I. Императрица  
и Самодержица Всеросійская



ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

—

АННА I.



АННА ЛЕОПОЛДОВНА  
ПРИНЦЕСА МЕКЛЕНБУРСКАЯ  
*Правительница всея Русе Импер. Престола*

## Г Л А В А VII.

### Попытка введенія конституціоннаго строя.—Первая русская партія.

I. Ночныя совѣщанія въ Лефортовскомъ дворцѣ.—Верховный Совѣтъ присваиваетъ себѣ право замѣстить незанятый тронъ.—Избраніе Анны Іоанновны.—Проектъ конституціонной реформы.—Ея происхожденіе и примѣры прошлаго.—„Пункты“.—Политическій идеаль Дмитрія Голицына.—Привѣтствія новой императрицѣ.—Первая русская хартія.—Верховный Совѣтъ скрываетъ ее.—Опасность этого способа.—II. Оппозиція.—Духовенство.—Феофанъ Прокоповичъ.—Дворянство.—Противоположныя мнѣнія.—Волненіе.—Анна принимаетъ „пункты“.—Дворянство желаетъ обсудить ихъ.—Противоположныя проекты и подписавшіе ихъ.—Они берутъ верхъ надъ Совѣтомъ.—Попытки примиренія.—III. Приѣздъ Анны.—Первое нарушеніе конституціонной хартіи.—Тайное содѣйствіе Остермана неограниченной власти.—Анна намѣревается возстановить ее путемъ государственнаго переворота.—Увѣренность въ содѣйствіи гвардіи.—Движеніе въ пользу самодержавія въ средѣ дворянства.—IV. 25 февраля.—Дворянская петиція.—Дворянство желаетъ обсудить основанія новаго управленія.—Вмѣшательство герцогини Мекленбургской.—Манифестація гвардіи.—Дворянство сдается.—Хартія разорвана въ клочки.—V. Отвѣтственная сторона этой неудачи.—Ея послѣдствія.—Паденіе дворянства.—Месть.—Ссылки Долгорукихъ—Въ Березовѣ.—Слѣдствіе и пытки.—Въ Новгородѣ.—Иванъ Долгорукій.—Бывшая невѣста царя.—Наталія Долгорукая.—Ея романъ.—Ея записки.—Багровая заря новаго царствованія.

## I.

Теоретически, какъ послѣ смерти Петра I, опять все рушилось. На дѣлѣ Верховный Совѣтъ существовалъ, почерпая именно въ этомъ положеніи все болѣе и болѣе власти, которую никто не смѣлъ оспаривать. Его составляли въ то время пять человѣкъ: вице-канцлеръ баронъ Остерманъ, двое Долгорукихъ:—Алексѣй Григорьевичъ и Василій Лукичъ,—и Дмитрій Михайловичъ Голицынъ. Апраксинъ уже съ 10 ноября 1728 г. удаленъ на покой въ Златоустовскій монастырь въ Москвѣ. Губернаторъ Сибири Михаилъ Владиміровичъ Долгорукой имѣлъ доступъ въ Совѣтъ. Эти шесть лицъ во время смерти Петра II находились въ Лефортовскомъ дворцѣ. Послѣ нѣкотораго колебанія они пригласили еще двухъ фельдмаршаловъ, Василя Владиміровича Долгорукова и Михаила Михайловича Голицына, и въ уединенной комнатѣ помѣщенія Верховнаго Совѣта принялись за совѣщаніе, показавшееся страннымъ тѣмъ лицамъ, которыя ночевали во дворцѣ и теперь возвращались въ него. Это были,—третій фельдмаршалъ, Иванъ Юрьевичъ Трубецкой, Ягужинскій и Дмитріевъ-Мамоновъ, морганатическій супругъ одной изъ царевенъ, Прасковіи Ивановны, сестры герцогини Курляндской. Почему эти люди „на верху“ пригласили и предпочли другихъ? Что это за новое узаконенное учрежденіе? Такимъ образомъ зарождалось первое сѣмя неудовольствія и оппозиціи противъ тѣхъ рѣшеній, которыя должны были создаться въ запертой комнатѣ, гдѣ люди, на это не уполномоченные, обсуждали будущее Россіи.

Пренія не были продолжительны. Всѣ чувствовали цѣну времени: Долгорукіе не осмѣливались первые коснуться вопроса о завѣщаніи, Головинъ кашлялъ и взялъ предлогомъ молчанія отсутствіе

голоса. Дмитрій Голицынъ рѣшился, наконецъ, заговорить. Положеніе ему казалось совершенно яснымъ. „Наслѣдника престола не было. Завѣщаніе Екатерины I не могло имѣть значенія. Она не имѣла права дѣлать его. Дѣвушка, взятая изъ подонковъ общества!.. Другое завѣщаніе...“ Здѣсь Долгорукіе насторожились и тревожно, вопросительно посмотрѣли на окружающихъ. „Другое завѣщаніе, приписываемое Петру II,—продолжалъ Голицынъ, возвышая голосъ,—подложное...“

Василій Лукичъ сдѣлалъ отрицательный жестъ.

„Безъ всякаго сомнѣнія подложное“, повторилъ Голицынъ, пристально глядя на присутствующихъ.

Всѣ молчали. Долгорукіе опустили глаза. Для нихъ дѣло было потеряно. Голицынъ продолжалъ: „Ублюдки Петра I“,—онъ именно употребилъ это рѣзкое слово,—„не могутъ идти въ счетъ. Евдокія Федоровна имѣетъ нѣкоторыя права, но справедливость требуетъ перейти къ старшей линіи,—царя Іоанна Алексѣевича. Старшую изъ дочерей его, Екатерину, трудно выбрать, потому что она замужемъ за герцогомъ Мекленбургскимъ, человѣкомъ сварливымъ, вѣчно находившимся въ борьбѣ съ своими подданными и со всѣмъ міромъ, и, наконецъ, свергнутымъ въ 1736 году. Онъ тревожилъ даже Петра I, называвшаго его шалуномъ, а герцогъ, обращаясь къ царскому величеству, кричалъ ему: „Pfiu Reich, Pfiu Reich!“<sup>1)</sup> Герцогъ Лирія относился и къ герцогинѣ не болѣе лестно: „Умная, но легкомысленная женщина. Ей 40 лѣтъ. Она толста и очень некрасива, имѣетъ склонность къ вину и любви, и никогда не бываетъ вѣрна“<sup>2)</sup>.

Голицынъ даже не упомянулъ о младшей изъ трехъ сестеръ, Пра-

---

1) См. анонимную біографію въ Русской Старинѣ 1876 г.

2) Выписано изъ его переписки въ Арх. Иностр. Дѣлъ, *Мемуары и Документы*, часть VIII. Изъ нихъ взяты тексты, не находящіеся въ русскихъ собраніяхъ.

сковіи Ивановѣ. Онъ оставлялъ ее Дмитріеву-Мамонову. Его выборъ уже остановился на Аннѣ. „Она свободна и одарена всѣми способностями, нужными для трона“ сказалъ онъ. „Говорили объ ея дурномъ характерѣ, но курляндцы на него не жалуются“...

Василій Лукичъ согласился. Изъ всѣхъ присутствовавшихъ онъ одинъ зналъ Анну и былъ съ ней въ хорошихъ отношеніяхъ. Въ такомъ затруднительномъ положеніи этотъ выборъ былъ всетаки наилучшимъ. Предложеніе было принято безъ возраженій, такъ какъ ни одинъ изъ членовъ совѣта не вспомнилъ объ Петрѣ Ульрихѣ, сынѣ герцогини Голштинской, права котораго, какъ единственнаго наследника по мужской линіи, были очевидны. Женщина была удобнѣе для нихъ, лучше для заднихъ мыслей, наполнявшихъ умы членовъ импровизированнаго у постели умершаго избирательнаго собранія. Голицынъ коснулся этого въ концѣ своей рѣчи: „Воля ваша, кого изволите, только *надобно намъ себя полегчить*“.

— Какъ себя полегчить?—спросилъ Головинъ, къ которому вернулся голосъ.

— Такъ полегчить: воли себѣ прибавить.

Случай казался удобнымъ для осуществленія идеала Дмитрія Михайловича, вполне раздѣляемаго, какъ онъ справедливо думалъ, его товарищами. Эти остатки высшей знати считали униженнымъ и нестерпимымъ вѣковой гнетъ, нисколько не облегченный послѣдней реформой. Въ прошедшемъ столѣтіи Московскіе бояре уже пробовали реорганизацію государства при помощи соглашенія съ высшей властью, но мысль такой попытки родилась еще раньше и проявлялась соотвѣтственно съ тѣми моментами, когда,—какъ мы это указывали—самодержавіе слабѣло, подавленное своей собственной тяжестью. Въ 1681 году была попытка устроить комиссію для исправленія недостатковъ военнаго положенія, слабости котораго стали очевидны во время польской войны; съ этимъ вмѣстѣ возникъ проектъ объ реорганизаціи всего государственнаго управленія, какъ общаго, такъ и мѣстнаго, на феодальномъ основаніи. Вопросъ былъ въ томъ,

чтобы создать нѣсколько *мьстничествъ* въ провинціяхъ московскаго государства: Новгородѣ, Псковѣ, царствѣ Казанскомъ, занимаемыхъ пожизненно и даже потомственно *великородными* боярами. Этотъ планъ, сходный съ желаніями Дмитрія Михайловича, не удался, благодаря только противодѣйствию патріарха Іоакима. Понятіе о свободѣ, какъ объ раздѣлѣ пирога съ государемъ, оставивъ въ сторонѣ *худородныхъ людей*, принадлежало къ семейнымъ традиціямъ. Долгорукіе, во всякомъ случаѣ, были не прочь отъ этого. Они не возражали по существу; Василій Лукичъ сдѣлалъ только нѣсколько замѣчаній по поводу шансовъ на успѣхъ.

— Намъ не удастся эта попытка.

— Не правда; удастся, горячо возразилъ Голицынъ.

Было рѣшено, что Анна Курляндская будетъ императрицей, но что ея власти будетъ поставленъ предѣлъ нѣкоторыми „Пунктами“ <sup>1)</sup>. За сѣмъ прошли въ большую залу дворца, гдѣ съ нетерпѣніемъ ждали ихъ гражданскіе и военныя чины и духовенство. Ягужинскій обиженный тѣмъ, что его не позвали на совѣщаніе „наверху“, много говорилъ, переходя отъ одной группы къ другой, фрондировалъ, но все же былъ готовъ войти въ соглашеніе съ Голицынымъ. Онъ обратился къ Сергѣю Григорьевичу Долгорукому:

— Мнѣ съ міромъ бѣда не убытокъ; долго ли намъ будетъ терпѣть, что намъ головы сѣкутъ. Теперь время думать, чтобы самовластія не было.

Онъ этими словами хотѣлъ показать, что онъ принадлежитъ къ звати. Увидѣвъ Василя Лукича, онъ подбѣжалъ къ нему со словами: „Батюшки мои, прибавьте намъ какъ можно воли!“.

„Верховникъ“ взглянулъ на него сверху внизъ. Ему вовсе не

---

<sup>1)</sup> *Воспоминанія князя Долгорукова, I*, съ записки, найденной въ бумагахъ его правнука. Подтвержденный другими современными извѣстіями, рассказъ этотъ кажется весьма правдоподобнымъ.

хотѣлось допустить этого „выскачку“ въ некасающееся его дѣло  
Онъ сухо отвѣтилъ:

— Говорено ужь о томъ было.

Вокругъ обсуждали выборъ, сдѣланный „верховниками“. Θεοοανъ  
Прокоповичъ возражалъ, приводя завѣщаніе Екатерины I, предостав-  
ляющее престоль Петра II его двумъ теткамъ, дочерямъ Петра I.  
Голицынъ повторилъ:

— Мы не хотимъ незаконнорожденныхъ.

Оказалось, что никто ихъ не желалъ, или, по крайней мѣрѣ, не  
смѣлъ высказаться; выборъ Анны Иоанновны былъ рѣшенъ, и мно-  
гіе бросились вонъ, чтобы распространить эту вѣсть.

— „Подождите!“—закричалъ Голицынъ. Такой быстрый способъ  
дѣйствія ему не нравился. Надо было устроить голосованіе и пред-  
ложить „пункты“<sup>1)</sup>.

Побѣжали за уже удалившимися, но могли вернуть только нѣ-  
которыхъ: Дмитріева-Мамонова, Измайлова и Ягужинскаго. Третье  
собраніе, столь же произвольное, какъ и два первыхъ, откры-  
ло свое засѣданіе. Послѣ долгихъ уговоровъ, Остерманъ рѣшился  
продиктовать проектъ „пунктовъ“. Онъ ничего не хотѣлъ писать. Къ  
тому же онъ тянулъ, не могъ сказать двухъ фразъ, такъ что Ва-  
силій Лукичъ Долгорукій, завидуя первенствующему положенію, ко-  
торое занялъ въ этомъ дѣлѣ Голицынъ, вмѣшался и сталъ самъ  
продолжать диктовку.

Это былъ только предварительный проектъ и, въ намѣреніи  
*верховниковъ*, избраніе Анны должно было произойти въ общемъ  
собраніи, какъ то, которое воцарило Екатерину I. Какъ тогда, такъ  
и теперь не было нужды его созывать. Въ десять часовъ утра, Се-

---

<sup>1)</sup> Записка секретаря этого засѣданія Степанова, у Каптерева, *Историческіе памятники русской исторіи*, подробности предшествующія, со словами дѣйствующихъ лицъ, были тщательно сохранены во время слѣдствія надъ Долгорукими. (Слѣдственное дѣло о Долгорукихъ—госуд. архивъ въ Москвѣ).



нать, Синодъ и Генералитетъ оказались въ полномъ сборѣ въ Кремль, и Голицынъ, играя роль предсѣдателя, поставилъ на голоса избраніе герцогини Курляндской. Анна Ивановна была популярна. Въ своихъ частыхъ посѣщеніяхъ Петербурга и Москвы она сумѣла отыскать покровителей, найти себѣ друзей. Избраніе ея было единодушно. Но этотъ разъ не говорили о „пунктахъ“<sup>1)</sup>. Верховный Совѣтъ занялся ими въ тайномъ засѣданіи, передѣлывая первоначальную записку, прибавляя новыя требованія: подчиненіе гвардіи Совѣту и формулу: „А буде чего по сему обѣщанію не исполню, то лишена буду короны Россійской“. Эта работа составляла настоящую хартію. Императрица должна была обѣщать:

„Имѣть наиглавнѣйшее попеченіе и стараніе не токмо о содержаніи, но и о крайнемъ и всевозможномъ распространеніи православныя исповѣданія нашей вѣры Греческой.

Въ супружество во всю мою жизнь не вступать, и наслѣдника не опредѣлять.

Еще обѣщаемся: нынѣ уже учрежденный Верховный Тайный Совѣтъ въ восьми персонахъ всегда содержать и безъ онаго согласія ни съ кѣмъ войны не вчинать.

Миру не заключать.

Вѣрныхъ нашихъ подданныхъ никакими податями не отягощать.

Въ знатныя чины, выше полковничья ранга, не жаловать, ниже къ знатнымъ дѣламъ не опредѣлять.

У шляхтства живота, имѣнія и чести безъ суда не отнимать.

Вотчины и деревни не жаловать.

Въ придворныя чины какъ русскихъ, такъ и иностранцевъ не производить.

Государственные доходы въ расходъ не употреблять<sup>2)</sup>.“

---

<sup>1)</sup> Корсаковъ, *Восшествіе на престолъ Анны I.*

<sup>2)</sup> Подлинникъ въ Госуд. Архивѣ.

Это было осуществленіе мечты Голицына, окончательная и конституціонная организація олигархическаго правленія, на дѣлѣ уже дѣйствовавшаго во время царствованія Петра II, и состоявшаго изъ двухъ Голицыныхъ и, четырехъ Долгорукихъ и двухъ представителей, выдвинувшихся среди новаго, созданнаго Петромъ I, служебнаго персонала. Статья 4-я была дословной перепиской указа 2 октября 1727 г., которымъ назначеніе военныхъ должностей предоставлялось Верховному Совѣту<sup>1)</sup>).

Остерманъ не присутствовалъ на этой окончательной обработкѣ общаго дѣла. Подчиняя свое званіе вице-канцлера обязанности наставника, онъ остался при тѣлѣ своего воспитанника. Когда ему предложили подписаться на бумагахъ, составленной его товарищами, онъ это сдѣлалъ, но въ душѣ внесъ свои ограниченія, которыми потомъ воспользовался. Никому и въ голову не пришло предложить «хартію» на одобреніе Сената, Синода и Генералитета. Это былъ бы опасный шагъ. Къ своему несчастію, верховники, во избѣжаніи этого, употребили подлогъ. Въ письмѣ къ Аннѣ они представили «пункты», какъ бы одобренными «всеми духовными и свѣтскими чинами». Три депутата, представители Верховнаго Совѣта, Сената и Генералитета отправились съ этимъ письмомъ въ Митаву. Двое изъ нихъ не знали содержанія письма. Голицынъ не допустилъ участіе Синода въ депутаціи. «Духовенство обезчестило себя, соглашаясь на вступленіе на престолъ Екатерины», говорилъ онъ. Это была вторая крупная ошибка, послѣдствія которой скоро оказались.

---

Филипповъ, Олигархическія стремленія Верховнаго Совѣта.

## II.

Феофанъ Прокоповичъ принялъ это къ свѣдѣнію. Онъ всегда былъ сторонникомъ самодержавія, признавая, что религія должна составлять самостоятельную силу въ государствѣ, но въ борьбѣ съ предрасудками и невѣжествомъ должна идти рука объ руку съ самодержавіемъ. Въ согласіи съ Петромъ I онъ былъ противъ возстановленія патріархата и довольствовался учрежденіемъ Синода, во главѣ котораго онъ находился, къ тому же онъ мечталъ о роли духовнаго фаворита. При Петрѣ I Степанъ Яворскій и Теодоръ Яновскій стали ему поперекъ дороги. При Екатеринѣ I этихъ послѣднихъ замѣнили Феофилъ Лопатинскій, архіепископъ тверской и ростовскій архіепископъ Георгій Дашковъ,—первый—родственникъ Голицыныхъ, воспитанникъ малорусской, отчасти средневѣковой и польской школы, второй—родственникъ Долгорукихъ и ученикъ великорусской школы, съ узкимъ формализмомъ. Эти два направленія раздѣляли русское духовенство восемнадцатаго, вѣка. При Петрѣ II великорусская партія взяла верхъ, и Синодъ былъ подчиненъ Верховному Совѣту, что не было на руку Феофану. Александровская типографія, гдѣ печатались его сочиненія, была закрыта. Противъ него выступили съ обвиненіями въ лицепріятствѣ и онъ долженъ былъ заплатить штрафъ. Говорили, что онъ произвольно распоряжался съ украшенными драгоценностями иконами. Онъ мечталъ объ огмщеніи.

Около него, и немного подъ его вліяніемъ, начало расти число недовольныхъ: вокругъ него сгруппировалось большинство духовенства и высокихъ сановниковъ, обиженныхъ, также какъ и Ягужинскій, что ихъ обошли при первомъ совѣщаніи въ Лефортовѣ. Ягужинскій выдумалъ даже послать въ Митаву предупредить

Анну о томъ что „пункты“ не были составлены съ общаго согласія. Это порученіе было дано Петру Спиридоновичу Сумарокову, родственнику будущаго драматическаго писателя. Ему не удалось исполнить порученія. Василій Лукичъ, болѣе чѣмъ когда нибудь желавшій выдвинуться, участвовалъ въ официальной депутаціи, и, несмотря на спѣшку, наблюдалъ пути. Онъ поймалъ было посланнаго, но его предупредилъ курьеръ Рейнгольда Лёвенвольда, уже давнишнія отношенія котораго къ Аннѣ извѣстны. Братъ авантюриста въ это время сдѣлался фаворитомъ герцогини Курляндской и былъ посредникомъ при этомъ случаѣ. Такимъ образомъ будущая императрица узнала заранѣе, что ея власть хотятъ ограничить, но что этотъ планъ имѣетъ противниковъ.

Оппозиція однако раскололась: одни высказывались за абсолютизмъ, другіе за его ограниченіе, но съ помощью генералитета и дворянства. Мелкое дворянство особенно возмущалось усplenіемъ власти верховиковъ. Предполагаемая перемѣна обѣщала ему только тиранію нѣсколькихъ. Ему представлялось также, что вводятся въ Россіи порядки, подобные тѣмъ, которые были уже введены для ослабленія Швеціи и Польши. Антіохій Кантемиръ, второй сынъ поселившася въ Россіи молдавскаго господаря, и Василій Никитичъ Татищевъ,—одинъ поэтъ, другой историкъ,—стояли во главѣ этой группы и очень волновались. Казанскій губернаторъ Волинскій удачно выражалъ общее настроеніе, когда писалъ Татищеву. „Это будетъ царство десяти“\*). Нѣкоторые диссиденты были за Евдокію или герцогиню Мекленбургскую. Елизавета тоже имѣла доброжелателей, которые, при общей возбужденности рѣшались высказываться. Манштейнъ утверждаетъ, что въ ночь съ 18-го на 19-ое января, докторъ царевны, Лестокъ,

---

) Слышно здѣсь, что дѣлается у васъ или уже и сдѣлано, чтобъ быть у насъ республикѣ. Я зѣло въ томъ сумнителенъ. Боже сохрани, чтобъ не сдѣлалось, вмѣсто одного самодержавнаго государя, десяти самовластныхъ и сильныхъ фамилій. (Соловьевъ т. XIX).

разбудилъ ее, требуя, чтобъ она заявила свои права. Но она отказалась. Впослѣдствіи утверждали, что она въ это время была беременна.

Волновалась и иностранная дипломатія. При первой тревогѣ, Вестфаль, датскій посланникъ послѣшилъ къ своему собрату, англичанину Уорду за помощью. Надо было во что бы то ни стало отстранить Елизавету. „Интересы короля Фридриха IV сильно пострадали бы“. Уардъ предложилъ 20.000 рублей; но датчанинъ удовольствовался 3.000 дукатовъ, которые помогли ему только раньше узнать объ избраніи. Вратиславъ, въ союзѣ съ посланниками, голштинскимъ и шведскимъ, продолжалъ дѣйствовать въ пользу цесаревны.

Волненіе все увеличивалось. Москва, какъ я упоминалъ, была полна провинціальными дворянами. Можно было насчитать 500 недовольныхъ, собиравшихся для тайныхъ совѣщаній по ночамъ. Лишенный присутствія своего самаго умнаго, если и не самаго рѣшительнаго члена, Василія Лукича, Верховный Совѣтъ растерялся. „Пункты“ дали поводъ многимъ возраженіямъ. Совѣтъ стали оправдывать, объяснять почему нельзя было обсуждать дѣло публично. Сначала надо бы, чтобъ пришелъ отвѣтъ будущей государыни. Совѣтъ согласился, чтобы временно былъ сохраненъ титулъ „самодержавной государыни“ на ектеніяхъ и въ официальныхъ актахъ. Такимъ образомъ вступили на скользкій путь компромиссовъ.

Отвѣтъ послѣдовалъ 1-го февраля. Онъ былъ привезенъ однимъ изъ депутатовъ, генераломъ Леонтьевымъ, который также привезъ Сумарокова въ кандалахъ. Рассказывали, что Василій Лукичъ сильно избилъ бѣднаго посланнаго <sup>1)</sup>. Анна, повидимому, согласилась. Ея отвѣтъ былъ составленъ Василіемъ Лукичемъ и позволялъ предполагать, что государыня сама налагала на себя ограниченія, сочиненныя

---

<sup>1)</sup> Манштейнъ *Мемуары*.

верховниками <sup>1)</sup>. Чтеніе отвѣта произошло на слѣдующій день въ собраніи, изъ котораго были исключены иностранцы. Пятую часть этого собранія составляли высшіе гражданскіе чины, треть—военные и треть—моряки <sup>2)</sup>.

По свидѣтельству Прокоповича мертвое молчаніе было отвѣтомъ на сообщеніе. „Никого, почитай, кромѣ верховныхъ, не было, кто бы таковыя (т.-е. бумаги) слушавъ, не содрогнулся, и сами тѣи, которые всегда великой отъ сего собранія пользы надѣялись, опустили уши, какъ бѣдные ослики. Желая показать, что они сами удивлены содержаніемъ императорскаго письма, они терялись и конфузились, понимая, что имъ никто не вѣрять. Голицынъ одинъ бодрился, часто похаркивалъ и повторялъ: „Видите-де какъ милостива государыня!“ Всеобщее молчаніе, наконецъ, вывело его изъ терпѣнія.

— Для чего никто ни единого слова не проговорить? Извоили бы сказать, кто что думаетъ, хотя и нѣтъ-де нечего другого говорить, только благодарить столь милосердой государыни!

Поднялся одинъ голосъ.

— Не вѣдаю, да и весьма чуждуся, отчего на мысль пришло государыни такъ писать!“

---

1) „Понеже къ тому моему намѣренію (т.-е. чтобы всѣ подданные могли быть довольны) потребны благіе совѣты, какъ и во всѣхъ государствахъ чинится, того для передъ вступленіемъ моимъ на Россійскій престолъ, по здоровомъ разсужденіи, изобрѣли мы за потребно для пользы Россійскаго государства и къ удовольствованію вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, и для того, елико время насъ допустило, написавъ. какими способы мы то правленіе вести хотимъ, и, подписавъ нашею рукою, послали въ Тайный Верховный Совѣтъ, а сами сего мѣсяца, въ 29 день, конечно, изъ Митавы къ Москвѣ, для вступленія на престолъ, пойдемъ. Данъ въ Митавѣ 28 января 1730 года. Пункты были подписаны Аняю: „По сему объщанію вся безъ всякаго изъятія содержать (Соловьевъ).“

2) *Ежегодникъ Генералитета за 1730 г. Воспоминанія князя Долгорукова.*

Не этого ожидалъ Дмитрій Михайловичъ. вмѣсто сочувственныхъ возгласовъ, онъ далъ поводъ спорамъ о самомъ чувствительномъ мѣстѣ вопроса. Къ счастью, послѣднія слова не встрѣтили отголоска. Такъ какъ молчаніе продолжалось, приступили къ подписыванію протокола засѣданія. Это было равносильно согласію. Никто не возражалъ, Ѳеоданъ Прокоповичъ далъ примѣръ послушанія. Было собрано 500 подписей. <sup>1)</sup> Но, давая свою подпись, Черкасскій потребовалъ позволенія себѣ, какъ и многимъ своимъ друзьямъ, высказать ихъ общее особое мнѣніе объ организаціи государства. Снова открытая дверь для споровъ. Еще не оправившіеся верховники не осмѣлились запереть ее, и волна возстанія хлынула въ нее, унося ихъ созданіе. Какъ бы стыдись своей слабости и стараясь загладить ее рѣшительнымъ поступкомъ, верховники приказали арестовать Ягужинскаго. Эта мѣра могла только еще болѣе возбудить противниковъ. Послѣдніе видѣли, что сила Верховнаго Совѣта падала, тѣмъ болѣе, что въ немъ самомъ завелись раздоры. Голицыны тянули въ одну сторону, Долгорукіе въ другую. Пользуясь отсутствіемъ Василя Лукича, Дмитрій Михайловичъ старался „поставить на мѣсто“ семью соперника. Елизавета обратилась къ Совѣту съ вопросомъ; „По его ли приказанію Иванъ Долгорукій уничтожилъ охрану, которую она не видитъ болѣе передъ своимъ дворцомъ?“ Послѣдовалъ отвѣтъ: „Нѣтъ, если князь Иванъ пошлетъ къ вамъ кого-нибудь съ подобнымъ приказаніемъ, можете батогами отдуть его посланцевъ, если же явится самъ, можете плюнуть ему въ лицо“. <sup>2)</sup> Несогласія между совѣтниками возникали по всякому поводу. Опубликовать ли „пункты“ сейчасъ или ждать пріѣзда государыни? Спрошенный Остерманъ заставилъ избрать послѣднее. Верховники удовольствовались сообщеніемъ государынѣ, что новый режимъ принять при общемъ восторгѣ. Она уже не стѣснялась ложью.

---

<sup>1)</sup> Соловьевъ, исторія Россіи XIX.

<sup>2)</sup> Мардефельдъ, 16 февраля 1730. Тайный архивъ Берлина. Деша не была напечатана въ Сборникѣ.

Однако проекты, противоположные конституціи, съ легкой руки князя Черкаскаго, являлись въ большомъ количествѣ. Съ 5-го до 10-го февраля ихъ было подано въ Совѣтъ восемь. Гораздо большее количество ходило по рукамъ. Двѣнадцать, съ 1000 подписей, дошли до насъ. <sup>1)</sup> Подписи принадлежали всемъ категоріямъ дворянства; выражалось общее желаніе расширить реформу, сглаживая противорѣчивыя редакціи. Ограниченіе самодержавія принималось, во олигархія замѣнялась *общенародіемъ*. Это названіе обозначало все дворянство, не исключая мелкаго. Въ самыхъ главныхъ чертахъ всѣ были согласны, даже до выборнаго начала для всѣхъ служащихъ, допущеннаго Петромъ только для высшихъ чиновъ. На улицахъ Москвы только и было слышно, что объ англійской конституціи, объ парламентаризмѣ, даже объ республикѣ. Одинъ князь просилъ у одного посланника свѣдѣній о Женевской республикѣ.

Скорое паденіе этого безпорядочнаго предпріятія предвѣщало уже то, что между его членами совсѣмъ не было согласія въ подробностяхъ. Отъ имени мелкаго дворянства, подъ прикрытіемъ Черкаскаго, Татищевъ составилъ проектъ, упраздвнвшій Верховный Совѣтъ и вмѣсто него учреждавшій палату изъ ста членовъ. Онъ собралъ 209 подписей. Большинство же, подъ вліяніемъ, съ одной стороны, дворянства, съ другой—хаоса конституціонныхъ и парламентскихъ идей, не могло принять такого простаго рѣшенія. Желаніе большинства выразилось въ трехъ проектахъ, составленныхъ Сѣкутовымъ, Грековымъ и Алабердіевымъ и получившихъ по 743 или даже 840 подписей. Цифры не вполне выяснены. Въ той лихорадкѣ, которая владѣла обществомъ, многіе подписывались нѣсколько разъ на томъ же проектѣ, или подписывали разные. Главныя черты проекта Сѣкутова были слѣдующія:

---

<sup>1)</sup> Корсаковъ, *Воцареніе Анны I*, Михайловъ *Историческіе документы*. Этотъ малоизвѣстный сборникъ сообщаетъ объ этомъ эпизодѣ драгоцѣнныя свѣдѣнія.



1) Императрица можетъ распоряжаться безъ контроля только своимъ дворомъ, доходъ котораго опредѣляется:

2) Исполнительная власть принадлежитъ *Верховному Совѣту*, рѣшающему войну и миръ, назначающему на всѣ должности и имѣющему власть финансоваго контроля.

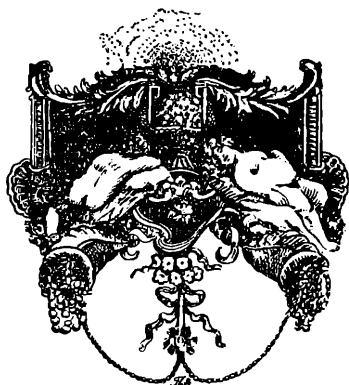
3) Сенатъ изъ 33 членовъ разсматриваетъ предварительно предлагаемыя Верховному Совѣту дѣла. Дворянская палата, состоящая изъ 200 депутатовъ и палата избранныхъ депутатовъ отъ городовъ, число которыхъ не было опредѣлено, должны оберегать интересы обоихъ сословій и простого народа <sup>1)</sup>.

Здѣсь было расширеніе „пунктовъ“, но заключалась и уступка олигархической партіи, стало быть основаніе трактата. Дмитрій Голицынъ думалъ найти новый способъ соглашенія, приготовивъ формуляръ присяги государынѣ, состоявшій изъ шестнадцати параграфовъ. Онъ допускалъ въ *Совѣтъ* еще четырехъ членовъ. Въ *исключительныхъ обстоятельствахъ* могли быть призываемы Сенатъ, генералитетъ и даже дворянство. Чтобы привлечь духовенство, онъ уничтожалъ коллегію для завѣдыванія церковными дѣлами и предоставлялъ послѣднія епархіямъ и монастырямъ. Онъ удовлетворялъ дворянство общаніемъ, что изъ рядовъ его не будутъ брать въ солдаты или матросы и что ему предоставлены будутъ только высшія военныя и гражданскія должности. Отъ этого документа не осталось ни малѣйшаго слѣда въ протоколахъ засѣданія Верховнаго Совѣта. Мы имѣемъ объ немъ только сбивчивыя и отрывочныя свѣдѣнія иностранныхъ посланникововъ: предполагали, что это былъ проектъ конституціонной реформы, ранѣе составленный Голицынымъ, съ помощью Фива, сотрудника Петра I-го, состоявшаго въ это время вице-пре-

---

<sup>1)</sup> Корсаковъ. Текстъ съ нѣкоторыми вариантами взятъ изъ корреспонденціи герцога Лирія, *Восемнадцатый вѣкъ*, III.

зидентомъ Коммерческой коллегіи <sup>1)</sup>). Уступки этого проекта оказались недостаточными. Дворянство закусило удила, а верховники только потакали ему своими слабыми поступками. Чтобы обезоружить Головкина, уже составлявшаго оппозицію въ центрѣ самаго Совѣта, они рѣшили освободить Ягужинскаго и оставить его на прежней должности. Заключенный отказался. Онъ ждалъ пріѣзда государыни; тоже дѣлало и дворянство, надѣясь на нее, чтобы разрѣшить споры, въ которыхъ Верховный Совѣтъ все болѣе терялъ подъ собою почву.



---

<sup>1)</sup> Hjarne, Ryska Konstitutions project ar 1730, Historik Tidskrift, 1884, сравн. Милюкова, *Опыты конституціонной реформы при восшествіи на престолъ Анны I*, 1894.

### III.

Анна 10-го февраля 1730-го года пріѣхала въ Всесвятское подъ Москвой. Она была враждебно настроена по отношенію къ Совѣту, тѣмъ болѣе, что Василій Лукичъ не позволилъ ей взять съ собою челоуѣка, уже нѣсколько лѣтъ жившаго съ ней въ Курляндіи— Бирона. Она все же привезла съ собой семейство фаворита, показывая этимъ, что не теряет надежды со временемъ вызвать и его. Одно извѣстіе говоритъ, что въ столицу прибылъ, ранѣе ея, родственникъ Лёвенвольда, Корфъ, чтобы, согласившись съ Ягужинскимъ, помочь возстановленію самодержавія. По слухамъ этотъ посланецъ впалъ въ немилость за то, что „слишкомъ много рассчитывалъ на оказанныя услуги и на свою красоту... въ ту минуту, когда не было недостатка въ увеселеніяхъ государыни“<sup>1)</sup>. Похороны Петра, отложенныя до пріѣзда Анны, были назначены на 11-ое число. Во время составленія процессіи въ Лефортовскомъ дворцѣ произошло замедленіе вслѣдствіе того, что невѣста покойнаго непремѣнно хотѣла занять мѣсто среди императорскѣи семьи. Ей отвѣтили бранью и возраженіями, такъ что Долгорукая совсѣмъ не участвовала въ процессіи и осталась дома. Изъ оконъ дворца Шереметьевыхъ глядѣла на колесницу, уносящую ея счастье, еще другая невѣста, высотой своей нравственной красоты поднявшая плохую репутацію своего семейства. Передъ гробомъ шель, неся на бархатной подушкѣ царскія регалии, Иванъ Долгорукій. Недавно онъ былъ всемогущимъ любимцемъ, сегодня еще носилъ званіе канцлера, но что будетъ съ нимъ завтра? Иванъ Долгорукій былъ блѣденъ, разстроенъ и какъ бы закутанъ въ саванъ длиннаго крепа, ниспадавшаго съ его шляпы на

---

<sup>1)</sup> Ла-Шетарди, 3 (14) іюня 1740. Иностр. Дѣла, Россія.

емлю. И Наталія Шереметьева вздрогнула, глядя на него. Онъ подъялъ глаза, и ихъ мысли слились въ общемъ ужасѣ. Что будетъ завтра? <sup>1)</sup>).

Первымъ дѣйствиємъ Анны въ Всесвятскомъ было нарушение данныхъ ею обязательствъ. Часть Преображенскаго и конногвардейскаго полковъ были посланы ей навстрѣчу. Она хорошо приняла ихъ, сама налила имъ чарки водки и объявила себя полковникомъ полка и капитаномъ отряда. Верховный Совѣтъ, явившійся въ свою очередь, былъ принятъ вѣжливо, но холодно. Головкинъ поднесъ государынѣ орденъ святого Андрея Первозваннаго. „Ахъ правда, сказала она, я и забыла надѣть его“. И дала надѣть его на себя одному изъ своей свиты, явно показывая этимъ, что она получаетъ орденъ не отъ Совѣта.

15-го февраля государыня торжественно вступила въ свою столицу, а черезъ пять дней состоялось въ Успенскомъ Соборѣ приведеніе присяги. Въ послѣднюю минуту Совѣтъ рѣшился исключить всѣ спорные пункты присяги, оставивъ только маленькое измѣненіе обычной формулы: присягать должны были „Ея Величеству Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ и отечеству.“ Но распространился слухъ, что къ имени государыни верховники присоединили имя Верховнаго Совѣта, и Теофанъ Прокоповичъ отказался прибыть въ соборъ, прежде чѣмъ

---

<sup>1)</sup> Пришелъ тотъ несчастливый день, нести надобно было государево тѣло мимо нашего дому, гдѣ я сидѣла подъ окошкомъ, смотря на ту плачевную церемонію. Боже мой, какъ духъ во мнѣ удержался! Началось духовными персонами; потомъ несли государственные гербы, короны; въ томъ числѣ и мой женихъ шель передъ гробомъ. Не могла его видѣть отъ жалости въ такомъ состояніи; епанча траурная, предлинная, флеръ на шляпѣ до земли, волосы распущенны, самъ такъ блѣденъ, что никакой живости нѣтъ. Поравнявшись противъ моихъ оконъ, взглянулъ плачущими глазами съ тѣмъ знакомъ или миной; кого погребаемъ—въ послѣдній, разъ провожаю. Нат. Долгорукая, *Записки русск.* Архивъ 1867 г.

не познакомится съ новой редакціей присяги. Ему напрасно напоминали, что Совѣтъ ждетъ его. Но, къ несчастью для него, онъ заупрямился и остался одинъ. Тогда поневолѣ онъ долженъ былъ послѣдовать за покинувшими его епископами. Однако, онъ настоялъ на томъ, чтобы текстъ присяги былъ сначала прочитанъ съ амвона. Всѣ были удивлены, не найдя въ немъ ожидаемаго, и тутъ же распространился слухъ, что Василій Владиміровичъ просилъ согласія преображенцевъ на внесеніе желаемого нововведенія, но послѣдніе отвѣчали ему:

„Мы тебѣ кости переломаемъ, если ты посмѣешь это сдѣлать!“<sup>1)</sup> Сконфуженный Прокоповичъ не осмѣлился произнести приготовленной проповѣди, въ которой онъ дѣлалъ намеки на текуція событія.

Черезъ два дня верховники сдѣлали еще шагъ по пути уступокъ. Проектъ, предоставившій имъ всю власть собралъ, съ подписью генерала Матюшкина, только 25 именъ. Они чувствовали свою немощь. Они начали переговоры съ гвардейскими офицерами, предлагая то замѣстить открывшіяся вакансии въ Совѣтѣ лицами изъ мелкаго дворянства, то дать ему право выбирать депутатовъ въ случаѣ обсужденія вопросовъ, имѣющихъ общее значеніе. Но на сцену уже всходили два лица, роль которыхъ должна была быть рѣшающей въ драмѣ.

Остерманъ со времени избранія Анны Іоанновны, лежалъ въ пос-

---

<sup>1)</sup> Прокоповичъ, *повѣствованіе о смерти Петра II и воцареніи Анны Ивановны*, изданы Языковымъ, съ переводомъ подложныхъ *мемуаровъ герцога Мерсе*.—Эти мемуары часть корреспонденціи копію которой я указалъ въ Арх. Иностр. Дѣль. Указывая на французское изданіе Фицъ-Джемса *Мемуаровъ герцога Лирія и Бервика*, 1788 г., Языковъ ввергъ въ заблужденіе своихъ читателей. Это изданіе не существовало и испанскій дипломатъ никогда не носилъ титула герцога Бервика. Русское изданіе пользовалось рукописью, принадлежавшей Н. Вестуеву Рюмину. — Разсказъ Прокоповича часто тенденціозенъ и неточенъ.

тели, обложенный пластырями, и распускалъ слухъ объ опасности своей болѣзни. Однако, его рука чувствовалась въ совершающихся событіяхъ. Верховникамъ было извѣстно, что онъ переписывался съ членами оппозиціи и съ самой царицей. Первыхъ онъ убѣждалъ, чтобъ они сами просили государыню объ желаемыхъ реформахъ; второй онъ намекалъ, что, какъ дочь старшаго брата Петра I-го, она имѣетъ право на престоль безъ всякихъ выборовъ и стало быть безъ всякихъ условій.

Мысль объ удаленіи верховниковъ все развивалась, и Анна шла ей навстрѣчу. Василій Лукичъ, пріѣхавшій съ нею изъ Митавы, держалъ ее въ рукахъ, и это плѣняло людей, проникнутыхъ конституционными или республиканскими идеалами. Въ перепискѣ съ Волынскимъ бригадиръ Козловъ высказывалъ по этому поводу наивный восторгъ. Онъ рассказывалъ, что государыня не смѣла взять табакерку безъ позволенія Совѣта. Ей полагалось сто тысячъ рублей въ годъ, а такъ какъ она раньше получала только шестьдесятъ, то она могла быть довольной. При малѣйшей непріятности ее можно было вернуть въ Курляндію. Впрочемъ, если ее и посадили на престоль, то это временно, это *помазка по губамъ*. <sup>1)</sup>

Входъ въ помѣщеніе государыни былъ строго запрещенъ предполагаемымъ противникамъ. Но Василій Лукичъ недостаточно наблюдалъ за женскимъ персоналомъ, окружавшимъ императрицу. Герцогиня Мекленбургская, сильная, смѣлая, полная живости и веселья, не думающая о послѣдствіяхъ — нѣмцы называли ее „*die wilde Herzogin*“—проповѣдывала и устраивала сопротивление. Съ ея помощью, съ помощью ея младшей сестры Прасковьи, ея двоюродной сестры Головиной, Натальи Лопухиной и другихъ, какъ г-жъ Остерманъ, Ягужиной, Салтыковой и княгини Черкасской, Анна Ивановна могла сообщаться съ внѣшнимъ міромъ и получать оттуда совѣты и внушенія. Прокоповичъ доставилъ ей статью, спрятанную въ

---

<sup>1)</sup> Костомаровъ, Исторія Россіи въ жизнеописаніяхъ.

часахъ артистической работы. Маленькій Биронъ, котораго каждый день приносили къ царицѣ, служилъ почтовымъ ящикомъ. Письма клали за пазуху ребенка. <sup>1)</sup>

Въ концѣ мѣсяца императрица только думала о томъ, когда ей удастся довершить начатое ею въ Всесвятскомъ. Лёвенвольдъ отвѣчалъ за гвардію, которою онъ и Кантемиръ настраивали въ пользу самодержавія. Поэтъ потерялъ родовое имѣніе въ процессѣ съ Дмитриемъ Голицынымъ. Въ одной изъ своихъ сатиръ онъ называлъ Ивана Долгорукова „человѣкомъ, воспитаннымъ среди псарей“, что поссорило автора съ этой семьей. Наконецъ, онъ былъ влюбленъ въ княжну Варвару Черкасскую, дочь одного изъ главныхъ вожаковъ оппозиціи. Преображенцевъ обработывалъ въ томъ же направленіи графъ Теодоръ Андреевичъ Матвѣевъ, послѣдній въ родѣ,—большой негодай, начавшій ссору съ герцогомъ Лирія, за что былъ сурово наказанъ Долгорукими. Надо было только хорошо употребить всё находящіяся въ распоряженіи государыни добрыя пожеланія, энтузіазмы и ненависти.

Время коронованія показалось ей самымъ подходящимъ для назрѣвшаго переворота. Посланіе вице-канцлера заставило ее перемѣнить намѣреніе. 22-го февраля, въ домѣ князя И. Ф. Барятинскаго, все это броженіе выразилось въ петиціи къ государынѣ о томъ, чтобъ она соблаговолила тотчасъ возстановить самодержавіе, <sup>2)</sup>

---

1) Лефорть.

2) Утромъ 25 февраля члены Верховнаго Совѣта предложили Аннѣ дать свое согласіе на просьбу шляхестства „о разсмотрѣніи различныхъ предложенныхъ проектовъ, призвавши одну или двухъ персонъ изъ каждой фамилии для установленія такой правительственной формы, которая бы угодна была всему народу“.

Когда чтеніе было кончено, князь Василій Лукичъ Долгоруковъ обратился къ императрицѣ съ просьбой обсудить вмѣстѣ съ Верховнымъ Совѣтомъ поданную петицію. Но тутъ вдругъ подлѣ Анны очутилась сестра ея, Екатерина Ивановна, герцогиня Мек-

—петиціи, которая должна была быть подана императрицѣ нѣсколькими гвардейскими офицерами и нѣкоторыми членами дворянства. Татищевъ, присутствовавшій здѣсь, былъ посланъ въ другое собраніе, происходившее въ тоже время у Черкаскаго, чтобы предупредить его и попросить его участія. Черкасскій, поссорившійся съ Долгорукими изъ-за обиды, нанесенной его родственнику Трубецкому, увидѣлъ способъ отмщенія и, послѣ нѣ котораго колебанія, далъ свое согласіе, увлекши этимъ и друзей своихъ. Среди ночи отправились въ казармы и собрали 260 подписей. Все это движеніе, кромѣ группы Черкаскаго, происходило въ военной средѣ, но грозило зах-

---

ленбургская, и сказала; „Нечего тутъ думать, государыня, извольте подписать“. И Анна подписала.

Но тогда вмѣшались гвардейскіе офицеры и стали кричать: „Не хотимъ, чтобъ государынѣ предписывались законы—Она должна быть такою же самодержицей, какъ прочіе государи“.

Анна послѣ того удалилась.

Въ четыре часа дворянство возвратилось во дворецъ съ новой просьбой:

„Усердіе вѣрныхъ подданныхъ, которое отъ насъ должность наша требуетъ, побуждаетъ насъ не показаться неблагодарными, для того, въ знакъ нашего благодарства, всеподданнѣйше приносимъ и всепокорнѣйше просимъ всемилостивѣйше принять самодержавство таково, каково ваши славные и достохвальныя предки имѣли, а присланные Вашему Императорскому Величеству отъ Верховнаго Совѣта и подписанныя Вашего Величества рукою пункты уничтожить. Только всеподданнѣйше Ваше Императорское Величество просимъ, чтобы соизволили сочинить, вмѣсто Верховнаго Совѣта и Высокаго Сената, одинъ правительствующій Сенатъ, и въ губернаторы и въ президенты повелѣно бѣ было шляхетству выбирать баллотированіемъ, какъ то при Петрѣ Первомъ установлено было; и притомъ всеподданнѣйше просимъ, чтобъ по вашему всемилостивѣйшему предписанію форму правительства государства для предбудущаго времени нынѣ установить. (Соловьевъ, т. XIX. Дѣло Верховн. Тайн. Совѣта).



ватить и дворянъ. <sup>1)</sup> Верховники поняли, что имъ надо дѣйствовать энергично. На слѣдующій день Остерманъ узналъ, что его собираются арестовать, вмѣстѣ съ Черкасскимъ, Бяратинскимъ, Головинымъ и нѣсколькими другими приверженцами абсолютизма. Онъ поспѣшилъ предупредить Анну, которая, со своей стороны, поняла, что пришла пора дѣйствовать. Такимъ образомъ подготовился знаменитый день 25 февраля (8 марта) 1730 года.



---

<sup>1)</sup> Мардефельдъ, 6 марта 1730; Тайный Берлинскій архивъ.

#### IV.

Свѣдѣнія наши обо всѣхъ подробностяхъ событія этого дня очень смутны, такъ какъ свидѣтели его часто противорѣчатъ сами себѣ. Я постараюсь намѣтить вѣроятный путь и очевидный смыслъ этихъ событій. Послѣ резолюцій, принятыхъ въ упомянутыхъ собраніяхъ, Анна Іоанновна могла ожидать, что въ этотъ день произойдетъ во дворцѣ стычка между сторонниками самодержавія, съ петиціей которыхъ она рѣшила согласиться, и верховниками, старавшимися своими предполагаемыми арестами помѣшать этому. Она приняла свои мѣры. По приказанію самого Василія Лукича стража во дворцѣ была удвоена, но за кого она будетъ? Ближайшимъ начальникомъ ея былъ пруссакъ по имени Альбрехтъ. Анна позвала его, обласкала и предупредила, что скоро предполагается перемѣна въ высшемъ начальствѣ. Нѣмецъ поклонился, и она, не безъ основанія, заключила, что можетъ быть увѣрена въ немъ. <sup>1)</sup> Но ее ожидали другія препятствія.

Черкасскій распорядился, чтобы его единомышленники собрались 25 февраля въ 10 часовъ во дворецъ, но не вмѣстѣ, а по одиночкѣ. Большинство изъ нихъ не ночевало дома, чтобы избѣгнуть ареста. <sup>2)</sup> По той же причинѣ и онъ медлилъ явиться. Сто пятьдесятъ дворянъ, по другимъ свѣдѣніямъ восемьсотъ, собрались и начали съ того, что попросили аудіенціи у засѣдающаго Верховнаго Совѣта.

Этого не было въ программѣ, но проявившіяся наकाунтъ, развогласія и страхъ репрессій поколебали ихъ умы и уменьшили ихъ

---

<sup>1)</sup> Тамъ же, 9 марта 1730 г.

<sup>2)</sup> Лонгиновъ, *Генералитетъ въ началѣ 1730, года. Восемнадцатый вѣкъ*, III.

храбрость. Они уже не думали открыто возстать противъ верховниковъ, они ограничились жалобами на то, что не было обращено вниманія на требованія дворянства и выразили желаніе быть услышанными, Ея Величествомъ. Совѣтъ могъ бы еще разъ разрушить предпріятіе, шедшее такими окольными путями. Онъ не посмѣлъ. Право подавать прошенія сильно вкоренилось въ нравы страны. Можетъ быть и Анна рѣшительно заявила свое намѣреніе принять тѣхъ, кто хотѣлъ обратиться къ ней.

Ей пришлось испытать сильное разочарованіе. Черкасскій, противившись съ женой, какъ бы идя на смерть, рѣшился присоединиться къ товарищамъ, но то прошеніе, которое онъ подалъ государычѣ было украшено только 87-ю подписями, и въ немъ ни слова не говорилось о возстановленіи *самодержавія*. Рядомъ съ неясной критикой «пунктовъ», съ упоминаніемъ конституціонныхъ реформъ, недостаточно оцѣненныхъ верховниками, въ немъ высказывалась только просьба, чтобъ государыня позволила учредить собраніе, гдѣ каждая семья имѣла бы двухъ представителей,—собраніе, долженствующее обсудить основы, создаваемого новаго способа управленія.

Анна едва удержала выраженіе досады. Стало быть ее обманули! Она не ожидала, чтобъ ей говорили о конституціи и новомъ управленіи. Нѣкоторые гвардейцы только держались того, что должно было быть общимъ желаніемъ. Василій Лукичъ готовился торжествовать побѣду и, съ прежней увѣренностью, гордо спросилъ Черкаскаго: «Кто васъ въ законодатели произвелъ?» Эта фраза перемѣнила ходъ событій. Обращеніе къ нему лично, сознаніе, что онъ погибъ, если отступить, заставило Черкаскаго повернуться лицомъ къ опасности. Громкимъ голосомъ онъ отвѣтилъ:

«Вы сами, когда увѣрили императрицу, что «пункты» были дѣломъ всѣхъ насъ, а мы между тѣмъ, въ этомъ не участвовали».

Роковое слово было произнесено, борьба перенесена на опасную для Василя Лукича и его товарищей почву. Онъ попробовалъ выиграть время. По обычаю императрица должна была вмѣстѣ съ Со-

вѣтомъ обсудить поданное ей прошеніе. Верховникъ объявилъ засѣданіе закрытымъ. Анна не знала на что рѣшиться, когда вступилась герцогиня Мекленбургская. Ея инстинктъ подсказывалъ ей выборъ между подателями прошенія, сами не знающими чего они хотятъ, и Верховнымъ Совѣтомъ, желанія и власть которыхъ были хорошо извѣстны. Наклоняясь къ сестрѣ, она сказала ей на ухо: «Нечего тутъ думать, государыня. Извольте подписать, а тамъ видно будетъ». Такъ какъ Анна колебалась, она повторила: «подписывайте, я отвѣчаю за послѣдствія» <sup>1)</sup>. Анна начертила внизу листа освѣщенные слова: *быть по сему*, и, осяенная гениальной мыслью, выразила свою волю, чтобъ дворянство, которому она разрѣшила обсудить будущую форму правленія, *въ тотъ же день* представило ей результаты своего совѣщанія.

Ограничить такимъ короткимъ срокомъ совѣщанія этихъ новичковъ въ политикѣ было лучшимъ средствомъ заставить ихъ отъ всего отказаться. Послѣ нѣкоторыхъ недѣль, проведенныхъ въ безплѣнныхъ препирательствахъ, что могли они сдѣлать въ нѣсколько часовъ? Имъ не давали даже возможности повидаться и переговорить съ родными и друзьями, отъ которыхъ они не имѣли довѣренности. Они должны были начать свои занятія сейчасъ, въ смежной залѣ; выходы изъ дворца оставались закрыты до разрѣшенія вопроса. Въ то время, какъ они удалялись, въ ихъ средѣ успѣлъ произойти расколъ, какъ бы предрѣшавшій будущее вопроса. Выходъ изъ дворца былъ закрытъ, но входилъ кто хотѣлъ, и число присутствовавшихъ гвардейцевъ все увеличивалось. Вдругъ они подняли шумъ и крики: «мы вѣрные подданные вашего величества; мы вѣрно служили прежнимъ государямъ и сложимъ свои головы на службѣ вашего величества; мы не можемъ терпѣть, чтобъ васъ притѣсняли». Анна показала видъ, что хочетъ заставить ихъ замолчать и даже угрожала, но они кричали еще громче: «Мы ваши вѣрные слуги и

---

<sup>1)</sup> Сборникъ V.

не потерпимъ, чтобъ крамольники предписывали вамъ. Прикажите, государыня, принесемъ къ ногамъ вашимъ ихъ головы».

Лучъ радости блеснулъ въ глазахъ дочери Іоанна. Она взглянула на своихъ совѣтниковъ, какъ бы ища у нихъ защиты. Блѣдные и дрожащіе, они не были въ состояніи сопротивляться урагану. Тогда она рѣшилась. «Вижу, что я здѣсь не безопасна», сказала она; потомъ дѣлая знакъ Альбректу, прибавила: „Повинуйтесь только Семену Андреевичу Салтыкову». Однимъ словомъ, она сметала съ лица земли Совѣтъ, вырвавъ изъ его слабѣющихъ рукъ главную суть власти—войско. Въ то же время, чисто женскимъ приемомъ, она, пригласивъ верховниковъ къ своему столу, увела ихъ, какъ узниковъ, оставивъ дворянство съ глазу на глазъ съ гвардейцами.

Совѣщаніе, предсѣдательствуемое Черкасскимъ, могло быть притакихъ обстоятельствахъ только формальнымъ. Изъ залы, гдѣ ихъ заперли, и куда не согласились послѣдовать за ними офицеры, онъ и его друзья слышали нескончаемые возгласы: «Смерть крамольникамъ! Да здравствуетъ самодержавная царица! На куски разрѣжемъ того, кто не дастъ ей этого титула!» Лѣвенвольдъ и Кантемиръ знатно поработали! Первымъ заговорилъ Юсуповъ. Онъ сказалъ, что благосклонность Ея Величества къ выраженнымъ общимъ жалобамъ, требуетъ выраженія благодарности. Убѣжденный абсолютистъ, Чернышевъ подхватилъ: «Самое приличное выраженіе благодарности было бы просить государыню принять неограниченную власть». Никто не возражалъ; оказалось, что Кантемиръ заранѣе составилъ проектъ адреса въ такомъ духѣ. Нѣкоторые, болѣе совѣстливые дворяне предложили прибавить пожеланія: замѣну Верховнаго Совѣта Сенатомъ, какъ при Петрѣ I; право дворянства выбирать на должности сенаторовъ, президентовъ, коллегій и губернаторовъ. Это ничего не значило, такъ какъ обсолутизмъ исключаетъ всякія условія такого рода между государемъ и подданными, они это отлично знали, но это было средствомъ нѣсколько замаскировать капитуляцію, которой они стыдились. 160 человекъ подписали.

Когда они кончили въ три часа пополудни, ихъ попросили представить рѣшеніе Верховному Совѣту, который высшимъ образомъ еще существовалъ. Анна Іоанновна хотѣла сыграть комедію до конца, а времени она имѣла довольно, чтобъ вооружиться противъ могущихъ возникнуть случайностей. Подъ командой Салтыкова, весь дворецъ обратился въ тюрьму. Верховники молча выслушали рѣшеніе, которое для нихъ было приговоромъ, съ ужасающими намеками. Была минута нерѣшительности и муки; но канцлеръ Головинъ положилъ этому конецъ, громко заявивъ свое одобреніе. Какъ громъ раздались крики: «Да здравствуетъ самодержавная царица!» Тогда встали Дмитрій Голицынъ и Василій Долгорукій и сказали просто: «да будетъ воля Провидѣнія!»

Всѣ торжественно отправились къ Государынѣ. Она представилась удивленной. «Такъ ты меня, значить, князь Василій Лукичъ, обманулъ?» Она какъ будто хотѣла знать мнѣніе Совѣтниковъ, но они, молча, опустили головы. Въ четыре часа секретарь Совѣта, Масловъ, получилъ приказаніе принести «пункты» и бумагу, на которой Анна подписала свое согласіе на нихъ. Она тутъ же разорвала оба документа. Въ продолженіе ста пятидесяти лѣтъ думали, что обрывки эти пропали и что ничего не сохранилось отъ этой первой русской хартіи. Она существуетъ, спрятанная отъ нескромныхъ взоровъ въ пыли архивовъ, съ соединенными булавкой частями разорванного пергамента. Но обладаніе копіей ея считалось, почти до настоящаго времени, государственнымъ преступленіемъ, и высокіе сановники, какъ вице-президентъ Коммерческой Коллегіи Фикъ, адмиралъ Сиверсъ, заплатились за это ссылкою въ Сибирь.

## V.

„Трапеза была уготована“—грустно говорилъ Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, уѣзжая изъ Парижа, „но приглашенные оказались недостойными. Мардефельдъ предвидѣлъ это. Уже 12 (26) февраля онъ писалъ „Русскіе, вообще, очень стремятся къ свободѣ, но хотя и говорятъ они о ней много, однако не знаютъ ее и не сумѣютъ ею воспользоваться“. Черезъ десять дней онъ увѣрялъ, что императрица въполнѣ обезпечено самодержавіе, если только она сумѣетъ воспользоваться своими преимуществами“.

На Голицына ложится въ значительной степени тяжесть отвѣтственности за неудачу. Предложивъ Совѣту свой проектъ реформы въ конституціонномъ духѣ, онъ не сумѣлъ сдѣлать ничего, чтобы обезпечить ему поддержку извнѣ. Со свойственной ему горячностью и вельможной самоувѣренностью, онъ шелъ впередъ, не обращая вниманіе на окружающее, наперекоръ духовенству, дворянству и арміи, возбуждая даже между сотрудниками неудовольствіе своей рѣзкостью и таинственностью, которой окружалъ свою дѣятельность. Большинство не знало до конца, куда и какими дорогами онъ поведетъ. Василій Лукичъ послѣдовалъ за нимъ, пытаясь опередить его. Никто, въ дѣйствительности, не признавалъ въ немъ руководителя. По-видимому, мысль, лежавшая въ основаніи его плана, была главнымъ образомъ внушена ему дѣйствіями шведскаго сейма 1719—1720 г. во время восшествія на престолъ Ульрики Элеоноры. Онъ хотѣлъ предоставить людямъ своего лагеря и Верховному совѣту роль, на которую въ Швеціи предъявляли притязанія аристократія и Государственный Совѣтъ. Само собой разумѣется, Голицынъ оставлялъ въ сторонѣ вліяніе двухъ классовъ—крестьянъ и духовенство—которымъ

въ Швеціи исторія отводитъ столь значительное мѣсто. Однако, онъ предусматривалъ уменьшеніе подушной подати; Идти же далѣе, по его мнѣнію, не позволяло существующее положеніе государства. Составленный такимъ образомъ планъ не являлся исключительно олигархическимъ. По крайней мѣрѣ самъ Голицынъ думалъ, что всѣ призываются къ приготовленной ими трапезѣ, на которой за „верховникомъ“ сохранялся верхній конецъ только для того, чтобы они могли играть роль распорядителей. Онъ впоследствии приводилъ въ свое оправданіе то соображеніе, что, соглашаясь на возстановленіе неограниченнаго самодержавія, дворянство достигало только замѣны „правленія десяти“ правительствомъ трехъ—четырехъ проходимцевъ—иностранцевъ.

Дворянство слишкомъ поспѣшило заявить претензію на завоеваніе себѣ свободы, и проявило больше аппетита, чѣмъ способности переварить пищу. У него также не было ни руководителя ни ясности во взглядахъ. Его проекты, исходившіе отъ семейныхъ группъ служили обыкновенно отголосками члена индивидуальныхъ побужденій, которыя трудно было согласовать между собой. Шутъ царицы Прасковіи, Тихонъ Архиповичъ, говаривалъ: „Намъ русскимъ хлѣбушка не надо; мы другъ друга ѣдимъ“.

Обѣ партіи шли на *авось*; онѣ не были подготовлены къ рѣшительному дѣйствію. Впервые въ нихъ пробудилось смутное сознаніе единства интересовъ, существующихъ между ними, и даже единства общаго существованія, какъ корпораціи. И въ эту только что зарождающуюся корпорацію Петръ ввелъ столько новыхъ и противорѣчивыхъ элементовъ! Что же удивительнаго, что все безпорядочное броженіе окончилось тѣмъ, что организаторы остались „въ дуракахъ“.

Однако, что-нибудь да должно было сохраниться отъ этого броженія неясныхъ представленій и колеблющихся стремленій, и что-нибудь должно было счастливо избѣгнуть погребенія на вѣки въ тайникахъ архивовъ, подобно клочкамъ изорванной хартіи. Въ организаціи своего правленія, зависѣвшей теперь исключительно отъ ея



произвола, Анна могла теперь принимать во вниманіе только то, что соотвѣтствовало ея личнымъ соображеніямъ. Однако, уничтожая Верховный Совѣтъ и возстановляя Сенатъ въ той формѣ и съ тѣми полномочіями, какія принадлежали ему при Петрѣ I, она уже приняла во вниманіе желаніе, выраженное дворянствомъ, оставивъ, впрочемъ, что само собой разумѣется, за собой право выбора сенаторовъ. Такого же рода уступками явились нѣсколько позднѣе: возвращеніе къ выборной системѣ, возведенной Преобразователемъ въ замѣщеніе военныхъ должностей, возстановленіе его же указа о правахъ на гражданскіе чины, основаніе въ 1731 г. кадетскаго корпуса и, наконецъ, уничтоженіе въ 1730 г. закона о маіоратахъ.

Правда—дворянство при банкротствѣ идеала, на мгновеніе медькнувшаго было передъ нимъ, спасло и впослѣдствіи развило себѣ на выгоду только крѣпостное право, скоро сдѣлавшееся краеугольнымъ камнемъ его существованія и предметомъ безграничной эксплуатаціи. Нѣкоторыя изъ наиболѣе высокихъ стремленій и великодушныхъ желаній какъ бы возродились на мгновеніе къ концу новаго царствованія въ фантастическихъ проектахъ Волинскаго <sup>1)</sup>, но только для того, чтобы потерпѣть новое и болѣе

---

1) *Генеральное разсужденіе о поправленіи внутреннихъ государственныхъ дѣлъ*. Вотъ нѣкоторыя мысли изъ него: „Мы, министры, хотѣли всю вѣрность на себя принять, и будто мы одни дѣлаемъ и вѣрно служимъ. Напрасно намъ о себѣ такъ много думать: есть много вѣрныхъ рабовъ, а мы только что пишемъ и въ конфиденціи приводимъ, тѣмъ ревность и другихъ пресѣкаемъ, и ватащили мы на себя много дѣлъ и ненадлежащихъ намъ, а что дѣлать—и сами не знаемъ“.

Волинскій желалъ увеличенія числа сенаторовъ, которые должны были ежегодно обозрѣвать всѣ губерніи для усмотрѣнія тамошнихъ непорядковъ“; распространія образованія между духовенствомъ и шляхетствомъ: для духовенства учредить академіи, а разное шляхетство посылать за границу учиться разнымъ наукамъ...

ужасное крушеніе. На этотъ разъ всѣ подобныя проекты замолели надолго... Среди этого дворянства, порѣдѣваго и униженнаго, казалось, продолжали жить только съ одной стороны—низкіе инстинкты рабства, покорно принятаго, а съ другой—тиранія, не знавшая прирѣловъ. Въ умахъ и сердцахъ какъ будто даже исчезло самое воспоминаніе о томъ, чего осмѣлились желать и домогаться въ 1730 г. Проекты 1767 г. знаменитой комиссіи по составленію уложенія, доставившей столько славы Екатеринѣ II, по своей нравственной цѣнности и политическому значенію, куда уступаютъ самому изъ незначительныхъ проектовъ, выработанныхъ за тридцать семь лѣтъ передъ тѣмъ. Когда же цѣной угодливости, доходившей до униженія, конституціоналистамъ 1730 г., въ концѣ вѣка, удалось избавиться отъ обязательной военной службы, еще лежавшей на нихъ, то за эту свободу заплатили двадцать милліоновъ крѣпостныхъ.

Сто лѣтъ спустя послѣ событій 1730 г., солдаты, посланные для подавленія польскаго возстанія, не понимали цѣли этой неравной борьбы. Имъ сказали, что возставшіе борются за свою конституцію, они воображали, что конституція—жена Константина, бывшая полькой. Вотъ къ чему въ этотъ долгій промежутокъ времени свелось въ народной массѣ идейное движеніе дворянства, которое агитаторы XVIII вѣка пытались распространить во всѣхъ классахъ.

Уже первые шаги возстановленнаго *самодержавія* возвѣщали все это. Потерпѣвшее пораженіе дворянство и притихшіе члены Верховнаго Совѣта были допущены къ цѣлованію руки императрицы, приказавшей въ то же время выпустить изъ тюрьмы Ягужинскаго и привести его къ себѣ. Василию Лукичу пришлось ввести его съ знаками величайшаго почета. Анна немедленно вернула ему шпагу и

---

Ввести шляхетство въ духовный и приказный чинъ; купечество защитить отъ воеводскихъ обидъ и т. д. Хрущовъ говорилъ о Генеральномъ разсужденіи, что „эта книга будетъ лучше Телемковой“.

орденъ Андрея первозваннаго и объявила, что назначаетъ его генералъ-прокуроромъ. Немедленно былъ также отправленъ курьеръ въ Митаву. Не трудно угадать, съ какимъ порученіемъ. Бирону не пришлось долго ждать. Вечеромъ была большая иллюминація, во свѣту плашекъ пришлось бороться съ необыкновенно яркимъ сѣвернымъ сіяніемъ, какъ бы кровью заливавшимъ небосклонъ, что впоследствии сочлось предзнаменованіемъ кровавой зари начинавшагося царствованія.

Дѣйствительно, уже слѣдующій день былъ мрачнымъ и кровавымъ. Семень Андреевичъ Салтыковъ, герой предшествующаго дня, проснулся генералъ-лейтенантомъ и маіоромъ Салтыковского гвардейскаго полка. Несколько времени спустя, къ этой наградѣ присоединился чинъ генералъ анъ-шефа, титулъ гофмейстера и помѣстье въ десять тысячъ душъ. Уѣзжая изъ Москвы въ Петербургъ, Анна назначила его московскимъ губернаторомъ, при чемъ ему было пожаловано графское достоинство. Онъ оставался губернаторомъ три года, но затѣмъ Биронъ нашелъ его недостаточно покорнымъ и замѣнилъ его княземъ Варягинскимъ, говорившимъ:

Кланяйся пониже, взберешься повыше“.

Голицыныхъ сначала щадили; Дмитрій Михайловичъ уѣхалъ въ свое имѣніе Архангельское и жилъ тамъ, позабытый до 1737 г. По побужденію Кантемира, Биронъ возобновилъ противъ него дѣло о маіоратѣ, котораго болѣе или менѣе несправедливымъ образомъ былъ лишенъ поэтъ <sup>1)</sup>. И бывшій верховникъ окончилъ свое суще-

---

<sup>1)</sup> Его обвиняли, что онъ: „Отговаривался всегда болѣзнью, не хотя государынѣ и государству по должности служить, наложенныхъ дѣлъ на него не отправляя; указы протавнымъ образомъ толковалъ и всячески правду испровергать старался. Научилъ Перова по дѣлу зятя своего Кантемира въ судъ вступать, вымышляя по тому дѣлу неправость; когда Перовъ нѣкоторыя слова отъ него противу Закона Божія и совѣсти услышалъ и ему

ствование черезъ годъ въ казематѣ Шлиссельбургской крѣпости, а движимое и недвижимое имѣніе все было описано <sup>1)</sup>).

Фельдъ-маршалъ Михайлъ Михайловичъ Голицынъ былъ назначенъ президентомъ Высшей коллегіи, а жена его, урожденная Куракина, статсъ-дамой. Но храбрый воинъ всего на нѣсколько мѣсяцевъ пережилъ потерю надеждъ, раздѣляемыхъ имъ съ братомъ, и такимъ образомъ не сталъ свидѣтелемъ опалы, поразившей въ близкомъ будущемъ членовъ его семьи и партіи.

Эти два обломка великаго царствованія были обязаны тѣни Петра I, витавшей надъ ними, что не раздѣлили судьбу, постигшую

---

отсовѣтовалъ, что надобно совѣстно разсуждать, и на то онъ, князь Дмитрій такъ Богу противно сказалъ, что будто совѣсть подлежитъ до одного суда Божія, а не до человѣческаго...“

<sup>1)</sup> Дѣло Голицына въ Госуд. архивѣ.—Полн. собр. Законовъ. № 7151.

Въ февралѣ 1737 г. медицинская канцелярія просила: „Понеже московскаго медицинскаго огорода докторъ ботаникъ Герберъ репортовалъ, что въ бывшихъ сосланнымъ князю Дмитрію Голицыну помѣстьяхъ, въ Архангельскомъ, малыя ранжереи содержаны, въ которыхъ имѣются разные индейскіе и нѣкоторые медицинскіе планты, а именно церіи, ошунціи и проч., такожъ нѣкоторые другія находящіяся въ огородѣ иностранныя планты, и что за оными токмо простой россійскій огородникъ присмотрѣ имѣеть—все потратиться могутъ, и понеже въ московскомъ медицинскомъ огородѣ не точію аптекарскіе ученики, но и московской гошпитали лѣкарскіе ученики въ ботаники и матеріи медичевской обучаются,—того ради медицинская канцелярія всеижайше просить, да бы повелѣно было изъ вышеписанныхъ ранжерей тѣ планты, которые докторомъ ботаникомъ Герберомъ отобраны будутъ, въ московскій медицинскій округъ отдать; также бы повелѣно было изъ нѣкоторыхъ сортовъ померанцевыхъ и лавриныхъ деревьевъ, которыя не весьма велики и не къ украсѣ огорода служить могутъ, въ вышеписанной же медицинской огородъ уступить“. Просьба была исполнена. (Дѣло Сената по кабинету. Соловьевъ, т. XX)

побѣжденныхъ, на мѣсто которыхъ поднялись побѣдители. Со всѣхъ сторонъ поднимались голоса противъ Долгорукихъ. Нѣмецкая партія присоединилась къ вельможной, взывая на нихъ всевозможныя преступленія: „Алексѣй захватилъ царскую корону и не оставилъ въ ней ни одного камня; Иванъ присвоилъ себѣ драгоцѣнное пастырское облаченіе Успенскаго собора...“ Иностранная пресса, подхвативъ эти обвиненія, еще преувеличивала ихъ. Нѣмецкія газеты—*Europaeische Fama, Genealogische Archivarius, Staats und gelehrte Zeitung, Reichspost Reiter*, французскія—*le Recueil des Gazettes, le Mercure*, голландскія—*Утрехтская газета*—нагромождали басню на басню, небылицу на небылицу.

Но Анна и не нуждалась въ подстрекательствахъ. Указомъ 8 апрѣля 1730 г. Василя Лукича и Михаила Владиміровича она отравила въ ссылку, назначивъ перваго губернаторомъ Сибири, а втораго Астрахани. Въ то же время Алексѣю было приказано отправиться въ самую отдаленную изъ его вотчинъ, послѣ того, какъ всѣмъ имъ, особенно же Ивану, былъ учиненъ допросъ „подъ страхомъ смерти“, по поводу подложнаго завѣщанія, приписываемаго Петру II. Бывшій фаворитъ отпирался отъ всего. Его отпустили, но только до поры до времени. Его ждала плаха.

Но невѣста оставалась вѣрна ему, лишенному должностей и почестей. Когда всѣ бѣжали отъ опальнаго, Наталія Шереметьева объявила, что желаетъ раздѣлить судьбу своего будущаго супруга. Спустя двадцать семь лѣтъ она писала: „Я не имѣла такой привычки, чтобъ сегодня любить одного, а завтра другаго; я доказала свѣту, что я въ любви вѣрна. Во всѣхъ злополучіяхъ я была своему мужу товарищъ, и теперь скажу саму правду, что будучи во всѣхъ бѣдахъ, никогда не раскаивалась, для чего я за него пошла...“

Это была любовь, зародившаяся съ перваго взгляда. Наталія не знала молодого человѣка до обрученія; ей, конечно, не было извѣстно ничего о его прошлой жизни; паперекоръ всѣмъ своимъ

близкимъ, она настояла на своемъ. Никто изъ Шереметьевыхъ не присутствовалъ при вѣнчаніи. Сергій Долгорукій, братъ Ивана, и его сестры увезли Наталію въ Горенки „будто хоронить“. Всѣ плакали. Черезъ три дня послѣ этого надо было ѣхать. Мѣстомъ ссылки былъ назначенъ Никольскъ, въ Пензенской губервіи. Но это было только началомъ. Какъ относительно Меншикова, и, вѣроятно, по тѣмъ же соображеніямъ, наказанія шли степенями. Черезъ вѣскольکو мѣсяцевъ, 12 іюня 1730 г. ссылные получили приказъ снова пуститься въ путь—также въ Березовъ, какъ ихъ предшественникъ.

Имущества всей семьи были конфискованы. Наталія отправилась въ путь съ 50 рублями, занятыми у *мадамы*, гувернатки, которую такъ называли, хотя она была нѣмкой, какъ свидѣтельствуеъ ея имя, Марія Штанденъ. Екатерина Долгорукая, бывшая невѣста царя, слѣдовала тѣмъ же путемъ. Ей оставили только тѣ платья, которыя она должна была одѣть на несостоявшейся свадьбѣ. Та же тюрьма, гдѣ были заключены Меншиковы, ожидала Долгорукихъ, съ тѣмъ же содержаніемъ: рубль въ день на каждыго. А въ тѣхъ мѣстахъ фунтъ сахара стоить девять съ половиной рублей! Они ѣли деревянными ложками и пили изъ оловянныхъ стакановъ. Въ 1731 году Наталія разрѣшилась отъ бремени сыномъ, котораго крестилъ маіоръ Петровъ. Добрыя отношенія съ мѣстнымъ гарнизономъ нѣсколько смягчали жизнь ссылныхъ. Кое-какія сохраненныя драгоценности также помогали имъ, хотя и были потомъ причиной новыхъ бѣдствій. По смерти Алексѣя въ 1734 году Иванъ сдѣлался главой семьи. При относительной свободѣ, предоставленной ему, молодой человекъ возвратился къ своимъ прежнимъ привычкамъ и, сойдясь съ морякомъ Овцынымъ, предавался кутежамъ. Этого Овцына въ послѣдствіи считали любовникомъ Екатерины Долгорукой. Ничто не доказываетъ, чтобъ она отступила отъ того достоинства и той гордости, съ которыми она всегда обращалась съ новыми друзьями своихъ родственниковъ. Винавать во всемъ былъ Иванъ. Въ пьяномъ видѣ онъ много болталъ лишняго, вспоминалъ свою связь съ Елизаветой, называя ее *Лизавет-*

кой, обвиняя ее въ своей опалѣ. Онъ подробно рассказывалъ объ любви царевны и Шубина, объ оргіяхъ въ Покровскомъ. Слухи объ его словахъ распространились. Въ 1737 году первый доносъ имѣлъ послѣдствіемъ большее стѣсненіе узниковъ: имъ было запрещено выходить изъ тюрьмы. Военные, однако, посѣщали ихъ. Служащій въ Тобольской таможи Тишинъ влюбился въ Екатерину Долгорукую. Оскорбленная его назойливостью, она пожаловалась Овцыну, и послѣдвій, съ двумя товарищами, наказалъ вахала. Новый доносъ и новое слѣдствіе. Приказъ отдѣлить Ивана отъ жены и прочихъ членовъ семьи. Его помѣстили въ землянку. Наталія вымолила позволеніе навѣщать его ночью. Она носила ему пищу. Одной ночью она нашла землянку пустою. Иванъ, его два брата и другіе ихъ сообщники, всего шестьдесятъ человекъ, были тайно увезены въ Тобольскъ. Оставленная въ Березовѣ съ семилѣтнимъ сыномъ и невѣстками Наталія падала къ ногамъ прохожихъ, рвала на себѣ волосы и восклицала; „гдѣ Иванушка“?

Она уже болѣе не видѣла его. Въ Тобольскѣ, комиссія предсѣдательствуемая Ушаковымъ, родственникомъ свирѣпаго начальника полиціи, и Суворовымъ, отцомъ будущаго полководца, допрашивала Ивана Долгорукова и пытками довела его до безумія. Онъ выдалъ все, что зналъ, и то, чего не зналъ, объ ложномъ завѣщаніи Петра II; Анна, наконецъ, нашла предлогъ удовлетворить своей ненависти. Въ началѣ 1739 г. Василій Лукичъ, Сергѣй и Иванъ Григорьевичи, Василій и Михаилъ Владиміровичи присоединились къ двоюродному брату въ Шлиссельбургской крѣпости. Сергѣй, въ это время своей изворотливостью успѣвшій устроить дѣла, былъ назначенъ посланникомъ въ Лондонъ. Еслибъ императрица не откладывала постоянно его прощальную аудіенцію, онъ избѣгъ бы своей тяжелой участи. Дознаніе на этотъ разъ производилъ самъ Остерманъ. Въ числѣ обвиненій значилось то, что бѣдная вдова поднесла Алексѣю Долгорукому *двухъ утокъ!* Иванъ Долгорукій былъ приговоренъ къ четвертованію и къ отсѣченію головы, Василій, Сергѣй и Иванъ Гри-

горьевичи только къ послѣднему. Василій Владиміровичъ и братъ его Михаилъ были также присуждены къ смерти, но о ихъ помилованіи ходатайствовали передъ государыней. 6 ноября, за два дня передъ казнью, приговоренныхъ снова пытали, спрашивая о ихъ замыслѣ въ 1730 г. основать республику.

Иванъ Алексѣевичъ продолжалъ все отрицать.

Сохранилась легенда о его героизмѣ во время казни, совершенной въ Новгородѣ. Говорятъ, онъ читалъ молитвы, дѣлая только ударенія, когда ему ломали руки и ноги.

Этотъ рассказъ правдоподобенъ, въ виду многихъ случаевъ подобной силы воли у казнимыхъ, но подробности, кажется, не вѣрны.

„Такой неожиданный, такой страшный страдальческій конецъ“, пишетъ въ еще неизданныхъ запискахъ Иванъ Михайловичъ, внукъ мученика, „искупаетъ грѣхи его юности, и кровь его, поливъ землю Новгорода, древней колыбели русской свободы, должна примирить съ его памятью всѣхъ враговъ нашей семьи“. Несчастливая семья стоила снисхожденія, такъ какъ много сама себя вредила. Одинъ изъ братьевъ Ивана, Александръ, заключенный съ младшимъ братомъ Николаемъ въ Вологдѣ, далъ напоить себя сыщигу и выдалъ много компрометирующаго. Придя въ себя, онъ нанесъ себѣ бритвой ударъ въ животъ, тѣмъ не менѣе считался предателемъ между своими. Палачи спасли его для того, чтобы наказать кнутомъ и отрѣзать языкъ, также какъ и Николаю.

Эта послѣдняя экзекуція произошла 28 октября 1740 г. въ концѣ того, что до сихъ поръ называется въ Россіи „Бирюковщиной“, названіемъ ненавистнымъ, синонимомъ царства грязи и крови. Мы увидимъ насколько справедливы и названіе, и его смыслъ. Въ выше приведенное число Анны Іоанновны уже не было въ живыхъ, а Биронъ былъ регентомъ и на нѣсколько недѣль полнымъ властелиномъ. Онъ поспѣшилъ помиловать осужденныхъ, но приговоръ уже былъ исполненъ.



Третій братъ Ивана, Алексѣй, также заключенный въ Тобольскѣ, служилъ впоследствии матросомъ на Камчаткѣ.

Екатерину Долгорукую заточили въ монастырь въ Томскѣ, одномъ изъ самыхъ бѣдныхъ въ Сибири. Пять келій и больница, въ которыхъ ютились семь старыхъ, слабыхъ монахинь, питавшихся подаемъ. Павшее императорское высочество раздѣляло свою келью съ наиболѣе доброй изъ нихъ, долженствовавшей сторожить заключенную. Въ холодные дни караульный солдатъ спалъ съ ними же въ ихъ кельи. Рѣдко могла Екатерина покидать тюрьму, чтобы подышать чистымъ воздухомъ; для этого ей позволяли подняться на деревянную колокольню, откуда былъ видъ на Томскъ. Преданіе говоритъ, что туда послѣдовалъ за ней офицеръ, требовавшій, чтобы она отдала свое обручальное кольцо. „Отрѣжьте мнѣ палецъ!“ отвѣчала она. Этотъ анекдотъ, вѣроятно, выдуманъ, но рисуетъ характеръ гордой дѣвушки. Она оставалась въ Томскѣ до декабря 1741 г., когда воцарившаяся Елизавета вернула ее въ Петербургъ и хотѣла выдать ее замужъ. Близость этой „невесты царя“ была несовсѣмъ удобна. Она долго отказывалась и, наконецъ, обезсиливъ, рѣшилась выйти замужъ за шотландца Якова Брюсса, который не ввухалъ ей расположенія. Вскорѣ послѣ свадьбы, она отправилась въ Новгородъ поклониться могиламъ отца и замученныхъ дядей и рѣшила построить тамъ церковь. Но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ она умерла, приказавъ сжечь всѣ свои платья, чтобы никто не могъ носить ихъ послѣ той, которая должна была быть императрицей<sup>1)</sup>.

Наталія Долгорукая, настоящая и самая трогательная героиня этой мрачной драмы. Вся Россія повторяла стихи Козлова, посвященные ей трагической судьбѣ. Послѣ похищенія ея мужа, ее еще два года держали въ Березовѣ, въ Москвѣ же она появилась въ день смерти

---

<sup>1)</sup> Аверкиевъ сдѣлалъ изъ бывшей невесты царя героиню драмы: „Разрушенная невеста“, напечатанной въ Русскомъ Вѣстникѣ, 1876 г.

Анны Іоанновны, 17 октября 1740 г. Она вѣкоторое время жила у своего брата Петра Борисовича Шереметьева, „богатаго Лазаря“, какъ его называли; владѣя огромнымъ состояніемъ, онъ оставлялъ дѣтей своей сестры босыми. Окончивъ воспитаніе дѣтей и женивъ старшаго сына, Наталія, въ 1758 году пошла въ монастырь въ Кіевѣ. Девять лѣтъ спустя, днѣпровскіе рыбаки увидѣли женщину въ черномъ одѣяніи, нагнувшуюся надъ рѣкой и бросившую въ нее кольцо. Это была Наталія Долгорукая, уничтожившая послѣдній предметъ, соединявшій ее съ прежними радостями и горестями мірской жизни. Въ тотъ же день она приняла схиму. Однако она не утопила свои воспоминанія. Въ своей кельѣ, среди поста и молитвъ, она написала мемуары, которые, помимо ея воли, соединяли прошлое съ настоящимъ, сулившимъ ей новыя испытанія. „Еще ударъ!“ пишетъ она въ 1768 году, узнавъ о смерти одного изъ ея близкихъ. Она скончалась 31 іюля 1770 года, написавъ послѣднія слова: „Надѣюсь, что всякая христіанская душа обрадуется моей смерти, подумавъ: она перестала плакать“. На поляхъ рукописи этихъ записокъ, въ 48 листовъ, находятся многочисленные аллегорическіе рисунки, нарисованные тушью. На первомъ изображена Варвара великомученица, очень чтимая въ Кіевѣ.

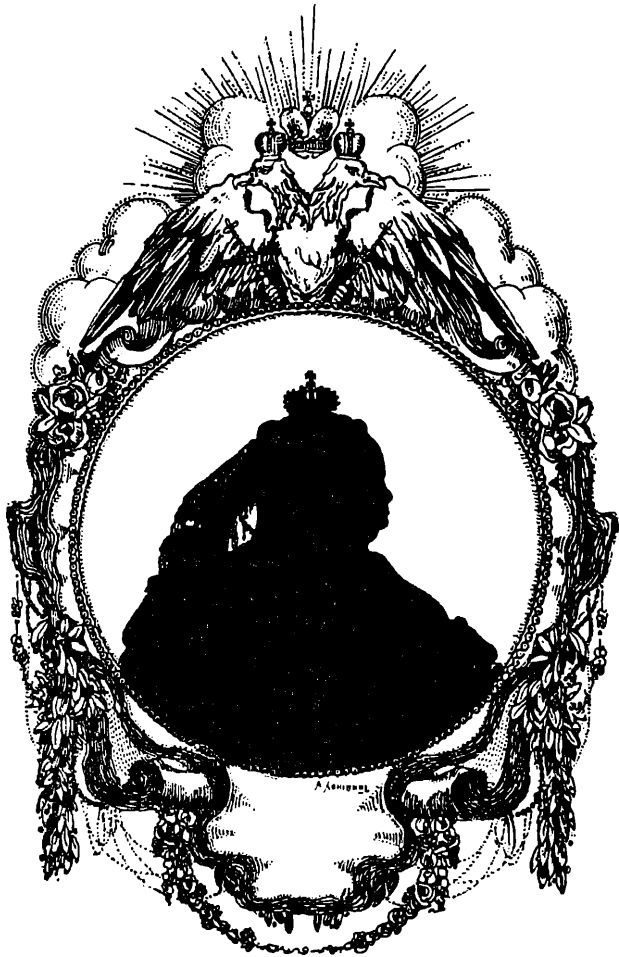
Воспитанная какъ и ея невѣстка въ Варшавѣ, Наталія получила хорошее образованіе. Она часто употребляетъ иностранныя слова. Вообще же она пишетъ стилемъ XVII вѣка, часто употребляя простонародныя выраженія. Говоря о мужѣ, она называетъ его „онъ“, какъ до сихъ поръ называютъ крестьяне умершаго. Разсказъ о ея путешествіи въ Сибирь напоминаетъ повѣствованіе протопопа Аввакума, изгнаннаго противника Никона. Всего болѣе поражаетъ въ ея нравственномъ обликѣ что, смиренная жертва, она висколько не пассивна. Хотя она поминаетъ Іова, говоря, что по его примѣру никогда не обвиняла Бога во время своихъ испытаній, но въ своихъ запискахъ, писанныхъ въ старости, съ глазу на глазъ съ этимъ Богомъ, если она не жалуется, то часто негодуетъ; у нея вырываются порывы гнѣва,

ненависти, даже фамильной гордости. Она, эта монахиня, относится злобно къ Аняѣ Іоанновнѣ, „отвратительной на видѣ“, и, какъ оскорбленная патриціанка, къ Бирону, «который шилъ сапоги ея дядѣ». — Фактъ, впрочемъ, невѣрный. Ея кровь, говоритъ она, кипитъ, при воспоминаніи о мерзостяхъ, совершенныхъ этимъ рагвену. Называясь теперь *сестрой Нектаріей*, она ни на минуту не забываетъ, что она Долгорукая, такъ же какъ, спускаясь по Окѣ, по дорогѣ въ Березено, она не оставила аристократическаго понятія о *барщинѣ* и, не имѣя прислуги, замѣняла свою прежнюю свиту, привязывая за баржей живую стерлядь. Эта выдумка указываетъ на поэтическое воображеніе, проглядывающее и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ея воспоминаній. Въ день ея свадьбы, пишетъ она, „влажные стѣны отцовскаго дома, казалось, плакали со мной“<sup>1)</sup>).

Начиналось царствованіе, стоявшее ей и ея близкимъ столько слёзъ и крови. Постараюсь обрисовать его фізіономію.

---

1) Біографія Наталіи Долгорукой была написана нѣсколько разъ, именно Глинкой, Мордовцовымъ и Толычевой. Ея мемуары появились въ *Русскомъ Архивѣ*, 1867. Для исторіи ея семьи, я справлялся: Арсеньевъ, *царствованіе Петра II*, 1839. Щебальскій, *Воцареніе императрицы Анны*, *Русскій Вѣстникъ*, 1859; Пеккарскій, *Путешествіе Академика Деміля въ Березовъ* (записки Академіи наукъ, т. VI; Михайловъ, документы. Документы, напечатанные въ Чтеніяхъ Историч. О-ва 1891; Игнатъевъ, *Біографическія записки о княгинѣ Долгорукой*, *Русскій Архивъ* 1866; Гуляевъ, *Князя Долгорукіе*, *Русская Старина*; Сулоцкій, *Княгиня Долгорукая*, *Русскій Вѣстникъ* 1880; Михневичъ, *Два невясты Петра II*, *Историческій Вѣстникъ* 1898; и *Мемуары* князя Долгорукова.



## Г Л А В А VIII.

### Императрица и фаворитъ.—Биронъ.

I. Признанный и предполагаемый отецъ Анны Иоанновны.—Василій Юшковъ.—Дворъ царицы Прасковьи.—Бракъ будущей императрицы.—Пребываніе въ Митавѣ.—Бестужевъ.—Портретъ государыни.—Физическій и духовный образъ.—Интимныя черты.—Переписка съ Салтыковымъ.—Умъ и характеръ.—Увеселенія.—„Говоруны“.—Шуты.—Голландскіе волчки.—Окружающіе.—II. Бюренъ или Биронъ.—Сущность его сношеній съ Анной.—Истопникъ.—Биографія фаворита.—Холячія сужденія объ его характерѣ и историческомъ значеніи.—Внѣшняя сторона и дѣйствительность этой роли.—Фаворитъ и Герцогъ Курляндскій.—Его сподвижники.—Еврей Мейманъ.—Семья Бирона.—Настоящія причины его непопулярности.—III. Нѣмецкая гегемонія и роль иностраннаго элемента въ исторіи Россіи.—Восточное происхожденіе знатныхъ семействъ.—Иностранные источники въ умственномъ движеніи.—причины этого явленія.—Соперничество нѣмцевъ въ царствованіе Анны Иоанновны.—Биронъ и Минихъ.

#### I.

Родившейся 28 января 1693 г. Аннѣ, при воцареніи, было 37 лѣтъ. Извѣстенъ грустный образъ ея отца, хилаго, глупаго и импотентнаго, который, раздѣливъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ царство съ Петромъ Великимъ, былъ и полугосударемъ, и получеловѣкомъ. Какъ и ея сестру, герцогиню Мекленбургскую, Анну считали дочерью Василія Юшкова, дворянина, здороваго малаго, котораго не безъ задней мысли назначили спальникомъ къ женѣ царя, Пра-

ковъ Салтыковой <sup>1)</sup>). Интересно прочесть въ журналѣ голштинскаго посланника Бергхольца рассказъ о его прїѣздѣ ночью, съ экстреннымъ порученіемъ, въ имѣніе царицы, Измайлово. Прежде всего ему пришлось пройти по спальнѣ царевнѣ. Младшая царевна Прасковья, слабая и золотушная, протянула ему руку. Дальше была спальня, гдѣ придворныя дамы и служанки спали вперемежку; онѣ проводили пришельца остротами и сальными шутками, которыя были слышны въ сосѣдней комнатѣ и заставляли краснѣть царевнѣ. Бергхольцъ увидѣлъ не одну голую грудь, но не былъ соблазненъ. Грязь всѣхъ этихъ женщинъ отталкивала его. Другой разъ, прїѣдя съ поздравленіями въ новый годъ, онъ былъ принятъ Прасковьей въ одной рубашкѣ. Петръ называлъ этотъ домъ „богодѣльней сумасшедшихъ и лицемѣровъ“.

Нелюбимая матерью, предоставленная гувернанткамъ и учителямъ, —нѣмцу Остерману, брату вице-канцлера, и французу Рамбуръ <sup>2)</sup>),— Анна мало воспользовалась ихъ уроками. Какъ я уже упоминалъ, выданная 17 лѣтъ замужъ, она скоро овдовѣла. Мужъ ея отличался въ Петербургѣ сильнымъ пьянствомъ. Онъ положительно заливался водкой и превзошелъ всякую мѣру на свадебномъ пиру, превратившемся въ оргію. Во время этого пира, двѣ карлицы вышли изъ пироговъ и плясали на столѣ менуэтъ. Петръ Великій взрѣзалъ пироги и потомъ самъ сталъ пускать фейерверкъ, при чемъ чуть не искалѣчилъ себя. Послѣ чего новобрачный во время празднествъ, продолжавшихся съ 31 октября до половины ноября, занялся женитьбой карлика Ефима Волкова и захотѣлъ, чтобы брачная ночь произошла въ его комнатѣ <sup>3)</sup>).

Въ Митавѣ Аняѣ жилось не весело. Изъ ея гофмейстера Бестужева Петръ сдѣлалъ тюремщика. Прїѣхавъ, она нашла домъ безо всякой мебели и получила 12,680 талеровъ содержанія, а столъ,

---

<sup>1)</sup> Долгоруковъ, записки.

<sup>2)</sup> Семевскій, *Царица Прасковья*.

<sup>3)</sup> Шубинскій, *Эскизы*.

конюшня, ливрея и содержаніе драгунскаго батальона стоили ей 12,245 талеровъ. Она вышла изъ затрудненія, сдѣлавшись любовницей Бестужева, но не могла выносить долго такого положенія, такъ какъ этотъ плуть грабилъ герцогство и превращалъ дворецъ въ публичный домъ. Долго жаловалась она Св. Сергію со всѣми святыми и Мешикову, и его женѣ, и дочери, называя послѣднюю „моя милая племянница“, и даже Варварѣ Арсеньевой<sup>1)</sup>. Назначенный въ 1728 году замѣститель Бестужева, курляндецъ Радкій былъ пораженъ расточительностью двора. казавшагося нищенскимъ. Гофмейстеръ, гофмейстерина, камергеръ, три камеръ-юнкера, шталмейстеръ, провіантмейстеръ, гофъ дама, двѣ фрейлины, куча совѣтниковъ, секретарей, переводчиковъ, лакеевъ, окружали герцогиню, имѣвшую еще своего представителя въ Москвѣ, Корфа, которому платила 1200 рублей<sup>2)</sup>. Она принадлежала своему времени и народу, потому любила видѣть около себя много людей: это всегда было ея роскошью. Такая потребность и теперь существуетъ у многихъ русскихъ. Съ другой стороны Митавскій дворъ слѣдовалъ вычурнымъ привычкамъ маленькихъ нѣмецкихъ дворовъ.

Свѣдѣнія современниковъ объ наружности дочери Ивана или Юшкова очень проговорчивы. Въ одномъ только впечатлѣніе несчастной невѣсты Ивана Долгорукова сходится съ портретомъ, набросаннымъ герцогомъ Лирія: Анна была такого высокаго роста, что, по словамъ Натальи Долгорукой, при вѣздѣ въ Москву, она была головой выше всѣхъ присутствовавшихъ мужчинъ. Лирія говоритъ: „Царевна Анна очень высока ростомъ и смугла, у нея красивые глаза, прелестныя руки и величественная фигура. Она очень полна, но не отяжелѣла. Нельзя сказать, что она красива, но, вообще, пріятна“<sup>3)</sup>. Почти также выражается Берггольдъ: „Принцесса лю-

---

1) Переписка Русскихъ Государей.

2) Соловьевъ, Исторія Россіи.

3) Иностр. Дѣла. Мемуары и Документы, Россія, кн. VIII.

безна и оживленна, хорошо сложена, видъ и способъ держаться внушаютъ уваженіе“. Это не похоже на „страшный видъ“ и „отталкивающее лицо“, какъ говоритъ Шереметьева. Однако существующіе портреты оправдываютъ скорѣе мнѣніе послѣдней. Шутъ царицы, очень важный свидѣтель, если и называлъ ее дочерью и Анфисой, именовъ одной изъ православныхъ святыхъ, за ея религиозныя наклонности, то часто также, при ея видѣ, восклицалъ: „Берегись, берегись, вотъ царь Иванъ Васильевичъ!“ (Грозный) <sup>1)</sup>.

Такъ какъ красота государыни не играла никакой исторической роли, то вопросъ этотъ не имѣетъ значенія. Достоверно одно, что она ни физически, ни нравственно не была похожа на официально признаннаго отца. За то, она многое унаслѣдовала отъ матери: суевѣріе, патріархальныя привычки, смягченныя нѣсколько новшествами Петра. Ея дѣдъ, Алексѣй Михайловичъ, хотя, повидимому, не былъ ей родственъ по крови, оставилъ ей въ наслѣдство упрямство, вкусъ къ представительству, къ роскошнымъ одеждамъ, къ роскоши церковныхъ церемоній, къ разговорамъ съ монахамъ; также страсть къ охотѣ и стрѣльбѣ въ дѣль. Страсть къ шутовству приближала ее къ Петру I. Иронія и духъ ужаснаго устроителя маскарадовъ оживали въ ея рѣчахъ и въ ея увеселеніяхъ съ той же грубостью и цинизмомъ. Увеселенія Алексѣя Михайловича все же имѣли болѣе тихій и приличный характеръ. Онъ любилъ *купать* своихъ стольниковъ въ коломенскомъ прудѣ, но интересовался бесѣдой съ людьми, видѣвшими свѣтъ.

Аня была типомъ истинной барыни-помѣщицы; лѣнивая, она иногда проявляла порывы энергіи; безъ всякаго воспитанія, хитрая, —мы видѣли ее въ дѣлѣ,—она была ограничена и скаредна. Въ Митавѣ она, полуголая, нечесаная, постоянно валялась на медвѣжьей шкурѣ, спала или мечтала. Она не употребляла воды для умыванія, а смазывала себя растопленнымъ масломъ. Сдѣлавшись государыней

---

<sup>1)</sup> Болтинъ.



она вдобавокъ стала румяниться. Въ 1738 г. она упрекала одну старуху, приглашенную къ ней ради болтовни, въ томъ, что у нея желтый цвѣтъ лица. Та отвѣчала: „Я уже не такъ слѣжу за собой, не крашусь и не сурмлю бровей“.— „Напрасно, можно не румяниться, но надо красить брови“. Анна заботилась о своей фигурѣ: „Что, развѣ я полиѣ Ржевской?“<sup>1)</sup>

Въ Москвѣ, она вставала между семью и восемью часами и проводила часа два въ разсматриваніи нарядовъ и драгоценностей. Въ девять часовъ начинался пріемъ министровъ и секретарей. Она подписывала бумаги, большею частью не читая ихъ, и отправлялась въ манежъ Бирона, гдѣ у нея было помѣщеніе. Она осматривала лошадей, давала аудіенціи, стрѣляла въ цѣль. Въ двѣнадцать возвращалась во дворець, обѣдала съ Биронами, не снимая утренняго костюма—длиннаго, восточнаго покроя платья, голубого или зеленаго цвѣта, и, въ видѣ головного убора краснаго платка, повязаннаго, какъ это дѣлаютъ мелкія мѣщанки въ Россіи. Послѣ обѣда она ложилась отдыхать рядомъ съ фаворитомъ,—госпожа Биронъ съ дѣтьми при этомъ скромно удалялась. Проснувшись, она открывала дверь въ смежную комнату, гдѣ ея фрейлины занимались рукодѣліемъ:

— Ну, дѣвки, пойте!

Начинался концертъ, блиставшій не качествомъ, а количествомъ, ибо пѣвицы должны были пѣть во весь голосъ и до тѣхъ поръ, пока не получатъ приказанія замолчать. Иногда онѣ доходили до полнаго изнеможенія, но рисковали получить пощечины и быть отправленными въ прачечную, еслибъ императрица замѣтила ихъ усталость. Когда она, наконецъ, благоволила велѣть имъ перестать, наступала очередь сказочницъ, сплетницъ, гадалщицъ, шутовъ и шутихъ. Мы увидимъ все это въ подробности, когда я буду говорить о нравахъ этого двора, теперь же я коснусь только личности и интимной жиз-

---

<sup>1)</sup> Русскій Архивъ, 1873.

ни самой царицы. Въ этомъ отношеніи поучительна ея переписка съ московскимъ губернаторомъ Салтыковымъ <sup>1)</sup>. О серьезныхъ вопросахъ въ ней рѣдко говорится. „Напишите“ ка мнѣ, женился ли Камергеръ Юсуповъ. Здѣсь говорятъ, что они разводятся и что онъ видаеть много женщинъ... Когда получишь это письмо, извѣсти меня по секрету, когда была свадьба Бѣлосельскаго, гдѣ и какъ. Какъ встрѣтила ихъ княжна Марія Теодоровна Куракина? Была ли она весела? Все мнѣ расскажи... Узнай, секретнымъ образомъ, про жену князя Алексѣя Петровича Апраксина. Прилично ли она себя ведетъ? Здѣсь говорятъ, что она очень пьетъ и что съ ней всегда Алексѣй Долгорукій“. Вотъ о чемъ заботилась Анна Іоанновна. Ей нравится сосватать людей, часто противъ ихъ воли, и любопытно узнать, какъ они живутъ. Остальныя порученія, даваемые ею Салтыкову, столь же мало относятся къ государственнымъ дѣламъ. Она поручаетъ ему прислать ей дочь князя Вяземскаго, „мнѣ ее рекомендовали, какъ бойкую на языкъ“. Это главная забота. Она ищетъ говоруній даже въ Персіи, Салтыкову же даетъ указанія о нужныхъ ей субъектахъ. „У вдовы Загряжской, Авдотьи Ивановны, живетъ одна княжна Вяземская, дѣвка, и ты се сыщи и отправь сюда, только, чтобъ она не испужалась; ты объяви ей, что я беру ее изъ милости, да дорогой вели ее беречь. Я беру ее для своей забавы—какъ сказываютъ, что она много говоритъ“. Эта должность не была пустою, такъ какъ съ рассказчицами было тоже, что съ пѣвицами. Вотъ разговоръ, записанный современникомъ;

— Говори, Филатовна, говори!

— Матушка, не знаю, что еще сказать...

— Говори, рассказывай про разбойниковъ <sup>2)</sup>.

Салтыкову было нелегко. То онъ долженъ былъ отыскивать скворца, слава котораго дошла до слуха ея величества, то достать

---

<sup>1)</sup> Изданная Кудрявцевымъ. Чтенія.

<sup>2)</sup> Русскій архивъ.

пѣсню, пѣвшуюся въ московскихъ кабакахъ и которой хотѣла насладиться ея величество. Являлось приказаніе государыни то заняться торжественной службой заупокойной обѣдни по царевнѣ Прасковѣ, то заказать раку на мощи святаго Сергія, то разобрать ссору между священниками и монахами, то закупить цѣлые вороха матеріи у московскихъ купцовъ. При этомъ Анна Іоанновна долго торговалась. Хорошая хозяйка, она слѣдила за стиркой бѣлья, боясь заразы—опасеніе очень распространенное тогда въ Россіи. Она обладала родственными чувствами, и Салтыковъ долженъ былъ доставать ей различные портреты родныхъ. Патріархальная въ отношеніяхъ со своими, она входила въ денежные затрудненія своего родственника Апраксина, изъ котораго, впрочемъ, сдѣлала шута, а также въ дѣла и шута по профессіи Балакирева. Она заботилась и о своемъ духовникѣ, сдѣлавшемся архимандритомъ въ Троицкой Лаврѣ.

Добрая? Да, по своему; но способная къ большимъ звѣрствамъ. Она была достойная племянница брата ея матери В. О. Салтыкова, который защищался отъ обвиненія жены, урожденной Долгоруковой, тѣмъ, что онъ не имѣлъ намѣренія бить ее до смерти. Говорятъ, что Анна велѣла повѣсить передъ своими окнами повара, за то, что онъ въ блины употребилъ не свѣжее масло. Достоверно, что она все свое царствованіе держала въ тюрьмѣ кіевскаго митрополита Ванатовича за очень незначительную вину, за забытый молебень <sup>1)</sup>. Авторъ очень интересныхъ „воспоминаній“, Карабановъ, рисуетъ намъ ее, гнѣвующуюся на шталмейстера Куракина, бывшаго посланника въ Парижѣ, за то, что, когда она дала ему попробовать французскаго вина изъ своего стакана, онъ вытеръ его, прежде, чѣмъ поднести къ губамъ.

— Негодяй! Ты брезгаешь мной! Позовите Ушакова!—Понадобилось заступничество Бирона, чтобъ избавить дипломата отъ встрѣчи со страшнымъ блюстителемъ порядка.

---

<sup>1)</sup> Карабановъ, *Воспоминанія*, Русская Старина, 1871 г.

Чтобъ придать настоящее значеніе этимъ фактамъ, надо ихъ вставить въ ихъ историческую рамку. Даниловъ въ своихъ запискахъ упоминаетъ одну свою родственницу, которая, садясь за свои любимыя бараньи щи, заставляла тутъ же, при себѣ, сѣчь кухарку, пока всѣ тарелки не были опорожнены. Страданья и крики несчастной придавали ей аппетитъ. Въ своей «Исторіи русской женщины», Шашковъ рассказываетъ, какъ княгиня Дарья Голицына встрѣтила пріѣхавшаго къ ней на дачу гостя, словами: „Какое счастье! А то я, отъ скуки, хотѣла велѣть сѣчь моихъ негровъ!“

Леди Рондо безъ сомнѣнія преувеличивала, представляя наслѣдницу Петра II-го, какъ примѣръ челоувѣколюбія, и увѣряя, что „въ ней было врожденное отвращеніе ко всему, что имѣло видъ жестокости“. Однако нельзя винить Анну лично за жестокости ея царствованія. Тогда Россія не выходила изъ борьбы. Боролись съ людьми и обстоятельствами. Отсутствие умственнаго развитія, преобладаніе грубой чувственности порождали насилія. Груба и чувственна была и вѣра людей того времени. Въ 1725 году Анна требовала у Салтыкова склянку масла изъ лампы, горѣвшей передъ гробницей царицы Маргариты Алексѣевны, сестры Петра I-го, постриженной въ монахини.

Избранница верховниковъ не была лишена ни здраваго смысла, ни юмора, въ духѣ Петра I-го. Когда казанскій архіепископъ оповѣстилъ ее о своемъ пріѣздѣ въ этотъ городъ 25 марта въ день Благовѣщенія, она отвѣчала: „Мы очень рады узнать, что Благовѣщеніе въ Казани, какъ и въ Петербургѣ, бываетъ въ названное вами число 1)“. По мнѣнію Екатерины II-ой, она была лучшей правительницей, чѣмъ Елизавета 2). Это, конечно, еще немного, но, кромѣ корреспонденціи съ московскимъ губернаторомъ, ея переписка

---

1) Костомаровъ, *Русская Исторія въ жизнеописаніяхъ ея дѣтей*.

2) Храповицкій, *Записки*.

съ Остерманомъ, напечатанная отрывками <sup>1)</sup>), стоитъ вниманія. Въ ней выясняется ея полное непониманіе дѣлъ, но невольно восхищаешься ея умѣньемъ представляться ихъ понимающей. Приходишь къ заключенію почти такому же, какъ и Щербатовъ <sup>2)</sup>): „Ограниченный умъ, никакого образованія, но ясность взгляда и вѣрность сужденія; постоянное исканіе правды; никакой любви къ похвалѣ, никакого высшаго честолюбія, поэтому никакого стремленія создавать великое, сочинять новые законы; но извѣстный методическій складъ ума, любовь къ порядку, забота о томъ, чтобы не сдѣлать что-нибудь слишкомъ поспѣшно, не посовѣтовавшись съ знающими людьми; желаніе принять самыя разумныя мѣры, достаточная для женщины дѣловитость—въ этомъ отношеніи Щербатовъ, можетъ быть, слишкомъ нетребователенъ,—любовь къ представительству, но безъ преувеличенія“. Эта характеристика была бы не дурна даже для такихъ государынь, о которыхъ сохранилась не плохая память въ исторіи. Прибавьте къ этому, что Анна вступила на престолъ послѣ многихъ перенесенныхъ непріятностей, съ ея отъ природы грубымъ темпераментомъ, въ такое время, когда для сохраненія этого престола ей необходимо было прибѣгнуть къ крутымъ мѣрамъ, оправдываемымъ нравами той эпохи. При постоянной неувѣренности и безпокойствѣ она нуждалась въ развлеченіяхъ, грубыхъ, какъ все окружающее, соотвѣтствующихъ ея воспитанію и семейнымъ традиціямъ.

Сначала страстно любила она верховую ѣзду, потомъ увлеклась стрѣльбой въ цѣль. Во всѣхъ углахъ дворца у нея подъ рукой были заряженныя ружья. Она изъ оконъ стрѣляла въ птицъ, наполняла комнаты трескомъ и дымомъ, требуя, чтобъ и ея придворныя дамы дѣлали то же. Въ ея конюшнѣ было 379 лошадей. Одно время она увлеклась также голландскими волчками, для чего изъ Амстердама выписывались цѣлые ящики бечевокъ <sup>3)</sup>).

<sup>1)</sup> *Восемнадцатый вѣкъ.*

<sup>2)</sup> *Собраніе сочиненій.*

<sup>3)</sup> Карновичъ, *Историческіе рассказы.*

Пословица: „скажи мнѣ: съ кѣмъ ты знакомъ, и я тебѣ скажу кто ты“, не очень лестна для Анны. Ея главная статсъ-дама и большая фаворитка, Анна Θεодоровна Юшкова, была судомойка, ходившая босикомъ, среди низшей прислуги дворца. Анна приблизила ее къ себѣ, выдала ее замужъ за родственника своего предполагаемаго отца, но не цивилизовала ее. Веселая, „затѣйница“, любившая неприличные разговоры, Юшкова развлекала царицу въ длинные зимніе вечера, и стригла ногти ея величеству, Вирону и его семьѣ. Она и другая бывшая судомойка, Маргарита Θεодоровна Манахина, вмѣстѣ съ веселой и предприимчивой княгиней Аграфеной Александровной Щербатовой составляли интимный кружокъ государыни. Съ мужской стороны главную роль играли шуты и скоморохи, и у Анны была привычка и даже система вводить въ ихъ число лицъ изъ высшей аристократіи. Впослѣдствіи я укажу грустные примѣры этого. Теперь я долженъ перейти къ главному, самому близкому человѣку этого кружка, распоряжавшемуся имъ полновластно, даже во всевозможныхъ мелочахъ.



## II.

12-го февраля 1718 г., въ бытность Анны, тогда еще герцогини курляндской, въ Анненгофѣ, близъ Митавы, произошло событіе, казавшееся не важнымъ, но, впоследствии, имѣвшее громадное значеніе, какъ для будущей императрицы, такъ и для всей Россіи. Во время болѣзни Петра Михайловича Бестужева герцогиня Анна принесла бумаги для подписи мелкій чиновникъ. Она велѣла ему приходить каждый день. Черезъ нѣсколько времени она сдѣлала его своимъ секретаремъ, потомъ камергеромъ.

Его звали Эрнестъ-Іоаннъ Бюревъ.

Я написалъ это имя такъ, какъ оно писалось въ то время и какъ должно писаться, ибо ничего не оправдываетъ употребляемое всюду правописаніе „Виронъ“, развѣ только претензіи фаворита или ошибочное правописаніе его по-русски. Бюренъ (Bühren) превратился по-русски въ Бирена; отсутствіе подходящихъ буквъ или графическихъ знаковъ на мѣстномъ языкѣ дало поводъ замѣнить ихъ приблизительно фонетически близкими; то же дѣлаемъ и мы, французы, съ русскими именами. Такимъ же образомъ *de Maly* могъ превратиться въ Россіи въ герцога *de Mailly*.

Нѣкоторые біографы сомнѣваются въ характерѣ отношеній, установившихся въ то время между молодой женщиной и этимъ пришельцемъ. Они выдумали какое-то *Wahlverwandschaft* платоническаго свойства душъ, основываясь на горячей привязанности Анны къ жегѣ фаворита и его дѣтямъ<sup>1)</sup>. Но другія соображенія объясняютъ эту послѣднюю любовь тѣмъ, что дѣтей этихъ г-жа Бюревъ только выдавала за своихъ. Она привязывала себѣ подушки на животъ, когда

---

<sup>1)</sup> Berthold, *Anna Ioannovna*, Historisches, Taschenbuch.

была беременна ея госпожа. Въ истинномъ положеніи вещей нельзя бы было сомнѣваться, еслибъ былъ вѣренъ рассказъ объ истопникѣ, произведенномъ въ дворяне за то, что каждое утро, онъ, входя въ спальню государыни, не только ей, но и фавориту, цѣловаль ноги. Его звали Алексѣй Милютинъ, и его правнукъ, знаменитый военный министръ, имѣеть въ своемъ гербу много говорящія три печныя вьюшки.

Это, впрочемъ, безразлично для опредѣленія нравственности Анны Іоановны, такъ какъ достовѣрные любовники ея считаются дюжинами. Было ли тутъ сродство душъ или что другое, она глубоко любила Бюрена и не скрывала этого. Доказательствомъ можетъ служить сообщеніе Маньяна отъ 13 іюля 1731 г. „Переѣхавъ прошлое воскресенье изъ дворца на новую дачу, построенную наскоро въ три мѣсяца, гдѣ апартаменты канцлера (Бюрена) смежны съ ея покоями, царица общала быть въ среду на банкетѣ у княгини Ромодановской... Ея величество уже сѣла въ экипажъ, чтобы отправиться туда, когда лошадь, на которую сѣлъ господинъ Бюренъ, чего-то испугавшись, сбросила его на землю. По счастью, онъ отдѣлался легкимъ ушибомъ ноги; тѣмъ не менѣе, царица такъ обезпокоилась, что вышла изъ кареты и послала сказать княгинѣ Ромодановской, чтобъ ея не ждали. Нельзя выразить всю силу впечатлѣнія, произведеннаго этимъ случаемъ на старыхъ бояръ.

Родившійся въ 1690 году, фаворитъ былъ третьимъ сыномъ вышедшаго въ отставку польскаго офицера. Его семья, вышедшая изъ Вестфаліи, поселилась въ Курляндіи, гдѣ владѣла уже давно имѣніемъ Кальпцею<sup>1)</sup>. Такъ какъ по мѣстнымъ законамъ могли владѣть землею только дворяне, то Бюрены, изъ-за владѣнія этимъ имѣніемъ, считали себя дворянами. Они хвастались также подлиннымъ гербомъ, приобрѣтеннымъ въ Вестфаліи, гдѣ они породнились

---

1) Въ Курляндіи много имѣній этого названія, т.-к. Кальпцей значитъ „горная деревня“.



съ нѣкоторыми аристократическими семьями, съ Ламсдорфами, Берами, Турновыми <sup>1)</sup>). Когда Анна Иоанновна захотѣла официального признанія дворянства канцлера, ей въ этомъ было отказано, и Бюренъ сдѣлался герцогомъ Курляндскимъ, не бывши дворяниномъ. Города, Митава на востокъ и Либава на западъ, со временемъ отнесли къ нему спсходительно; но земельная аристократія до конца возставала противъ этого выскочки.

Бюренъ провелъ буйную молодость. Бывши студентомъ въ Кёнигсбергѣ, онъ два раза сидѣлъ въ тюрьмѣ за участіе въ кражѣ и за незапленные штрафы. Въ 1714 г. онъ пріѣхалъ въ Петербургъ и старался устроиться при дворѣ принцессы Софіи Шарлотты, жены царевича Алексѣя, но для этого его нашли слишкомъ низкаго происхожденія. Онъ удостоился большаго вниманія, когда десять лѣтъ спустя провожалъ Анну въ Москву на коронацію Екатерины I-ой; онъ пріобрѣлъ нѣкоторыя связи, и его познанія по конской части были одѣнены императрицей. Въ виду его грубаго и рѣзкаго характера о немъ говорили впослѣдствіи, что онъ бесѣдуетъ съ лошадьми, какъ съ людьми, а съ людьми, какъ съ лошадьми. Говорили также, что онъ былъ конюхомъ, но это не видно изъ его біографіи. Въ 1723 году Анна женила его на Бенигнѣ фонѣ Тротта-Трейденъ, выборъ который можетъ быть объясненъ не только уступчивостью послѣдней, такъ какъ кромѣ довольно представительнаго рода въ ней не было ничего привлекательнаго: она была необычайно безобразна, столь же глупа, болѣзненна, изъѣдена оспой и съ большими претензіями.

Средняго роста, хорошо сложенный, Бюренъ показался Казанову, видѣвшему его уже въ пожилыхъ годахъ, старикомъ, бывшимъ когда-то красавцемъ <sup>2)</sup>). Портретъ Соколова, не конченный изъ-за отъѣзда Бюрена въ Сибирь, изображаетъ жестокое, повелительное лицо съ но-

---

<sup>1)</sup> *Русская родословная книга*, 1873 г.

<sup>2)</sup> *Mémoires*.

сомъ хищной птицы, удивлявшимъ посѣтителей герцогскаго склепа въ Митавѣ, гдѣ набальзамированный трупъ фаворита открыто показывался еще недавно.

Сибирь ждала этого счастливица, которому суждено было двадцать два дня быть регентомъ Россіи и двадцать два года узникомъ. Онъ, говорятъ, придавалъ значеніе цифрѣ 2 въ своей жизни. Его представляли грубымъ неучемъ, распространявшимъ вокругъ себя запахъ конюшни, съ подходящими къ этому привычками, съ отсутствіемъ всякихъ правилъ. Такую передачу можно оспаривать. По части образованія, женщины семьи Бюренъ, не исключая и Бенигны, стояли выше мужчинъ: онѣ уже происходили не изъ семьи коноховъ. Доказательствомъ можетъ служить переписка матери фаворита, урожденной фонъ-деръ-Раабъ, и его жены, сохраняющаяся въ московскихъ архивахъ. Бенигна и ея дочери рисовали и производили прекрасныя женскія рукодѣлья. Въ изгнаніи онѣ вышивали на матеріяхъ изображенія обывателей Сибири и ихъ сельскихъ занятій. Одна комната Митавскаго дворца до сихъ поръ обита этими издѣліями. Бенигна въ тоже время сочинила цѣлое собраніе религіозныхъ стихотвореній, напечатанныхъ въ Митавѣ въ 1773 году, подъ заглавіемъ „Eine grosse Kreuzträgerin“. Когда игра счастья вернула Бирона въ его герцогство, послѣ потеряннаго въ Россіи положенія, Эрнестъ Іоаннъ Бюренъ не ударилъ лицомъ въ грязь. Онъ лучше справлялся съ Сеймомъ, чѣмъ его сынъ Петръ, въ пользу котораго онъ отказался отъ герцогской власти. Въ Петербургѣ, во время величія, онъ обладалъ прекрасной библіотекой, гдѣ проводилъ много времени.

По пріѣздѣ въ Россію сухость его сердца, пріобрѣтенная вслѣдствіе дурныхъ отношеній со знатію Курляндіи, при столкновеніи съ политическими нравами страны обратилась въ жестокость, въ ненависть къ людямъ и ко всему аристократическому. Борьба Анны съ олигархической партіей еще болѣе развила эту сторону его характера. Пострадавшій еще болѣе отъ бѣдности, чѣмъ отъ укуловъ самолюбія, Бюренъ былъ еще болѣе скупъ, чѣмъ жестокъ. Еврей

Липманъ служилъ ему посредникомъ для разныхъ темныхъ дѣлъ, между которыми было и ростовщичество <sup>1)</sup>). Онъ далъ этому мошеннику титулъ придворнаго комиссіонера и допустилъ его въ совѣты, гдѣ засѣдали министры, государственный секретарь и президентъ коллегіи. Онъ позволилъ ему, вмѣстѣ съ другимъ евреемъ Биленбахомъ, обратить его переднюю въ лавку, гдѣ торговали мѣстами и милостями. Такимъ образомъ, онъ способствовалъ укорененію въ высшемъ управленіи привычекъ, хотя и не чуждыхъ ему прежде, но привившихъ теперь болѣе широкій размахъ.

Бюренъ завѣдывалъ верховнымъ управленіемъ равнѣе, чѣмъ получилъ на это офиціальное право. Во все время царствованія Анны онъ офиціально этого права не имѣлъ. Именуясь герцогомъ Курляндскимъ съ 1737 года, въ Россіи онъ былъ только *фаворитомъ*. Но этотъ послѣдній титулъ издавна влекъ за собою болѣе или менѣе сильную власть, а при темпераментахъ Анны и Бюрена, власть послѣдняго достигла такой силы, что только могущество Потемкина могло сравниться съ нею. Письмо изъ Петербурга, писанное 30 декабря 1738 года, даетъ объ этомъ понятіе:

„Царица часто страдаетъ подагрой и скорбутомъ; хотя бы она имѣла гениальныя способности къ дѣламъ и любовь къ труду, ей все же невозможно бы было царствовать самой. Потому она, собственно, занимается только своими удовольствіями... Въ управленіи она предоставляетъ свое имя своему милому герцогу Курляндскому. Графъ Остерманъ кажется только по виду помощникомъ герцога. Правда, герцогъ совѣтуется съ нимъ... но не довѣряетъ ему и слѣдуетъ его совѣтамъ, когда ихъ одобряетъ... Липманъ. Можно сказать, что этотъ жидъ править Россіей <sup>2)</sup>).

---

<sup>1)</sup> *Русскій архивъ*, 1891. Паузые, Русская Старина.

<sup>2)</sup> Напечатанное въ *Сборникъ XV*, какъ перепечатка изъ *Дрезденскихъ архивовъ* безъ имени автора. Это письмо находится въ парижскомъ хранилищѣ пабережной Орезъ, какъ прибавленіе къ письму маркиза Мирпуа (отъ 13 марта 1739 г.).

Соучастникъ Липмана былъ избранъ герцогомъ Курляндскимъ подъ давленіемъ вѣсколькихъ русскихъ полковъ, посланныхъ въ Митаву послѣ смерти Фердинанда (23 апрѣль) (3 мая 1737 г.) подъ предводительствомъ полковника Бисмарка, подлиннаго предка „желѣзнаго канцлера“. Съ этимъ авантюристомъ мы еще встрѣтимся. Засѣдая подъ тѣныю штыковъ и передъ жерлами пушекъ, Курляндскій сеймъ показалъ при избраніи Бюрена столько же кротости и послушанія, сколько было въ немъ энтузіазма при избраніи Морица. Польша не протестовала, и грамота объ избраніи отъ 2 (13) іюня 1737 г. была утверждена Августомъ III 13 іюля того же года<sup>1)</sup>. Только Тевтонскій Орденъ заявилъ возраженія, такъ какъ желалъ получить герцогство въ свое владѣніе; его великій мастеръ, курфюрстъ Кёльнскій, подалъ жалобу въ Регенсбургскій Сеймъ. Бюренъ не обратилъ на это никакого вниманія. Онъ остался въ Петербургѣ, и управляемая издали страна привыкла къ своему положенію, плодъ созрѣвалъ на деревѣ, оторванномъ отъ родной почвы—Польши. Фаворитъ получилъ титулъ высочества отъ императора Карла VI, также имѣлъ ордена Александра Невскаго и Андрея Первозваннаго. Онъ превратился также въ *Бирона*, что любезно допустилъ глава французскихъ Бирововъ, Арманъ-Карль де-Гонтанъ, герцогъ Биронъ. „Онъ не могъ найти лучшаго имени въ Европѣ“. Если вѣрить Маньяву, его вѣнскій и берлинскій коллеги были еще любезнѣе, дѣлая руки фаворита и выпивая за его здоровье, стоя на колѣняхъ<sup>2)</sup>. Стоитъ-ли человѣкъ, столь избалованный судьбой, окруженный такимъ низкопоклонствомъ зависимыхъ отъ него людей, стоитъ-ли онъ тѣхъ обвиненій, которыми осыпали его же прислужники послѣ его паденія?

---

1) Шуйскій. *Исторія Польши*, Gebhardi, *Geschichte Kur-lands*. Графъ Кейзерлинъ, издатель переписки фаворита съ русскимъ посланникомъ въ Польшѣ, говоритъ противъ принужденія военной властью, но не приводитъ доказательствъ въ свою пользу.

2) 5 апрѣля 1732 г.

Я этому не вѣрю и мнѣ не требуется подтвержденія отъ его нѣмецкаго біографа Сиверса, говорящаго: „Нѣмецъ все дѣлаетъ обстоятельно, *gründlich*; въ дурномъ обществѣ онъ самый дурной; вслѣдствіе этого многіе вестфальцы или саксонцы въ Россіи сдѣлались негодяями“<sup>1)</sup>. Обращусь къ свидѣтельству въ пользу обвиняемаго самой исторіи царствованія, во время котораго онъ, по мнѣнію его же обвинителей, пользовался полной властью, не заставляя страдать жизненныхъ интересовъ страны. Недавно напечатанные отрывки его корреспонденціи<sup>2)</sup>, указываютъ черты его нравственнаго облика, неподозрѣваемые его біографами, хотя послѣдніе и приводятъ факты, когда, какъ напр. въ приключеніи съ Куракинымъ, (см. выше) Биронъ побуждалъ Аяну къ снисхожденію и милосердію. Никто не зналъ меланхолическаго и разочарованнаго Бюрена, писавшаго въ 1736 году: „Богъ свидѣтель, что жизнь тяготитъ меня насколько возможно. Годы, немощи, государственныя заботы, горести и труды все увеличиваются, и я вижу, что освободить меня можетъ только смерть“. Далѣе: „Вся тяжесть дѣлъ падаетъ на меня, Остерманъ въ постели, а все должно идти своимъ чередомъ“. Если ему вѣрить, уйти изъ міра и окончить жизнь въ уединеніи было его ежедневнымъ горячимъ желаніемъ. Принять такія выраженія за чистую монету было-бы наивно. Но на нѣкоторыхъ ступеняхъ моральной лѣстницы—а здѣсь мы находились на самой низшей—лицемѣріе есть уже добродѣтель, такъ какъ показываетъ нѣкоторый стыдъ. Что фаворитъ не былъ великимъ государственнымъ человѣкомъ, не былъ даже просто честнымъ человѣкомъ, не подлежитъ сомнѣнію. Мы видѣли его, занимающимся ростовщичествомъ, и это еще не худшее. Но онъ не былъ чудовищемъ, гнуснымъ и глупымъ звѣремъ, какимъ его изображаютъ даже его соотечественники<sup>3)</sup>.

<sup>1)</sup> Blum, Ein o R u s s i s c h e r S t a a t s m a n, *предисловіе*.

<sup>2)</sup> Сборникъ, XXXIII.

<sup>3)</sup> Kleinschmidt, Russlands Geschichte und Politik.

Онъ не былъ блестящимъ регентомъ: смѣшно и глупо, какъ онъ далъ поймать себя врасплохъ и развѣнчать. Но и Меншиковъ, безъ сомнѣнія, умный и сильный, не избѣжалъ той же участи. Положеніе этихъ людей зависѣло отъ законовъ неустановившагося равновѣсія. Какъ бы они ни подымались, ихъ положеніе могло измѣниться отъ легкаго толчка.

Взвѣсивая обстоятельства, я думаю, что главная вина фаворита въ томъ, что онъ былъ нѣмецъ. Какъ ни исключительно тяжела была для Россіи *бироновщина*, думаю, что она не взяла бы перевѣса надъ *еоефанщиной*, какъ называлъ одинъ историкъ церковное управленіе честолюбиваго епископа, которому воцареніе Анны развязало руки <sup>1)</sup>. У нѣмца дѣйствительно была нестерпимо высокомерная, тираническая и дерзкая манера обращенія. Сенаторы не могли не относиться къ нему враждебно, когда, напримѣръ, по поводу того, что его растрясло при проѣздѣ на одномъ мосту, онъ сказалъ, что положить ихъ, сенаторовъ, подъ колеса своего экипажа<sup>2)</sup>. Ему вредила также его семья. Разодѣтая, въ платьяхъ, стоящихъ сто тысячъ рублей, съ брилліантами, цѣнностью въ милліонъ, жена его принимала гостей, сидя на подобіи трона и обижалась, когда ей цѣловали одну руку, а не обѣ <sup>3)</sup>. Забава его дѣтей заключалась въ томъ, чтобы поливать чернилами платья гостей и снимать съ ихъ головъ парики. Старшій сынъ, Карлъ, имѣлъ привычку бѣгать по заламъ съ бичемъ въ рукахъ и хлестать имъ по икрамъ тѣхъ, кто ему не нравился. Старому князю Бяратинскому, главнокомандующему и всѣми уважаемому человѣку, выразившему неудовольствіе по поводу такого обращенія съ нимъ, фаворитъ отвѣчалъ: „Можете не появляться больше ко двору. Подайте въ отставку, она будетъ принята“. Въ Малороссіи, гдѣ долгое время была главная

---

1) Корсаковъ, *Воцареніе Анны I.*

2) Щербатовъ, *Собраніе сочиненій.*

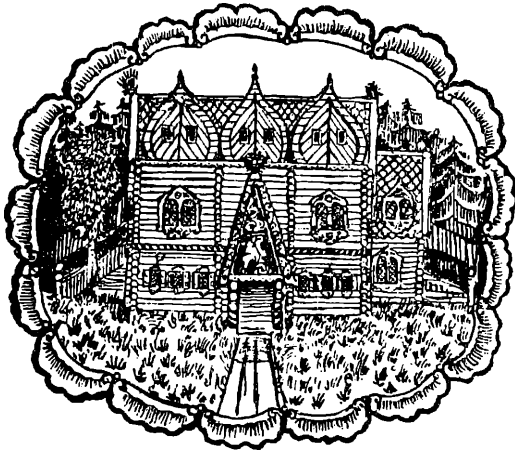
3) Хмыровъ, *Графиня Головкина.*

квартира, старшій братъ Вирона, Карль, вель жизнь сатрапа: у него былъ сераль, куда вооруженной силой приводили дѣвушекъ и молодыхъ женщинъ, и псарня, гдѣ крестьянки должны были грудью кормить щенятъ <sup>1)</sup>). Но, впоследствии, Потемкины и Зубовы поступали почти также, а были популярны, въ особенности первый. Они не были нѣмцы. Дурно обращаясь съ людьми, они не говорили имъ съ презрѣніемъ: „Вы, русскіе“... Виронъ не позаботился даже изучитъ языкъ презираемой ихъ страны, не понимая ея величія, которымъ, однако, первый пользовался. А русскіе того времени, какъ и нынѣшніе, не достаточно признавали историческую необходимость вліянія иностранцевъ на судьбу ихъ родины.

Я уже касался этого щекотливаго вопроса, но долженъ возвратиться къ нему на порогѣ эпохи наибольшаго вліянія нѣмцевъ, когда дѣйствительно всѣ высшія должности были какъ бы завоеваны представителями этой націи...

---

1) Чтенія Общества изученія исторіи.



### III.

Неспособность національнаго элемента этой страны собственными силами выдвинуть и использовать средства, данныя ему природой и исторіей, неспособность его и въ настоящій моментъ эксплуатировать ихъ въ ихъ совокупности, безъ помощи иностранцевъ, составляетъ неопровержимый историческій фактъ. Громадность и трудность задачи исключаютъ, конечно, всякое унижительное толкованіе этого явленія. Племя, владѣющее наибольшимъ въ свѣтѣ континентальнымъ пространствомъ, сумѣвшее сохранить и старающееся увеличить его, племя состоящее изъ ста тридцати милліоновъ людей, нельзя считать низшимъ по отношенію къ другимъ племенамъ. Пострадавшіе отъ его стремленія къ расширенію должны бы были подтверждать это, ибо нельзя возвеличить себя, унижая побѣдителей. Но и Римъ не завоевалъ міръ безъ помощниковъ. Система Петра выписывать иностранцевъ имѣетъ основаніе въ далекой старинѣ. Присутствіе и значеніе, даже количественное, контингента иностранцевъ, въ разное время поглощенныхъ страной, видны изъ постепеннаго роста правящихъ классовъ, изъ генеалогіи знатныхъ родовъ. Судя по Бархатной книгѣ, названной такъ изъ-за ея переплета и хранящейся въ департаментѣ, большинство герольдій дворянскихъ семей происходятъ отъ иностранныхъ пришельцевъ, въ разное время поступавшихъ на службу къ Кіевскимъ, Тверскимъ, Рязанскимъ, Московскимъ и Новгородскимъ князьямъ. Болѣе того, по той же книгѣ, кромѣ потомковъ Рюрика, ни одна семья не можетъ похвалиться мѣстнымъ происхожденіемъ. Ихъ родоначальники, безо всякаго сомнѣнія черкесы, литовцы, прусаки, волянцы, галичане, нѣмцы, татары, шведы Предки Салтыковыхъ, Морозовыхъ и Шереметьевыхъ—прусаки; Ап-



раксинныхъ и Урусовыхъ—татары; Толстыхъ—нѣмцы; Головкиныхъ—греки. Начальники не приходили одни! нѣмецъ Индрисъ, отъ котораго происходятъ Толстые, по слухамъ, привелъ съ собой дружину въ 2000 человекъ. Изъ числа незаписанныхъ въ Золотой книгѣ дворянъ Орловы происходятъ отъ нѣмца Лео; Новосильцевы отъ шведа Шалэй; Блудовы отъ венгерскаго эмигранта.

Эти свѣдѣнія нельзя, конечно, принять безъ оговорокъ. Странное самолюбіе людей размножало гипотезы, даже фантастическія выдумки. Среди двора и общества, гдѣ преобладало иностранное вліяніе, казалось выгодно предписывать себѣ такого рода происхожденіе. Это было своего рода *снобизмомъ*, какъ кажется, существующимъ до сихъ поръ также и въ промышленномъ классѣ. Лѣтъ десять тому назадъ, въ Петербургѣ, разбиралось дѣло противъ крестьянина Тульской губерніи, ложно присвоившаго себѣ полуанглійское имя *Викторсонъ*. Онъ объяснилъ, что съ этимъ именемъ ему легче было сбывать продаваемые папиросы.

Эту черту нельзя отрицать. Въ арміи, даже въ духовенствѣ, многія извѣстныя личности были иностраннаго происхожденія. Авраамъ Палицынъ, извѣстный во время самозванцевъ келарь Сергіевской Лавры, былъ полякъ. Изъ 43-хъ, назначенныхъ съ 1700 года фельд-маршаловъ,—за исключеніемъ царствующаго рода, такъ же, какъ извѣстно не русскаго, — 13 были недавніе русскіе подданные, 12 — иностранцы или балтійскіе нѣмцы; 6 Рюриковичей, болѣе или менѣе доказаннаго норманскаго происхожденія; 6 — потомковъ литовскаго Гедимина и 4 малоросса. Только двое Шуваловыхъ были русскаго происхожденія. Предки Суворова были шведы, Потемкина — поляки. Князь Голенищевъ Кутузовъ, герой 1812 года, происходилъ отъ нѣмцевъ, предковъ его отца и даже матери, урожденной Беклемишевой. Мать защитника Москвы отъ поляковъ, князя Пожарскаго, была изъ той же семьи. При Аннѣ Іоанновнѣ три гвардейскіихъ полка были подъ начальствомъ трехъ нѣмцевъ и одного англичанина: фельдмаршала Мюниха, князя Брауншвейгскаго, Густава Бю-

рена и генерала Кейта. Пробѣгая списки высшихъ сановниковъ, отъ Анны Иоанновны до нашихъ дней, мы видимъ татаръ, какъ князь Черкасскій, шотландцевъ, какъ Бестужевъ-Рюминъ, настоящее имя котораго было Бестъ, итальянцевъ, какъ Панинъ, у котораго были родственники въ Луккѣ, малороссовъ, какъ Безбородко и Кочубей; за симъ множество нѣмцевъ: Остерманъ, Нессельроде, мать котораго была португальской жидовкой,—только двухъ чисто-русскихъ: Головкина и Румянцева—и одного Рюриковича—Горчакова.

Движеніе интеллектуальное имѣетъ такой же источникъ. Въ семнадцатомъ вѣкѣ оно исходило изъ Польши; Симеонъ Полоцкій, основатель школъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича, былъ родомъ изъ Польши. Молдавія подарила Россію временъ Петра Великаго ея единственнымъ поэтомъ Кантеміромъ. Ломоносовъ, явившійся въ слѣдующую за нимъ эпоху, былъ чисто русскій, но Державинъ самъ воспѣлъ въ стихахъ свое татарское происхожденіе. Предки Сумарокова были изъ Швеціи, Хераскова изъ Валахіи, Болтина изъ Крыма. Фонвизинъ не могъ скрыть своего нѣмецкаго имени, а Карамзинъ гордился своимъ происхожденіемъ отъ какого-то степного Кара Мурзы или Чернаго Мурзы. Предокъ Грибоѣдова былъ Грибовскій, призванный изъ Польши, чтобы участвовать въ предпринимаемомъ, во время Алексѣя Михайловича, сводѣ законовъ. Жуковскій, какъ извѣстно, былъ сынъ рабыни турчанки и обрусѣвшаго поляка, Бунишевскаго, сдѣлавшагося въ Россіи Бунинымъ. Лермонтовъ, не извѣстно съ какимъ основаніемъ, вздыхалъ по *Leamouth-Tower* въ Шотландіи, будто бы принадлежавшемъ его предкамъ; мать же его была татарка. Малороссъ Гоголь признавалъ своимъ родоначальникомъ поляка, дворянина Яновскаго, основавшагося въ Украйнѣ. Къ африканской крови Пушкина присоединялась и кровь нѣмца, авантюриста тринадцатаго вѣка <sup>1)</sup>).

Отъ семнадцатаго до девятнадцатаго вѣка, по крайней мѣрѣ, эти

---

1) Карновичъ, *Родовые имена и званія въ Россіи*.

иностранцы дѣйствительно держали въ рукахъ то, что составляло величіе и силу Россіи. Они ли одни создали эту силу и это величіе? Конечно, нѣтъ! По сознанію самихъ нѣмцевъ, богатства, находимыя ими въ странѣ, горизонты, открывавшіеся передъ ними, удесетерили врожденныя способности Остермановъ и Миниховъ. Нѣкоторые изъ нихъ даже весьма неблестяще выступали ранѣе въ другихъ странахъ. Такъ было съ побѣдителемъ Давцига; я скоро покажу его борящимся съ Бирономъ, поэтому долженъ теперь обрисовать личность третьяго дѣйствующаго лица, такъ какъ Остерманъ уже достаточно извѣстенъ читателямъ.

Минихъ, которому Петръ Великій поручилъ постройку каналовъ, принадлежалъ къ крестьянской семьѣ, жившей въ Вюстелавдѣ, болотистомъ мѣстечкѣ въ Ольденбургскомъ графствѣ, и изъ рода въ родъ занимавшейся ремесломъ—осушеніемъ болотъ. Однако его отецъ, дослужившійся въ датской арміи до чина подполковника, получилъ дворянское достоинство. Въ 1699 году сынъ его, шестнадцати лѣтъ, поступилъ въ военные инженеры во Франціи, перешелъ въ гессенское войско, чтобы скорѣе сдѣлаться майоромъ, сражался со своими прежними товарищами при Евгении Савойскомъ и Мальборугѣ, а, послѣ Уденарда, оказался плѣннымъ вмѣстѣ съ ними. Водворенный въ Камбрѣ, онъ впослѣдствіи заявлялъ, что въ это время познакомился съ Фенелономъ и передавалъ—можетъ быть выдуманные,—разговоры, доставившіе ему „лучшія минуты въ жизни“.

Въ 1716 году, онъ уже состоялъ генераломъ на службѣ Августа II, но былъ недоволенъ и колебался между Петромъ I и Карломъ XII, которые, какъ ему казалось, могли лучше оцѣнить его. Смерть шведскаго героя невольно заставила его направить свои стопы къ Петербургу.

Несмотря на его величественную осанку и воинственный видъ, его услугъ не потребовали въ персидскую войну, но въ 1723 году, по рекомендаціи Брюса, ему было поручено докончить неудачно на-

чагую постройку Ладожскаго канала. Съ 1710 г. русскій строитель Писаревъ, протежѣ Меншикова, изъ 104 верстѣ проентированной длины канала, успѣлъ выкопать только десять, и эта работа его омазалась негодной. Нѣмецъ обѣщаль большій успѣхъ, но заручился формальнымъ условіемъ и должностію генераль фельдцейхмейстера. Для полученія большаго онъ долженъ былъ дожидаться смерти Меншикова. Тогда, въ царствованіе Петра II, онъ получилъ губернаторство Ингерманландіи и Финляндіи и чинъ командующаго находящимися тамъ войсками. При коронаціи молодой царь пожаловалъ ему графское достоинство, и, когда былъ оконченъ Ладожскій каналъ, его сдѣлали губернаторомъ Петербурга. Елизавета, желавшая пристроить одного изъ покровительствуемыхъ ею поручиковъ, не была чужда этому избранію <sup>1)</sup>).

Минихъ стремился къ командованію артиллеріей. Не находя другихъ средствъ для достиженія этой цѣли, онъ женился на вдовѣ гофмаршала Салтыкова, имѣвшей семейныя связи. Она доставила ему, кромѣ желаемаго, еще и предсѣдательство въ Военной Коллегіи. Онъ создалъ два новыхъ полка, Измайловскій и Конногвардейскій, отдѣлилъ инженерное вѣдомство отъ артиллерійскаго, основалъ кадетскій корпусъ, снискалъ большую популярностъ между русскими, уравнивалъ жалованье въ арміи, гдѣ, со временъ Петра Великаго, иностранцы получали двойное содержаніе.

Биронъ хотѣлъ сначала воспользоваться такой популярностію, чтобы противопоставить Остерману его соотечественника. Онъ представилъ президенту Военной Коллегіи право засѣдать въ *Кабинетѣ*, новомъ, созданномъ Анной органѣ управления. Но онъ скоро раскаялся въ этомъ. Минихъ вовсе и не думалъ помогать фавориту противъ его нѣмецкаго противника. Честолюбіе этого кондотьера разгоралось все больше и больше. Пришлось скоро убѣдиться, что вмѣстѣ съ небольшимъ талантомъ въ немъ была стихійная сила, игравшая

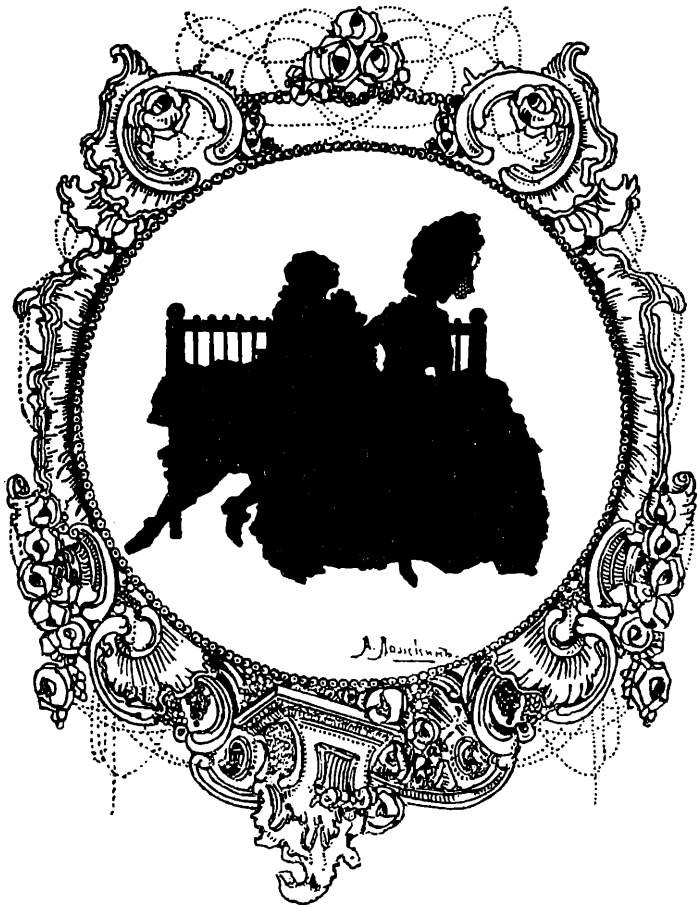
---

<sup>1)</sup> Карабановъ, *Воспоминанія, Русская Старина, 1871 г.*

препятствіями, особенно дѣятельная тамъ, гдѣ не надо было считаться ни съ людьми, ни съ вѣшними обстоятельствами, какъ въ странахъ молодыхъ, гдѣ эта сила могла совершать чудеса. У Минника было мало знаній и хитрости. Желая показаться свѣтскимъ человекомъ, онъ былъ смѣшевъ. Въ политикѣ онъ дѣлалъ неловкости. На войнѣ онъ побѣждалъ, но съ большими потерями. Одинъ убитый турокъ стоилъ ему трехъ русскихъ. Но никто не умѣлъ, какъ онъ, пренебрегать страданіями и человѣческой жизнью и заставлять другихъ приносить себя въ жертву. Онъ не щадилъ ни себя, ни другихъ.

Занятый интригами или ошибаясь въ немъ, Биронъ думалъ извлечь пользу изъ его рѣшительности и энергіи, но Минникъ дѣйствовалъ локтями, бѣсновался, такъ всѣхъ подмывалъ, что вѣшняя политика Анны была обусловлена отчасти желаніемъ избавиться отъ такого мѣшавшаго всѣмъ субъекта. За это взялись Лёвенвольды,—ихъ было трое и они занимали важныя мѣста при дворѣ и посольствахъ. Минника послали сначала въ Польшу противъ Лещинскаго, потомъ въ Крымъ противъ турокъ. Онъ много истребилъ народа, выигралъ нѣсколько сраженій, стоимшихъ дорого и ничего не принесшихъ.

Соперничества, за которыя платила Россія, много способствовали ненависти, направленной противъ фаворита, и отвращенію, возбуждаемому управленіемъ, носившемъ его имя. Стараясь разсмотрѣть и указать характеристическія черты этой главы національной исторіи, я надѣюсь дать возможность читателю лично принять ту или другую сторону въ распрѣ, угрожающей еще не скоро кончиться.



## Г Л А В А IX.

### **Внутренняя политика царствованія.—Нѣмцы у власти.**

I.—Организація новаго правительства.—Сенать.—Кабинетъ.—Олигархія, состоящая изъ иностранцевъ.—Остерманъ и Биронъ.—II. Административныя реформы.—Возвращеніе къ программѣ Петра Великаго.—Переѣздъ въ Петербургъ.—Законодательство и юстиція.—Реформа и традиція.—Утилитарный характеръ уголовного процесса.—Одиссея Ваньки Каина.—Жестокость.—Высшая и административная полиція.—Бѣдность послѣдней.—Пожары.—Нищенство.—Разбой.—Медицинская канцелярія.—III. Финансы.—Бѣдственное положеніе финансовъ, осложняющееся отъ неправильнаго поступленія налоговъ.—Медленность экономического развитія.—Ея причины.—Переселеніе.—IV. Военное устройство.—Трудность поддержать его кадры.—Общее бѣгство.—Манифестъ 1736 г.—Частичное отступленіе отъ принципа обязательной службы.—Его послѣдствія.—Разрывъ съ народными традиціями.—Слишкомъ большая погоня за иностранными образцами.—Роль Миниха.—Упадокъ флота.—Его причины.—Первое столкновеніе на морѣ русскихъ съ французами.—Военноучебныя заведенія.—Ихъ недостаточность.—Кадетскій корпусъ.—V. Народное образованіе.—Недостатокъ школъ.—Академія наукъ.—Уходъ ученаго персонала, собраннаго Петромъ I.—Россія пользуется плодами иностранной науки.—Байеръ.—Мюллеръ.—Научные журналы.—Первые русскіе ученые.—Адауровъ.—Тредіаковскій.—Татищевъ.—Вторая экспедиція Беринга.—Благородныя усилія.—VI. Правительство Анны и національная церковь.—Протестантскія и католическія тенденціи.—Прокоповичъ.—Торжество православія.—Преслѣдованіе ереси и раскола.—VII. Ложно приписываемый этому царствованію характеръ иноземной тираніи.—Причины такой ошибки.—Такъ называемыя жертвы народнаго дѣла.—Румянцевъ.—Ягужинскій.—Долгорукіе.—Черкасскій.—Волинскій.—Его судьба.—Его проекты реформъ.—Его процессъ и казнь.—Разказы и исторія.—Заключеніе.

## I.

Правленіе этого царствованія было, конечно, олигархіей, состоявшей изъ иностранцевъ, и его организація, измѣнившаяся съ теченіемъ времени согласно удобствамъ этихъ иностранцевъ, носила отпечатокъ такого вліянія. Возстановленіе значенія Сената въ томъ размѣрѣ, какъ при Петрѣ Великомъ, постигла участь всѣхъ уступокъ, дѣлаемыхъ побѣжденнымъ. Снабженное снова всей обстановкой „правительственной власти“ высокое собраніе имѣло генераль-прокурора, цѣлую армію прокуроровъ, пять департаментовъ, (церковныхъ дѣлъ, военный и морской, финансовъ, юстиціи, мануфактуръ и коммерціи), и ему принадлежало верховное руководство всей администраціей во всѣхъ ея степеняхъ. Но съ 6 ноября 1731 г., рядомъ съ Сенатомъ возникъ *Кабинетъ* министровъ, внезапно начавшій угрожать Сенату оставленіемъ на его долю лишь внѣшности этой вернувшейся къ нему власти<sup>1)</sup>. Новый органъ правительства функціонировалъ уже нѣсколько мѣсяцевъ подъ видомъ личнаго, и такъ сказать тайнаго, секретаря императрицы, руководимаго Остерманомъ. Придавая новому учрежденію официальное существованіе, ноябрскій указъ какъ будто желалъ ввести его въ государственный организмъ безъ шума, тайкомъ. Въ принципѣ рѣчь шла только объ органѣ, который служилъ бы посредникомъ между государыней и другими государствен-

---

<sup>1)</sup> „Для лучшаго и порядочнѣйшаго отправления всѣхъ государственныхъ дѣлъ, къ собственному нашему рѣшенію подлежащихъ, и ради пользы государственной и вѣрныхъ нашихъ подданныхъ заблагоразсудили мы учредить при Дворѣ нашемъ Кабинетъ, и въ оный опредѣлять изъ министровъ нашихъ и т. д. (Рескриптъ Анны объ учрежденіи Кабинета).



ными учрежденіями; но на практикѣ этотъ принципъ оказался очень растяжимымъ; новымъ указомъ отъ 9 іюля 1735 г. начался рядъ дальнѣйшихъ захватовъ, что совершенно измѣнило фізіономію новорожденнаго. Оказалось, что воскресъ тотъ же Верховный Совѣтъ, только подъ измѣненнымъ названіемъ, но обладавшій всѣми правами стараго, въ томъ числѣ и правомъ издавать законы. Указы, исходящіе изъ Кабинета, *даже въ отсутствіи императрицы*, должны были имѣть такую же силу, какъ бы подписанные ею.

А императрица отсутствовала часто. Вначалѣ она аккуратно посѣщала засѣданія Кабинета, и въ тотъ моментъ, когда обсуждались мѣры преслѣдованія противъ Долгорукихъ, она проводила цѣлые дни со своими министрами. Но усердіе ея мало-по-малу остыло, и уже въ 1732 г. присутствіе ея величества въ *Кабинетѣ* отмѣчено только два раза. Министрами были Головкинъ, князь Черкасскій, Остерманъ и Минихъ. Но канцлеръ предпочиталъ появляться порѣже и оставался у себя дома; Черкасскій былъ человѣкомъ ограниченнымъ, а отъ Миниха Остерману отдѣлаться было не трудно, когда Биронъ убѣдился, что не могъ пользоваться имъ. Въ сущности вице-канцлеръ управлялъ дѣлами вмѣстѣ съ фаворитомъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда обращался къ знанію нѣкоторыхъ спеціалистовъ, какъ Прокоповичъ или Ушаковъ<sup>1)</sup>. И это руководство обнимало все; по словамъ Сперанскаго—министра-преобразователя будущаго вѣка—, „оно присвоивало себѣ всѣ элементы власти, соединенные въ лицѣ государя и проявляющіеся въ законодательствѣ, высшей административной и верховной юстиціи“. Часто приглашаемый на засѣданія Ушаковъ представлялъ изъ себя высшую государственную полицію, въ силу другого—тоже сдѣланнаго втихомолку—возврата къ прошлому: въ силу возстановленія подъ именемъ *Канцелярши тайныхъ розыскныхъ дѣлъ*, Преображенскаго приказа.

---

<sup>1)</sup> Филипповъ, введеніе къ I т. *Кабинетскіе документы*. Сбор. CIV, XXXIV и слѣд. Его же: *Кабинетъ министровъ и высшее правительство*. Юридическій Вѣстникъ 1897.

## II.

Одинъ историкъ того времени, весьма строгій критикъ современныхъ ему нравовъ, Щербатовъ, отзывается о такомъ управленіи очень одобрительно. „Только одна знать, лишенная новыми олигархами власти, захваченной ею на короткое время, могла жаловаться, на подобное правительство. Народъ же, напротивъ, имѣлъ всѣ причины быть довольнымъ: законы ясные и примѣняемые точно; суды, не обязанные считаться съ произволомъ или заискиваться у сильныхъ, самихъ дрожащихъ за себя; подробное обсужденіе всѣхъ вопросовъ, имѣющихъ общій интересъ, въ *Кабинетъ*, члены котораго не боялись касаться даже самой императрицы; а главное, и прежде всего, умѣренные подати, не превосходящія способностей плательщиковъ. Правда, раздача должностей и милостей зависѣла отъ Бирона и его „жидовъ“; но такъ какъ народъ не предъявлялъ на нихъ притязанія, то и не горевалъ объ этомъ“.

Подобная оцѣнка, по моему, можетъ быть принята только при наличности явныхъ доказательствъ. На активъ я поставлю сначала весьма почтенную попытку административной реорганизаціи въ провинціи, гдѣ воеводы, не знавшіе никакого удержу съ предыдущаго царствованія, возвращались вскачь къ свойственной имъ тираниі. Но мысль, заставлятъ ихъ пріѣзжать каждые два года, чтобы отдавать отчетъ въ своемъ управленіи, должна была, на практикѣ, повести къ чрезвычайъ большой централизаціи, неудобства которой ощущаются и до сихъ поръ. А изыятіе изъ ихъ вѣдѣнія собранія подушной подати и передача въ вѣдѣніе помѣщиковъ было мѣрой сомнительнаго достоинства съ фискальной точки зрѣнія и составляло бессмыслицу съ соціальной. Я объяснюсь по этому поводу ниже

Уничтоженіе маіоратовъ было тоже мѣрой мудрой. Въ этомъ отношеніи, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, Петръ Великій пошелъ слишкомъ быстро. Они не могли съ такой же быстротой измѣнить экономическихъ условій страны, гдѣ земля составляла единственный свободный капиталъ. Не имѣя возможности выплачивать деньгами долю младшимъ, старшіе должны были раззорять свои имѣнія, отдавая единственное движимое имущество, которымъ владѣли—крестьянъ и скотъ. Слѣдуетъ также упомянуть о нѣкоторыхъ улучшеніяхъ въ области колонизаціи. Двадцать ратныхъ полковъ, поселенныхъ между Днѣпромъ и Днѣстромъ, положили начало грандіозному дѣлу, за развитіемъ котораго мы слѣдили. Послѣ подавленія мятежа Булавина (1707 г.) эти земли превратились въ пустыню. Въ 1737 г. генераль-маіоръ Таракановъ получилъ тамъ 4,000 десятинъ, чтобы заселить малороссами, въ то время какъ далѣе къ востоку, по нижнему теченію Волги, Хопра и Медвѣдицы, также основались кое-какіе поселенцы.

Точно также значительно улучшились пути сообщенія. Подобно большинству реформъ Петра Великаго, орудіемъ этого улучшенія сдѣлалась война: ведущимъ ее приходилось устраивать сообщеніе между арміями и операціонной базой. Дорога между Москвой и Кіевомъ, на Калугу, Сѣверскъ и Глухово, со станціями черезъ каждые 25 верстъ, была дорогой военной, но она продолжала существовать и послѣ заключенія мира.

Такимъ образомъ, послѣ періода застоя, даже шага назадъ, во время предыдущаго правленія, снова возвращались на путь Реформатора, но постепенно, не спѣша, во многихъ случаяхъ только намѣчая дальнѣйшіе пункты движенія.

Возвращеніе въ Петербургъ двора и государственныхъ учреждений, рѣшенное въ 1732 г. подчеркнуло этотъ переходъ. Но такова ли была столица, куда дала себя перевезти Анна Іоанновна, какою ее задумалъ Петръ? Онъ мечталъ создать на берегу Невы городъ *русскій, русскій* флотъ и *русскую* торговлю, которые послужили

бы базой для господства Россіи надъ сѣверо-восточной Европой. Напротивъ того, съ Остерманомъ и Вязромъ тамъ образовалась главная квартира, откуда управляли Россіей, эксплуатируя ея торговлю и промышленность. Въ этомъ отношеніи ничто не измѣнилось и до сихъ поръ. Но къ городу, съ возвращеніемъ въ него двора, вернулась часть его жизни, уже угасавшей въ немъ. На Васильевскомъ островѣ снова принялись за постройку домовъ, начатыхъ по приказанію Петра I и затѣмъ заброшенныхъ.

Законодательная дѣятельность этого царствованія была простымъ толченіемъ на одномъ мѣстѣ. Вѣчная попытка изданія законовъ съ помощью собранія депутатовъ началась съ обычнымъ успѣхомъ и окончилась... перепечаткой стариннаго уложенія Алексѣя Михайловича! Въ видахъ улучшенія судопроизводства Анна и ея совѣтники дѣлали усилія болѣе серьезныя. Общая тенденція къ объединенію, также червчуръ поспѣшная, повела къ уничтоженію въ Москвѣ специальныхъ судовъ. Ихъ было восемь для гражданскаго и уголовного судопроизводства: судъ во Владимірѣ для нѣкоторыхъ категорій чиновниковъ; губернской судъ для Москвы и ея окрестностей, судъ въ Смоленскѣ для дворянства въ этой губерніи и т. д. Съ 1710 по 1727 г. рядомъ указовъ была установлена централизація судопроизводства въ губернскихъ канцеляріяхъ. Такимъ образомъ въ московскую канцелярію поступило 21,388 дѣлъ, что составило для нея большую обузу. Видя это, правительство Анны снова распорядилось отдѣлить гражданскій судъ отъ уголовного, учредили два приказа *судный* и *сыскной*. Но скопленіе дѣлъ все увеличивалось. Традиціонная *волокига* продолжала задерживать примѣненіе закона. И какъ прежде, частные люди разыскивали способы замѣнить его. Похожденія знаменитаго Ваньки Каина, вора-сыщика, даетъ въ этомъ отношеніи любопытныя и странныя указанія. Вѣжавшій изъ дому своего хозяина, купца по фамиліи Филатьева, котораго обокралъ, Ванька, преслѣдуемый по московскимъ улицамъ и пойманный, познакомился съ патриархальнымъ су-

допроизводствомъ. Собственной властью Филатьевъ продержалъ его два дня на одной пѣпи съ ручнымъ медвѣдемъ. До сыта накормленный звѣрь не растерзалъ даннаго ему товарища, но отказался раздѣлить съ нимъ свой обѣдъ. На третій день Филатьевъ собирался наказать Ваньку батогами, какъ былъ остановленъ ужаснымъ *слово* и *дѣло*, благимъ матомъ выкриваемымъ Ванькой: одна служанка, сжалившись надъ воромъ, накормила его и шепнула ему, что купецъ скрываетъ у себя убитаго полицейскаго.

Такимъ образомъ Ванька вступилъ въ сношенія съ представителями исполнительной власти, заручившись благосклонностью съ помощью довоса, сослужившаго ему такую службу, что ему захотѣлось попытать счастья вторично. И съ этихъ поръ въ теченіе многихъ лѣтъ онъ то кралъ, то дѣлался сыщикомъ, исполняя свое двойное ремесло подъ прикрытіемъ офиціально полученнаго отъ сената порученія и съ помощью низшихъ полицейскихъ служащихъ, представленныхъ въ его распоряженіе. Онъ обложилъ данью безконечное число лицъ, возводя на нихъ воображаемыя преступленія. Онъ подвелъ подъ тѣлесное наказаніе молодую вдову, единственнымъ преступленіемъ которой было, что она отвергла его ухаживаніе. Но, подкупивъ сначала судей, онъ потомъ заплатилъ палачамъ, и жертва, отдѣлавшись легкимъ наказаніемъ, согласилась, изъ благодарности и страха новаго преслѣдованія, выйти замужъ за Каина. Его подвигамъ былъ положенъ конецъ только въ 1749 году послѣ ужаснаго пожара, гдѣ онъ дѣйствовалъ ужъ черезчуръ безцеремонно. Дѣло его тянулось до 1755 года. И наконецъ онъ все же избѣгъ смертной казни <sup>1)</sup>).

Однако, правительство Анны какъ будто старалось уничтожить подобнаго рода злоупотребленія. Ложнымъ довосчикамъ грозила смертная казнь; было запрещено прекращать наказаніе преступника, крикнувшаго: *слово* и *дѣло*! Но вслѣдъ за этимъ распоряженіемъ,

---

<sup>1)</sup> Всиповъ, *Восемнадцатый вѣкъ*.

вышедшимъ 10 апрѣля 1730 г. другое, появившееся *шестью днями* позже, назначало также смертную казнь за недонесенія *въ важныхъ дѣлахъ*. И этотъ быстрый шагъ назадъ былъ началомъ другихъ подобныхъ же ограниченій, въ родѣ распоряженія 1733 г. замѣнившего смертную казнь для монаховъ—ложныхъ доносчиковъ, отдачей въ солдаты. Въ дѣйствительности, уголовный процессъ того времени зиждился, и прежде и послѣ, на этомъ ложномъ и развращающемъ основаніи, такимъ образомъ противорѣчащемъ самой идеи правосудія, по знаменитому выраженію Бенжамена Констана. Для него не существовало также принципа, выставленнаго русскимъ законовѣдомъ Чичеринымъ: «Чтобы я уважалъ законъ, онъ долженъ уважать меня». Уголовный процессъ былъ чисто утилитарнымъ и до крайности жестокимъ. Въ 1730 г. крестьянка Евфросинья, уличенная въ убійствѣ мужа, была живой закопана въ землю 21 августа въ Брянскѣ и умерла только 22 сентября<sup>1)</sup>). Послѣ возобновленія Сыскаго приказа, всего въ пять мѣсяцевъ, отъ 1 августа 1730 г. до января 1731 в., въ протоколахъ его значатся 425 человѣкъ, подвергнутыхъ пыткѣ, 11 казненныхъ, 57 сосланныхъ въ Сибирь, 44 отданныхъ въ солдаты, и изъ этого застѣнка вышло извѣстное «сказать всю подноготную».

Попастъ въ приказъ ничего не стоило. Въ 1736 г. кабинетскій курьеръ былъ тамъ наказанъ кнутомъ за то, что говорилъ на одной изъ сибирскихъ станцій о близкой свадьбѣ Анны Леопольдовны, о которой всѣ знали въ Петербургѣ. Въ 1737 г. туда попалъ мужикъ, заподозрѣнный въ томъ, что онъ укралъ курицу, которую несъ. Заподозрѣнный на какомъ основаніи? Такъ, здорово живешь. Дѣло должно было выясниться черезъ палача. Подозрительное по своему положенію, это правительство проходимцевъ постоянно дѣйствовало на удачу. Оно отправило въ тайную канцелярію, т. е. въ застѣнокъ, священника, Іосифа Рѣшилова, арестованнаго „по важному подозрѣ-

---

<sup>1)</sup> Русская Старина. 1877

нію“, а какому—неизвѣстно <sup>1)</sup>). Двусмысленнаго слова, превратно истолкованнаго жеста было достаточно, чтобъ поставить на ноги полицію и инквизиторовъ. 20-лѣтнему Мартыну Карловичу Скавронскому, родственнику покойной императрицы вздумалось какъ-то шутя сказать своимъ слугамъ, что бы онъ сталъ дѣлать, если бы былъ царемъ. Онъ былъ приговоренъ къ наказанію кнутаомъ по доносу слуги.

Когда являлось дѣло болѣе серьезное, какъ напр. дѣло лжецаревича Алексѣя—повидимому сумасшедшаго, которому во время турецкой войны повѣрили нѣсколько крестьянъ въ Ярославцѣ близъ Кіева—то тутъ творились положительно ужасы, и Анна проявляла черты, которыя ей приписывалъ шутъ царевны Прасковіи. Цѣлые мѣсяцы допросовъ подъ кнутаомъ, дни казней—плаха, колъ, костры...

Въ концѣ царствованія два иностранныхъ дипломата попытались подвести итогъ этого правосудія, вѣроятно воспользовавшись тѣми же документами, потому что цифры у нихъ почти одни и тѣ-же, за незначительными отступленіями, которыя можно приписать опискѣ. Ла Шетарди доходитъ до 37,002 жертвъ, изъ которыхъ 1,002 казнены, а прочіе сосланы въ Сибирь. Мардефельдъ считаетъ только послѣднихъ 5,002. Правда, что его товарищъ принимаетъ во вниманіе также тайно казненныхъ, между которыми считаетъ и герцога де-Фальери, мужа знаменитой любовницы герцога Орлеанскаго. Рассказываютъ, что несчастный пріѣхалъ въ Россію незадолго до замужества Анны Леопольдовны съ герцогомъ Брауншвейгскимъ, привезя письма и драгоценные подарки къ герцогинѣ отъ ея отца. Его заподозрили въ преступныхъ козняхъ, и онъ исчезъ безслѣдно <sup>2)</sup>).

И законъ не зналъ никакихъ ограниченій для подобнаго вмѣшательства государственной полиціи. Она вторгалась во всѣ обществен-

---

<sup>1)</sup> Чистовичъ, *Дѣло Рѣшилова*.

<sup>2)</sup> *Ла Шетарди, 10 января 1740 г.* Иностр. дѣла Россіи. Мардефельдъ, *Архивъ Воронцова XXV*.

няя и частныя дѣла, претендовала все знать. Она врывалась въ дома, нарушая святость семейнаго очага. Только объ одномъ она не заботилась—о поддержаніи порядка и о безопасности въ городахъ и деревняхъ. Можно возразить, что это дѣло административной полиціи. Но послѣдняя находилась еще въ зачаточномъ состояніи. До 1733 г. она существовала, въ самой элементарной организаціи только въ обѣихъ столицахъ. Въ этомъ году— по сообщенію князя Гессенъ-Гомбургскаго—сдѣлана была попытка ввести ее въ двадцати пяти другихъ городахъ. Во время своего пребыванія въ Казани принцъ былъ пораженъ грязью и „невыносимымъ смрадомъ“, царившими тамъ. Въ 1737 г. были учреждены стражи и патрули, чтобъ слѣдить за пожарами. Въ предыдущемъ году было ихъ нѣсколько ужасныхъ. Въ Москвѣ сгорѣлъ Кремль, Китай-городъ, Бѣлый городъ, обѣ Басманныя, Нѣмецкая слобода, Лефортовская слобода, 102 церкви, 11 монастырей, 4 дворца, 17 богадѣленъ, 2527 домовъ, 9145 мелкихъ построекъ. И по обычаю, бѣдствіе послужило предлогомъ къ общему грабежу, въ которомъ принимали большое участіе солдаты и матросы <sup>1)</sup>. Въ окрестностяхъ столицъ лѣса горѣли постоянно, и даже императрица жаловалась въ іюлѣ 1735 г., что не можетъ открыть оконъ изъ-за дыма. Полиціи въ этомъ году было приказано содержать трубочистовъ, а поджигателямъ грозила смертная казнь. Пренебрежительный отзывъ о пожарѣ могъ подвести подъ втутъ.

Нищенство и бродяжничество, тѣсно связанные, представляли язву, съ которой было трудно справиться, тѣмъ болѣе что само пра-

---

<sup>1)</sup> Многие изъ солдатъ и матросовъ безпорядки производили и, вмѣсто тушенія пожара, многие изъ нихъ только въ грабежъ и воровство, пуще разбойниковъ, ударились; на почтовомъ дворѣ, изъ тѣхъ пожитковъ, которые отъ самихъ хозяевъ выношены были, сундуки насильственно разломали, пожитки растащили, письма и бумаги разбросали, однимъ словомъ сказать, такъ поступили, что и въ непріятельской землѣ хуже поступать было невозможно. (Дѣла Сената по кабинету).



вительство способствовало ихъ поддержанію. Задержанные за долги и политическіе арестанты просили милостыню на улицахъ, такъ какъ тюрьма не кормила ихъ. Въ кандалахъ, подъ конвоемъ, они проходили по улицамъ, выставляя на показъ свое истощеніе и раны отъ перенесенныхъ пытокъ. Обычай *правежа* для неисправныхъ должниковъ продолжалъ существовать. Ихъ стегали по ногамъ, пока они не уплачивали долга. Указомъ было разрѣшено отдавать арестантовъ въ разнаго рода работы разнымъ людямъ, и этотъ обычай сохранился до сихъ поръ. Число нищихъ увеличивалось; рѣшили болѣе молодыхъ записывать въ солдаты и въ матросы, а другихъ отправлять въ каторжныя работы; заимодавцамъ выѣнялось въ обязанность кормить своихъ должниковъ. Самымъ очевиднымъ послѣдствіемъ этихъ мѣръ было усиленіе разбоевъ; появились организованныя шайки. Въ апрѣлѣ 1735 года одна изъ нихъ могла продержаться подъ Петербургомъ нѣсколько мѣсяцевъ и дать настоящее сраженіе отряду пѣхоты и, обративъ его въ бѣгство, грабить и обирать жителей. Въ деревнѣ Нарышкина, Ушаковѣ, убивъ управляющаго, дали священнику 3 рубля, „чтобъ поминалъ конобѣвскаго приказчика и убитаго ихъ товарища, да еще дали три рубля, на которые велѣли купить колоколъ“<sup>1)</sup>. Въ 1739 году казнили въ Москвѣ князя Ликутьева.

Даже духовенство принимало участіе въ разбояхъ. Въ 1735 г. въ малороссійской деревнѣ Кролевецъ, на домъ священника напала шайка подъ предводительствомъ двухъ монаховъ<sup>2)</sup>. Для сыска воровъ былъ назначенъ особый постоянный отрядъ войска подъ предводительствомъ подполковника Реткина. Въ 1732 г. онъ взялъ 440 человекъ, а въ 1736—825<sup>3)</sup>. Стало быть преслѣдованіе не уменьшало числа воровъ.

Ни по количеству, ни по качеству городская полиція не была

---

1) Дѣла Сената по бывшему Кабинету.

2) Лазаревскій. *Очерки изъ малороссійской жизни восемнадцатаго вѣка*. Русскій Архивъ 1871 г.

3) Дѣла Сената по Кабинету.

на высотѣ своего положенія. Сотскіе, пятидесятскіе и десятскіе — большею частью очень молодой народъ или дряхлые старики—прежде всего заботились о собственныхъ удобствахъ. Въ холодную и ненастную погоду они непремѣнно уходили изъ будокъ спать въ сосѣдніе дома. Въ 1728 г., впрочемъ, будки были уничтожены, такъ какъ по словамъ указа сдѣлались „притонами грабежа“. У входа въ города существовали заставы, но если на вопросъ: „Кто ты? Что несешь? воръ отвѣчалъ: „Водку!“ то могъ быть увѣренъ, что его пропустятъ. Представителями порядка и нарушителями его часто становились горожане въ пользу послѣднихъ. Случалось, что *нанимали* солдатъ, чтобъ отбить у полиціи вора или контрабандиста <sup>1)</sup>. Не мало также было хлопотъ у полиціи съ людьми, мчавшимися въ галопъ и давившими прохожихъ. Въ 1727 г. Миниха чуть не убило дышломъ кареты, несшейся вскачь по многолюдной улицѣ.

Если разбойники и поджигатели давали вздохнуть населенію, приходила очередь болѣзнямъ. Въ 1737 г. въ Псковѣ открылась эпидемія, и на лицо не оказалось ни одного врача. Запрошенная по этому поводу Медицинская канцелярія—таковая существовала—объявила, что у нея „лишнихъ докторовъ и лѣкарей нѣтъ; есть штатдѣ-физикъ съ лѣкаремъ, да тѣ нужны въ Петербургѣ, и въ Москвѣ при ратушѣ есть лѣкарь, но онъ нуженъ на мѣстѣ <sup>2)</sup>. За два года передъ тѣмъ былъ отправленъ въ Новоаволовскъ аптекарскій „гезель“-помощникъ. Онъ обратился къ мѣстнымъ властямъ, прося отвести квартиру, и получилъ отвѣтъ: „Все бы привозили изъ Москвы“. Ему пригрозили батогами. Четыре недѣли онъ съ своей аптекой пробылъ на улицѣ и спалъ тамъ же. Только въ 1737 г. были отправлены въ Псковъ, Новгородъ, Тверь и Ярославль военные лѣкаря изъ отставныхъ и при нихъ аптекаря.

Недостатокъ въ деньгахъ, конечно, игралъ значительную роль при медленномъ исполненіи всѣхъ подобныхъ проектовъ.

---

<sup>1)</sup> Есиповъ.

<sup>2)</sup> Соловьевъ, *Исторія Россіи*.

### III.

По донесенію, посланному Маньяномъ въ концѣ 1730 г. <sup>1)</sup> весь доходъ имперіи выражался въ цифрѣ 8,560,000 рублей, изъ которыхъ половину доставляли подушныя подати. Но эти доходы были далеки отъ дѣйствительности. Въ 1733 г.—по донесенію Камеръ-Коллегіи прокурора Мельгунова,—изъ 2,439,573 р. таможенныхъ, кабацкихъ и прочихъ доходовъ поступило всего 186,982 рубля. А есть ли надежда собрать остальные? Для отвѣта надо было ждать „рапортовъ“ отъ губернаторовъ и воеводъ, а они не торопились присылать ихъ, несмотря на многократные указы. Послѣдній изъ нихъ предписываетъ „за неприсылку рапортовъ держать подъ карауломъ, а секретарей и подъячихъ въ оковахъ“. Но и послѣ этого рапортовъ все же не прислано <sup>2)</sup>).

Для борьбы со зломъ одна за другой были учреждены „Ревизионъ-Коллегія“, „Счетная Комиссія“ и „Доимочный приказъ“. Штатъ Счетной Комиссіи состоялъ изъ 500 чиновниковъ. Но съ 1732 г. по 1736 г. она рассмотрѣла всего 78 счетовъ на сумму 2,204,712 рублей, и начетовъ явилось всего на 1,152 рубля. Упраздненная послѣ такихъ подвиговъ, она переслала свои дѣла въ Ревизионъ-Коллегію. Но уже въ 1735 г. оберъ-прокуроръ Сената Масловъ доносилъ императрицѣ, что въ Коллегіи не рассмотрѣно ни одного счета, потому что ихъ недоставлено. „Всѣмъ непорядкамъ и воровству причина та, что въ ревизію ни откуда не присылаютъ счетовъ, а Сенатъ за это не взыскиваетъ, потому что изъ сенаторовъ г. баронъ

---

<sup>1)</sup> *Иностр. дѣла, Россія.*

<sup>2)</sup> *Цифры доимокъ и рапортъ Мельгунова въ Госуд. Архивѣ.*

Шафировъ самъ счетовъ Коллегіи своей уже три года не отправлялъ въ ревизію. О прочихъ многихъ не порядкахъ и упущеніяхъ, особливо барона Шафирова, который самый сильный голосъ въ Сенатѣ имѣеть, и тайнаго совѣтника Головкина, теперь по причинѣ болѣзни моей пока ваше величество не угруждаю“. 1) И вообще Масловъ рѣшился заговорить объ этомъ, только чувствуя себя при смерти.

На бумагѣ отъ этого скромнаго бюджета въ восемь милліоновъ оставался еще остатокъ, благодаря наслѣдству, полученному современной Россіей отъ старой Москвы и позволявшему чиновникамъ и военнымъ растрачивать большія суммы, черпая ихъ изъ запасовъ. Даже получая на свою долю девять десятыхъ суммы изъ доходовъ, доставляемыхъ подушной податью—3,775,015 рублей изъ 4,000,000, и кромѣ того фигурируя въ бюджетѣ цифрой 739,609 рублей, армія не могла бы удовлетвориться этимъ, если бы не жила по губерніямъ на счетъ обывателей. Губернская администрація ничего не стоила, такъ какъ воеводы жили такъ же, какъ военные. Дворъ, получая много доходовъ въ видѣ натуральныхъ повинностей тратилъ, при всей своей роскоши, всего 360,000 рублей. Другой источникъ экономіи заключался въ незначительности суммъ, отпускаемыхъ на различныя вѣдомства; но они, конечно, въ меньшихъ размѣрахъ, чѣмъ военное—вознаграждали себя другими путями. Напримѣръ, поддержаніе дорогъ стоило очень мало, по той простой причинѣ, что и поддерживать-то было нечего—дорогъ не было. На народное образованіе расходовалось 49,373 рубля, да и тѣ почти цѣликомъ уходили на содержаніе двухъ Академій. Медицинская канцелярія, съ ея двумя медиками и физикомъ, не тратила и половины этой суммы. Въ виду всего этого финансы Анны Іоанновны могли бы быть въ блестящемъ состояніи, если бы подати поступали правильно. Но онѣ не поступали, и дефицитъ все

---

1) *Дѣла Сената.*

увеличивался <sup>1)</sup>). Когда пришлось вести войну, дыра превратилась въ пропасть.

Въ 1736 г. пришлось вернуться къ старинному способу уплаты жалованія гражданскимъ чиновникамъ въ столицахъ и губернскихъ городахъ мѣхами и китайскими товарами. Въ 1739 г. былъ восстановленъ законъ Петра Великаго, чтобъ чиновники, служащіе въ другихъ городахъ, получали жалованія вполонину противъ служащихъ въ Петербургѣ. А затѣмъ послѣдовало распоряженіе выплачивать и эту половину только послѣ того, какъ будутъ „удовольствованы денежной казною Военная и Адмиралтейская коллегіи и артиллерія. Статскіе чины должны получать жалованіе изъ доимочныхъ денегъ“.

Характеристичной чертой финансовъ этого царствованія является учрежденіе въ Москвѣ въ 1730 г. съ отдѣленіемъ въ Петербургѣ—

---

<sup>1)</sup> Императрицу весьма удивилъ, „отчетный недостатокъ въ деньгахъ“, какъ говорится въ именномъ указѣ. И далѣе: „Всѣ нужнѣйшія государству нашему полезныя дѣла упущены и до того дошли, что о пополненіи государственныхъ доходовъ ни малой надежды нѣтъ. Въ сборахъ многіе неурядки явились, и отъ того сборы умаляются; доимки въ нѣсколькихъ милліонахъ состоятъ, казенныя деньги частными людьми похищены и другими коварными вымыслами захвачены. Сенатъ, оставилъ такія дѣла, по которымъ государственная казна растеряна и расхищена, безъ надлежащаго слѣдствія и взысканія, и не разсуждая того, откуда деньги безъ утружденія насъ и безъ отягченія нашихъ вѣрныхъ подданныхъ сыскать можно, и нѣтъ ли такихъ расходовъ, которые могли бы быть и оставлены, и не разсматривая, съ какимъ порядкомъ собираются доходы, намъ самимъ представлять стали о дачѣ въ займы изъ соляной казны... Что же и до дѣлъ челобитчиковъ принадлежить, то многіе съ многолѣтней волокитой и до сего времени рѣшенія получить не могутъ, а для того нѣкоторые челобитчики принуждены насъ вездѣ беспокоить и своими прошеніями; также и колодниковъ такъ умножилось, что и караулами объять не могутъ. (Полное собран. Законовъ № 7138).

спеціальної канцелярії конфискованихъ имуществъ, которыя доставляли большіе доходы государству.

Какъ ни какъ, доходъ въ восемь милліоновъ былъ очень недостаточнымъ основаніемъ для сохраненія воздвигнутаго Петромъ Великимъ великаго зданія, которое теперь надо было поддерживать. Остерманъ и люди его взглядовъ понимали, что эта задача представляется невыполнимой безъ развитія экономическихъ силъ страны, что предвидѣлъ и преобразователь. Они занялись этимъ вопросомъ, но не находили другого средства, какъ налегать на производителей. Въ 1734 г. на основаніи мнѣнія Коммерцъ-Коллегіи Сенатъ приказалъ опредѣлить особый комиссаріатъ „для смотрѣнія надъ фабриками и приведенія ихъ въ лучшій распорядокъ“. Деньги на жалованіе этимъ новымъ комиссарамъ предполагалось собирать съ фабрикантовъ. И въ этомъ духѣ были почти всѣ мѣры, принятыя правительствомъ Анны.

Государство оставаясь само фабрикантомъ, добывателемъ руды, и горнозаводчикомъ, не получало съ своихъ предпріятій достаточныхъ доходовъ. И тому были причины. Управляющій государственными желѣзными и мѣдными рудниками въ Пермской губерніи, Геннинъ, жаловался, что не можетъ выдерживать конкуренціи съ Демидовымъ, который при числѣ рабочихъ вдвое меньшемъ противъ него, получалъ доходу вдвое больше. Онъ винилъ въ этомъ мѣстнаго воеводу. Въ апрѣлѣ 1735 г. замѣститель Геннина, Татищевъ, писалъ Остерману любопытное письмо: „О здѣшнихъ дѣлахъ нынѣ много донести не имѣю, токмо что раскольниковъ по всѣмъ заводамъ стали приписывать. Отъ оныхъ приходилъ ко мнѣ первый здѣшній купецъ, Осеневъ и принесилъ 1.000 рублей, и хотя при томъ никакой просьбы ни представлялъ, однакожь я могъ выразумѣть, что желалъ онъ, чтобъ я съ ними такъ же поступилъ, какъ и прежде; а я ему отрекся, что мнѣ не видя дѣла и не зная, за что, принять сумнительно. На завтра пришелъ паки, да съ нимъ Осокиныхъ прикащикъ и привесъ другую тысячу; но я имъ сказалъ, что

ни десяти не возьму, понеже то было противъ моей присяги. Осеневъ говорилъ мнѣ, что генераль-поручикъ Геннинъ, пріѣхавъ послѣдній разъ съ Москвы, что онъ весьма раззорился, и яко бы ему объявилъ болѣе 10,000 убытка стало и посылалъ де меня къ Демидова прикащикамъ говорить, чтобъ за показанныя его благодѣянія тотъ его убытокъ наградили, и потому приказчикъ Демидова, Степанъ Егоровъ, ему, генераль-поручику, то число денегъ привезъ и отдалъ, которымъ и меня склонялъ, чтобъ я такъ же поступилъ“...

Геннина не удалось уличить; но на самого Татищева скоро явились жалобы въ томъ же родѣ <sup>1)</sup>).

Мало по-малу правительство перешло къ системѣ уже намѣченной Петромъ I—передачѣ этого источника доходовъ въ частныя руки. Эту же мѣру предполагалось распространить и на прочія промышленныя монополіи, оказывавшіяся мало прибыльными по тѣмъ же причинамъ. За государствомъ остался только доходъ отъ ревеню, котораго добывалось 1000 пудовъ. Его продавали англичанамъ по сто рублей пудъ, и контрабанда наказывалась смертною казною.

Что касается торговли хлѣбомъ, то она по временамъ бывала свободной, а по временамъ составляла монополію, какъ при Петрѣ I, причемъ прилагались къ регулированію ея тѣ же мѣры. Въ 1734 г. во время неурожая, на зерно въ складахъ хлѣботорговцевъ было наложено запрещеніе, а хлѣбъ помѣщиковъ продавался съ надбавкой 10% въ ихъ пользу. Вывозъ зерна изъ губерній, особенно постигнутыхъ неурожаемъ, былъ совершенно запрещенъ.

Петръ заботился объ улучшеніи скотоводства, и теперь слѣдовали его примѣру. Въ 1730 г. былъ основанъ конскій заводъ; а въ 1733—1737 г. на казенныхъ дачахъ Казанской, Нижегородской, Воронежской, Тамбовской губерній, въ городахъ Алатырѣ, Сѣвскѣ и Курскѣ, въ Малороссіи, а также въ „Синодальной области и въ ар-

---

1) Дѣла Сената по Кабинету.

хірейскихъ и монастырскихъ вотчинахъ“ велѣно было учредить заводы.

Главнымъ препятствіемъ къ осуществленію всѣхъ мѣръ являлась недостаточность народонаселенія. Приростъ его шелъ очень медленно. Даже одно время оно просто уменьшилось вслѣдствіе выселенія. Крестьяне толпами бѣжали въ Польшу. Требовали выдачи бѣглецовъ, иногда даже ловили вооруженной силой, но они все продолжали бѣжать. Почему? По „баловству или простой склонности къ бродяжничеству“, обыкновенно отвѣчали русскіе историки. Но смоленскій губернаторъ, повидимому, лучше понималъ, въ чемъ дѣло. Онъ предлагалъ: „Которые крестьяне не бѣгали, съ тѣхъ брать подати по прежнему, а которые возвратились изъ бѣговъ, съ тѣхъ брать съ уменьшеніемъ, именно сколько въ Польшѣ берутъ. Увидя это, многіе и не подумаютъ бѣжать, а ушедшіе съ радостью возвратятся“. На это ему возражали, что, „который мужикъ возвратится и тотъ ужъ никакой работы лишней, передъ тамошней понестъ не можетъ“.

Война съ Турціей придала еще большее значеніе этому бѣгству, составлявшему и въ мирное время большое препятствіе для солдатскихъ наборовъ <sup>1)</sup>.

---

<sup>1)</sup> Дѣла Сената по Кабинету № 28—1105.



#### IV.

Русскій народъ вообще народъ не воинственный. Это мнѣніе, которое авторъ уже имѣлъ случай провѣрить, находить себѣ яркое подтвержденіе въ тѣхъ затрудненіяхъ, которыя преемникамъ Петра приходилось испытывать при поддержаніи военной силы въ кадрахъ, созданныхъ имъ. Отъ солдатчины бѣжалъ всякій, кто могъ. Неограниченный срокъ службы съ ея тяжестью способствовалъ вселенію ужаса передъ ней въ массы. Человѣкъ, разъ попавъ въ солдаты, попадалъ на всю жизнь, и притомъ не каждый день бывалъ сытъ. Альгаротти писалъ въ 1739 г.: „Здѣсь не очень заботятся о прокормленіи солдатъ. Имъ даютъ муки, и ставъ лагеремъ, они сейчасъ же роютъ ямы, гдѣ пекутъ себѣ хлѣбъ“. Но часто даже и муки не давали. Люди зажиточные находили исходъ въ отпускахъ. За „двѣнадцать душекъ“ полковой секретарь выдавалъ отпускной паспортъ на годъ<sup>1)</sup>.

Другимъ приходилось бѣжать изъ полковъ. Они рисковали попасть подъ жестокія наказанія, но и при службѣ они не были избавлены отъ послѣднихъ. Въ царствованіи Анны бѣжали даже офицеры. Недоросли изъ дворянъ избѣгая службы, записывались въ купечество. Въ 1737 г. велѣно одного такого недоросля взять изъ купечества и отдать въ солдаты въ гарнизонъ, а съ бурмистровъ и секретаря ратуши, которые его записали въ купечество, взять 100 рублей штрафа<sup>2)</sup>. Но примѣръ не послужилъ впрокъ. Въ томъ же году было рѣшено учредить нѣсколько школъ, имѣвшихъ цѣлью подготовленіе къ службѣ дѣтей *служилыхъ людей*.

---

<sup>1)</sup> Даниловъ, *Записки*.

<sup>2)</sup> Полное Собр. Законовъ.

Но никакія мѣры не помогали. Тогда сочли необходимымъ удовлетворить всеобщему желанію дворянства, ограничивъ срокъ военной службы дворянъ. Послѣдній день 1736 г. составилъ эпоху въ исторіи русскаго дворянства. Манифестомъ было разрѣшено: 1) Кто имѣетъ двухъ или болѣе сыновей, — изъ оныхъ одному, кому отецъ заблагоразсудитъ, оставаться въ дому для содержанія экономіи, также, которые братья родные, два или три, не имѣя родителей, пожелаютъ оставить въ домѣ своемъ, для смотрѣнія деревень и экономіи, кого изъ себя одного, о томъ давать имъ на волю; но чтобъ тѣ оставшіеся въ домахъ довольно грамотѣ и по послѣдней мѣрѣ ариѳметикѣ обучены были. 2) Прочіе всѣ братья, коль скоро къ воинской службѣ будутъ годны, должны вступить въ военную службу. И всѣмъ шляхтичамъ, отъ 7 до 20 лѣтъ возраста ихъ, быть въ наукахъ, а отъ 20 лѣтъ употребить въ военную службу, и всякій долженъ служить въ воинской службѣ отъ 20 лѣтъ возраста своего 25 лѣтъ, а по прошествіи 25 лѣтъ всѣхъ, хотя кто еще и въ службу былъ годенъ, отъ воинской и статской службы отставлять съ повышеніемъ одного ранга, и отпускать въ дома, а кто изъ нихъ добровольно и больше служить пожелаетъ, тѣмъ давать на ихъ волю. 3) Которые шляхтичи, за болѣзнями или ранами, по свидѣтельствамъ явятся къ службѣ неспособными, могутъ быть отставлены и отпущены въ дома свои и до урочныхъ лѣтъ. А понежѣ нынѣ съ турками война, то отставлять по вышеписанному только по окончанію войны“. Послѣдняя оговорка была прибавлена позднѣе, такъ какъ явилась опасность, что некому будетъ оставаться подъ знаменами. Всѣ оказывались ранеными и больными, или ссылались на двадцатипятилѣтній, якобы уже выслуженный срокъ: такіе, которые были записаны въ полки съ самаго рожденія. Другой указъ разъясняетъ, что служба считается только съ 20-ти лѣтняго возраста.

Задача осложнялась еще необходимостью, явившеюся теперь, привести границу между военной и штатской службой, обусловливаемую требованіями современной жизни. Въ 1737 г. съ этой цѣлью

были учреждены различные экзамены. Не выдерживавших их записывали въ матросы. Такимъ образомъ служба во флотѣ превратилась въ наказаніе.

Что касается рекрутскихъ наборовъ, то въ 1732 г. Минихъ подалъ мнѣніе, указывавшее, что въ основаніи набора лежала система выкупа. Авторъ записки говоритъ, что наборъ дѣлается такимъ образомъ: „Велѣно, напримѣръ набрать 16,000 человѣкъ; при этомъ приходится на 320 человѣкъ поставить одного рекрута; 320 человѣкъ соглашаются кого-нибудь купить въ рекруты, собирается для этого съ cadaго двора по три или четыре гривны, и на cadaго рекрута придется среднее число 150 рублей, что со всѣхъ крестьянъ, обязанныхъ ставить рекрутъ, получится отъ двухъ до трехъ милліоновъ. Такими великими деньгами занимается бобыль, ни къ чему не годный, часто пьяница, больной или увѣчный; ежели же такого нѣтъ, то крестьяне ищутъ какого-нибудь бѣглаго или бурлака“. Такимъ образомъ государству отъ этихъ милліоновъ не было ни малѣйшей пользы. Минихъ указывалъ также причины, почему не находилось добровольцевъ, а очень часто люди себя калѣчили, чтобъ не попасть въ военную службу. Во 1-хъ: „Во время тяжелой шведской войны каждая семья должна была отдать рекрута, и всѣ эти рекруты погибли на войнѣ, или, по крайней мѣрѣ, домой не возвратились; 2) Отъ непріятеля столько людей не побито, сколько погибло отъ дурного распоряженія офицеровъ, напримѣръ при страснѣи Петербургской крѣпости и Ладожскаго канала въ первые годы; 3) Но главная причина, что солдаты изъ военной службы не отпускаются до глубокой старости или увѣчья, такъ что, когда они приходятъ домой, то роднымъ помогать ни въ чемъ не могутъ и принуждены питаться отъ ихъ милостыни“.

Минихъ предлагалъ брать рекрутовъ по жребію и ограничить службу десятию годами. Его мнѣніе не было принято во вниманіе и въ 1732 г. насчитывалось 20,000 дезертировъ.

До послѣдняго времени принято приписывать все хорошее и пло-

хое, всё особенности военного управления этой эпохи данцигскому побѣдителя. Въ дѣйствительности, онъ пользовался вліяніемъ въ этой области только въ сравнительно короткій періодъ: отъ 1730 до 1734 г. Съ этого времени и до 1737 г. онъ былъ занятъ своими походами, а послѣ того его всецѣло поглотила политика. Въ этихъ границахъ, кромѣ указанныхъ начинаній—изъ которыхъ именно тѣ, которые не встрѣтили приѣма, были особенно удачны—его участіе можно резюмировать главнымъ образомъ въ трехъ отношеніяхъ: исключительное примѣненіе иностранныхъ образцовъ, воинскихъ упражненій и мундировъ, не принимая во вниманіе національныхъ нравовъ; усиленіе дисциплины даже противъ безчеловѣчности, господствовавшей при Петрѣ; уничтоженіе участія въ административномъ контролѣ, предоставленнаго Петромъ военнымъ <sup>1)</sup>. Армія оевропеизировалась, безъ сомнѣнія даже больше чѣмъ того желалъ реформаторъ, а съ другой стороны, отступленіе отъ принципа обязательной военной службы, въ пользу дворянъ, сдѣлавшее низшія слои общества основаніемъ рекрутчины, было уже разрывомъ съ національными традиціями, результаты котораго не замедлили отразиться на качествѣ состава войскъ.

Но нельзя было требовать отъ этихъ нѣмцевъ,—которымъ Петръ передалъ свое наслѣдіе, не подумавъ, какъ имъ распорядиться иначе,—очень тонкаго пониманія національнаго духа, точно такъ же, какъ нельзя было ожидать, чтобъ они умѣли направить во всѣхъ подробностяхъ ту эволюцію, движеніе и исходъ которой не могъ въ точности опредѣлить и самъ реформаторъ.

Онъ, конечно, не предвидѣлъ, что станется съ его флотомъ, старшимъ и любимымъ дѣтищемъ его генія. Заявившись въ 1734 г. укрѣпленіемъ Кронштадта, Минихъ распорядился снести строенія, находившіяся тамъ и только стѣснявшія оборону. Незадолго передъ

---

<sup>1)</sup> Проектъ въ Госуд. Архивѣ. Манифестъ въ Полн. Собр. Законовъ.

тѣмъ произошла первая встрѣча на морѣ русскихъ силъ съ французскими. Но хотя она и окончилась побѣдой русскихъ <sup>1)</sup>, ея нельзя приписать флоту. Послѣдній имѣлъ 14 линейныхъ кораблей, 5 фрегатозъ, 2 канонирки и нѣсколько мелкихъ транспортныхъ судовъ. Взятіе въ плѣнъ французскаго корабля „Le Brillant“ было скорѣе слѣдствіе кашитуляціи Вейхсельмюнда (12 іюня 1734 г.) и дѣломъ сухопутнаго войска. Но и русскій флотъ при этомъ сильно пострадалъ, и одинъ фрегатъ „Митава“, былъ взятъ въ плѣнъ, а затѣмъ вымѣненъ на французское судно“.

Такое плачевное состояніе флота объясняется безъ труда, когда вспомнишь, что уже въ 1723 г. изъ суммы 1,200,000 рублей, ассигнованныхъ ежегодно на содержаніе флота, 1,500,000 не были выплачены. Въ то же время адмиралтейство согласилось на уменьшеніе кредита, но и при этомъ не получило полностью суммы слѣдуемой ему. Во время турецкой войны пришлось признать невозможность вывести изъ Дона флотилію, оставленную тамъ Петромъ I. Выстроили враскору 500 судовъ, на которыхъ отличился своимъ героизмомъ только одинъ французъ, Тремери. Атакованный 10 іюля 1737 года 30 турецкими судами, онъ посадилъ свою барку на мель, высадивъ людей, и оставшись самъ на баркѣ съ четырьмя канонирами, выпустилъ четыре заряда и взорвался. Остальныя барки были всѣ сожжены турками. На Деснѣ, притокѣ Днѣпра, въ это время также построили 400 шестидесятифутовыхъ транспортныхъ барокъ.

---

1) 13 мая 1734 года показались на рейдѣ 11 французскихъ кораблей, которые также высадили войско на берегъ. 16 мая это войско атаковало русскіе ретрансимменты, а въ то же время русскіе сдѣлали въ числѣ 2000 человекъ вылазку. Узнали, что французозъ было 2400 человекъ; Такъ въ первый разъ помѣрялись русскіе съ французами. „Русскіе офицеры и солдаты“, по словамъ Миниха, „въ сей акціи превеликій куражъ, охоту и радость оказывали, и ни чего такъ не желали, какъ чтобъ французы еще сильнѣе пришли и въ другой разъ бы отвѣдали“

Послѣ взятія Очакова Минихъ требовалъ въ свое распоряженіе эту флотилію, намѣреваясь двинуться съ ней къ Константинополю; но изъ 300 шлюпокъ, выѣхавшихъ изъ Брянска весной 1737 г. только *четыре* прибыли въ Очаковъ въ августѣ, да и то въ такомъ видѣ, что еле могли держаться на водѣ. Это приключеніе то же имѣеть свое объясненіе: начальникомъ адмиралтейства былъ теперь Остерманъ, хорошій дипломатъ, но плохой морякъ, и его помощникъ Головинъ, опытный и образованный морякъ, добился въ маѣ 1728 г. указа, въ которомъ говорилось, что „нѣкоторые начальники препятствовать воровству не могутъ, потому что сами воруютъ“. Хотя на мекъ былъ ясенъ, но Остерманъ оставался на завимаемомъ имъ мѣстѣ до 1743 г.

Рѣчныя адмиралтейства въ Брянскѣ и Тавровѣ были заброшены послѣ упомянутого опыта, такъ же какъ каспійскіе доки. Въ Петербургѣ и Архангельскѣ выстроили въ теченіе царствованія 17 линейныхъ кораблей, 2 канонирки и 7 фрегатовъ, имѣвшихъ внушительный видъ только на бумагѣ въ рубрикѣ расходовъ. Работали надъ каналами и кронштадской верфью, но не слѣша и безъ спеціального назначенія. Эта часть творенія Петра Великаго, слишкомъ несогласная съ континентальнымъ характеромъ страны, приходила все въ большій упадокъ.

Флотъ, такъ же, какъ армія, продолжалъ получать офицеровъ изъ-за границы. Кадетскій корпусъ, основанный въ іюлѣ 1731 г. собственно не былъ военноучебнымъ заведеніемъ. Программа его не предвидѣла подобной спеціализаціи. Наряду съ основаніями военныхъ наукъ, кадеты—около 200 „шляхетскихъ“, дворянскихъ дѣтей—обучалось „юриспруденціи“, „танцамъ и музыкѣ“. Расходъ на содержаніе корпуса не превышалъ 30,000 рублей въ годъ. Можно себѣ представить, какъ велось въ немъ обученіе. По рапорту, данному Минихомъ видно, что „обязательными для всѣхъ кадетовъ были только три предмета: Законъ Божій, военныя экзерциціи и ариметика, остальнымъ же наукамъ учился, кто хотѣлъ. Изъ 245

русскихъ кадетъ только 18 учились русскому языку, 51—французскому, 15 латыни и 237—нѣмецкому. Любителей геометріи нашлось всего 36 человекъ, а танцевъ 110“. Въ 1739—1740 г. участились случаи кражъ, производимыя кадетами. Виновныхъ били кошками публично въ залѣ корпуса и „писали въ барабанщики, чтобъ выше рядового никогда не производить“.

И эта школа была единственной. Существовала еще Артиллерійская школа, и въ ней первоначально было до 700 человекъ, но мало по-малу вслѣдствіе недостатка порядка и надзора, они всѣ разбрелись кто куда <sup>1)</sup>.

Великая задача народнаго образованія, не затронутая предшественникамъ Анны, и въ ея царствованіи осталась безъ пракческаго рѣшенія.

---

1) Въ Артиллерійскую школу былъ опредѣленъ воспитателемъ штыкъ-юнкеръ Алабушевъ. „Алабушевъ тогда содержался въ смертномъ убійствѣ третій разъ подъ арестомъ; онъ человекъ вздорный, пьяный; рѣдкій день приходилъ въ школу пепьянымъ. На послѣдокъ, для поправленія въ школѣ порядка, еще опредѣленъ былъ капитанъ Гринковъ; человекъ былъ какъ прилежный, такъ и копотливый и великій запка, однако, завелъ въ школѣ порядокъ получше Алабушева и довель до того, что его стараніемъ нѣсколько человекъ изъ учениковъ пожалованы были въ артиллерію сержантами и унтеръ-офицерами. (Даниловъ, Записки).

## V.

По принципу, выставленому Петромъ, всѣ дѣти „благородныхъ“ должны были учиться, но гдѣ и какъ? Дома могли имѣть учителемъ только какого-нибудь деревенскаго дьячка, запиравшаго своихъ учениковъ въ тѣсную комнату, и уходившаго затѣмъ по своимъ дѣламъ: 1).

Такъ учился классъ привилегированный; для обученія народа не было сдѣлано ровно ничего. Отъ 1732 до 1735 года было открыто нѣсколько начальныхъ училищъ въ Астрахани и Казанской губерніи, но только для крещеныхъ татарскихъ дѣтей, съ цѣлью распространенія православія.

---

1) Даниловъ такъ описываетъ свое первое ученіе:

„Отъ роду моего лѣтъ семи или болѣе, отдали меня въ томъ селѣ, гдѣ отецъ мой жилъ, пономарю Филиппу, прозваніемъ Брудастому, учиться. Учитель нашъ жилъ только одинъ съ своею женою, весьма въ малой избушкѣ. Приходилъ я учиться къ Брудастому очень рано, въ началѣ дня, и безъ молитвы дверей отворить, покуда мнѣ не скажетъ „Аминь“, не смѣлъ. Памятно мнѣ мое ученіе у Брудастаго и поднесъ по той, можетъ быть, причинѣ, что часто меня сѣкли лозою. Такъ какъ намъ, кромѣ обѣда, никуда отъ Брудастаго отпуска ни на малѣйшее время не было, а сидѣли на скамейкахъ безысходно, и въ большіе лѣтніе дни великое мученіе претерпѣвали, то я отъ такого всегдашняго сидѣнія такъ ослабѣвалъ, что голова моя дѣлалась безпамятна и все, что выучилъ прежде наизусть къ вечеру и половины прочитатъ не могъ, за что послѣдняя резолюція:—меня, какъ непоятнаго, сѣчь. Брудастаго жена, во время нашего ученія, понуждала насъ, въ небытность своего мужа, всечасно, чтобъ мы громче кричали, хотябъ и не то, что учимъ. (Изъ записокъ Данилова).



Въ Петербургѣ, кромѣ упомянутыхъ уже учебныхъ заведеній, существовала Академія Наукъ, какъ учрежденіе научное и образовательное. До 1733 г. въ ней было всего 20 учениковъ, набранныхъ изъ духовныхъ училищъ. „Оныхъ половина взята съ профессорами въ Камчатскую экспедицію, изъ коихъ одинъ удался, Крашенинниковъ, а прочіе отъ худого присмотра всё испортились. Оставшаяся въ С.-Петербургѣ половина, бывъ нѣсколько времени безъ призрѣнія и ученія, распредѣлены въ подъячія и къ ремесленнымъ дѣламъ. Между тѣмъ съ 1733 по 1788 г. никакихъ лекцій въ Академіи не преподано россійскому юношеству“<sup>1)</sup>).

Въ 1735 г. вытребованы были вновь 12 человекъ въ Академію изъ Московской Спасской школы, между которыми былъ и Ломоносовъ. Будущій творецъ русскаго языка съ однимъ товарищемъ, котораго тоже ждало блестящее поприще, Виноградовымъ, были отправлены за границу, за „море“, по тогдашнему выраженію. Прочіе десять человекъ оставлены безъ призора<sup>2)</sup>).

Въ царствованіе Анны ряды ученаго персонала, собраннаго Петромъ I, рѣдѣютъ. Въ то время, когда президентомъ Академіи былъ лейбъ-медикъ Блюментростъ, секретарь Академіи Шумахеръ, тоже

---

1) Ломоносовъ.

2) Ломоносовъ по этому поводу говоритъ: „Готовый столъ и квартира пресѣклись и бѣдные скитались не малое время въ подлости. Наконецъ, нужда заставила ихъ просить о своей бѣдности въ Сенатъ Шумахера, который былъ туда призванъ къ отвѣту, и учиненъ ему чувствительный выговоръ съ угрозами штрафа. Откуда возвратясь въ канцелярію, главныхъ на себя просителей студентовъ билъ по щекамъ и высѣкъ батогами. Однако принужденъ былъ профессорамъ и учителямъ приказать, чтобъ давали помянутымъ студентамъ наставленія, что нѣсколько времени и продолжалось, и по экзамену дали имъ добрые аттестаты для показу. А произведены лучшіе въ переводчики, прочіе же распределены по другимъ мѣстамъ, а лекціи почти совсѣмъ прекратились“.

нѣмецъ, малообразованный, но умѣвшій заискивать расположеніе сильныхъ, дѣлалъ столько неприятностей ученымъ, которымъ часто вмѣсто жалованья платилъ „грубостью“, что послѣ 1718 г. большинство: Германъ, оба Бернульи и Бильфингеръ рѣшились уѣхать изъ Россіи <sup>1)</sup>.

Изъ числа оставшихся, наиболѣе серьезныя какъ Делиль и Байеръ, не ходили на засѣданія, куда показывались одни педанты, какъ Юнкеръ и Вейтбрехтъ, которые только и дѣлали, что спорили и даже дрались <sup>2)</sup>. И все это были иностранцы. Россія еще не могла доставлять академикомъ. Блюментроста смѣнили на президентскомъ креслѣ Кейзерлингъ, Корфъ, Бревернъ.

Въ числѣ состоявшихъ при Академіи, мы находимъ для юстиціи Гольдбаха; для астрономіи—Делиля, Вингейма и Гензіуса; для анатоміи—Дювернуа; для ботаники—Аммона, для высшей математики—Эйлера, для исторіи—Гросса и Байера—„профессора антиквитетовъ“ (древностей). Делиль, кромѣ того, занимался картографіей. Байеръ началъ писать исторію Алексѣя Михайловича, не зная ни слова порусски. Но это не помѣшало ему сдѣлаться главой школы, доказывавшей происхожденіе варяговъ, и не имѣть соперниковъ до появленія Миллера, тоже нѣмца-вестфальца, 20 лѣтъ отъ роду назначен-

---

<sup>1)</sup> Шумахеръ, по свидѣтельству Ломоносова, былъ прозванъ „бичемъ на профессоромъ“ (*flagellum professorum*). Академики начали уѣзжать, „затѣмъ, что приобыкли быть всегда при наукахъ и, не навывкнувъ разносить по знатнымъ домамъ поклоновъ, не могли сыскать себѣ защищенія“. (Пекарскій—Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова).

<sup>2)</sup> Профессоръ Юнкеръ ударилъ профессора Вейтбрехта палкой и расшибъ зеркало. Виновымъ былъ признанъ Вейтбрехтъ, „потому что“, говоритъ Ломоносовъ, „онъ умѣлъ хорошо по латынѣ, напротивъ того Юнкеръ едва разумѣлъ латинскихъ авторовъ, однако мастеръ былъ писать стиховъ нѣмецкихъ, чѣмъ себѣ и честь зажилъ и знакомство у фельдмаршала, графа Миниха“. (Пекарскій).

наго адъюнктомъ историческаго и географическаго классовъ при Академіи. Первымъ научнымъ трудомъ Миллера былъ большой „Сборникъ статей, относящихся къ русской исторіи, куда онъ<sup>1)</sup> вставилъ и рукопись „Повѣсти временныхъ лѣтъ черноризца Θεодосьева монастыря Печерскаго“<sup>1)</sup>). Миллеръ въ 1732 не могъ подозрѣвать, что его Abt Theodosius есть тотъ же Несторъ, такъ какъ Татищевъ привезъ въ Петербургъ свою исторію только въ 1739 г. Въмѣстѣ съ тѣмъ Миллеръ увлекался этимологическими фантазіями, вслѣдствіе чего; напр., по его мнѣнію *варягъ* значить *морской человекъ* отъ *Varech*, означающаго все, что выбрасывается моремъ. Онъ выводилъ отсюда заключеніе, что основатели Русскаго государства были мореплаватели. Шумахеръ не взлюбилъ Миллера и отправилъ его въ Камчатскую экспедицію. Благодаря этому, Миллеръ сдѣлался настоящимъ ученымъ. Онъ привезъ изъ своего путешествія 20 томовъ замѣтокъ, въ которыхъ не все можно принимать безусловно на вѣру, но которыя, тѣмъ не менѣе, представляютъ изъ себя сокровища. Между прочимъ, Миллеръ основалъ въ Петербургѣ „С.-Петербургскія Вѣдомости“, гдѣ, начиная съ 1728 г., слѣдуя примѣру англійскихъ газетъ, касался въ общедоступной формѣ всевозможныхъ вопросовъ.

Только около середины царствованія Анны среди профессоровъ Академіи появляется одинъ русскій—Ададуровъ. Состоя адъюнктомъ по кафедрѣ физики, онъ переводилъ сочиненія своихъ сослуживцевъ—

---

1) У Миллера значится. „Древняя рукопись, содержащая Русскую Исторію игумена Θεодосія Кіевскаго“. Слова „игумена Θεодосія Кіевскаго“ насъ поражаютъ: мы не знаемъ такого лѣтописца; но мы не должны забывать, что имѣемъ дѣло съ трудомъ молодого иностранца, еще неопытнаго въ языкѣ рукописей. Изъ-заглавія рукописи „Повѣсть временныхъ лѣтъ черноризца Θεодосьева монастыря Печерскаго“, Миллеръ не понялъ силвестровой приписки: „И мнѣ игуменцу“ (т. е. бывшему игуменомъ) онъ приписалъ своему лѣтописцу Θεодосію, котораго сдѣлалъ преемникомъ Сильвестра на игуменствѣ въ монастырѣ св. Михаила. (Соловьевъ).

нѣмцевъ и читалъ свои переводы въ „конференціи“, учрежденной при Академіи подъ названіемъ „Россійскаго собранія“, для обработки русскаго научнаго языка и слога. Задача нелегкая! Петръ I желалъ, чтобы этотъ языкъ возможно ближе подходилъ къ живой разговорной рѣчи, уже сильно отличавшейся отъ языка церковно-славянскаго. Но научные переводы исходили, главнымъ образомъ, изъ духовныхъ школъ, считавшихъ живую народную рѣчь „подлой“. А тутъ еще являются малороссы съ своимъ языкомъ, и разбираться въ этомъ хаосѣ, приходилось нѣмецкимъ ученымъ и русскому переводчику-физику!

Къ счастью Ададунова у него былъ пріятель и сотрудникъ, тоже русскій, только что возвратившійся изъ Парижа и Сорбонны, гдѣ слушалъ лекціи Ролена. Его звали Василій Кириловичъ Тредіаковскій. Я говорилъ въ своихъ очеркахъ русской литературы объ этомъ грамматикѣ-поэтѣ, писавшемъ плохіе стихи, но доставившемъ Пушкину возможность писать хорошіе. Анна и Академія, правда, отнесли къ Тредіаковскому несправедливо: его заставляли писать оды на торжественные случаи, и часто за труды ему наградой бывали побой<sup>1)</sup>. Нуженъ былъ гевій Ломоносова, чтобы доказать всѣмъ въ Рос-

---

1) Сего 1740 февраля 4 дня, т. е. въ понедѣльникъ ввечеру въ 6 или 7 часовъ, пришелъ ко мнѣ г. кадетъ Криницынъ и объявилъ мнѣ, чтобъ я шелъ немедленно въ Кабинетъ е. и. в. Сіе объявленіе, хотя меня привело въ великій страхъ, тѣмъ наипаче, что время уже было позднее, однако я ему отвѣтствовалъ, что тотчасъ пойду. Тогда, подпоясавъ шпагу и надѣвъ шубу, пошелъ съ нимъ тотчасъ, ни мало не отговариваясь и сѣвъ съ нимъ на извозника, поѣхалъ въ великомъ трепетаніи; но видя, что помянутый г. кадетъ не въ Кабинетъ меня везетъ, то началъ спрашивать его учтивымъ образомъ, чтобъ онъ пожаловалъ объявить, куда онъ меня везетъ, па что мнѣ отвѣствовалъ, что онъ везетъ меня не въ Кабинетъ, но на Слоновый дворъ, и то по приказу его п—ства Кабинетъ-министра Ар. Петр. Волинскаго, а зачѣмъ — сказалъ что не знаетъ.

си, что русскій поэтъ и ученый могутъ не уступать нѣмецкому и даже превосходить его, и только Елизавета могла поставить на соотвѣтствующее мѣсто уже предвидѣннаго Петромъ соперника Вернулье и Деллиа.

---

Когда мы прибыли на Слоновый дворъ, то помянутый г. кадетъ пошелъ напередъ, а я за нимъ въ оную камеру, гдѣ маскарадъ обучался; вышедъ, постоявъ мало, началъ я жаловаться его п—ству на помянутаго г. кадета, что онъ меня взялъ изъ дома такимъ образомъ, который меня въ великій страхъ и трепетъ привелъ; но его п—ство не выслушавъ моея жалобы, началъ меня самъ бить предъ всѣми толь немилостиво по обѣимъ щекамъ, и притомъ всячески браня, что правое мое ухо оглушилъ, и лѣвый глазъ подбилъ, что онъ изволилъ чинить въ три или четыре приѣма. Сія видя, помянутый г. кадетъ ободрился и сталъ притомъ на меня жаловаться его п—ству, что его будто дорогою бранилъ и повосилъ. Тогда его п—ство позволилъ и оному кадету бить меня по обѣимъ же щекамъ публично; потомъ, съ часъ времени спустя, его п—ство приказалъ мнѣ спроситься, зачѣмъ я призванъ, у г. архитектора и полковника П. М. Еропкина, который мнѣ кидалъ написать самую краткую матерію, и съ которой должно было мнѣ сочинить приличные стихи къ маскараду. Съ симъ и отправился въ домъ мой, куда пришедъ, сочинилъ оныя стихи и, размышляя о моемъ напрасномъ безчестіи и увѣчи, разсудилъ поутру, избравъ время, пасть въ ноги его высоко-герцогской свѣтлости (Бирону), пожаловаться на его п—ство. Съ симъ намѣренемъ пришелъ я въ покои къ его высоко-герцогской свѣтлости поутру и ожидалъ времени припасть къ его ногамъ; но по несчастію туда пришелъ скоро его п—ство А. П. Волынской; увидавъ меня, спросилъ съ бранью, зачѣмъ я здѣсь; я ничего не отвѣтствовалъ, а онъ билъ меня тутъ по щекамъ, вытолкалъ въ шею и, отдавъ въ руки ѣздовому сержанту, повелѣлъ меня отвести въ комисію и отдать меня подъ караулъ, что такимъ образомъ и учинено. Потомъ, нѣсколько спустя времени его п—ство прибыли и самц. Тогда браня меня всячески, велѣли съ меня снять шпагу съ великою яростію и всего оборвать и положить и бить палкою по голой спиѣвъ столь жестоко и немилостиво, что, какъ мнѣ ска-

Витый, травимый Тредіаковскій былъ во время Анны мученикомъ героической плеяды—призванной къ продолженію въ области науки и литературы традиціи легендарныхъ героевъ эпохи татарскаго ига. Тредіаковскій совершилъ путешествіе въ Парижъ пѣшкомъ. Ломоносовъ, такимъ же способомъ, добрался отъ береговъ Ледовитаго Океана до Москвы. Манкіевъ, написавшій краткую исторію Россіи, напечатанную только при Екатеринѣ II, написалъ ее въ шведской тюрьмѣ. Между изученіемъ горнаго искусства заграницей, трудами по моветной канцеляріи въ Москвѣ, гдѣ ему поручено было переплавить русскіе рубли, въ Сибири, гдѣ онъ основалъ заводы, и въ Оренбургскомъ краѣ, гдѣ устраивалъ башкиръ, Татищевъ нашелъ время сдѣлаться историкомъ,

---

зывали уже послѣ, дано мнѣ съ 70 ударовъ; а приказавши перестать бить, велѣли меня поднять и, браня меня, не знаю, что у меня спросили, ни что въ безпамятствѣ моемъ не знаю, что и отвѣтствовалъ. Тогда его п—ство паки велѣлъ меня бросить на землю и бить еще тою же палкою, такъ что дано мнѣ и тогда съ тридцать разовъ; потомъ всего меня изнемогшаго, велѣли поднять и обуть, и раздранную рубашку не знаю кому зашить, и отдали меня подъ караулъ, гдѣ я ночевалъ на среду, твердя наизусть стихи, хотя мнѣ уже не до стиховъ было, чтобы оны прочесть въ Потѣшной залѣ. Въ среду подъ вечеръ привезенъ я былъ въ маскарадномъ платьи и въ маскѣ подъ карауломъ въ оную Потѣшную залу, гдѣ тогда мнѣ повелѣно было прочесть наизусть оны стихи насилу. По прочтеніи оныхъ и по окончаніи маскарадной потѣшки отведенъ я паки подъ караулъ въ комиссію, гдѣ и ночевалъ я на четвертокъ, но въ четвертокъ призванъ я былъ по утру часовъ въ десять въ домъ къ его п—ству, гдѣ былъ ваять предъ него и много браненъ; а потомъ объявилъ онъ мнѣ, что разстался хочеть со мной еще побивши меня, что я услышавъ съ великими слезами просилъ его п—ство умиловитиваться надо мною, всѣмъ уже изувѣченнымъ; однако не преклонилъ его сердца на милость, такъ что тотчасъ велѣлъ онъ меня вывести въ переднюю и караульному капралу бить меня палкой десять разъ, что и учинено. Потомъ повелѣлъ мнѣ отдать шпагу и освободить изъ подъ

этнографомъ, географомъ и юристомъ. Онъ чуть было не сдѣлался архитекторомъ въ „Художественно-ремесленной школѣ“, которая, впрочемъ, такъ и осталась въ проектѣ изъ экономическихъ соображеній <sup>1)</sup>: Академія и безъ того очень нуждалась при своемъ скромномъ бюджетѣ, большая часть котораго поглощалась экспедиціями. Продолжавшаяся съ 1733 по 1743 г. экспедиція Беринга приняла колоссальные размѣры при участіи въ ней 600 человекъ. Самостоятельныя морскія и сухопутныя экспедиціи Мальгина, Свуратова, Овцына, Пручищева, Харитонова, Лаптева, производили снимки береговъ Сибири отъ Бѣлаго моря до устьевъ Калымы, между тѣмъ какъ Берингъ—главный начальствующій—посѣщаль острова Курильскіе, доѣзжалъ до Японіи, открылъ нѣсколько острововъ близъ полу-

---

караула, и, призвавъ къ себѣ, отпустилъ меня домой съ такими угрозами, что я еще ожидаю скоро или нескоро такого же печальнаго отъ него несчастья, буде Господь по душу не пошлетъ“.

Причиной гнѣва Волынскаго на Тредіаковскаго была какая-то пѣсня, написанная нашимъ пѣнцомъ въ насмѣшку надъ Волынскимъ, разумѣется въ угоду своему патрону, князю Куракину. „Басенка—какъ ее назвалъ самъ авторъ—„Самохвалъ“, какъ нельзя больше относится къ самому видному недостатку Волынскаго и къ обстоятельствамъ его жизни:

„Въ отечество свое какъ прибылъ нѣкто вспать,  
А не было его тамъ, почитай, лѣтъ съ пять,—  
То за-все передъ людьми, гдѣ было ихъ довольно,  
Дѣлъ славою своихъ, онъ похвалялся больно,  
И такъ ужъ говорилъ, что не нашлось ему  
Подобнаго во всемъ и равна по всему и т. д.

Кабинетъ-министръ Волынской такимъ образомъ отмѣтилъ *секретарю* Тредіаковскому—человѣку все же извѣстному, имѣвшему сильнаго покровителя—отмѣтилъ въ Петербургѣ, во дворцѣ, въ покояхъ фаворита. Что же могло дѣлаться въ глуши, въ провинціи, съ товарищами Тредіаковскаго? (Соловьевъ).

<sup>1)</sup> Нилъ Поповъ, *Татищевъ и его время*.

острова Камчатки и умеръ на одномъ изъ нихъ. Делиль также участвовалъ въ этой экспедиціи.

При полномъ равнодушіи и даже враждебности толпы, преслѣдуемые насмѣшками, даже перенося побои, всё эти люди науки шли впередъ, заставляя двигаться почти нечеловѣческими усилиями корабль, который Петръ нагрузилъ самой благородной частью народной будущности. Но вообще, безъ помощи Мюллера и Беринга, добросовѣстные труженики недалеко бы ушли. Они терпѣливо и покорно принимали эту помощь. Одинъ только Кантемиръ стоялъ совершенно особнякомъ въ зарождающемся литературномъ мірѣ. Разыгрывая недовольнаго и возмущеннаго, онъ обратилъ весь свой талавтъ на сатиру, критиковалъ направо и налево и даже не щадилъ поповъ, съ ихъ „рясами въ заплатахъ“ Татищевъ—котораго обвиняли за это въ свободомысліи,—желалъ бы также улучшенія ихъ положенія, чтобы въ нихъ проснулось чувство собственнаго достоинства <sup>1)</sup>).

Сношенія господствующей церкви съ лютеранской и протестанской кликой, стоявшей у власти, представляютъ одинъ изъ курьезовъ этого царствованія, а также служатъ доказательствомъ той внутренней силы, которую страна хранила и развивала въ себѣ—хотя скрытаго, но могучаго двигателя, отъ котораго, главнымъ образомъ, зависела ея судьба, причемъ внѣшнія вліянія могли имѣть только второстепенное значеніе. Хотя чужеземный экипажъ и захватилъ въ свои руки руль и начальство—онъ не могъ дать судну другого направленія.

---

<sup>1)</sup> Награда попа безбѣднымъ пропитаніемъ, деньгами, а не пашнею, для того, чтобъ отъ него навозомъ не пахло; за деньги онъ будетъ принадлежать церкви болѣе нежели къ своей землѣ, пашнѣ и сѣнокосу, что и сану ихъ совсѣмъ неприлично и черезъ то надлежащее почтеніе теряютъ. Когда же гдѣ есть ученый попъ и добраго поведенія человѣкъ, къ тому же неимѣющій крайней въ деньгахъ нужды, то конечно приведетъ къ благоденствію и мирному житію.

(Завѣщаніе Татищева).



## VI.

17 марта 1730 года, Анна, желая показать, что долгое пребываніе въ еретическихъ странахъ не повліяло на чистоту ея вѣры и ревности къ ней, издала манифестъ, гдѣ духовенству предписывалось „имѣть прилежное попеченіе о храненіи и защищеніи православнаго закона христіанскаго Восточныя церкви“. А Синоду повелѣвалось: „Прилежное попеченіе имѣть, дабы всѣ христіанскій Законъ Божій сохраняли, тайны святыя и прочія преданія отъ церкви святой узаконенныя со тщаніемъ и благоговѣніемъ исполняли и въ праздники и въ воскресныя дни въ церковь приходили со тщаніемъ, и во время службы святой въ церквахъ благочиніе сохраняли... Установленные же въ нашей имперіи крестныя ходы и благодарныя моленія во дни тезоименитства нашего и нашей фамиліи, а также на память усопшихъ предковъ нашихъ поминовенія отправлять неотложно, *такъ какъ прежде сего при ихъ величествахъ дядь и отць нашемъ было*“.

Это уже было какъ бы поворотомъ назадъ и осужденіемъ новаторскаго духа, представителемъ котораго являлся Теофанъ Прокоповичъ. Противники архіерея воспользовались этимъ, чтобы возобновить свои нападенія. Въ высшихъ духовныхъ сферахъ въ это время шла борьба между двумя теченіями: одно склонялось къ протестантизму, другое—къ католицизму. Буддей и Мосгеймъ печатали по-нѣмецки трактаты—мысль которыхъ приписывали Прокоповичу—противъ книги „Камень вѣры“ Яворскаго, гдѣ авторъ „мирволил“ католицизму. Лопатинскій открыто вступилъ въ борьбу, издавъ отвѣтъ, гдѣ прямо обращался къ архіерею Новгородскому. Старались даже устроить такъ, чтобы Прокоповичъ не служилъ въ день коронаціи Анны. Но она

была ему слишком многимъ обязана и не только не послушалась наветовъ, но при организаціи Синода, Теофанъ получилъ вмѣстѣ съ своимъ другомъ Питиримомъ мѣсто несмѣняемаго члена, между тѣмъ какъ девять остальныхъ членовъ назначались только на два года. Теофанъ воспользовался этимъ, чтобъ уничтожить своихъ враговъ, замѣшанныхъ въ политическомъ процессѣ: Георгій Дашковъ былъ сосланъ въ монастырь, архимандритъ Маркеллъ Родышевскій, предполагаемый авторъ памфлета, содержащаго письмо папы къ Теофану Прокоповичу, былъ лишенъ сана и заключенъ въ тюрьму; а противъ Лопатинскаго также начато было уголовное преслѣдованіе, еще неокончившееся, когда истощенный борьбой Теофанъ умеръ 55 лѣтъ въ 1736 г. Онъ привлекъ къ допросу одного изъ предполагаемыхъ сообщниковъ своего врага, монаха Рѣшилова, но не дожидель до радости увидать Лопатинскаго въ Выборгскомъ замкѣ, куда тотъ былъ заключенъ два года спустя. Лопатинскому было запрещено читать и писать, и на содержаніе его выдавалось по гривнѣ въ день. Но косвеннымъ слѣдствіемъ борьбы было, что побѣдитель остановился на уклонѣ, скользя по которому онъ рисковалъ пойти по слѣдамъ Генриха VIII англійскаго. Чтобы побѣдить, Теофанъ былъ принужденъ громко заявить о своей приверженности къ *православію* и отречься отъ всякихъ сношеній съ протестантизмомъ. Такимъ образомъ его вліяніе ограничилось устраненіемъ—въ духѣ реформъ Петра Великаго—тѣхъ безпорядковъ, какіе царили въ средѣ чернаго духовенства. Въ 948 монастыряхъ жило до 14000 монаховъ и монахинь. Монастыри владѣли 758,802 душами, и всѣ высшія должностныя лица духовнаго вѣдомства, изъ которыхъ многія имѣли до 30,000 содержанія, были изъ монаховъ. Испорченность нравовъ въ этой средѣ была всеобщая. Въ 1732 г. крестьяне изъ окрестностей Архангельска три дня гонялись за іеромонахомъ, увезшимъ молоденькую дѣвушку<sup>1)</sup>. Попойки въ монастыряхъ происходили ежедневно. Прокоповичъ принималъ эвергическія мѣры для искорененія этихъ „злообразій и соблазновъ“, въ тоже время какъ заботы его о распространеніи образо-

---

<sup>1)</sup> Шукинъ, *Документы*.

ванія среди духовенства выразились въ декабрьскомъ указѣ 1731 года, предписывавшемъ отправлять „поповскихъ дѣтей въ московскія греко-латинскія школы“. Другимъ указомъ, въ 1739 г. предписано Синоду „имѣть наиприлежитѣйшее попеченіе, чтобы во всѣхъ епархіяхъ неотмѣнно были учреждены семинаріи<sup>1)</sup> по образцу основанной Теофаномъ. Но мѣра эта долго оставалась безъ осуществленія.

Съ другой стороны правительство твердо держалось обѣщаній, высказанныхъ въ манифестѣ 17 марта. Въ апрѣлѣ 1730 г. выпроводили подъ конвоемъ монаха-бернардинца, явившагося въ Россію для пропаганды, а черниговскому архіерею разрѣшили разрушить лютеранскую часовню, построенную мекленбургцами<sup>2)</sup>. Въ іюлѣ 1736 г. по предложенію самого Теофана Сенатъ обратился къ Синоду съ предложеніемъ уничтожить въ одномъ изъ монастырей могилы двухъ ересеіарховъ, Лупкина и Сулова. Святѣйшій Синодъ по этому поводу припомнилъ, что по Соборному уложенію еретиковъ и ересеіарховъ слѣдуетъ сжигать живыми. И спустя два года капитанъ-лейтенантъ флота Возницынъ былъ сожженъ по доносу своей жены, что онъ „жидомъ Борухомъ превращенъ въ жидовство“. Одновременно сожгли и совратителя<sup>3)</sup>.

Чтоже касается раскола, то Остерманъ и его товарищи шли по старой колеѣ: на отступниковъ налагались двойныя подати; дѣтей обязательно крестили; за распространеніе раскола ссылали въ каторжныя работы. Расколъ, между тѣмъ, распространился и въ Сибири, гдѣ искали убѣжища многочисленные раскольники. Въ 1783 году, когда въ Польшу были отправлены войска, они воспользовались до-сугомъ для выслѣживанія сектантовъ. Татищевъ ловилъ въ лѣсахъ раскольничьихъ монаховъ и монахинь и препровождалъ ихъ къ тобольскому архіерею для размѣщенія по монастырямъ; но многіе съ

---

1) Полн. Собр. Зак. № 5882.

2) То-же 5560.

3) То-же 7612. Гольцевъ. *Законодательство и нравы*

дороги бѣжали. Одна монахиня претворилась мертвой и такимъ образомъ сохранила жизнь и свободу<sup>1)</sup>. Въ Москвѣ открыты были тайныя собранія, гдѣ женщины вертѣлись по цѣлымъ часамъ, какъ дровиши, и говорили, что Духъ Святый сошелъ на нихъ... И тутъ не обошлось безъ вмѣшательства палача: кнутъ и топоръ справились съ виновными<sup>2)</sup>.

Весь этотъ быстрый перечень долженъ оставить въ читателѣ большею частью невыгодное впечатлѣніе; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ можетъ доказать, что не будучи блестящимъ—этого нельзя было ожидать уже по самому умственному уровню правителей—правительство, несмотря на Остермановъ и Бироновъ, оставалось столько же русскимъ, такъ какъ имѣло въ виду направленіе, давнее первоначально русскому національному развитію.

Чѣмъ же объяснить, что это правительство сохранилось въ народной памяти, какъ ненавистное господство иноземной тирании, и что до сихъ поръ по адресу его несутся проклятія? Я уже намекалъ на отвѣтъ; постараюсь теперь изложить его точнѣе:

---

1) „Ее положили въ гробъ и снесли въ убогій домъ, откуда ее выпроводили живою ея единовѣрцы. *Донесеніе Томскаго архіерея.*

2) Несмотря на требованіе Синода (въ отвѣтъ на предложеніе Рязанскаго архіепископа: „Въ виду того, что раскольники къ увѣщаніямъ, яко аспидъ глухи, такъ не лучше ли смирять ихъ постомъ и стегать плетью“), чтобы раскольникамъ наставленіе имѣть не иначе, какъ по-пастырски, словомъ учительскимъ, и за трудность онаго не почитать, ибо всякое дѣло труда есть подлежательно, а колыми паче надлежитъ приложить трудъ свой о чловѣкѣ гибнущемъ душою, къ чему его преосвященство призванъ и таковымъ характеромъ почтенъ. (Собраніе постановленій по части раскола).

## VII.

Вообще, внутренняя политика царствованія обуславливалась обстоятельствами, сопровождавшими восшествіе на престолъ Анны Среди знати, намѣревавшейся предписывать законы императрицѣ, и дворянствомъ, держалось тайное, все порицавшее неудовольствіе, уступившее лишь вмѣшательству вооруженной силы. У дочери Іоанна оставалась только одна точка опоры: иностранцы, на вѣрность которыхъ она могла рассчитывать, пользуясь ими для поддержанія своего положенія, потому что отъ послѣдняго зависѣла ихъ судьба. Кромѣ того, ей, во всѣхъ отношеніяхъ, было бы трудно обойтись безъ ихъ помощи, разъ ужъ и Долгорукимъ, и Голицынымъ приходилось обращаться къ нимъ. Послѣ государственнаго переворота, какъ прежде него, Остерманъ былъ необходимъ для руководства иностранной политикой такъ же, какъ впослѣдствіи Минихъ и Леси для начальства надъ арміей за предѣлами Россіи. А такъ какъ Анна, имѣвшая въ Митавѣ дворъ, поставленный на европейскую ногу, не могла обойтись безъ него и въ Петербургѣ, то само собой для управленія имъ явился Левенвольдъ. Петръ избѣгъ такого естественнаго порядка вещей, созданнаго имъ самимъ, сначала обходясь вовсе безъ двора, а затѣмъ устраиваясь такъ, чтобы иностранныя силы, употребляемыя имъ, служили только подкладкой платью, которое онъ кроилъ для преобразованной Россіи изъ обильнаго и прочнаго матеріала изумительнаго генія. Теперь матеріала не хватало; подкладка, естественно, начала выступать повсюду наружу. Это было естественно и неизбѣжно; но національное чувство должно было чувствовать себя при этомъ обиженнымъ. Оно возмущалось, протестовало, и возникшее недоразумѣніе между нимъ и правленіемъ Анны Іоанновны не имѣетъ другой причины.

Духъ царствованія очень ярко выразился въ порученіи, данномъ въ первые мѣсяцы Густаву Левенвольду образовать новый гвардейскій полкъ, подполковникомъ въ который былъ назначенъ Кейтъ, шотландецъ, перешедшій съ испанской службы въ русскую. Ему было поручено набрать прочихъ офицеровъ „между ливонцами, эстонцами, курляндцами и прочими иностранцами, а также между русскими“. Этотъ полкъ получилъ названіе Измайловскаго по имени села въ окрестностяхъ Москвы, любимаго лѣтняго мѣстопребыванія императрицы; но русскихъ, очевидно, среди его штаба было не много. И были-ли бы они способны занимать въ арміи и прочихъ отрасляхъ мѣста, отдаваемые другимъ? Рүмянцевъ, палачъ Алексѣя, занималъ теперь два мѣста: въ гвардіи и Сенатѣ; затѣмъ онъ получилъ подарокъ въ двадцать тысячъ рублей въ видѣ вознагражденія за приходившуюся на его долю часть изъ состоянія Лопухиныхъ, отнятую у него Пегромъ II. Такъ какъ онъ не удовлетворился этимъ, ссорился съ Бирономъ и жаловался на предпочтеніе, отдаваемое нѣмцамъ, то Анна предложила ему президентство въ коллегіи финансовъ. Онъ отказался: „Ничего я не смыслю въ финансахъ и не найду способовъ удовлетворить безумнымъ тратамъ вашего двора и фаворитовъ“. Его дерзость достигла такихъ предѣловъ, что Анна принуждена была отдать его подъ судъ Сената, и онъ былъ приговоренъ къ смерти. Императрица помиловала его и сослала въ Казань. Но его считали мученикомъ. Затѣмъ наступила очередь Ягужинскаго, ежедневно въ пьяномъ видѣ или притворяясь нетрезвымъ, оскорблявшаго публично Остермана. Его отправили въ Берлинъ, а оттуда въ Вѣну. Даже на Долгорукихъ, которыхъ всѣ ненавидѣли, стали смотрѣть какъ на мучениковъ за народное дѣло, лишь только противъ нихъ началось преслѣдованіе. Пошли слухи, что царица хотѣла выйти замужъ за Рейнгольда Левенвольда, и что Василій Долгорукій пострадалъ за свое несогласіе на это.

Новымъ правительствомъ не только возмущались, но противъ него устраивались и заговоры. Въ 1733 г., по доносу бывшего камеръ-

пажа герцогини Мекленбургской, Федора Милашевича, противъ смоленскаго губернатора, князя Александра Черкаскаго было возбуждено преслѣдованіе за государственную измѣну. Довосчикъ обратился съ своими сообщеніями къ Бестужеву-Рюмину, великому государственному человѣку будущаго—отправленному, какъ бы въ полу-опалѣ, резидентомъ въ Гамбургъ. Въ надеждѣ вернуть себѣ милость этимъ путемъ, Бестужевъ самъ предалъ обвиняемаго Ушакову.

Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобъ соединиться противъ общаго врага, русскіе старались подставить ногу другъ другу! Дѣло Милашевича и Черкаскаго никогда не было вполнѣ разъяснено. Милашевичъ впослѣдствіи взялъ свое обвиненіе назадъ, говоря, что не имѣлъ другой цѣли обвинять князя, кромѣ желанія удалить его изъ Смоленска, гдѣ оба ухаживали за одной молодой дѣвушкой, а Черкасскій говорилъ, что призвался изъ страха передъ дыбой. Однако несомнѣннъ фактъ существованія довольно таки подозрительной переписки между имъ и Милашевичемъ съ герцогомъ Голштинскимъ, право котораго на русскій престолъ они, повидимому, признавали<sup>1)</sup>. Такимъ образомъ, эти двое русскихъ не нашли никого, чтобы замѣнить Анну и ея нѣмцевъ, какъ сына нѣмецкаго князя!

Окруженная подобными людьми и зная настроеніе всего русскаго общества, Анна постоянно боялась заговоровъ. Даже въ иностранной прессѣ 1738 г. по поводу новаго процесса противъ Долгорукихъ говорили объ обширномъ заговорѣ, имѣвшемъ цѣлью положить конецъ неправильно захваченному царствованію и установленной имъ гегемоніи. Въ январѣ 1740 г. Байрейтская газета передавала, что ей сообщали, будто Долгорукіе, Голицыны и Гагарины согласились возвести на престолъ Елизавету, выдавъ ее за одного изъ Нарышкиныхъ, невѣстой котораго она уже состоитъ. Этотъ Нарышкинъ, романъ котораго—истинный или вымышленный—служилъ безконечной темой для современной иностранной печати, жилъ въ то время въ Парижѣ. Но, если эта государыня, выбранная нѣсколькими недалеконвидными олигархами для собственнаго удобства и принуж-

---

1) Курѣпинъ. *Процессъ князя Черкаскаго.*

денная такимъ образомъ повторить заблужденіе всѣхъ узурпаторовъ, если она, дѣйствительно захватила тронъ не по праву, то ни Биронъ, ни Левенвольдъ, ни даже Остерманъ не сдѣлали ничего, чтобы извлечь ее изъ Митавы: туда за ней отправлялись трое русскихъ — посланцевъ семи или восьми такихъ же чисто-русскихъ.

Въ 1734 г. Анна держала въ тюрьмѣ бывшаго кабинетскаго секретаря Макарова, обвиненнаго якобы въ злоупотребленіяхъ и напрасно молившаго судить его. Истинное же преступленіе его заключалось въ томъ, что у него находились письма Анны, относившіяся ко времени, когда ей и въ голову не приходило, что она можетъ стать императрицей <sup>1)</sup>. И не пришло бы ей этого въ голову никогда, если бы члены Верховнаго Совѣта, Голицыны и Долгоруіе, не отыскали, чтобы передать ей наслѣдіе Петра I, эту вдову нѣмецкаго герцога, 20 лѣтъ жившую въ нѣмецкой странѣ, дѣля свое расположеніе между Левенвольдами, Корфами и Бировами!

Великой искупительной жертвой этого царствованія и вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ значительнымъ представителемъ идей и народныхъ стремленій, былъ Вольтинскій. Поэтому мы остановимся нѣсколько дольше на его исторіи,—во всякомъ случаѣ любопытной и поучительной—начиная съ его выступленія на сцену, гдѣ мы его видимъ борющимся не за русскихъ противъ нѣмцевъ, но за нѣмца противъ другого нѣмца. Они тоже отчаянно грызлись! Въ 1735 г. со смертью Густава Левенвольда у Бирона стало однимъ врагомъ, а у Остермана одной опорой, меньше. Но послѣдній и самъ могъ защитить себя. Во всѣхъ затруднительныхъ дѣлахъ вѣшнихъ или внутреннихъ. наученная опытомъ Анна обращалась къ „оракулу“, какъ тогда выражались. А выдвинутый впередъ фаворитомъ Минихъ проявлялъ честолюбіе еще большее, а главное, еще болѣе обширные аппетиты.

Послѣ войны за польское наслѣдство прошелъ слухъ, что Ле-

---

<sup>1)</sup> Чистовичъ. Біографія Теофана Прокоповича.



щинскому удалось ускользнуть из Данцига только предложив побѣдителю значительную сумму, и Ягужинскій сдѣлалъ запросъ по этому поводу, но повидавшись съ Бирономъ, Минихъ добился, что запросъ остался безъ отвѣта. Кто знаетъ: можетъ быть и подѣлились! По окончаніи турецкой войны фельдмаршалъ настаивалъ на продолженіи враждебныхъ дѣйствій; ему приписывали желаніе сдѣлаться независимымъ княземъ Молдавіи или Украины. Говорятъ, будто Анна сказала: „Минихъ очень скромнень; я всегда думала, что онъ будетъ просить у меня титула великаго князя московскаго <sup>1)</sup>“. Такимъ образомъ большой заботой Бирона было преградить дорогу своему бывшему ставленнику.

Сначала онъ далъ своимъ двумъ братьямъ порученіе дѣйствовать въ этомъ направленіи. Но Карлъ, красивый мужчина—и больше ничего—только сумѣлъ встревожить герцогиню Мекленбургскую, уже вообразившую, что онъ готовится предъявить права на наслѣдіе Анны Ивановны вмѣстѣ съ Елизаветой. Она даже рѣшила вызвать изъ Ревеля удаленнаго туда красавца Шубина, единственнаго способнаго, по ея мнѣнію, отвлечь вниманіе Елизаветы отъ ея новой привязанности. Анна, нетерпѣвшая отступленія отъ нравственности въ другихъ, косо взглянула на это и запретила Карлу Бирону видаться съ влюбчивой цесаревной, Шубина отправили въ Сибирь, да въ такую глушь, что Елизавета впоследствии съ трудомъ могла разыскать его <sup>2)</sup>). Фаворитъ послѣ этого принялся за упомянутаго выше Бисмарка. Отецъ его, родомъ изъ Вестфалии, служилъ въ Пруссіи, гдѣ у него было помѣстье Шенгаузенъ, и былъ комендантомъ крѣпости Кюстрина. Сынъ его, Рудольфъ Августъ, дослужился также на прусской службѣ до полковника, но, убивши своего слугу, онъ былъ принужденъ бѣжать въ 1715 г. Но, получивъ прощеніе, онъ еще десять лѣтъ командовалъ Голштинскимъ полкомъ, пока новый подвигъ не за-

---

<sup>1)</sup> Пекарскій—*Ла Шетарди въ Россіи*.

<sup>2)</sup> Мартфельдъ—4 янв. 1731 г. Секретный архивъ Берлина.

ставилъ его перебраться въ Россію. Фаворитъ женилъ его на своей свояченицѣ, некрасивой и болѣзненной дѣвицѣ фонъ Трейденъ, пользовавшійся его услугами въ Митавѣ, гдѣ онъ имѣлъ успѣхъ, послужившій примѣромъ правнуку въ его дѣятельности въ Ганноверѣ, наградилъ его чиномъ генераль-маіора и сдѣлалъ лифляндскимъ губернаторомъ.

Но во внутренней политикѣ и придворныхъ интригахъ отъ этого юнкера совершенно не могло быть никакой пользы, а Ягужинскій, возвращенный въ 1735 г. изъ своихъ посольствъ, назначенный кабинетъ-министромъ и оберъ-шталмейстеромъ по смерти Лёвенвольда, совершенно некстати умеръ въ слѣдующемъ году.

Артемій Петровичъ Волинскій былъ послѣднимъ изъ борцовъ, котораго фаворитъ выдвигалъ такимъ образомъ въ продолженіе десяти лѣтъ. По своей женѣ, Александрѣ Львовнѣ, урожденной Нарышкиной, Волинскій приходился родственникомъ Петру I, что, вѣроятно, и побудило временщика, послѣ того, какъ онъ собственноручно отдулъ Волинскаго палкой, назначить его сначала посломъ въ Константинополь, потомъ командующимъ войсками, посланными въ Персію, и, наконецъ, губернаторомъ въ Астрахань. Волинскій всюду злоупотреблялъ своимъ положеніемъ, всюду отличался всевозможными излишествами. Не особенно образованный, но очень способный, нервный, страстный, беспорядочный, Волинскій былъ одной изъ тѣхъ „широкихъ натуръ“, которыя и теперь встрѣчаются на Руси—могучихъ и способныхъ на великія дѣла, но не знающихъ ни мѣры, ни удержу. Когда онъ скомпрометировалъ себя въ Астрахани, Екатерина I спасла его, переведя въ Казань, гдѣ онъ продолжалъ проявлять свои необычныя способности на ряду съ невообразимыми сумасбродствами и неудержимой страстью къ лихоимству и проявленіями жестокой свирѣпости. Мы видѣли, что въ 1730 г. его извѣщали о проектахъ конституціонной реформы, возникшихъ въ Москвѣ. Онъ самъ написалъ одинъ изъ нихъ, проводя въ немъ идеи, дорогія среднему дворянству, къ которому онъ принадлежалъ, хотя и производилъ себя

отъ предка, павшаго рядомъ съ Дмитріемъ Донскимъ на Куликовомъ полѣ и бывшаго женатымъ на дочери героя. Избѣгнувъ въ царствованіи Анны новаго слѣдствія, благодаря родству съ Салтыковымъ, онъ пробрался въ конюшенное вѣдомство и ждалъ наслѣдія послѣ Ягужинскаго.

— Предвижу, что Волинскій проберется въ кабинетъ-министра, — говорилъ передъ смертью послѣдній; — но не пройдетъ и двухъ лѣтъ, какъ принуждены будутъ его повѣсить.

Остерманъ нѣкоторое время отстаивалъ *Кабинетъ* противъ вторженія этого незваннаго члена, но въ 1738 г. уступилъ и могъ замѣтить, что на этотъ разъ Биронъ далъ ему серьезнаго противника. Чтобы составить противовѣсъ „оракулу“, новый назначенный членъ присоединился къ Черкасскому, котораго называли „тѣломъ“ кабинета. „Душою“ же былъ Остерманъ. Такъ какъ строгаго раздѣленія обязанностей между министрами не было, то Волинскій сталъ вмѣшиваться во всѣ дѣла, а, главное, постарался заручиться довѣріемъ императрицы, къ которой ходилъ съ докладами одинъ. Онъ сталъ рѣдко появляться въ передней фаворита; но у послѣдняго нашлись и болѣе серьезныя причины пожалѣть о своемъ выборѣ.

Здоровье Анны начинало въ это время внушать опасеніе и всѣхъ озабочивало неопредѣленное будущее. Конечно дѣлались предположенія о томъ, какимъ способомъ Биронъ намѣревается обезпечить свою будущность и будущность своей семьи. Онъ былъ на высотѣ своей власти. Цесаревна Елизавета не смѣла показываться въ Петербургъ, не предупредивъ временщика о своемъ пріѣздѣ въ выраженіяхъ не только вѣжливыхъ, но и покорныхъ. Княгиня Черкасская подписывалась въ своихъ письмахъ къ нему: „Ваша покорная раба“, а дочь ея вышивала ему туфли <sup>1)</sup>). Предполагали, что онъ хочетъ женить своего шестнадцатилѣтняго сына на племянницѣ императрицы, дочери

---

<sup>1)</sup> Манштейнъ, *Memoires* франц. изд. Herman Geschichte Russlands.

принцессы Мекленбургской Екатерины Иоанновны, Аннѣ Леопольдовнѣ, у которой уже давно былъ женихъ, Антонъ, принцъ Брауншвейгскій, ей очень неправившійся. Рассказывали, что замѣтивъ это, Биронъ началъ уговаривать императрицу поторопиться свадьбой и взялъ на себя уговорить непокорную невесту. Она отвѣтила ему: „Скорѣй положу голову на плаху, чѣмъ выйду за принца Антона“. Тогда Биронъ предложилъ ей выйти за его сына: „Или тотъ, или другой“.

Биронъ всегда отрицалъ подобное намѣреніе. Изъ одного его письма къ Кейзерлингу видно <sup>1)</sup>, что прусскій министръ подалъ ему эту мысль, говоря, что такимъ образомъ Курляндія сдѣлается вассальной землей Россіи, и Польша перестанетъ ее беспокоить. Но Биронъ отвергъ подобный планъ. Принеся присягу Республикѣ, Биронъ не желалъ нарушать своей клятвы. Во всемъ этомъ достовѣрно только одно, справедливо или нѣтъ, но при дворѣ упорно держались въ 1739 г. слухи о намѣреніи Бирона замѣнить Антона Брауншвейгскаго сыномъ, и Волынскій первый высказалъ свое негодованіе противъ этого „годуновскаго“ намѣренія. Биронъ узналъ объ этомъ, и война была объявлена.

Новый министръ скоро замѣтилъ, что она склоняется не въ его пользу. Вдругъ, благосклонное до той поры ухо императрицы закрылось для его наговоромъ, между тѣмъ какъ Остерманъ, пріунывшій было, сталъ держать себя болѣе увѣренно. Увидѣвъ, что вѣтеръ перемѣнился, Черкасскій принялъ враждебный тонъ, и всѣ придворные сразу повернулись спиной къ тускнѣвшему свѣтилу. Волынскій потерялъ голову. Онъ считалъ себя достаточно сильнымъ, чтобы бороться со всѣми, соединившимися противъ него. Скоро стало извѣстно, что домъ его сдѣлался мѣстомъ собранія цѣлой кланки недовольныхъ, которымъ далъ названіе „новой русской партіи“. Тутъ были и архіереи, и люди, состоявшіе на государственной службѣ, и гвардейскіе офицеры, и писатели—Татищевъ и Кантемиръ—и лица, при-

---

<sup>1)</sup> Сборникъ XXXIII.

надлежавшія къ высшей знати, какъ Нарышкинъ и Урусовъ—человѣкъ тридцать, представлявшихъ изъ себя „интеллегенцію того времени, а также многіе, чьи взгляды являлись смѣсью европейской культуры, введенной Петромъ Великимъ, съ традиціями старо-московскихъ либераловъ, вродѣ Ордына-Нащокина. Медикъ цесаревны Елизаветы, Лестокиъ, тоже принадлежалъ къ этому кружку, что дало поводъ подозрѣвать заговоръ въ пользу цесаревны. Собранія происходили ночью, и споры и „вольныя“ рѣчи тянулись цѣлыми часами. Читали комментаріи Юста-Липсіа на Тацита, а на поляхъ писали параллели между Іоанной Неаполитанской и Мессалиной. Волинскій написалъ: „Это она!“ намекая на Анну. Послѣ отъѣзда гостей, онъ еще разговаривалъ съ однимъ изъ своихъ слугъ о независимомъ положеніи польскихъ шляхтичей, „которымъ и самъ король ничего не смѣетъ сдѣлать, а у насъ всего бойся“. Къ этому времени относится его „Генеральное разсужденіе о поправленіи внутреннихъ государственныхъ дѣлъ“, о которомъ упомянуто выше. Хрущевъ отзывался объ этомъ сочиненіи, что „эта книга будетъ лучше Телемаковой“, а Волинскій, въ восторгѣ отъ похвалы, говорилъ сыну: „Счастливъ ты, что у тебя такой отецъ“.

Однако, онъ не могъ не отдавать себѣ отчета въ опасностяхъ, грозившихъ ему на этомъ пути. „Не знаю, куда приведетъ меня Богъ, къ славѣ или погибели“, говаривалъ онъ. До насъ отъ „Генеральнаго разсужденія“ дошли только отрывки. Рядомъ съ указанными выше отголосками конституціонныхъ идей 1730 г. въ проектѣ, по видимому, значительное мѣсто было отведено критикѣ существующаго образа правленія. Волинскій представилъ императрицѣ извлеченіе изъ проекта лѣтомъ 1839 г., и она сразу поняла, что къ ней лично относится плохо замаскированный упрекъ за дурной выборъ приближенныхъ. Она спросила Волинскаго: „На кого мѣтишь?“ Онъ указалъ на Куракина и Головкина, больше всего на Остермана, и на Бирона. Анна сказала съ досадой: „Ты подаешь мнѣ письмо съ совѣтами, какъ будто молодыхъ лѣтъ государю!“ Черезъ нѣсколько

дней спустя, говоря объ этомъ съ Черкасскимъ, императрица съ раздраженіемъ прибавила: „Онъ это изъ Маккіавели вычиталь“. Анна хорошенько и не знала, кто такое Маккіавели, но считала его человѣкомъ опаснымъ. Однако, больная и желая покоя, она не дала дальнѣйшаго хода этому инциденту, а Биронъ, поглощенный опасеніями катастрофы, которой можно было ожидать, при чемъ ему грозила бы потеря всего, на нѣкоторое время оставилъ брошенный ему вызовъ безъ отвѣта. Дворъ, вскорѣ послѣ этого занялся приготовленіями къ празднествамъ по поводу мира, заключеннаго съ Турціей. Принимавшій короткое время участіе въ переговорахъ и отличившійся затѣмъ устройствомъ шуточного маскарада, о которомъ мы еще скажемъ ниже, Волинскій снова былъ на виду; императрица какъ будто вернула ему свою милость, и онъ получилъ 20,000 рублей награды. Одинъ Куракинъ попытался отомстить недругу и подговорилъ Тредіаковскаго написать шуточную пѣсенку на своего хулителя. Мы видѣли, какъ Волинскій отдѣлалъ поэта въ пріемной Бирона. Однако и это самоуправство сошло Волинскому до поры до времени.

Но скоро вопросъ внѣшней политики поставилъ его лицомъ къ лицу съ фаворитомъ. Дѣло шло о вознагражденіи, требуемомъ поляками за пребываніе русскихъ войскъ на ихъ территоріи. Биронъ считалъ эти притязанія основательными; Волинскій вышелъ изъ себя: „Не будучи ни герцогомъ Курляндскимъ, ни польскимъ шляхтичемъ, онъ не имѣетъ ихъ причинъ мирвоить врагамъ имперіи!“ Съ такимъ человѣкомъ невозможно было оставаться съ глазу на глазъ, въ случаѣ исчезновенія Аниы. Фаворитъ поставилъ вопросъ ребромъ: „Или я, или онъ“. Анна колебалась; но тутъ вмѣшался Куракинъ: „Петръ I нашелъ Волинскаго на такой дурной дорогѣ, что накинулъ ему на шею веревку; такъ какъ Волинскій послѣ того не исправился, то если ваше величество не затянетъ узелъ, намѣреніе императора не исполнится“.

И Анна уступила.

Въ апрѣлѣ 1740 г. Волинскій былъ привезенъ въ слѣдственную

комиссію, состоявшію исключительно изъ русскихъ, въ томъ числѣ его двухъ зятьевъ, Алексѣя Черкаскаго и Александра Нарышкина, и двухъ его близкихъ друзей: Новосильцева и Петра Черкаскаго. Послѣдніе два были также сначала арестованы и допрошены по тому же дѣлу, но затѣмъ освобождены и призваны быть судьями. Они оказались неумолимы. Послѣ суда съ Нарышкинымъ сдѣлалось дурно; въ каретѣ, по возвращеніи домой, начался бредъ. Онъ все кричалъ: „Я чудовище, я осудилъ невиннаго; я послалъ на смерть брата!“ Менѣе чувствительный, Ушаковъ, закусывалъ въ той самой комнатѣ, гдѣ пытали несчастнаго и между двумя допросами приглашалъ палачей:

„Поработали; подкрѣпитесь“.

Сначала державшій себя очень вызывающе, Волинскій впоследствии дошелъ до трусости: онъ ползалъ у ногъ этихъ людей, которыхъ сначала называлъ негодяями, и умолялъ ихъ умилосердиться. И на дыбѣ онъ не сознался въ честолюбивыхъ замыслахъ, приписываемыхъ ему, но предпочелъ обвинить себя... въ воровствѣ! Рассказывали, будто онъ мечталъ сдѣлаться императоромъ, и даже дипломатическій корпусъ относился съ нѣкоторымъ довѣріемъ къ этимъ слухамъ. Въ одной изъ своихъ депешъ Мардефельдъ упоминалъ о сонномъ снадобѣ<sup>1)</sup>, которое обвиняемый приготовилъ для императрицы, „съ цѣлю погрузить ее въ вѣчный сонъ, чтобы ничто не погѣшало ему (Волинскому) взойти на престолъ“<sup>1)</sup>. Изъ собранныхъ уликъ можно только усмотрѣть, что Волинскій очень кичился своимъ происхожденіемъ, такъ же, какъ саблей, которая яко бы служила его предку на Куликовомъ полѣ, и что онъ украсилъ свой гербъ императорскими эмблемами,

Волинскій призналъ себя виновнымъ только во взяточничествѣ и мошенничествѣ; но, несмотря на это, онъ былъ приговоренъ къ

---

<sup>1)</sup> 28 іюня и 12 и 16 іюля 1740 г. *Секретный Берлинскій Архивъ*.

смерти и 27 іюня 1740 г. былъ привезенъ на мѣсто казни со ртомъ, завязаннымъ окровавленной тряпкой. Въ тюрьмѣ ему вырвали языкъ, и онъ не подписалъ послѣднихъ допросныхъ пунктовъ, такъ какъ на дыбѣ во время допроса ему вывернули правую руку. Онъ былъ приговоренъ къ колу; но по оказанной „милости“ ограничились тѣмъ, что отсѣкли ему сначала руку, а потомъ голову. Двумъ его приближеннымъ, Ерошину и Хрущову, отсѣкли голову, а нѣсколькихъ другихъ били внудомъ и сослали въ Сибирь.

Наказаніе явно не соответствовало винѣ. Скоро вокругъ казненнаго сложился цѣлый циклъ легендъ, окружившій его сіяніемъ. Нащокинъ и князь Шаховской хвалятъ взапуски въ своихъ запискахъ обширный умъ и любовь къ отечеству Волинскаго. На его долю также выпало удивительное счастье дождаться похвалы отъ Екатерины, назвавшей его въ своемъ завѣщаніи хорошимъ патріотомъ и жертвой несправедливости; а Рылѣевъ прославилъ его имя въ одномъ изъ своихъ извѣстныхъ стихотвореній. Сдѣлавъ Волинскаго однимъ изъ наиболѣе симпатичныхъ героевъ своего романа „Ледяной домъ“, Лажечниковъ только явился выразителемъ всеобщихъ чувствъ.

Исторія должна быть осторожниѣ. На основаніи недавно опубликованныхъ документовъ можно, повидимому, безошибочно предположить, что будь этотъ человекъ, котораго такъ идеализировали, на мѣстѣ Остермана или Бирона, Россія ничего бы не выиграла отъ такой замѣны. Уже въ Казани противъ него было назначено судебное слѣдствіе по обвиненію въ кражѣ церковныхъ драгоценностей. Онъ засѣкалъ до смерти людей безъ причины и убилъ нѣсколькихъ человекъ, стрѣляя изъ пушки на своей канониркѣ. Между прочимъ на слѣдствіи всплылъ случай съ однимъ купцомъ, котораго Волинскій за его отказъ дать взятку, приказалъ раздѣть до нога, обернуть сырымъ мясомъ и отдать на растерзаніе собакамъ<sup>1)</sup>. Въ коню-

---

<sup>1)</sup> Шишкинъ, *Волинскій*. Ивановъ. *Матеріалы для біографіи Волинскаго*.



шенномъ вѣдомствѣ, которымъ онъ управлялъ, послѣ его ареста оказалась растрата въ семьсотъ тысячъ рублей. Среди его многочисленной челяди находились его два незаконныхъ сына, записанныхъ имъ крѣпостными и терпѣвшихъ общую участь дворовыхъ.<sup>1)</sup> Собственно онъ и его приверженцы возмущались большей склонностью къ порядку, извѣстной послѣдовательностью и простотой, проявляемыми иностранцами, а такъ же ихъ болѣе порядочнымъ образомъ жизни и обшпрнымъ образованіемъ. И мнѣ кажется, что эти же причины играютъ значительную роль въ ненависти русскаго народа къ *би-роновщинамъ*.

Въ заключеніе: моя осторожность въ выводахъ не доходить до полного исключенія ихъ, когда они сами собой вытекаютъ изъ фактовъ. Мнѣ кажется, что русская знать и дворянство, въ томъ числѣ и Волынской, были сами создателями этого правленія, тяжелаго, какъ всякое правленіе, захваченное силой, и отдавашаго власть въ руки иностранцевъ, потому что они сами не были въ состояніи взять или сократить ее. Эти иностранцы не были ни гениями, ни образцами добродѣтели, но среди неурядицы, въ которую бросило страну незаконченное дѣло Петра, они одни, приблизительно угадывая ея судьбы, имѣли достаточно способности и хладнокровія, чтобы, насколько возможно, охранить ея интересъ въ этотъ критическій періодъ. Краткое знакомство съ виѣшной политикой того времени, покажетъ намъ это еще болѣе наглядно.

---

<sup>1)</sup> Грачевскій; Eckhart Baltische und russische Kulturstudien Процессъ Волынскаго въ Чтеніяхъ Р. И. О. *Переписка Волынскаго*, Русскій Архивъ. Долгоруковъ, *Записки*. Корсаковъ, *Материалы для біографіи русскихъ государственныхъ людей*.



## ГЛАВА X.

---

### X. Внѣшняя политика.—Ученики и преемники Петра Великаго.

I. Осложненія въ Персіи и въ Крыму—Угроза европейской войны.—Австрійскій союзъ—Партія русская и нѣмцы.—Престолонаслѣдіе Австріи и Польши.—Лживые переговоры съ Франціей.—Проекты соглашенія съ Пруссіей и Австріей.—Попытки саксонскаго двора.—Матримоніальный планъ Августа II.—Дѣвица Огинская.—Окончательное соглашеніе.—Участь Польши.—II. Двойное избраніе Станислава и Августа III.—Война за престолонаслѣдіе Польши.—Взятіе Данцига.—Французскіе плѣнники въ Россіи.—Попытки французской дипломатіи въ С.-Петербургѣ.—Вернардоши.—Польская конфедерація и ея посланникъ въ Парижѣ.—Озаровскій.—„Варвары“ на Рейнѣ.—Миръ—III. Война съ Турціей.—Происхожденіе восточнаго вопроса.—Историческія толкованія.—„Система Петра Великаго“—Ученики великаго мужа въ Константинополь.—Неплюевъ и Вишняковъ.—Они требуютъ войны.—Сопrotивленіе Остермана.—Начало враждебныхъ дѣйствій въ Крыму.—Неудачный походъ Миниха.—Разрывъ съ Портой.—Бездѣйствіе Австріи.—Критическое положеніе.—Дорогой успѣхъ подъ Очаковымъ.—Россія и Австрія намѣреваются заключить договоръ.—Немировский конгрессъ.—Прекращеніе переговоровъ.—Новыя неудачи.—Посредничество Франціи—Вильневъ.—Побѣда Миниха подъ Ставучанами.—Слишкомъ поздно!—Капитуляція Австріи.—Она принуждаетъ Россію заключить невыгодный миръ.—IV. Избѣгнутый разрывъ со Швеціей.—Партія русская и французская въ Стокгольмѣ.—Женское вліяніе.—„Колпаки“ и „шляпы“.—Планы союза между Швеціей и Турціей.—Бестужевъ и Сень-Северинъ.—Убіиство Сень-Клера.—Возбужденіе общественнаго мнѣнія въ Швеціи.—Торжество русской дипломатіи.—V. Ея успѣхъ въ Польшѣ.—Образованіе русской

партіи.—Благопріятное для Россіи разрѣшеніе курляндскаго вопроса.—Новый проектъ конфедераціи, поощряемый Пруссіей.—Смерть Карла VI.—Опасность новыхъ осложненій—Ла Шетарди въ Петербургѣ.—VI. Общій обзоръ—Политика укрѣпленія внутренняго и внѣшняго.—Присоединеніе Малороссіи.—Умиротвореніе, достигнутое на берегахъ Урала.—Сношенія съ Китаемъ.—Национальное стремленіе къ распространенію и политика нѣмцевъ.

## I.

Анна застала внѣшнюю политику при благопріятныхъ условіяхъ, за исключеніемъ Персіи. Австрійскій дворъ сожалѣлъ о Петрѣ II, но изъявилъ свое согласіе поддерживать только что заключенный союзъ. Король прусскій выразилъ живѣйшую радость при извѣстін о возстановленіи самодержавія, осушилъ громаднй кубокъ вина за здоровье императрицы и сказалъ: „Теперь меня не беспокоитъ Польша въ курляндскихъ дѣлахъ“. Даже въ Версалѣ высказали надежду, что новая государыня окажется болѣе „безпристрастной“, чѣмъ ея предшественникъ.

Въ Персіи дѣла принимали плохой оборотъ. Тахмазибъ, законный шахъ, взялъ верхъ надъ Эшрефомъ, узурпаторомъ, съ которымъ Россія заключила договоръ, а затѣмъ былъ разбитъ турками подъ Эриванью. Двойная неудача! Главной задачей Россіи было преградить Турціи доступъ къ Каспійскому морю. Пришлось войти въ соглашеніе съ Тахмазибомъ, обѣщая возвратить Персіи завоеванія Петра Великаго. Но въ 1732-г., заключивъ въ свою очередь миръ съ Турціей, Тахмазибъ былъ низвергнутъ Кули-ханомъ. Крымскій ханъ Капланъ-Гирей, какъ вассалъ Порты, перешелъ тогда въ наступленіе и, овладѣвъ Кабардой, посягнулъ на русскія владѣнія. Такимъ образомъ зарождалась угроза, возникалъ конфликтъ, съ которымъ затруднительно было бы бороться, въ виду обязательствъ взятыхъ на себя въ европейской политикѣ. Съ минуты на минуту Австрія могла потребовать противъ новыхъ враговъ, кромѣ турокъ, помощи обѣщан-

наго тридцатитысячаго корпуса, и пришлось бы уплатить выкупъ за новое величіе, которому еще не соотвѣтствовали силы страны.

Въ апрѣлѣ 1730 г. была уже первая тревога. Отказавшись идти навстрѣчу требованіямъ, предъявленнымъ Испаніей и ея союзниками, согласно Севильскому договору, вѣнскій дворъ обратился къ Петербургскому. „Конечно мы исполнимъ свои обязательства“, отвѣчала Ягужинскій графу Вратиславу; но не успѣлъ тотъ выйти, какъ онъ разразился смѣхомъ: „Неужели насъ за дураковъ считаютъ“. Такова была политика русской партіи: „Сидѣть себѣ спокойно дома и глумиться надо всѣмъ на свѣтѣ“. Но у Остермана была иная политика, и вскорѣ вся Европа заговорила о тридцати тысячахъ новыхъ „варваровъ“, ожидаемыхъ на берегахъ Рейна. И въ Вѣнѣ не приминули воспользоваться такимъ пугаломъ. Въ іюнѣ на Мавьяна было возложено порученіе сдѣлать вице-канцлеру серьезныя представленія. Если извѣстіе подтвердится, Франція не можетъ „скрыть свое неудовольствіе“. Остерманъ молча выслушалъ французскаго дипломата; но послѣдній замѣтилъ, что онъ „перемѣнился въ лицѣ, какъ человекъ сильно взволнованный и охваченный чувствомъ либо внутренняго гнѣва, либо черезчуръ глубокаго потрясенія.<sup>1)</sup> То былъ очевидно гнѣвъ. И подтвержденіемъ этого послужилъ отвѣтъ Мавьяну на свою рѣчь: „Сомнѣваюсь, чтобы вы получили подобныя приказанія, или достаточно ихъ обдумали, прежде чѣмъ исполнить“. Вскорѣ за тѣмъ Вейбахъ, аккредитованный Россіей у польскаго сейма, обнародовалъ рѣшеніе своего правительства испросить пропускъ для тридцатитысячной арміи, между тѣмъ какъ Виронъ получилъ изъ Вѣны титулъ графа Германской Имперіи, портретъ и двѣсти тысячъ талеровъ, на которые купилъ помѣстье Вартенбергъ въ Силезіи.

Во Франціи и Испаніи заговорили о продажности временщика. Мнѣ кажется, что въ данномъ случаѣ онъ заставилъ заплатить себѣ

---

<sup>1)</sup> Мавьянъ, 15-го іюня 1730 г. Вѣд. Иностр. Дѣлъ.

за услуги, имъ вовсе не оказанныя. Безъ его вмѣшательства Остерманъ рѣшился—чему достаточнымъ доказательствомъ служить его поведеніе съ Маньяномъ—исполнять обязательства, нарушеніе которыхъ нѣкоторымъ образомъ выбрасывало бы Россію за черту Европы и окончательно погубило бы будущность ея политики. Дѣло шло не только о системѣ вмѣшательства въ дѣла Западной Европы, введенной Петромъ Великимъ. Тревога севильскихъ союзниковъ на этотъ разъ оказалась напрасной; императоръ смягчился вслѣдствіе признанія Испаніей и Англіей его „Прогматизма“, и русской арміи не пришлось двинуться въ походъ. Но уже на горизонтѣ возникала двойная проблема престолонаслѣдія въ Австріи и престолонаслѣдія въ Польшѣ, близкая солидарность которыхъ связывала между собой эти вопросы. Желаніемъ Франціи было конечно имѣть въ Польшѣ своего ставленника,—если возможно Лещинскаго, въ противовѣсъ Австріи, гдѣ на престолъ предстояло вступить принцу Лотарингскому. И здѣсь ея интересы сталкивались непримиримымъ образомъ съ интересами Россіи.

Дипломатическая борьба возобновилась на этой почвѣ иъ 1732 г., когда Остерманъ встрѣтилъ себѣ противника, а Франція столь же неожиданнаго союзника. Въ апрѣлѣ Мавьянъ имѣлъ свиданіе съ Бирономъ и былъ чрезвычайно удивленъ, услыхавъ рѣчи, гдѣ Биронъ „какъ бы журилъ его, за его излишнюю робость, мѣшавшую имъ чаще видѣться“, и выражалъ свое желаніе „оказаться для Франціи полезнымъ въ какомъ-нибудь отношеніи“. Послѣ аудіенціи, увлекши французскаго посла въ уединенный покой, Минихъ въ свою очередь поразилъ его еще сильнѣе. Его слова граничили съ формальными признаніями: „Обязательства Россіи относительно императора распространялись только на случай войны съ турками и нисколько не препятствовали соглашенію съ Франціей“<sup>1)</sup>.

Въ это время возгорѣлась борьба между Бирономъ и Остерма-

---

<sup>1)</sup> Маньянъ 26-го апрѣля 1732, Мин. Иностр. Дѣлъ.

номъ, и Минихъ согласился временно принять сторону фаворита, что и послужило причиной подобныхъ изліяній предъ французскимъ посланникомъ. Но Францію трудно было убѣдить въ возможности извлечь изъ этого что-либо серьезное. Однако Маньяну было поручено продолжать интригу. Свиданія между Маньяномъ и Минихомъ участились. Они назначались между пятью и шестью часами утра, чтобы обмануть бдительность Остермана. Въ іюнѣ генераль ручался за успѣхъ. Биронъ сдѣлалъ императрицѣ докладъ и встрѣтилъ съ ея стороны живѣйшее сочувствіе. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ изъ Версаля былъ присланъ Маньяну проектъ договора, основаннаго на соглашеніи по поводу избранія римскаго короля. Взамѣнъ этого Франція предлагала признаніе императорскаго титула за царствующей государыней и „кое-что для герцога Голштинскаго“. Минихъ нашель, что этого слишкомъ мало. Чтобы уравнивать выгоды австрійскаго союза, онъ требовалъ ни болѣе ни менѣе, какъ давленія Франціи на Турцію, чтобы та согласилась вернуть Азовъ въ обмѣнъ на Дербентъ, обѣщанія содѣйствія въ Польшѣ во время предстоящихъ выборовъ,— и субсидій. За это, тридцатитысячная армія, обѣщанная Австріи и даже пятидесятитысячная, если понадобится, готова къ услугамъ короля, и, кромѣ того, если не „флотъ,—вамъ извѣстно, что нашъ сгналъ“, добавилъ Минихъ съ улыбкой,—„то эскадра изъ двѣнадцати или пятнадцати кораблей съ флотиліей изъ ста галеръ<sup>1)</sup>).

Только вопросъ о субсидіяхъ возбудилъ затрудненіе во Франціи. Петръ I ихъ не требовалъ. Маньяну пришлось намекнуть Миниху, что инициаторы договора лично не будутъ обижены щедростью короля, и въ сентябрѣ дѣло почти дошло до скрѣпы подписями. Уже обсуждался вопросъ о „благодарностяхъ“, которыя предстояло поднести царю и ея приближеннымъ. Минихъ ирикидывался совершеннымъ безсребренникомъ, ничего не требуя для себя. Достаточно ста тысячъ золотыхъ для Бирона и гобеленовъ для государыни. „Согла-

---

<sup>1)</sup> Маньянъ, 5 іюля 1732 г. Вѣд. Иностр. Дѣлъ.

сны“ получился отвѣтъ въ Версаля. Такимъ образомъ Флѣри вовсе не проявилъ такой скупости и такой небрежности, какъ его упрекали <sup>1)</sup>. Французскіе дипломаты рѣдко бываютъ пророками въ своемъ отечествѣ.

Дѣйствительное препятствіе къ предполагаемому союзу, повидимому, предвидѣнное и кардиналомъ, такъ поверхностно отнесимся къ этимъ переговорамъ, обнаружилось въ ноябрѣ, когда оставалось лишь скрѣпить договоръ. Неожиданно Минихъ объявилъ Маньяну, что вопросъ подлежить обсужденію Государственнаго Совѣта.

— Но въ такомъ случаѣ мнѣ предстоитъ имѣть дѣло съ Остерманомъ!

— Безъ сомнѣнія; не я министръ иностранныхъ дѣлъ.

И одновременно, возвращаясь къ уже исчерпанному спору, генералъ снова заговорилъ о субсидіяхъ.

— Вѣдь рѣшено, что Биронъ получить сто тысячъ червонныхъ.

— Что вы этимъ хотите сказать? Мы здѣсь не беремъ денегъ <sup>2)</sup>.

Флѣри понялъ, что надъ его агентомъ издѣвались. Остерманъ и Австрія очевидно взяли верхъ. Дѣйствительно, въ это самое время Биронъ, чувствуя себя побѣжденнымъ, увѣрялъ Мардефельда въ своемъ намѣреніи „твердо придерживаться прежней системы“. Ему предлагали огромныя суммы за отказъ отъ нея; но онъ совершенно не нуждался въ деньгахъ, предпочитая хорошую лошадь всякимъ сокровищамъ. Одинъ Маньянъ еще нѣкоторое время находился въ заблужденіи, плохо освѣдомленный относительно переговоровъ, происходившихъ одновременно между Петербургомъ, Австріей и Пруссіей. Уже въ сентябрѣ 1730 г. послѣдняя приняла на себя обязательство въ новомъ договорѣ, не допускать въ качествѣ наследника польской короны ни Лещинскаго, ни кого-либо изъ принцевъ Саксонскихъ <sup>3)</sup>.

---

1) Вандаль „Людовикъ XV и Елизавета“.

2) Маньянъ, 4-го ноября 1732 г. Вѣд. Иностр. Дѣлъ.

3) Мардефельдъ 13-го сентября 1732 г. Секретный берлинскій Архивъ.



Но этимъ не удовлетворялась Австрія. Если Франціи вздумается дѣйствительно проводить Лещинскаго, то, по мнѣнію Вѣны, единственнымъ серьезнымъ конкурентомъ ему можно было противопоставить принца Саксонскаго. И съ декабря мѣсяца того же года Россія постепенно стала склоняться къ такой же точкѣ зрѣнія. Но въ Берлинѣ Фридрихъ Вильгельмъ оставался непреклоннымъ. Напрасно ему предлагали Эльбингъ. „Мой вѣрный Ильгенъ мнѣ сказалъ“—повторялъ онъ—„что уступай мнѣ Польша хоть Вармію и Померанію, Данцигъ и Мариенвердеръ, этимъ не возмѣстишь воцаренія Саксонской династіи въ Варшавѣ. Польша должна остаться республикой<sup>1)</sup>“. Въ 1732 г. къ нему отправили изъ Петербурга Карла Лёвенвольда, приложившаго все старанія къ тому, чтобы „соединить трехъ черныхъ орловъ“, чего дѣйствительно онъ и достигъ въ декабрѣ, предложивъ проектъ примирительнаго договора, по которому Лещинскій и принцъ Саксонскій исключались, и кандидатомъ признавался донъ Эммануэль Португальскій; Фридрихъ Вильгельмъ заручался обѣщаніемъ Курляндіи для своего сына, а Биронъ подаркомъ въ двѣсти тысячъ талеровъ. Въ Берлинѣ считали, что дѣло въ шляпѣ, но Петербургъ и Вѣна отказались отъ ратификаціи сдѣланныхъ подписей, и король прусскій „сѣлъ между двухъ стульевъ“, по его собственному выраженію. Онъ негодовалъ, носился съ широкими замыслами, какъ занять Польшу и сыграть тамъ роль Карла XII, присоединивъ къ себѣ польскую Пруссію, вступивъ въ соглашеніе съ Франціей, благодаря уступкѣ графствъ Юлиха и Берга. Но до конца жизни ему пришлось ограничиваться безпокойнымъ и сварливымъ нейтралитетомъ, постоянно быть на сторожѣ, постоянно рассчитывать получить что-нибудь отъ кого-нибудь, заигрывая съ Ла-Шетарди, предлагая Станиславу послѣ Данцига гостепрѣмство въ Кёнигсбергѣ и добившись лишь утраты къ себѣ всякаго сочувствія.

Саксонскій дворъ тоже не терялъ времени. Августъ II былъ

---

1) Droysen, Geschichte der preussischen Politik.

человѣкъ избрѣтательный. Въ іюнѣ 1731 г., Мардефельдъ остановился, повидимому, на самомъ неожиданномъ планѣ, возвѣстивъ прибытіе въ Москву дѣвицы Огинской, дочери польскаго воеводы. Анна знала ее еще въ Митавѣ и чувствовала къ ней такую симпатію, что, кажется, даже спала съ ней на одной кровати. <sup>1)</sup> И тогда же, въ разговорѣ со своей любимицей, она будто бы призналась, что въ случаѣ необходимости вторичнаго замужества, желала бы имѣть мужемъ короля Польскаго. Она покровительствовала саксонцамъ! Дѣйствительно ли Августу пришла въ голову мысль воспользоваться этими словами? Мардефельдъ былъ въ томъ убѣжденъ. Дѣвица Огинская должна была увѣрить государыню, что этому неожиданному жениху на видѣ не болѣе сорока лѣтъ, хотя въ дѣйствительности ему было за шестьдесятъ. Король былъ готовъ по первому зову явиться въ Москву; Ягужинскій одобрялъ этотъ планъ, и жена саксонскаго посланника, Лефорта, при помощи итальянской пѣвицы, Людовики, приближенной къ государынѣ, брались привести его въ исполненіе <sup>2)</sup> Фридрихъ-Вильгельмъ испугался, и генераль-лейтенантъ фонъ Грумбковъ, поспѣшно посланный въ Дрезденъ, чтобъ разузнать о намѣреніяхъ короля, прислалъ вѣсти мало успокоительныя. Искусно наведенный на откровенный разговоръ послѣ сытнаго обѣда, Августъ лишь на половину отрекся отъ приписываемыхъ ему матримоніальныхъ покушеній. „Хе! хе! еслибъ мнѣ съ десятокъ лѣтъ поменьше“ <sup>3)</sup>. Но для Анны Іоанновны пора любви была уже отмѣчена на часахъ, за стрѣлками которыхъ наблюдалъ Биронъ. Онъ устраивался всегда, чтобы присутствовать третьимъ при разговорахъ дѣвицы Огинской съ ея другомъ <sup>4)</sup>, и планъ не удался.

---

<sup>1)</sup> Лэди Рондо къ Харрингтону, Москва, 16 августа 1731 г.

<sup>2)</sup> Мардефельдъ. 4-го іюня 1731 г.

<sup>3)</sup> Реляція фонъ Грумбкова 29 октября 1731 г. Секретный берлинскій Архивъ.

<sup>4)</sup> Лэди Рондо къ Харрингтону 16 августа 1731 г.

Саксонская дипломатія имѣла болѣе успѣха въ Вѣнѣ, добившись тамъ въ послѣднюю минуту отказа отъ португальскаго кандидата, чему не мало способствовалъ самъ король португальскій, предложившій замѣстить дон-Эммануэля его младшимъ братомъ, дономъ Антонію. Продолженіе польской анархіи подъ управленіемъ саксонской династіи послужило причиной новаго оборота дѣла, къ которому Россія успѣшила присоединиться.

Одна только Польша, въ то время какъ рѣшалась ея участь, жила, повидимому, нисколько не заботясь о завтрашнемъ днѣ. Народъ, сдѣлавшись повелителемъ, получаетъ склонность веселиться. Такимъ образомъ готовились событія 1733 г.: двойное избраніе Станислава и Августа III (12-го Сентября и 5-го Октября), бѣгство французскаго кандидата въ Данцигъ и странная война, когда Франція, сражавшаяся за Лещинскаго, одержавъ побѣду, обезпечила престолъ его сопернику. Всѣ эти событія слишкомъ хорошо извѣстны, и потому я ограничусь здѣсь лишь указаніемъ на общій смыслъ русской политики, среди опасныхъ приключеній, куда она была завлечена.

---

## II.

Руководимая Остерманомъ, несмотря на Бирона и въ разрѣзъ съ нимъ, эта политика вполне соотвѣтствовала традиціямъ Петра I. Въ іюлѣ 1733 г. посолье поляковъ—сторонниковъ Лещинскаго, Рудомина, встрѣтился въ Петербургѣ съ враждебнымъ посольствомъ „благочестивыхъ поляковъ“, чьи аристократическія имена сдѣлались извѣстными лишь впоследствии, когда русскія войска пощадилъ помѣстья Браницкихъ, Любомирскихъ, Радзивилловъ, Сангушко и Сапѣги <sup>1)</sup>. Рудомина, привезшій письмо отъ маркиза де-Монти, французскаго посла въ Варшавѣ, къ Маньяну, послѣдняго уже не засталъ на посту. Его рѣшили отозвать. Французскій консулъ Виллардо имѣлъ свиданія съ полякомъ въ церкви францисканцевъ, но сознался, что не получалъ никакихъ инструкцій. Французская дипломатія произнесла свое послѣднее слово; дошла очередь до пороха.

Въ Августѣ 1733 г. Фридрихъ Лёвенвольдъ заключилъ въ Варшавѣ двойную конвенцію: съ саксонскими министрами относительно пропуска русскихъ войскъ и съ воеводой краковскимъ, и Теодоромъ Любомирскимъ, — который былъ самъ претендентомъ на корону—относительно избранія Фридриха Августа. Польскій король получилъ обѣщаніе гетманскаго жезла, и въ концѣ-концовъ удовлетворился пенсіей въ пятнадцать тысячъ рублей. Такъ какъ подобныхъ претендентовъ на королевское достоинство было не мало, то они стоили не дорого. Польскіе сторонники Лещинскаго, совершивъ его избраніе согласно обряду въ укрѣпленной оградѣ Воли, сумѣли только унич-

---

<sup>1)</sup> Соловьевъ „Исторія Россіи. XX, 10—11“.

тожить укрѣпленія и сжечь деревянный сарай, подъ сѣнью котораго ютился Сенатъ <sup>1)</sup>). Двѣнадцать тысячная русская оккупационная армія подъ начальствомъ Леси обошла это затрудненіе, провозгласивъ избраніе своего кандидата въ сосѣдней каменской церкви. Во время молебна, пушки, разставленныя изъ предосторожности по близости, загрохотали съ такой силой, что полъ въ церкви провалился, увлекая за собой присутствующихъ въ подвалъ. Трагически-символическое паденіе! <sup>2)</sup> Скрывшійся въ Данцигѣ Лещинскій писалъ дочери: „Если король (французскій) не займетъ Саксонію, мнѣ остается лишь вернуться къ своей арендѣ“. Остерманъ и Биронъ, временно примирившіеся, торопили Миниха, радуясь возможности избавиться отъ него въ Петербургѣ, скорѣе овладѣть Данцигомъ и его гостемъ. Минихъ, безъ всякой пользы потерявъ четыре тысячи человѣкъ при осадѣ Хагельберга, прозваннаго съ тѣхъ поръ „кладбищемъ русскихъ“, взялъ городъ благодаря подоспѣвшимъ десяти тысячамъ саксонцевъ подъ командой принца Саксъ-Вейсенфельда, упустилъ короля и, совершенно въ духѣ Петра Великаго, не осудившаго бы такъ же его гекатомбы человѣческихъ жизней, пообѣщавъ Ламмоту съ его спутниками французами „корабли въ достаточномъ количествѣ, чтобы доставить ихъ вмѣстѣ съ обозомъ въ Копенгагенъ“ и нарушилъ условія капитуляціи, удержавъ плѣнниками оставшихся въ живыхъ участниковъ доблестной фаланги <sup>3)</sup>. Съ доставленными въ Іюль 1734 г. въ Петербургъ офицерами обращались съ почетомъ, почти оскорбительнымъ. Ихъ заставляли присутствовать на балахъ. Но простые солдаты, заключенные въ Копорскомъ лагерѣ испытали всѣ лишенія самаго строгаго плѣна. Въ августѣ 1734 г. официалъ-

---

1) Journal (неизданный) Іосифа де-Кампо Сципіона. Архивъ князей Любецкихъ въ Черлонѣ.

2) Шуйскій. Исторія Польши.

3) Kapitulation derer am Farhwasaer bey Danzig gelegenen französischen Gruppen. Boyè, Stanislas Leszczyński.

ный агентъ, Фонтонъ де Л'Эстанъ, прибылъ изъ Парижа въ Петербургъ съ цѣлю добиться освобожденія плѣнниковъ, въ то время какъ секретный агентъ французскаго правительства, Бернадонъ, личность котораго остается довольно загадочной <sup>1)</sup>, предлагалъ Остерману проектъ договора. Первый пунктъ его оговаривалъ признаніе Россіей Станислава въ обмѣнъ на гарантію, представляемую Франціей всѣмъ русскимъ владѣніямъ, и помощь въ тридцать тысячъ, человекъ, обѣщаемую Франціей и Польшей на случай войны съ Турціей <sup>2)</sup>. Одно время Бернадони рассчитывалъ на успѣхъ. Анна выражала нѣкоторое неудовольствіе по поводу словъ, приписываемыхъ французскому посланнику въ Швеціи: „Эта женщина слишкомъ высоко задрапа носъ, надо ей посбавтъ спеси. Моему повелителю королю, обойдется не дороже ста червонцевъ ее отравить, потому что русскіе способны за сто рублей убить родного отца“. И Л'Эстану пришлось писать Бирону, чтобы опровергнуть слухъ. Но временщикъ за одно съ Лёвенвольдомъ казался настроеннымъ весьма благопріятно. И самъ Остерманъ указывалъ лишь на предстоящее ему затрудненіе „приподнести обществу столь быструю перемѣну“. Мнѣ кажется, что Флёрв оцѣнилъ по достоинству такое, повидимому, благожелательное отношеніе, написавъ въ декабрѣ Л'Эстану, что съ его коллегой просто „забавляются“, и самъ онъ, безъ сомнѣнія, имѣлъ въ виду лишь дипломатическій манёвръ. Но такимъ же образомъ „забавлялись“ съ Л'Эстаномъ, и позабавились настолько, что въ январѣ 1735 г., надѣясь добиться по крайней мѣрѣ свободы де-Монти, также взятаго въ плѣнъ подъ Данцигомъ, онъ писалъ Шовелену: „Я возвращаю вамъ г-на де-Монти, верните меня къ себѣ. Не будь благоразумія графа (Бирона), я сдѣлался бы игрушкой въ рукахъ

---

1) М. Рамбо „Recueil des instructions, Russie“, напрасно смѣшиваетъ его съ аббатомъ Ланглуа.

2) Вѣд. Иностр. Дѣлъ. Россія, т. XXVIII. Полномочія были даны Бернадони въ юль 1734 г.

безумцевъ этого двора. Одинъ изъ нихъ добылъ себѣ въ воскресенье платье, чтобы нарядиться пти-метромъ, передразнивая меня... Въ другое время я бы первый разсмѣялся, но не теперь. Объ этомъ узналъ графъ Виронъ и пригрозилъ ему палками, если онъ покажется ему на глаза“.

Монти пробылъ въ Петербургѣ до заключенія мира, и тѣмъ временемъ тамъ было придумано остроумное средство, чтобы урегулировать положеніе остальныхъ плѣнниковъ. Въ іюлѣ 1734 г. флотскій капитанъ, Полянскій, владѣвшій французскимъ языкомъ, былъ отправленъ въ Копорскій лагерь съ порученіемъ убѣдить подполковника Лопухина, охранявшаго лагерь, уменьшить свою бдительность и облегчить побѣги—съ тѣмъ, чтобы излавливать по дорогѣ воспользовавшихся этимъ плѣнниковъ и отправлять ихъ въ С.-Петербургъ, такъ какъ среди нихъ рассчитывали найти изрядное количество искусныхъ мастеровъ<sup>1)</sup>. При такихъ обстоятельствахъ даже миръ оказался не въ силахъ возстановить правильныя дипломатическія сношенія между обѣими странами. Они возобновились только въ 1738 г. при посылкѣ князя Кантемира въ Парижъ и маркиза де-Ла Шетарди въ С.-Петербургъ.

Французскіе защитники Станислава блеснули подъ Давпигомъ только своимъ героизмомъ, пропавшимъ совершенно даромъ; его польскимъ защитникамъ не хватало даже храбрости. Конфедераты Дзикова (ноября 1735 г.) правда откликнулись на призывъ бѣжавшаго короля, вновь появившагося въ Кёнигсбергѣ, но сражались плохо, и вели переговоры еще хуже. Ихъ посланецъ въ Парижѣ Озаровскій, писалъ: „Со мной ни о чемъ не говорятъ, и я это считаю за честь для себя“<sup>2)</sup>. Въ этомъ сказывался уже духъ будущихъ польскихъ эмигрантовъ и ихъ манеры облекаться въ горделивую

---

1) Бернадони 9 іюля и 18 сентября 1735 г. Вѣд. Иностр. Дѣлъ. Россія.

2) Соловьевъ, „Исторія Россіи“.

скромность. Наконецъ, Шовелэнъ сообщилъ этому совершенно необычайному посланнику, что судьба конфедераціи и ея короля рѣшится въ Вѣнѣ.

Подписанію всеобщаго мирнаго договора предшествовало и, отчасти содѣйствовало, на этотъ разъ дѣйствительно состоявшееся появленіе „варваровъ“ на берегахъ Рейна. Въ сентябрѣ 1735 г. Леси привелъ ихъ на эти историческія поля битвъ въ количествѣ десяти тысячъ, растерявъ по дорогѣ остальные пятнадцать тысячъ. Было много дезертировъ. <sup>1)</sup> Дошедшимъ до мѣста назначенія не пришлось сдѣлать ни одного выстрѣла; но эффектъ получился громадный и весьма ощутительный. Завѣтная мечта Петра Великаго осуществилась въ этой военной демонстраціи, когда русскіе цвѣта развивались въ сердцѣ Европы, между тѣмъ какъ въ Варшавѣ счастливый соперникъ Станислава воцарялся подъ сѣнью русскихъ штыковъ.

Это двойное событіе послужило источникомъ вдохновенія для любопытнаго панегрика-чешскаго поэта, по имени Крауса, писавшаго плохими нѣмецкими стихами <sup>2)</sup> Но за подобные триумфы предстояла расплата. Ею послужила война съ Турціей.

---

1) Соловьевъ „Исторія Польши“.

2) Соловьевъ „Исторія Россіи“.

3) Неклюдовъ „Происхожденіе отношеній между Россіей и Турціей“, Сборникъ Иностранныхъ Архивовъ.



### III.

Въ Россіи существуетъ историческое толкованіе, ведущее лишь съ Петра Великаго наступательную политику этой державы относительно Оттоманской Порты. Ранѣе отношенія между обѣими странами были довольно дружелюбныя. По другимъ же писателямъ, миссія, приписываемая себѣ Россіей,—освобожденія славянскихъ народностей отъ мусульманскаго ига—не болѣе какъ случайная фикція, зависящая отъ обстоятельствъ совершенно новыхъ <sup>1)</sup>). Подобному взгляду, встрѣтившему горячія возраженія, кажется, дѣйствительно противорѣчатъ факты. Во всякомъ случаѣ, соглашаясь ли съ большинствомъ русскихъ историковъ,—въ томъ числѣ съ Соловьевымъ, выдающими въ Восточномъ вопросѣ только эпизодъ великой борьбы Европы съ Азіей,—или съ писателями-славянофилами, усматривающими въ этомъ лишь столкновеніе элемента романо-германскаго съ элементомъ греко-славянскимъ, и сводящими при подобномъ толкованіи роль Турціи къ защитѣ балканскихъ національностей отъ перваго изъ этихъ враждующихъ вліяній, <sup>2)</sup>) вплоть до эпохи вмѣшательства Россіи, такъ или иначе антагонизмъ между орломъ и полумѣсяцемъ насчитываетъ за собой въ прошломъ много столѣтій. Естественное развитіе Россіи на обширной равнинѣ, граничащей морями Вѣлымъ, Балтійскимъ, Чернымъ и Каспійскимъ, горными хребтами Урала, Кавказа и Карпатъ, рѣками, текущими въ моря въ двухъ различныхъ направле-

---

<sup>1)</sup> Карновичъ, *Роль Россіи въ освобожденіи христіанъ подпавшихъ подъ турецкое иго*.

<sup>2)</sup> Данилевскій, *Россія и Европа*“ противъ Лебедева *„Историческая бібліотека“ 1878 г.*

ніяхъ, съ самаго начала было предуказано знаменитымъ путемъ Варяговъ „изъ Скандинавія въ греческія страны“. Сперва Азія выслала татаръ. Стряхнувъ ихъ иго и едва приступивъ къ своему стремленію впередъ, Россія столкнулась на пути съ турками, прочно основавшимися на Балканскомъ полуостровѣ. И уже взятіе Константинополя разлучило Русь съ ея духовной столицей, священной метрополіей, куда съ десятаго вѣка стекались толпами ея богомольцы, наслаждаться лицезрѣніемъ великолѣпія храмовъ, перваго источника своей цивилизаціи. Подъ вліяніемъ подобныхъ обстоятельствъ зародилась постепенно мысль о Москвѣ, какъ духовной приѣмницѣ древней Византіи и „третьемъ Римѣ“. Въ этомъ смыслѣ истолковывались нѣкоторыя изреченія Льва Мудраго и патріарховъ Меодія и Геннадія, а также надпись на могилѣ Константина. Женильба Іоанна III на Софіи Палеологъ (1742) содѣйствовала укрѣпленію подобныхъ чувствованій и представлений, отсюда происшедшихъ. Петръ I получилъ лишь готовое наслѣдіе<sup>1)</sup>. До него одинъ только вопросъ о Малороссіи привелъ къ кровавому столкновенію съ Портой. Въ царствованіи Феодора Алексѣевича (1676—1682) тянулася эта война, обезпечившая Россіи обладаніе восточной Украйной. Послѣдовавъ вначалѣ по стопамъ князя Голицына и возобновивъ неудачный походъ этого полководца въ Крымъ, Петръ былъ затѣмъ отвлеченъ Сѣверной войной, и Порта, перейдя въ наступленіе, нанесла Россіи пораженіе при Прутѣ (іюль 1711г.). Эта злополучная война однако содѣйствовала первому сближенію между Россіей и народностями, угнетенными побѣдителями. Великій царь умеръ, мечтавъ объ отплатѣ и подготавливая австрійскій союзъ, необходимый по его мнѣнію для успѣшности дѣйствія,—союзъ, осуществленный его наслѣдниками въ 1726 г., продолжавшійся до воцаренія Петра III, и называвшійся „Системой Петра Великаго“.

---

1) Успенскій „Происхожденіе Восточнаго вопроса въ Россіи“; Жигаревъ „Русская политика въ Восточномъ вопросѣ“.

Побѣжденный въ 1711 г. царь пытался подойти къ разрѣшенію задачи съ другой стороны: черезъ Грузію и Арменію. По его словамъ то былъ „такой же путь“. При его непосредственныхъ преемникахъ преобладали миролюбивыя наклонности. Остерманъ находилъ, что Россіи не по силамъ придерживаться своей традиціонной программы. Но событія 1733—1735 г. побудили самую Турцію къ возобновленію враждебныхъ дѣйствій. Въ Константинополѣ не могли равнодушно относиться къ упорченію русскаго протектората на берегахъ Вислы. И французскій посланникъ, маркизь де-Вильнёвъ, употребившій все усилія, чтобы возбудить подозрѣнія и разжечь природную ненависть, встрѣтилъ себя косвеннаго союзника въ лицѣ русскаго посланника Неплюева. Послѣдній былъ ученикомъ Петра I, болѣе пылкимъ, чѣмъ его учитель и болѣе оптимистомъ, чѣмъ Остерманъ. Онъ видѣлъ ослабленіе Турціи, благодаря пораженіямъ въ Персіи, раскрывалъ планы Вильнёва, пытавшася вызвать въ Россіи внутреннюю революцію, и твердилъ безъ устали: „Война на порогѣ, не ожидайте нападенія, предупредите его!“<sup>1)</sup> Въ началѣ 1735 г. онъ заболѣлъ, но у него былъ помощникъ Вешняковъ, точно вторившій ему. Напрасно Остерманъ упорствовалъ: „Слишкомъ рано; не настаивайте!“ Въ теченіе года Вильнёву удалось добиться паденія миролюбиваго визиря Али Паши, и, опасаясь выступленій его преемника Измаила, за намѣреніе котораго ручался Вешняковъ, въ Петербургѣ, рѣшили „предупредить нападеніе“.

Такому рѣшенію не мало способствовало желаніе удалить Миниха, возвратившагося изъ Данцига „увѣнчаннымъ лаврами пополамъ съ терніями“ и ставшаго отъ этого еще несноснѣе.

Остерманъ все еще не соглашался открыто объявить войну. Восьмидесятитысячная армія была первоначально отправлена въ походъ лишь противъ татаръ, захватившихъ русскія владѣнія въ Кабардѣ и другихъ мѣстахъ. Вешняковъ этимъ удовлетворился. „При

---

<sup>1)</sup> Кочубинскій „Графъ Остерманъ и раздѣлъ Турціи“.

первомъ пораженіи своихъ крымскихъ данниковъ, Порта“—увѣрялъ онъ, „—запроситъ мира“. Но учитаннаго имъ успѣха не послѣдовало. Русская армія растаяла еще по дорогѣ. Офицеры Миниха довели до укрѣплений Перекопа не болѣе сорока тысячъ, отступившихъ по тѣмъ же причинамъ, какъ войска Голицына: недостатоку провіанта, рѣдкимъ перемѣнамъ погоды и ссорамъ генераловъ между собой. Леси, ссылаясь на свое званіе фельдмаршала, а принцъ Гессевъ Гомбургскій—на свой титулъ высочества,—отказывались отъ повиновенія главнокомандующему. Тридцать тысячъ человекъ были выведены изъ строя голодомъ и жарой<sup>1)</sup>. И, вмѣсто того, чтобы взывать о мирѣ, Порта собирала войска.

Въ Мартѣ 1736 г. Минихъ сдѣлалъ попытку взять Азовъ, но потребовалъ 53,263 рабочихъ для осадныхъ работъ. Князь Шаховской, губернаторъ Малороссіи, на обязанности котораго лежало удовлетвореніе этой просьбы, далъ понять въ Петербургѣ ея несообразность. Въ маѣ 1736 г. побѣдитель при Данцигѣ овладѣлъ наконецъ укрѣпленіями Перекопа, гдѣ татары оказали весьма незначительное сопротивленіе, дошелъ до Бахчисарая и сжегъ городъ вмѣстѣ съ ханскимъ дворцомъ и монастыремъ іезуитовъ, заключавшимъ прекрасную бібліотеку. У этого нѣмца текла въ жилахъ кровь вандала. Въ Кіевѣ, въ 1732 г., приступивъ къ укрѣпленію древняго города, онъ приказалъ взорвать часть знаменитыхъ „Золотыхъ воротъ“, возведенныхъ великимъ княземъ Ярославомъ въ началѣ XI вѣка<sup>2)</sup>. И вслѣдъ за этимъ успѣхомъ арміи всетаки пришлось отступить, несмотря на одновременное взятіе Азова и Кивбурна усилиями Леси и Леонтьева. Минихъ обвинялъ Леси, что тотъ не выслалъ ему провіанта и не торопился догнать его со своимъ двадцатитысячнымъ корпусомъ, Леси утверждалъ, что главнокомандующій отступилъ слишкомъ рано.

<sup>1)</sup> Минихъ, *журналъ*, изданный Нерман'омъ, *Büschings Magazin*. Бюшингъ былъ другомъ Миниха и завѣдомымъ панегиристомъ.

<sup>2)</sup> Русская Старина 1874 г.

Въ С.-Петербургѣ царило полное уныніе. На просьбы о помощи Австрія отвѣчала одними обѣщаніями, и Анна съ ужасомъ представляла себѣ, что станетъ съ ея войсками, когда, кромѣ татаръ, имъ придется имѣть дѣло съ турками. „Выручите меня,—писала она Остерману,—и я осыплю благодареніями васъ и ваше семейство“<sup>1)</sup>. Проклиная Миниха, Вешнякова и свою собственную слабость, допустившую опасное предпріятіе, вице канцлеръ надѣялся успѣть избѣжать войны съ Оттоманской имперіей. Пока еще не было официальнаго разрыва; Вешняковъ оставался въ Константинополь, и, несмотря на усилія Вилльвѣва, поддерживаемаго Бонневилемъ, Порта склонялась къ миру. Русскій посланникъ пугалъ ее своимъ бахвальствомъ. Онъ увѣрялъ въ это самое время, что гуляя по Перѣ, замѣчалъ, какъ весь народъ разступался передъ нимъ съ необычнымъ почтеніемъ. И онъ повторялъ свой военный кликъ: „Впередъ! Вы дойдете безъ боя до Константинополя!“ Онъ держался настолько угрожающимъ и вызывающимъ образомъ, что въ октябрѣ 1736 г., турки, подобно людямъ, бросающимся въ воду, чтобы избѣжать дождя, рѣшились его отослать.

Теперь грозила неизбежная война, а между тѣмъ изъ Персіи приходили въ Петербургъ вѣсти совсѣмъ неутѣшительныя. Кули-Ханъ выражалъ свою готовность сразиться съ Турціей, но „вовсе не намѣревался совершить путешествія“ въ Крымъ, добавлялъ онъ. У Австріи также находились все новыя причины, чтобы откладывать посылку вспомогательнаго войска. Посланнику Анны въ Вѣнѣ, Ланчинскому, удалось съ величайшимъ трудомъ добиться разрѣшенія вернуть обратно хотя десятитысячный отрядъ, въ настоящее время совершенно излишній на Рейнѣ и стоявшій въ Богеміи. Ему безцеремонно возражали, что самой Австріи онъ можетъ понадобиться противъ турокъ!

При такомъ критическомъ положеніи вещей начался походъ

---

<sup>1)</sup> Соловьевъ. „Исторія Россіи“, XX, 105.

1737 г., когда, наконецъ, восторжествовали храбрость, упорство и счастливая звѣзда Миниха. Подъ Очаковомъ, какъ ранѣе подъ Хатгельбергомъ, безъ припасовъ, безъ осадной артиллеріи, безъ плана кампаніи, даже безъ объясненія, для чего онъ собралъ здѣсь всю свою семидесятитысячную армію, рисковавшую умереть съ голода, онъ приказалъ взять крѣпость приступомъ, послалъ на убой головныя колонны, бросилъ шпагу въ разгарѣ битвы и воскликнулъ: „Все погубло!“ Но въ эту самую минуту, пожаръ, вспыхнувшій въ городѣ и взрывъ двухъ пороховыхъ погребовъ принудилъ турокъ къ сдачѣ (2-го іюля 1727 г.) <sup>1)</sup>. Благодаря счастливой звѣздѣ нѣмецкаго кондотьера и Россіи, въ то же время австрійцы, рѣшивъ исполнить данное обѣщаніе, отвлекли на себя лучшія силы Порты и ея генераловъ. Такъ восторжествовала „система Петра Великаго“ и его властный завѣтъ: „Не жалѣть ни людей, ни денежныхъ затратъ, добываясь намѣченной цѣли; безгранично разсчитывать на богатство страны, на покорность и самоотверженность ея сыновъ“. Минихъ даже не потрудился изучить крѣпость, не зналъ о существованіи глубокаго рва, заполнивагося тысячами солдатскихъ тѣлъ. Они послужили мостомъ для остальныхъ.

Побѣда опоздала. Уже въ мартѣ, Россія и Австрія, по обоюдному согласію, рѣшили заключить миръ и отправили депутатовъ въ Немировъ. Турецкіе парламентары сумѣли отлично воспользоваться жертвами, цѣной которыхъ досталась побѣда подъ Очаковомъ. Минихъ взялъ городъ, но потерялъ армію. Кромѣ того въ Босніи дѣла австрійцевъ приняли весьма дурной оборотъ. Остерманъ послалъ своимъ уполномоченнымъ приказъ добиваться отдѣльныхъ условій мира, „потому что союзникъ былъ разбитъ“. Но вполнѣ основательно, да и вполнѣ справедливо, турки не соглашались раздѣлять при заключеніи мира тѣхъ, кого связывала война, и въ октябрѣ

---

<sup>1)</sup> Соловьѣвъ, „Русскій Архивъ“ 1878 г., (*Мемуары адъютанта Бирона*). Манштейнъ въ своихъ „*Мемуарахъ*“ повторяетъ тѣ же обвиненія, еще подчеркивая ихъ.

1737 г. переговоры были прекращены. Мѣсяць спустя въ Вѣнѣ, какъ и въ Петербургѣ, рѣшили прибѣгнуть къ послѣднему средству— къ вмѣшательству Франціи <sup>1)</sup>).

Кампанія 1738 г. была неудачна даже для русскихъ. Не будучи въ силахъ переправиться черезъ Днѣстръ, Минихъ утѣшалъ Аяну, увѣряя, что далѣе свирѣпствуетъ чума. Но онъ долженъ былъ сознаться, что, отступая, ему пришлось бросить всю тяжелую артиллерію, и та же чума послужила предлогомъ къ эвакуаціи такъ дорого доставшагося Очакова. Австрійскій капитанъ Паради, прикомандированный къ особѣ главнокомандующаго, чтобы слѣдить за его дѣйствіями, приписывалъ его неудачи перегруженію обозами, которыми была обременена армія. Простые гвардейскіе сержанты тащили за собой до шестнадцати повозокъ. За братомъ фаворита слѣдовало до трехсотъ лошадей или воловъ, семь ословъ, да три верблюда! Войскамъ удавалось тронуться въ путь не раньше, какъ черезъ два, три, а иногда и четыре часа послѣ восхода солнца, а аррьергардъ добирался до лагеря только съ зарей <sup>2)</sup>). Подбодряемая и поддерживаемая ударами русскаго кнута и нѣмецкими шпицрутенами, самоотверженность и покорность солдатъ не мѣшала дезертирству. У русскаго человѣка героизмъ и по настоящее время идетъ рука объ руку съ весьма развитымъ здравымъ смысломъ. Люди умирали безропотно, когда требовалось, но и бѣжали также при первой возможности. Старые вояки и молодые рекруты дезертировали взапуски <sup>3)</sup>). Австрійцы въ свою очередь, послѣ блестящаго начала, сдали Орсову туркамъ, угрожавшимъ даже Вѣлграду.

Въ маѣ 1738 г., Остерманъ написалъ Вилльнѣву, что императрица, совмѣстно съ императоромъ, уполномочиваютъ его заключить предварительный договоръ, отказываясь при этомъ признать

---

<sup>1)</sup> Кочубинскій.

<sup>2)</sup> Соловьевъ.

<sup>3)</sup> Кочубинскій.

посредничество морскихъ державъ, принятое Австріей. Въ то же время, обмѣниваясь письмами съ Флери—кислосладкими со стороны кардинала—вице-канцлеръ соглашался признать за Франціей право обиженной стороны, выслать,—первый—посланника въ Парижъ <sup>1)</sup>. Флери ему совѣтовалъ избрать Вилльнева единственнымъ парламентомъ — не договаривая, что въ переговорахъ, уже начатыхъ съ цѣлью спасти Вѣлградъ, императоръ поступилъ такимъ же образомъ, отстранивъ участіе Англіи и Голландіи, протестовавшихъ противъ такой обиды. Франція становилась полновластной распорядительницей переговоровъ. Но Порта оказывалась весьма несговорчивой. Напрасно ей предлагали уступку Очакова и Кинбурна. Возвращаясь къ старинной политической теоріи: „пустыня—оплотъ“, она требовала кромѣ того разрушенія Азова. За спиной Вилльнёва она пыталась столкнуться съ Россіей черезъ посредство князя Молдавскаго, Гика, но выставляла требованія еще болѣе значительныя.

Въ 1739 г. въ Петербургѣ рѣшили дѣйствовать на проломъ. Такъ какъ Австрія въ свою очередь настоятельно требовала помощи, то былъ возбужденъ вопросъ о пропускѣ черезъ Польшу просимаго военнаго отряда. Такимъ образомъ зародилась мысль воспользоваться тѣмъ же путемъ, гораздо болѣе выгоднымъ, для цѣлой арміи и этимъ было положено начало новому порядку вещей, превратившему территорию Республикъ въ арену для борьбы ея сосѣдей. Въ іюль 1739 г. Миннихъ воспользовался ею, чтобы безъ помѣхи перейти Днѣстръ, вступить въ Молдавію и грозить Хотину. Сераксиръ Вели-Паша преградилъ ему дорогу подъ Ставучанами съ тридцатью тысячами чловѣкъ, укрѣпившимися на выгодной позиціи, и положеніе русской арміи казалось снова безнадежнымъ. Останься она на мѣстѣ, ей въ будущемъ грозилъ голодъ, а для штурма ея построеніе въ каре съ обозомъ, запасами и артиллерійскимъ паркомъ въ центрѣ, было повидимому непригоднымъ <sup>2)</sup>: Миннихъ всетаки произвелъ атаку

---

1) Остерманъ—Флери, 27 іюня 1738 г. Вѣд. Иностр. Дѣлъ.

2) „Русскій Архивъ“ 1878, вышеупом. *Мемуары*.

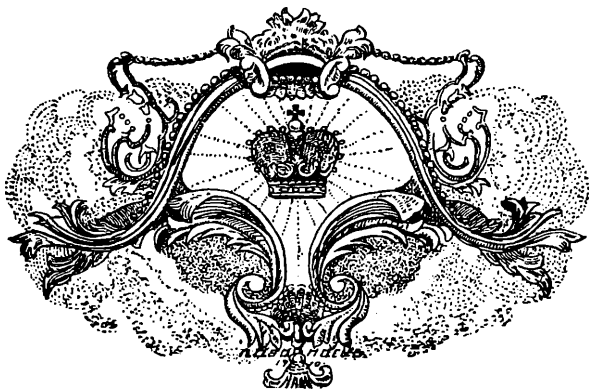


(17 августа 1739 г.). То было первое столкновение русских и турок в открытом поле, и оно обнаружило такое соотношение между силами, какого не подозревалъ Петръ Великій. Понадобилось участие ябмца, чтобъ открытъ глаза его преемникамъ! Обманутые ложнымъ маневромъ на лѣвомъ флангѣ, турки открыли свой правый флангъ и обратились въ бѣгство при первомъ же натискѣ. Два дня спустя сдался Хотинъ. Побѣдоносная армія перешла черезъ Прутъ и 12 го сентября въ Яссахъ, гдѣ ее опередилъ Собѣсскій, праздновала присоединеніе Молдавіи къ Россіи. Но въ тотъ же самый день Минихъ получилъ извѣстіе о заключеніи мира между Портой и Австріей. 10 іюля австрійскій генералъ Валлисъ былъ разбитъ на голову при Дуваѣ, потерявъ двадцать тысячъ человѣкъ, и Нейпергъ, заступившій его мѣсто съ самыми широкими полномочіями начать переговоры, поспѣшилъ воспользоваться своимъ правомъ, уступивъ имперскую Валахію съ Орсовой и Сербію съ Бѣлградомъ. Это не я, это Нейпергъ, писалъ Аняѣ Карль VI, прося ее не нарушать прежній союзъ и выражая надежду, что послѣ Хотина ей удастся заключить миръ, непохожій на заключенный имъ.

Нейпергъ и Валлисъ были преданы суду, и перваго, въ Вѣнѣ, обвинили въ превышеніи предоставленныхъ полномочій. Минихъ настаивалъ на продолженіи кампаніи, но Остерманъ считалъ дѣло Россіи проиграннымъ. Истощеніе страны достигло крайнихъ предѣловъ. Вице-канцлеръ боролся еще нѣкоторое время за сохраненіе Азова. Объявляя, что возлагаетъ все надежды только на Вилльнѣва, онъ пытался въ свою очередь вступить въ тайные переговоры черезъ посредство итальянскаго авантюриста Каніони, затѣмъ покорился. Азовъ подлежалъ уничтоженію, а Анна даже не добилась признанія за ней императорскаго титула. Россія совершенно бесполезно потеряла сто тысячъ человѣкъ и уйму денегъ. Минихъ называлъ Вилльнѣва „измѣнникомъ“; но болѣе осторожный Вешняковъ говорилъ: „Это человѣкъ любезный, ума не слишкомъ высокаго, но здраво-мыслящій, требовать же того, чтобы французскій посланникъ былъ

болѣе расположенъ къ намъ и болѣе искренъ съ нами, чѣмъ съ турками, мы не можемъ; это не соответствовало бы интересамъ его родины.

Русскій историкъ, наиболѣе основательно занявшійся изученіемъ этой эпохи, М. Кочубинскій, не колеблясь, возлагаетъ всю вину и всю тяжелую отвѣтственность на Неплюева и Вешнякова, создавшихъ войну, послѣдствія которой предвидѣлъ Остерманъ „болѣе русскій по духу“, на его взглядъ, и безспорно болѣе предусмотрительный. Его соперникъ, нѣмецъ Минихъ, по крайней мѣрѣ не посрамилъ русскаго оружія и покрылъ его славой на полѣ брани, плоды чего въ недалекомъ будущемъ пожалала Екатерина II. Такимъ образомъ два иноземныхъ сподвижника Петра Великаго во всѣхъ смыслахъ затмили его отечественныхъ учениковъ.



#### IV.

Аннѣ и ея министрамъ оставалось лишь поздравить себя съ извѣщеніемъ отъ новой опасности, какой грозила имъ эта злосчастная война. Въ августѣ 1735 г. Бестужеву, ихъ представителю въ Стокгольмѣ, удалось несмотря на усилія французскаго посла Кастежа „заключить съ Швеціей оборонительный союзъ. Кастежа былъ отозванъ, но оставилъ довольно сильную партію, преимущественно въ рядахъ молодежи“, „опьянѣвшей отъ французскаго вина“,—по выраженію Хорна, представителя русской партіи,—а такъ же среди дамъ. Графиня Ливенъ, графиня де-Ла Гарди и баронесса Будденброкъ отличались страстностью своихъ французскихъ симпатій, тогда какъ въ противоположномъ лагерѣ едва ли не одна графиня Бондъ увлекала за собой своихъ поклонниковъ. За столомъ сторонники Франціи и сторонники Россіи выражали симпатіи тостами въ видѣ загадокъ: „Was wir lieben“ означало войну съ Россіей, а „Ich denke mir's“,—означало миръ и дружественныя отношенія съ этой державой. Ссоры и дуэли не перемежались. Молодые люди подносили дамамъ шарфы, служившіе въ видѣ шляпъ, табакерки и подушечки для булавокъ такой же формы, олицетворявшія собою мужественную храбрость, послѣ того, какъ графиня де-Ла Гарди объявила поборнику союзъ съ Россіей: „Вы и ваши друзья ночные колпаки“! Въ концѣ 1736 г. „партія шляпъ“ заволновалась по поводу предложеній Турціи, обѣщавшей широкія субсидіи и дававшей слово, что не прекратитъ войны, пока Швеція не получитъ обратно всѣ свои владѣнія. Графу Горну, щедро награжденному Бестужевымъ, удалось отвести грозу. Но въ 1738 г. сеймъ открылся при обстоятельствахъ, неблагопріятныхъ для Россіи. Кандидатъ этой державы въ прези-

денты сейма, Пальмфельдъ получилъ всего сто сорокъ головъ, и кандидатъ Франціи, Тесеэнь, прошелъ подавляющимъ большинствомъ. Въ тайной комиссіи изъ пятидесяти членовъ Бестужевъ могъ рассчитывать лишь на преданность пяти, шести человекъ. Новый французскій посланникъ, графъ де-Сенъ-Северинъ очевидно бралъ верхъ. Въ іюнѣ визирь и Бонневаль обратились съ новыми предложеніями союза, и Бестужевъ посовѣтовалъ Остерману перехватить майора Сенъ-Клера, уполномоченнаго комиссіей, членомъ которой онъ состоялъ, доставить отвѣтъ—благопріятный по подозрѣнію русскаго посла. Онъ увѣрялъ, что шведскій король и его министры отвесутся благосклонно къ такому смѣлому шагу.

Въ дѣйствительности Сенъ-Клеръ везъ лишь дубликаты денешъ, отправленныхъ черезъ Марсель и содержавшихъ въ себѣ только поздравленія, однако съ порученіемъ шведскимъ агентамъ уговорить Порту продолжать войну.

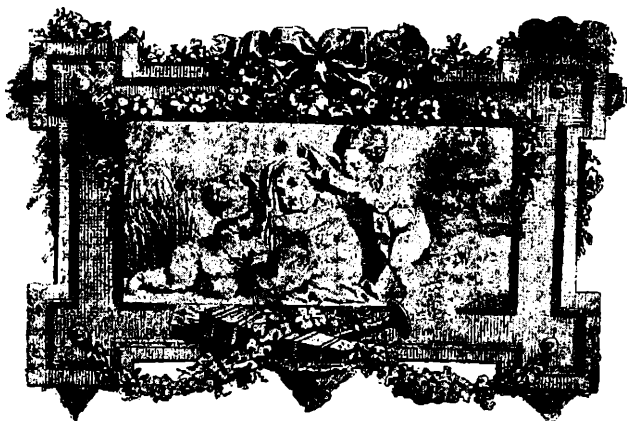
Въ октябрѣ Сенъ-Северинъ предложилъ субсидію въ триста тысячъ экю ежегодно при единственномъ условіи, что въ теченіе десяти лѣтъ Швеція не заключитъ союза ни съ какой другой державой безъ согласія Франціи. Въ этомъ была уже почти побѣда для Россіи и во французской партіи, горѣвшей воинственнымъ пыломъ, раздался ропотъ неудовольствія, а русская партія упрекала Англію въ томъ, что та не отразила щедрости Версальскаго кабинета. Въ С.-Петербургѣ не удовольствовались такимъ полу-успѣхомъ и на Кантемира было возложено порученіе убѣдить Францію отказаться отъ поощренія шведскихъ иятригъ въ Константинополѣ, сдѣлавъ въ этомъ смыслѣ официальную декларацію. „Такъ вы хотите, чтобы Вильнёва заключили въ Семибашенный замокъ!“ возразилъ Флѣри: „мы не вмѣшиваемся въ дѣла Швеціи въ Константинополѣ, но вамъ придется удовлетвориться въ этомъ отношеніи нашими словами“. „Кантемиръ не настаивалъ; но въ Петербургѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что Франція посылаетъ эскадру въ Балтійское море, а Бестужевъ отмѣчалъ тревожное вооруженіе Швеціи. Этими обстоятельствами

была рѣшена судьба несчастнаго Сенъ-Клера возвращавшагося въ то время изъ Константинополя черезъ Польшу и Саксонію.

Причины, вызвавшія это извѣстное преступленіе XVIII вѣка, до сихъ поръ остаются неясными. Предупрежденные Вестужевымъ шведскіе министры хорошо знали, что офицеръ будетъ арестованъ, но они не предвидѣли, что его ожидаетъ смерть. Распространившаяся въ Стокгольмѣ въ іюлѣ 1739 г. вѣсть объ убійствѣ, вызвала тамъ всеобщее возмущеніе, и канцлеръ Гилленборгъ, хотя принадлежавшій въ данное время къ партіи мира и союза съ Россіей, нашелъ, что за дѣло взялись очень неловко. Убійцы, капитанъ Куттлеръ и майоръ Левицкій имѣли форменное порученіе отъ Миниха, паспортъ отъ резидента императора въ Варшавѣ, Кюнера, и приказъ объ арестѣ, выданный изъ „Оберамта“ Верхней и Нижней Силезіи. Министръ Августа III въ Дрезденѣ Брюль и русскій посланникъ въ Парижѣ Кейзерлингъ имѣли по этому поводу переговоры, при чемъ послѣдній увѣрялъ перваго, что императрица будетъ благодарна за содѣйствіе предпріятію. Разумѣется, всѣ и каждый складывали съ себя потомъ отвѣтственность за происшествіе. Остерманъ притворялся страшно изумленнымъ и полнымъ искренняго негодованія, называя поступокъ безчеловѣчнымъ и требуя колесованія убійць. Брюль прикинулся совершенно ничего не подозревавшимъ и увѣрялъ въ полнѣйшей непричастности Кейзерлинга, „питавшаго такое отвращеніе къ подобнымъ злодѣяніямъ, что теперь заболѣлъ отъ огорченія“. Въ дѣйствительности ни въ перепискѣ обоихъ дипломатовъ, ни въ другихъ однородныхъ документахъ, по крайней мѣрѣ, изъ числа извѣстныхъ намъ, не встрѣчается никакихъ указаній на предполагаемое убійство. Сенъ-Клера было рѣшено только арестовать и отобрать у него бумаги, и такъ какъ повидимому съ его стороны не послѣдовало никакого сопротивленія, то убійство является непонятнымъ. Съ другой стороны нельзя допустить, чтобы Куттлеръ и Левицкій дѣйствовали самостоятельно, тѣмъ болѣе, что по возвращеніи въ Петербургъ, по крайней мѣрѣ послѣдній (намъ

ные известна судьба первого) не только не был колесованъ, но спокойно жилъ, получая хорошую пенсію <sup>1)</sup>). Въ Петербургѣ и въ Дрезденѣ рѣшили всю вину взвалить на Миниха; во всякомъ случаѣ не надо забывать, что первоначальный планъ былъ русскаго происхожденія, исходя отъ Бестужева.

Послѣднему приходилось раскаиваться объ этомъ въ Стокгольмѣ. Офицеры гвардіи угрожали ему кровавой отплатой. Онъ сжегъ свой архивъ съ отчетностью о подкупахъ, окружилъ свой домъ охраной, обратился къ шведскому правительству съ официальной деклараціей въ духѣ увѣреній, высказанныхъ Остерманомъ, и всетаки вынужденъ былъ послать увѣдомленіе, что безъ рѣшительной побѣды со стороны Миниха война неизбежна. Битва при Ставучанахъ и договоры Вѣлградскій и Константинопольскій успокоили его тревогу. Партія войны обвинила Францію въ измѣнѣ, и русская дипломатія могла праздновать по праву новую побѣду, дешево купивъ неоцѣненный нейтралитетъ.



<sup>1)</sup> См. выдержки изъ записокъ Штейнбергера въ „Zeitschrift des Vereins für Geschichte und Alterthum Schlesiens“, „Русская Старина“ 1878, Сборникъ Шереръ, *Anecdotes interessantes et secrètes de la Cour de Russie*, 1797.

## V.

Въ Польшѣ денежныя затраты увѣнчались не меньшими успѣхами. При сравнительно небольшихъ расходахъ, Кейзерлингу удалось образовать тамъ могущественную партію, во главѣ которой стояли Понятовскіе и Чарторыжскіе. Въ то же время сто тысячъ червонцевъ, одолженные Августу Ш, лучше саксонскаго оружія содѣйствовали разсѣянію конфедераціи въ Дзиковѣ. Примасъ, Теодоръ Потоцкій, заключенный въ тюрьму, сопротивлялся вплоть до изъявленія покорности своего кузена Іосифа Потоцкаго, военнаго начальника партіи Лещинскаго, затѣмъ, послѣдовавъ его примѣру, прибылъ въ Варшаву, чтобы представиться королю, и писалъ Аннѣ, увѣряя ее въ своемъ „преклоненіи“<sup>1)</sup>. Въ январѣ 1736 г. одинъ изъ Огинскихъ доставилъ Августу предложеніе польскихъ и ливонскихъ магнатовъ, послѣдовавшихъ за Станиславомъ въ Кѳнигсбергъ: они соглашались вернуться на „умиротворительный сеймъ“ подъ условіемъ уплаты сдѣланныхъ ими долговъ. Новому королю это обошлось въ десять тысячъ червонцевъ и Станиславъ вслѣдъ за тѣмъ отказался отъ престола. Въ мартѣ онъ вернулся въ Лотарингію. Въ іюнѣ „умиротворительный сеймъ“ подъ предсѣдательствомъ сторонника Лещинскаго, Венцеслава Бравцескаго окончился благополучно, при помощи раздачи вакантныхъ должностей, благодаря чему гетманскій жезлъ достался Іосифу Потоцкому, а Люблинское воеводство вождю конфедератовъ, Адаму Торло. И когда король отправился въ Дрезденъ, его сопровождалъ длинный поѣздъ польскихъ вельможъ, пожелавшихъ принять участіе въ предстоящихъ тамъ празднествахъ.

<sup>1)</sup> Шуйскій „Исторія Польши“. Соловьевъ „Исторія Россіи.

Между прочимъ былъ улаженъ Курляндскій вопросъ постановленіемъ сейма, уполномочившаго Августа передать инвеституру послѣ смерти Фердинанда кандидату по собственному выбору. Такимъ образомъ проектъ анексії былъ оставленъ, и Кейзерлингу въ достиженіи такого результата, пожалуй, болѣе всѣхъ содѣйствовалъ Озаровскій, вернувшійся изъ Франціи. Герцогъ Фердинандъ умеръ въ слѣдующемъ году, а дальнѣйшая судьба герцогства извѣстна! Польша не нашла возможнымъ высказаться при подобныхъ обстоятельствахъ. Новый коронный гетманъ долженъ былъ бы высказаться по поводу пребыванія русскихъ войскъ въ Польшѣ, гдѣ Минихъ расположился, какъ дома, но кромѣ полученной должности у этого магната были другія сильнѣйшія причины, обуславливавшія его молчаніе: часы въ семьсотъ червонцевъ и обѣщанные двадцать тысячъ червонныхъ, кромѣ незначительныхъ щедрствъ еще для жены, урожденной Мнишекъ, и тещи. А онъ обладалъ миллионнымъ состояніемъ. Современные поляки считали за честь получать вспомошествованіе, какъ Озаровскій гордился доступомъ въ министерскія галереи. Свобода, перешедшая въ распущенность, приводитъ къ такому моральному вырожденію. Примазь Потоцкій получалъ такъ же пенсію въ 3,166 червонцевъ и тѣмъ обязался противиться предположеніямъ союза съ Турціей и новой конфедераціи, которую затѣвалъ одинъ изъ его родственниковъ, Антовій Потоцкій, воевода Бѣльцскій, по соглашенію съ прусскимъ резидентомъ въ Варшавѣ. Гофманомъ. Въ 1739 г. по предложенію его, Потоцкій отправился въ Берлинъ, гдѣ Фридрихъ Вильгельмъ приготовилъ ему блестящую встрѣчу и обѣщалъ прислать конфедератамъ пятьдесятъ тысячъ ружей.

То были послѣдствія избранія Бирона въ Митавѣ, что, однако, нисколько не помѣшало королю на смертномъ одрѣ завѣщать сыну поддерживать союзъ съ Россіей. Въ дѣйствительности для Пруссіи не оставалось выбора. Переговоры о заключеніи новаго договора были уже начаты и, казалось, близились къ концу, когда пришло извѣстіе о кончинѣ императора Карла VI (20 октября 1740 г.).



Въ это время Англія, замѣтивъ, что ея манеры держаться въ сторонѣ, давали слишкомъ много преимуществъ Франціи, сама пошла на встрѣчу Петербургу. Туда прибылъ Финчъ съ титуломъ посланника, а Каптеміръ, напрасно добивавшійся союза и признанія императорскаго титула, былъ замѣщенъ въ Лондонѣ княземъ Щербатовымъ. Просвѣтлѣвшій такимъ образомъ дипломатическій горизонтъ затянулся вдругъ тучами, скоплявшимися надъ Вѣной, между тѣмъ какъ, благодаря миру съ Турціей, доставшемуся столь дорогой цѣной, создавалось положеніе вещей весьма затруднительное и прискорбное.

Среди иллюминацій, баловъ и маскарадовъ, устраивавшихся по этому новоду, чтобы создать иллюзію несуществующей радости, умы, мрачно настроенные, справлялись не слышнво-ли о празднествахъ по случаю разрушенія укрѣпленій Азова! Транспарантъ, на которомъ огненными буквами было начертано: „Возвращенное спокойствіе“, вызывалъ насмѣшки. Предполагалось, что Порта ведетъ со Швеціей переговоры, относительно возобновленія враждебныхъ дѣйствій по случаю событій, подготовлявшихся въ центрѣ Европы. На одномъ изъ придворныхъ баловъ новая личность обратила на себя всеобщее вниманіе и вызвала тревожные толки. Всѣ замѣтили танцевавшего съ Елизаветой менуэтъ кавалера, присутствіе котораго бросалось въ глаза, настолько отъ него отвыкли. То былъ новый французскій посланникъ де-Ла Шетарди. Всѣмъ было извѣстно, что во время войны онъ горячо ратовалъ въ Берлинѣ противъ интересовъ Россіи. Зачѣмъ онъ явился въ Петербургъ? Нѣкоторые оптимисты льстили себя надеждой, что теперь онъ хлопочетъ о предотвращеніи конфликта со Швеціей. Но общее недовѣріе брало верхъ и имѣло за собой слишкомъ много основаній. Ближайшему будущему—когда наступило время внутреннихъ смуть—предстояло раскрыть тайну новаго пришельца, намѣревавшагося сыграть роль въ то время, какъ разразившаяся буря сметала съ дороги людей, сохранившихъ,—несмотря на жестокія испытанія, отвѣтственность за которыя вельзя, не нарушая справедлив-

вості возлагать на нихъ, и на промахи, важность которыхъ преувеличивалась,—доселѣ почти въ неприкосновенности наслѣдіе, слушаемъ порученное ихъ охранѣ.

Испытанія и промахи зависѣли отъ сцѣпленія обстоятельствъ, совершенно ускользавшихъ отъ ихъ контроля. Огромная еще плохо налаженная машина, которой имъ предстояло руководить, не была ихъ созданіемъ, такъ же, какъ не въ ихъ власти было измѣнить опасное направленіе, какое принялъ ея бѣгъ. Они сдерживали ее, подмазывали колеса, старались обходить рытвины. Большаго съ нихъ нельзя было требовать. И, между пропастями, они падали сами жертвами губительнаго соблазна власти. Но чтобы вестись такимъ образомъ навстрѣчу полнымъ опасностей приключеніямъ, развѣ сами они не должны были быть авантюристами? И въ этой роли Остерманъ—такъ какъ въ сущности онъ заправлялъ всѣмъ, какъ въ дѣлахъ внутреннихъ такъ и внѣшнихъ,—развѣ не стоилъ Меншикова?



## VI.

Вообще въ дѣлахъ внутреннихъ и въ дѣлахъ внѣшнихъ, старанія его и его сотрудниковъ были направлены къ упроченію пріобрѣтеннаго, въ предѣлахъ результатовъ достигнутыхъ и границъ установленныхъ во время великаго царствованія. Такъ въ Малороссіи, послѣ нѣсколькихъ колебаній, система чистой и простой анексії, принятая Петромъ I, восторжествовала надъ безсильными попытками автономистовъ. Въ январѣ 1734 г. воспользовались смертью гетмана Апостола, чтобы вручить управленіе страной временной комиссіи, состоявшей изъ трехъ великороссовъ и трехъ малороссовъ. И само собой подразумѣвалось, что временность продолжилась до безконечности. Мѣстное населеніе успокоилось на обѣщаніяхъ и не шевельнуло пальцемъ. Вначалѣ видимость сохранялась весьма тщательно. Жителямъ Кіева было предоставлено право выбирать себѣ голову; принимались лишь необходимыя предосторожности, чтобы выборъ палъ на человѣка, преданнаго правительству. И иногда истина проскальзывала какъ въ 1739 г. устами Миниха, который во время засѣданія верховнаго суда, происходившаго въ Глуховѣ, угрожалъ судьямъ Сибирью, кнутомъ, висѣлицей, а когда ему указали на законъ, сказалъ: „Плуты его выдумали и плуты имъ пользуются!“ Дѣло шло объ одномъ изъ его помѣстій. Но коллеги фельдмаршала обыкновенно держались скромнѣе.

Труднѣе была задача на востокѣ обширной имперіи—на границѣ Урала. Тамъ пришлось столкнуться съ упорнымъ сопротивленіемъ дикихъ инородцевъ, одинаково непокорныхъ силѣ и убѣжденію. Пытались ихъ подчинить, „вооружичъ киргизовъ противъ башкиръ“, и нѣкоторое время такая политика удавалась Кириллову, присланному

построить крѣпость на берегахъ Оры—будущій Оренбургъ. Въ 1735 г. этотъ энергичный, но жестокій начальникъ края уже мечталъ покорить Ташкентъ съ будущимъ русскимъ Туркестаномъ и открыть Россіи дорогу въ Индію. Возмущеніе башкировъ оборвало эти честолюбивыя мечты. Въ стычкѣ съ драгунскимъ полкомъ, они убили полковника и захватили обозъ. Для ихъ усмиренія былъ приславъ А. И. Румянцевъ, который, какъ сторонникъ воздѣйствія гуманными мѣрами, поссорился съ Кирилловымъ, и мятежъ, на время подавленный, снова вспыхнулъ, благодаря этимъ несогласіямъ. Въ Петербургѣ приняли сторону Кириллова, но карательная и разрушительная экспедиція, проведенная въ 1736 г. съ неумолимой суровостью, не помѣшала мятежнымъ вспышкамъ со стороны побѣжденныхъ. Послѣ новой попытки умиротворенія, предпринятой съ нѣкоторымъ успѣхомъ Татищевымъ въ 1737 г., князю Урусову пришлось въ 1740 г. усмирять вновь вспыхнувшее возстаніе.

Далѣе на востокъ царствованіе Анны увидало новое торжество политики распространенія: первое китайское посольство, въ отвѣтъ на посольство Владиславича (см. выше), было отправлено къ Петру II, но прибыло въ Москву лишь въ Февралѣ 1731 г., уже послѣ смерти императора. Повидимому его миссія сводилась къ простой любезности. Правда, Тредіаковскій въ одной изъ своихъ одъ приписывалъ ему намѣреніе просить Россію, чтобы она не смотрѣла на Небесную имперію какъ на свою данницу. Это значило, конечно, забѣгать слишкомъ сильно впередъ! Но мысль поэта любопытный признакъ полноты, какой достигли въ національномъ сознаніи понятія подобнаго рода.

Нельзя поставить въ упрекъ нѣмцамъ, назывався они Остерманомъ или Минихомъ, чтобы они чинили препятствія такимъ стремленіямъ. Эмиссаръ, поддерживавшій въ это время сообщеніе между Петербургомъ и Пекиномъ, наблюдая за ходомъ каравановъ по теперешнему Средне-Азиатскому пути, не былъ русскимъ. Его фамилія была Лангъ. Имя говоритъ само за себя.

## Г Л А В А XI.

### Дворъ и общество.—Смерть Анны I.

I. Утро при дворѣ Анны Иоанновны.—Картина живописца Якоби.— Два фасада царскаго жилища.— Интимная обстановка.— Обитатели.— „Звѣринецъ“.— Слуги и шуты.— Придворные шуты во Франціи и въ Россіи.— Шико и Балакиревъ.— Князь Квасникъ.— Его свадьба.— Ледяной домъ.— Наружное убранство.— Нарушеніе обычаевъ.— Подражаніе западнымъ образцамъ.— Организация двора.— Приемы.— Балы.— Театръ.— Новая роскошь.— Сохранившаяся грубость обычаевъ подъ европейскимъ лоскомъ.— Нравы и чувства.— II. Общественный строй.— Простой народъ и аристократія.— Переходная эпоха.— Типы прошлаго и настоящаго.— Василій Головинъ.— Его карьера и удаленіе.— Наслѣдственная эксцентричность.— Причины непосредственныя и отдаленныя.— Нарушеніе моральнаго равновѣсія.— Вѣковая отчужденность.— Отсутствіе общенія между различными слоями общества.— Ихъ антагонизмъ.— Отсутствіе руководящаго принципа.— Преобразовательный ферментъ, проникнувшій съ реформой.— Стремленіе къ эмансипаціи.— Дѣйствіе въ обратномъ смыслѣ новыхъ законодательныхъ мѣропріятій.— Окончательное установленіе крѣпостнаго права.— Какъ оно содѣйствовало развитію мѣстнаго самоуправленія въ народной средѣ.— Общій балансъ.— III. Болѣзнь Анны Иоанновны.— Вопросъ о престолонаслѣдіи и регентствѣ.— Интриги Бирона.— Двусмысленное поведеніе Остермана.— Вмѣшательство Мянниха.— Объявленіе фаворита регентомъ.— Смерть императрицы.

#### I.

Художникъ Якоби выставилъ въ Петербургѣ лѣтъ тридцать тому назадъ весьма любопытную картину, изображавшую утро при дворѣ Анны Иоанновны въ 1740 г. Императрица, страдающая не-

дугомъ, вскорѣ сведшимъ ее въ могилу, лежить въ постели. Жена Бирона подносить ей лекарство. Биронъ стоитъ у изголовья въ небрежной позѣ и чистить ногти. Ушаковъ нагнулся къ государынѣ и шепчетъ ей на ухо новость тайной канцеляріи. Калмычка-карлица, Буженинова, сидя на полу около кровати, слѣдитъ глазами за придворными шутами, играющими посреди комнаты въ чехарду. На спину согнушагося пополамъ старика, князя А. М. Голицына, вспрыгнувъ его товарищъ по дурацкому колпаку, князь Волконскій, и въ свою очередь служить подставкой для веселой фізіономіи Балакирева, между тѣмъ, какъ четвертый игрокъ, графъ Апраксинъ, неловко растянулся на полу. Около двери одинъ изъ соперниковъ Балакирева, Педрилло, упражняется на скрипкѣ, другой, д'Аюста, подбодряетъ игроковъ ударами кнута, въ чемъ ему помогаетъ маленькій Биронъ. Аннѣ, повидимому, зрѣлище предоставляетъ мало интереса, но окружающее ее общество хохочетъ во все горло. Мы видимъ красавицу Наталью Лопухину, предназначенную судьбой такой ужасной участи, и около нея графа Лёвенвольда, ея любовника, и принцессу Гессенъ-Гомбургскую. Она прекратила свою игру въ карты и аплодируетъ, а далѣе, въ глубинѣ комнаты, другая группа,— гдѣ бросается въ глаза Анна Леопольдовна, будущая регентша, маркизь де-ла-Шетарди и Лестокъ,—раздѣляетъ ихъ восторгъ. Въ сторонѣ графъ Минихъ и князь Трубецкой одни сохраняютъ важный видъ и, повидимому, бесѣдуютъ о дѣлахъ. Въ углу, рядомъ съ кѣткой съ попугаями поэтъ Тредіаковскій съ видомъ скромнымъ и терпѣливымъ ожидаетъ слушателей для своей новой оды, рукопись которой онъ держитъ. Но даже его сосѣдъ, черемисъ въ національномъ костюмѣ и негритенокъ не обращаютъ никакого вниманія на его тщедушную особу. Но безъ сомнѣнія, она не ускользнула отъ остраго взгляда человѣка, остановившагося на порогѣ и окидывающаго все собраніе неодобрительнымъ взглядомъ. Это Волянскій.

Обстановка передана довольно точно и требуетъ отъ меня лишь

нѣсколько пояснительныхъ словъ. Дѣйствіе происходитъ въ новомъ Зимнемъ дворцѣ. Послѣ коронаціи Анна сначала поселилась въ Кремлѣ, въ довольно удобномъ помѣщеніи стариннаго Потѣшнаго дворца, расположеннаго тамъ. Съ наступленіемъ лѣта, она переѣхала въ Измайлово, а въ это время въ Кремлѣ же, по сосѣдству съ арсеналомъ, итальянскій архитекторъ Растрелли выстроилъ новый деревянный дворецъ, названный Анненгофомъ. Императрица переселилась туда въ октябрѣ 1730 г. Но вскорѣ Головинскій дворецъ, окруженный паркомъ, гдѣ она иногда устраивала празднества, настолько ей понравился, что она приказала Растрелли построить по сосѣдству другой деревянный Анненгофъ, который былъ околпечъ къ слѣдующему лѣту и тамъ она провела даже зиму, до переѣзда въ Петербургъ въ 1732 г. Болѣе въ Москву она не возвращалась. Въ Петербургѣ она помѣстилась въ домѣ графа Апраксина, завѣщаннаго адмираломъ Петру II. Она его расширила и превратила въ дворецъ, названный новымъ Зимнимъ дворцомъ, старый же, гдѣ скончались Петръ I и Екатерина I—современный Эрмитажъ,—былъ предоставленъ въ пользованіе придворнаго штата <sup>1)</sup>.

Вскорѣ оба жилища наполнились многочисленными обитателями. Частный штатъ императрицы, установленный по примѣру современнаго барскаго обихода, только въ весьма увеличенномъ размѣрѣ, удвоился дворомъ по образцу европейскому. Въ первомъ больше всего мѣста занимали животныя, въ особенности птицы, воспитываемыя и дрессируемыя нѣмцемъ Варлендомъ. Иногда для ея величества вдругъ сразу требовалась сотня соловьевъ, пятьдесятъ зябликовъ, пятьдесятъ овсянокъ, пятьдесятъ снегирей, пятьдесятъ лѣсныхъ канареекъ, пятьдесятъ чижей и двѣсти коноплянокъ. Попугаи, менѣе многочисленные, пользовались особымъ уваженіемъ. Клѣтки видѣлись почти во всѣхъ покояхъ дворца, а въ одномъ изъ внутреннихъ садовъ въ „звѣринцѣ“, содержалось еще большее коли-

---

1) Забѣлинъ, „Историческіе очерки“.

чество пернатыхъ, иногда выпускаемыхъ на свободу, и тогда императрица стрѣляла въ нихъ изъ ружья, или изъ лука. Подъ угрозой каторжныхъ работъ воспрещалось охотиться на пространства тридцати верстъ въ окрестностяхъ столицы. Для царскихъ охотъ собирали со всей Россіи медвѣдей, волковъ, кабановъ, оленей, лисицъ. Въ 1740 г. Москва выслала Петербургу шестьсотъ живыхъ зайцевъ и въ томъ же году князь Кантеміръ купилъ въ Парижѣ для государыни тридцать четыре пары таксъ за тысячу сто рублей, и тогда же князь Щербатовъ приобрѣлъ въ Лондонѣ шестьдесятъ три пары собакъ гончихъ, борзыхъ и лягавыхъ. Съ 10 іюня по 26-е августа въ списокѣ добычи, убитой только ея величествомъ значилось: девять оленей, шестнадцать козулъ, четыре кабана, волкъ, триста семьдесятъ четыре зайца, шестьдесятъ четыре дивихъ утки и шестнадцать морскихъ птицъ <sup>1)</sup>. Мечтая произвести въ Россіи революцію или возложить на свою голову корону, Волюнскій, по должности оберъ-егермейстера, не отказывался отъ заботъ о царской псарнѣ.

Въ императорскихъ покояхъ, сука *Цитринка* пользовалась уходомъ родовитаго князя, и въ придворномъ уставѣ перечислялись качества и количество блюдъ, приготовляемыхъ для нея царскими поварами и отпускаемыхъ подъ квитанцію.

Что касается людского персонала, то штатъ, мужской и женскій принадлежалъ ко всѣмъ слоямъ общества. Карлики и карлицы, горбуны и многочисленные калѣки обоего пола, на что указываютъ ихъ прозвища (Безножка, Горбушка) ютились рядомъ съ шутами и шутихами, дураками и дурами, калмыками, черемисами, неграми. Вся эта публика держала себя весьма свободно съ лицами, посѣщавшими дворъ, но относительно императрицы была подчинена довольно строгому этикету. Послѣ продолжительной болтовни, длившейся нѣсколько часовъ, Чернышовой, самой многорѣчивой изъ приживалокъ, а по-

---

<sup>1)</sup> Карновичъ, *Рассказы*.



тому пользовавшейся особой благосклонностью, случилось устать настолько, что она не въ состояніи была держаться на ногахъ. „Облокотись на столъ, Авдотья Ивановна“, сказала ей милостиво государыня, эта дѣвка тебя прикроетъ вмѣсто ширмъ, и я ничего не увижу“.

Игра въ чехарду составляла, какъ извѣстно, обычную привадежность придворныхъ развлеченій, въ которыхъ участвовали даже во Франціи царедворцы XVI вѣка, а съ точки зрѣнія нравовъ, что касается Россіи, должно постоянно подразумѣвать возвратъ назадъ по крайней мѣрѣ на два столѣтія. Шико былъ настоящимъ джентльменомъ. Выходяи его русскихъ собратьевъ при дворѣ Анны Іоанновны, даже разсматриваемыя въ такой исторической перспективѣ, поражаютъ своимъ грубымъ и пошлымъ характеромъ. Шико можетъ быть обязанъ преданію или Дюма-отцу частью своего ума, пронизательнаго и остроумнаго. Но я не думаю, чтобы Генриху IV доставали удовольствіе проказы, какими Балакиревъ и его сотоварищи потѣшали Анну Іоанновну. Одной изъ самыхъ принятыхъ ей было садиться на корточки при проходѣ государыни въ церковь и кудахтать, какъ курица, снесшая яйцо. Случалось также, что императрица приказывала нѣкоторымъ дуракамъ становиться вдоль стѣнъ, повернувшись спиной, а остальнымъ поручалось награждать своихъ товарищей пиньякамъ. Забава часто кончалась кровопролитной дракой. На иномъ полѣ брани проливалъ свою кровь Шико. Подражая богоульнымъ фантазіямъ своего дяди, государыня придумала для членовъ шутовскаго братства орденъ св. Венедикта, напоминавшій собой знакъ отличія Александра Невскаго. Генрихъ IV не дошелъ до этого, несмотря на свое еретическое происхожденіе.

Официально шутовъ числилось шесть: Балакиревъ и д'Акоста, перешедшіе по наслѣдству отъ Петра Великаго, новый чужеземный шуть Педрилло и три представителя мѣстной высшей аристократіи: Апраксинъ, Волконскій и Голицынъ. Шико былъ лишь гасконскимъ дворяниномъ, но въ Россіи ту же должность занимали члены княжескихъ фамилій. У Іоанна Грознаго былъ дуракъ князь Гвоздевъ,

убитый имъ въ шуткѣ, и естественно, что въ виду общей тенденціи своей политики, Анна, въ этомъ отношеніи, еще болѣе распространила данный обычай. Тѣмъ болѣе, что, какъ вездѣ въ должности этой, по мѣстнымъ понятіямъ, не заключалось ничего унизительнаго. Нѣкоему Ивану Андреевичу Жировому-Застѣкину было даже даровано дворянство въ 1676 г. за заслуги, оказанныя имъ при отправленіи этой обязанности<sup>1)</sup>.

Балакиревъ принадлежалъ по происхожденію къ мелкому дворянству. Ранѣе онъ состоялъ толковникомъ при монастырѣ и въ 1718 г. прибылъ въ Петербургъ учиться инженерному искусству, но сумѣлъ лишь пристроиться къ челяди Екатерины I, и Мопсъ пользовался имъ, какъ посредникомъ, для обдѣлыванія своихъ дѣлишекъ. Отмѣтивъ Балакирева ранѣе за веселый нравъ, Петръ I, тѣмъ не менѣе отправилъ его въ застѣнокъ, гдѣ ему пришлось подъ кнутомъ искупить свои услуги „прекрасному камергеру“. Екатерина I вернула его съ каторги, а Анна Іоанновна назначила на должность, гдѣ ему предстояло прославиться. Но большинство анекдотовъ, ходившихъ на его счетъ, вымышлены или заимствованы изъ исторіи шутовъ польскаго двора.

Д'Акоста, португальскій еврей, началъ свою карьеру маклеромъ въ Гамбургѣ, перешелъ на службу русскаго резидента въ этомъ городѣ, увезшаго его съ собой при возвращеніи въ Россію. Подобно большинству своихъ соотечественниковъ онъ говорилъ на многихъ европейскихъ языкахъ, чѣмъ обратилъ на себя вниманіе Петра. Приблизивъ его къ своей особѣ, царь развлекался съ нимъ диспутами о сравнительныхъ достоинствахъ ветхаго и новаго Заветъа.

Педрилло, дѣйствительное имя котораго Петръ Мира, уроженецъ Неаполя, прибылъ въ Петербургъ въ качествѣ комическаго пѣвца и первой скрипки итальянской оперы. Поссорившись съ капельмейстеромъ, онъ нашелъ себѣ пріютъ среди шутовъ, и Анна, кромѣ того,

---

<sup>1)</sup> Ровинскій „Словарь гравированныхъ портретовъ“.

сдѣлала своимъ излюбленнымъ партнеромъ за игорнымъ столомъ. Онъ обыкновенно держалъ банкъ для государыни, нажилъ на этомъ состояніи и воспользовался имъ, чтобы удалиться. Жена его была чрезвычайно некрасива. Правда ли, что ты женатъ на козѣ“, спросилъ у него однажды Бировъ.— „Правда, и на дядяхъ ей предстоитъ родить. Надѣюсь, что ваша свѣтлость удостоитъ ее своимъ посѣщеніемъ и не забудетъ обычнаго подарка на зубокъ новорожденному“. Анна пожелала, чтобы туда отправился весь дворъ и, въ назначенный день, застали Педрилло въ постели рядомъ съ козой въ пышномъ нарядѣ, въ кружевахъ и лентахъ. Шугъ исполнялъ также порученія императрицы: приглашалъ итальянскихъ пѣвцовъ и пѣвицъ, скупалъ драгоценности и дорогую мебель за границей. Въ 1735 г., когда испанцы заняли Тоскану, онъ написалъ „отъ имени императрицы“ Гастону Медичи, обѣщая ему пятнадцатитысячный русскій отрядъ съ авангардомъ изъ казаковъ или калмыковъ, въ обмѣнъ на подходящее количество данцигской водки, „самой крѣпкой“, добавляетъ онъ, „той самой, которою ваша свѣтлость имѣли обыкновеніе напиваться въ Богеміи“. Въ то же время, чтобы помочь денежнымъ затрудненіямъ, угрожавшимъ лишившемуся своихъ владѣній герцогу, онъ ему предлагалъ продать крупный брилліантъ, который желала имѣть императрица, и во всякомъ случаѣ эта часть переписки была вполне серьезной.

Я остановился на минуту на этихъ фигурахъ, потому, что онѣ тѣсно сливаются съ умственной и моральной средой, въ которой развились. Личности трехъ остальныхъ современныхъ шутовъ въ этомъ отношеніи еще болѣе поучительны.

Князь Никита Федоровичъ Волконскій занималъ видное положеніе, при Петрѣ I и Екатеринѣ I, благодаря своей женѣ Аграфенѣ Петровнѣ Бестужевой, умной, честолюбивой и энергичной женщинѣ, о которой я уже упоминалъ. Въ то время она возбудила противъ себя неудовольствіе Анны Иоанновны, въ чемъ ей пришлось такъ сильно раскаиваться послѣ неожиданнаго возвышенія бывшей герцо-

гини Курляндской, что она умерла съ горя въ 1732 г. Анна тогда вызвала въ Петербургъ ея мужа, проживавшаго въ деревнѣ, гдѣ по своему слабоумію онъ творилъ безчисленныя сумасбродства, и „въ видѣ милости“ позволила ему себя увеселять“. Такъ какъ онъ старательно исполнялъ свои обязанности, то она поручила ему еще надзоръ за Цитринкой, „не лишая его камергерскаго сана“.

Графъ Алексѣй Петровичъ Апраксинъ, племянникъ адмирала, боевого соратника Петра I, былъ обязанъ милости такого же рода сочетаніемъ въ своей особѣ камеръ-юнкерства, полученнаго имъ еще при дворѣ Екаторины I, съ должностію, въ которой блистала Педрилло. Повидимому, онъ весьма хорошо съ ней освоился, пользуясь довольно значительными щедротами изъ суммъ Преображенскаго полка, переносившаго съ своей стороны безропотно такой дѣлежъ. Женатый на Голицыной, онъ имѣлъ тестемъ князя Михаила Алексѣевича, внука несчастнаго возлюбленнаго Софіи; Петръ I разжаловалъ его въ рядовые, и съ большимъ трудомъ ему пришлось добиваться майорскаго чина. Михаилъ Алексѣевичъ Голицынъ, послѣ смерти въ 1729 г., своей первой жены, урожденной Хвостовой, получилъ разрѣшеніе на заграничное путешествіе, влюбился въ итальянку низкаго происхожденія и перешелъ въ католичество. Вернувшись въ Россію въ 1732 г., онъ проживалъ въ безвѣстности въ Москвѣ, скрывая жену и свое совращеніе. Похожденія его, однако, въ концѣ-концовъ получили огласку, и Голицыны разразились кликами возмущенія. Изъ простаго любопытства Анна пожелада видѣть виновнаго, пришла въ умилевіе отъ его глупости и вручила ему пальму первенства среди своихъ патентованныхъ „забавниковъ“. „Онъ всѣхъ ихъ побилъ“, писала она съ восхищеніемъ Салтыкову, благодаря его за присылку такого неподобнаго экземпляра. „Если вамъ попадетъ второй такой же, не забудьте меня извѣстить!“ Женитьба и переходъ въ католичество новаго шута были объявлены попросту недѣйствительными, и никогда болѣе ему не суждено было увидать свою итальянку. Въ 1735 г. послѣдняя проживала въ Москвѣ въ

крайней бѣдности, не имѣя трехъ рублей, чтобы заплатить за квартиру за годъ, и говорила посѣтителю: „Если бы чортъ далъ мнѣ денегъ, я бы продала ему душу“. Годъ спустя чортъ явился подъ видомъ Ушакова, и она безслѣдно исчезла. Сынъ, котораго она имѣла отъ князя Голицына, вѣроятно умеръ ребенкомъ, потому что о немъ не упоминается ни въ одной генеалогіи. Отецъ же исполнялъ двойную обязанность при дворѣ Анны Іоанновны, подавая государынѣ квасъ. Отсюда произошло названіе „Князь-Квасникъ“, встрѣчающееся даже въ официальныхъ документахъ.

Эти профессиональные шуты находили себѣ многочисленныхъ соперниковъ и подражателей среди лицъ, имѣвшихъ доступъ ко двору. Генераль-лейтенантъ П. С. Салтыковъ отличался своимъ искусствомъ складывать изъ пальцевъ фигуры и вертѣть правой рукой въ одну сторону, а ногой въ другую. Анна Ивановна, прозванная Бужениновой въ честь ея любимаго кушанья буженины, старая калмычка, страшно уродливая, не имѣла соперницъ по причудливымъ гримасамъ и кривляньямъ. Однажды, шутя, она выразила желанье выйти замужъ. На слѣдующій день Голицынъ былъ предупрежденъ, что государыня нашла ему невѣсту и принимаетъ на себя расходъ по свадебной церемоніи. По этому поводу возникла мысль о знаменитомъ „Ледяномъ домѣ“, принадлежавшая, кажется Татищеву, надъ исполненіемъ которой трудилась цѣлая комиссія подъ предсѣдательствомъ Волынского.

Зданіе изъ ледяныхъ глыбъ, поливаемыхъ горячей водой, было построено на Невѣ между Зимнимъ дворцомъ и Адмиралтействомъ. Длина его равнялась десяти саженимъ, ширина тремъ саженимъ и высота пяти саженимъ. На вершинѣ его красовалась сквозная галерея, украшенная колоннами и статуями. Крыльцо съ перилами, вырѣзанными изъ льда вело въ прихожую, освѣщенную четырьмя окнами, и раздѣлявшую домъ на двѣ половины: съ одной стороны находилась спальня съ занавѣсками, матрасомъ, одѣяломъ и подушками изъ льда. Въ каминѣ пылали глыбы льда, облитыя керосиномъ.

Любопытно, что минеральное масло, согласно указаніямъ современныхъ описаній этой царской затѣи, употреблялось уже въ то время, тогда какъ въ обыденный обиходъ оно вошло лишь въ половинѣ XIX вѣка.

Уборная, обставленная такимъ же образомъ, довершала эту половину апартаментовъ. Въ другой помѣщалась гостиная, гдѣ въ часахъ просвѣчивалъ механизмъ сквозь прозрачныя ледяныя стѣнки; игральный столикъ съ картами и марками, статуи и разнообразная мебель, вырѣзанная также изъ льда, создавали иллюзію роскошнаго убранства. Затѣмъ шла столовая съ богато изукрашеннымъ поставцомъ: съ посудой, чайнымъ сервизомъ и наборомъ всевозможныхъ кушаній, сдѣланныхъ такъ же искусно изъ льда и выкрашенныхъ въ натуральные цвѣта. Передъ домомъ шесть ледяныхъ пушекъ и двѣ мортиры на такихъ же лафетахъ, стрѣляли шестифунтовыми бомбами. Два дельфина извергали потоки воспламененной нефти. Слоны выбрасывалъ струю воды въ двадцать четыре фута высоты и рычалъ, для чего внутри его былъ посаженъ человекъ. Двѣ пустыя, освѣщенные изнутри пирамиды служили для показыванія картинъ комичныхъ и непристойныхъ, и такія же картины показывались въ окнахъ дома, блестяще освѣщенного по вечерамъ. Наконецъ, въ сосѣднемъ строеніи находилась баня, выстроенная такъ же изъ льда, куда допускалась публика <sup>1)</sup>).

Этому дому предстояло служить брачнымъ чертогомъ для Голицына и выбранной ему государыней невѣсты. По приказу ея величества всѣ народности, обитающія въ имперіи, были приглашены прислать своихъ представителей на свадьбу, назначенную на 6-е февраля 1740 г. <sup>2)</sup>). Послѣ брачнаго обряда, совершеннаго какъ всегда

---

<sup>1)</sup> Крафтъ. *Описаніе ледяного дома 1741.*

<sup>2)</sup> Къ Казанскому губернатору пошелъ указъ: „Указали мы для нѣкотораго приуготовляемаго здѣсь маскарата выбрать въ Казанской губерніи изъ татарскаго, черемисскаго, мордовскаго и чувашскаго народовъ, cadaго по три пары мужеска и женска

въ церкви, двинулся поѣздъ ряженныхъ на подобіе того, какимъ любилъ забавляться Петръ I. Азіаты, черемисы, самоѣды, камчадалы, якуты, киргизы, калмыки, финны, одѣтые въ свои національные костюмы, ѣхали на лошадахъ, оленяхъ, быкахъ, собакахъ, козлахъ свиньяхъ, играя на всевозможныхъ инструментахъ, впереди клѣтки, съ молодыми, укрѣпленной на спинѣ слона. Подъ предводительствомъ Татищева поѣздъ прошелъ передъ царскимъ дворцомъ, по главнымъ улицамъ города, и остановился въ манежѣ герцога Курляндскаго, гдѣ былъ устроенъ обѣдъ изъ напитковъ и кушавій въ соотвѣтствіи съ національностью гостей. Тредіаковскій прочелъ пьесу въ стихахъ; передъ императрицей и ея дворомъ всевозможныя пары исполняли

---

полу попаламъ и смотрѣть того, чтобъ они собою не были гнусные, и убрать ихъ въ наилучшее платье со всѣми приборы по ихъ обыкновешію, и чтобъ при мужскомъ полѣ были луки и прочее оружіе и музыка, какая у нихъ употребляется; а то платье сдѣлать на нихъ отъ губернской канцеляріи изъ казенныхъ нашихъ денегъ“. Такіе же указы пошли въ Архангельскъ и Малороссію. Въ Твери полученъ указъ: „Указали мы тѣхъ людей, которые напередъ сего собираны были во время маскаратовъ и назывались *Весни*, нынѣ собрать въ Твери сколько есть изъ прежнихъ, и къ тому выбрать и вновь изъ тамошнихъ обывателей, чтобъ было тѣхъ 12 человекъ“.

Въ Москву отправленъ приказъ: „Выбрать изъ Калужскаго или Алексинскаго уѣздовъ, деревенскихъ восемь бабъ молодыхъ и столькожъ мужей ихъ, умѣющихъ плясать, которые-бъ собою были не гнусны, да около Москвы набрать изъ пастуховъ шесть человекъ молодыхъ людей, которые умѣли бъ на рожкахъ играть. Такожъ сыскать меделянскихъ 15 хорошихъ собакъ, да набрать пѣтуховыхъ большихъ перьевъ, колокольчиковъ разныхъ рукъ купить“. Сибирскій приказъ долженъ былъ прислать хвостовъ лисьихъ и волчьихъ, мѣховъ заячьихъ, тулуповъ медвѣжьихъ и проч. Изъ Новгорода Великаго потребованы 50 козловъ, да барановъ четырехърогихъ до десяти, и чтобъ всѣ были большіе. Остзейскія провинціи должны были выслать верховыхъ лошадей для придворныхъ дамъ. (Дѣла Сената по Кабинету).

свои народные танцы, затѣмъ съ наступленіемъ вечера, вновь составленный поѣздъ направился къ „Ледяному дому, горѣвшему огнями, окруженному пламенемъ. Съ большими церемоніями молодыхъ уложили въ постель, а у дверей была поставлена стража, чтобы не давать имъ уйти до разсвѣта“<sup>1)</sup>).

Князь-квасникъ и его супруга пережили это испытаніе. Послѣ смерти Анны, въ 1741 г. они получили разрѣшеніе уѣхать за границу, гдѣ калмычка вскорѣ умерла, оставивъ мужу двухъ сыновей: князя Алексѣя, не оставившаго потомства и князя Андрея, женатаго на Хитрово и сдѣлавшагося родоначальникомъ многочисленнаго семейства. Женатый самъ въ четвертый разъ на Хвостовой, отъ которой имѣлъ трехъ дочерей, князь-квасникъ дожилъ до глубокой старости (1778 г.).

Таковъ былъ видъ этого московскаго двора и процвѣтавшихъ при немъ удовольствій,—прямое продолженіе стариннаго уклада жизни въ Кремлѣ, только въ болѣе широкихъ размѣрахъ и съ отпечаткомъ развращенности, чему преобразователь первый подавалъ примѣръ.

Другая же сторона, благодаря естественному довершенію реформы, знаменовала собой окончательный разрывъ съ прежними обычаями отвергнутому Петромъ, но неизбѣжному въ царствованіе женщины, вдовы нѣмецкаго принца. Въ Митавѣ Анна стремилась подражать въ широкомъ образѣ жизни современнымъ нѣмецкимъ дворамъ, въ свою очередь сходящимъ съ ума отъ Версаля. Въ Москвѣ Лирія увѣрялъ, конечно, допуская преувеличеніе, что блескъ французскаго двора, запечатлѣвшійся въ его памяти, померкъ въ сравненіи съ празднествами, непрерывно устраиваемыми государыней со дня ея восшествія на престолъ. Но ни у Петра II, ни у Екатерины I не было двора въ буквальномъ смыслѣ этого слова, съ его

---

<sup>1)</sup> Шубинскій „Историческіе очерки“; Нащокинъ „Мемуары“; Русскій Архивъ, 1883 г.



сложнымъ устройствомъ и декоративной пышностью, принятой въ Западныхъ странахъ. Петръ I уничтожилъ до послѣдней возможности все, составлявшее величавую и торжественную обстановку его предшественниковъ, не заполнивъ ничѣмъ образовавшуюся пустоту. Онъ жилъ въ маленькомъ домикѣ, совершалъ свои поѣздки въ одноколѣ. За исключеніемъ нѣсколькихъ замѣшанныхъ должностей камергеровъ, все приходилось создавать вновь, и Анна не приняла это сдѣлать. Она назначила множество придворныхъ чиновъ и пріемы въ опредѣленные дни; она задавала балы и устроила театръ, на подобіе королевскаго. На празднества по случаю ея коронаціи, Августъ II прислалъ ей изъ Дрездена нѣсколько итальянскихъ актеровъ, и они поняли, что ей необходимо имѣть постоянную итальянскую труппу. Она ее выписала въ 1735 г., и два раза въ недѣлю „интермедіи“ чередовались съ балетами. Тамъ фигурировала воспитанница кадетскаго корпуса, обучавшіяся подъ руководствомъ француза, учителя танцевъ, Ланда. Затѣмъ появилась итальянская опера съ семидесятью пѣвцами и пѣвицами, подъ управленіемъ французскаго композитора Араліа.

Императрица не понимала по-итальянски, Тредіаковскій перевелъ для нея текстъ, и она слѣдила за спектаклемъ по книжкѣ. Но даже и это не пріохотило ее къ театру. Складъ ея ума и воспитаніе дѣлали художественныя наслажденія недоступными для нея. Бирону пришла счастливая мысль пригласить изъ Лейпцига нѣмецкую труппу, и грубые фарсы разыгрываемые ею возымѣли у императрицы ожидаемый успѣхъ. Особенно она смѣялась, когда на сцену появлялась палка. Но скоро началась борьба между этимъ новымъ элементомъ и франко-итальянскимъ, находившимъ себѣ покровителя въ Рейнхольдѣ Лёвенвольдѣ, старавшемся выставить себя человекомъ съ изящнымъ вкусомъ. Смерть Анны упрочила окончательную побѣду за французами и итальянцами.

Въ то же время въ высшихъ слояхъ общества начинала развиваться и распространяться необычайная роскошь. Древне боярскій

нарядъ былъ богатъ, но служилъ нѣсколькимъ поколѣніямъ. Введя европейскій костюмъ, Петръ I вмѣстѣ съ тѣмъ подавалъ примѣръ чрезвычайной простоты. При Аннѣ появилась мода. Биронъ любилъ одни свѣтлые цвѣта, а Лёвенвольдъ— золотыя вышивки. Начали разоряться, заказывая ихъ въ Ліонѣ. Было запрещено прѣзжать ко двору два раза въ одномъ платьѣ. Старики, вродѣ Остермана, появлялись въ розовыхъ камзолахъ. Трата три тысячи въ годъ на платье, нельзя было одѣваться изящно, и гардеробъ г-жи Биронъ оцѣнивался въ пятьсотъ тысячъ рублей<sup>1)</sup>. Въ столѣ была также введена невиданная до тѣхъ поръ утонченность. При Петрѣ Великомъ *простая*, т.-е. водка употреблялась всегда въ обильномъ количествѣ. Во время царствованія Анны сцены пьянства сдѣлались рѣдки при дворѣ. Они вызывали въ ней слишкомъ непріятныя воспоминанія. Но французскія вина—шампанское и бургундское—стали появляться часто на столѣ, вмѣстѣ съ изысканными блюдами. Во многихъ домахъ былъ введенъ обычай держать открытый столъ, и страннымъ образомъ, этотъ гостепріимный обычай западнаго происхожденія принялъ видъ національной оригинальности. Дома въ то же время дѣлались обширнѣе, появилась англійская мебель краснаго дерева, зеркала и обои. Роскошныя экипажи, золоченыя кареты съ бархатной обивкой, стали появляться въ большомъ количествѣ. Петръ I запретилъ игру даже въ арміи. Анна, не любившая карты, тѣмъ не менѣе сочла нужнымъ имѣть свою партію, какъ королева въ Версалѣ. Она старалась не проигрывать крупныхъ суммъ и никогда не брала выигранныхъ ею денегъ; но на сосѣднихъ столахъ рисковали цѣлыми состояніями. Въ концѣ своего царствованія императрица сама была испугана результатами этого внезапнаго вторженія чужеземныхъ нравовъ и старалась бороться съ нимъ издаваемыми

---

<sup>1)</sup> Weydemeyer: *Aperçu des principaux événements depuis la mort de Pierre jusqu'à l'avènement d'Elisabeth*; Бѣловъ: *Отношенія между Россіей и Фридрихомъ II. Старая и новая Россія.*

законами. Золото и серебро были изгнаны изъ мужского и женскаго наряда. Но привычка уже усвоилась, и неумолимая мода находила остроумные способы не выпускать своихъ жертвъ.

Но изъ-подъ западнаго доска постоянно проглядывали черты необразованности, первобытной грубости и дикости. На придворныхъ балахъ, несмотря на всё старанія Ландэ, менуэтъ чередовался съ національной пляской. Гвардейскіе унтеръ-офицеры съ своими жевами и даже нѣкоторые придворные отличались въ ней <sup>1)</sup>). На февральскихъ празднествахъ 1740 г., о которыхъ упоминалось выше, во время фейерверка, ракеты нарочно пускали въ ряды зрителей, и официальные С.-Петербургскія Вѣдомости сообщали объ этомъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Слѣпой страхъ овладѣлъ толпой; она заколыхалась и обратилась въ бѣгство, что послужило къ радости и забавѣ высокопоставленныхъ лицъ двора Ея Величества, присутствовавшихъ на празднествѣ“.

Датскій путешественникъ Хавенъ упоминаетъ о привычкѣ русскихъ дамъ того времени умываться растворомъ кампешеваго дерева въ водкѣ... и затѣмъ выпивать остатокъ. Рассказываютъ, что даже женщины изъ простонародья придерживались этого кокетства и нерѣдко на улицахъ встрѣчались нищія, просившія двѣ копейки „ма румяна“. Подражаніе французскимъ модамъ стало всеобщимъ, но лѣтомъ нерѣдко можно было встрѣтить „мадамъ“, поднимающую обшиту позументомъ юбку надъ голыми ногами.

Хавенъ не принадлежитъ къ числу хулителей всего. Такъ, напримѣръ, онъ защищаетъ русскаго крестьянина отъ обычнаго обвиненія въ неопрятности, которое слышалось тогда такъ же, какъ теперь. Датскій же путешественникъ, напротивъ, находитъ его болѣе опрятнымъ, чѣмъ крестьянъ другихъ странъ. Онъ говоритъ о крестьянахъ что они лѣнны, спятъ послѣ обѣда, но вмѣстѣ съ тѣмъ красивы, сильны, преданы и послушны. Вообще его мнѣніе о русскихъ до-

---

<sup>1)</sup> Хавенъ. *Путешествіе по Россіи въ 1744 г.*

вольно опредѣленно высказывается въ слѣдующемъ анекдотѣ: французъ, нѣмецъ и русскій пили вмѣстѣ, и въ стаканы ихъ попали мухи; французъ вылилъ свое вино; нѣмецъ вынулъ муху пальцемъ; а русскій выпилъ все, чтобы ничего не терять. Далѣе Хавенъ говоритъ, что русскій болѣе еврей, чѣмъ всѣ евреи міра, въ томъ смыслѣ, что въ немъ больше, чѣмъ въ какомъ-нибудь народѣ развита коммерческая жилка. Дайте два рубля крестьянину, онъ тотчасъ заведетъ лавочку и въ нѣсколько дней удесятеритъ свой капиталъ.

Въ этомъ отношеніи мемуарамъ Хавена противорѣчитъ одинъ современникъ, авторъ тоже весьма интересныхъ записокъ. Во время пребыванія русскихъ войскъ въ Польшѣ, его поразила неопрятность солдатъ. Ихъ внѣшній видъ, одежда и лица показались ему въ одинаковой мѣрѣ „отталкивающими“; а субалтернъ-офицеры въ этомъ отношеніи мало чѣмъ отличались отъ своихъ подчиненныхъ <sup>1)</sup>. Можно допустить со стороны поляка нѣкоторую пристрастность; но личныя наблюденія за послѣднее время дадутъ возможность многимъ моимъ читателямъ рѣшить этотъ вопросъ самимъ. Роскошь рядомъ съ нищетой и внѣшній блескъ, скрывающій грязь, до сихъ поръ еще остаются характеристическими чертами общественной жизни въ славянскихъ странахъ. Во времена Анны нѣтимные нравы даже высшихъ классовъ были далеки отъ какой-либо утонченности и дѣйствительнаго комфорта. Въ имѣніи у своего свекра Наталья Долгорукая спала съ своимъ молодымъ супругомъ на сѣновалѣ.

Императрица не любила, чтобы напивались въ ея присутствіи. Но въ другихъ мѣстахъ празднества быстро переходили въ попойки, какъ прежде, и пьянство иногда дѣлалось обязательнымъ. Въ маѣ 1732 г., описывая праздникъ, данный въ императорскомъ московскомъ дворцѣ въ годовщину коронаціи ея величества, Салтыковъ пишетъ Бирону:<sup>2)</sup> „28 апрѣля здѣсь торжествовали въ домѣ Ея И

<sup>1)</sup> Котовичъ. *Записки 1839 г.*

<sup>2)</sup> Письмо въ Государств. Архивъ.

В-ства обрѣтающіеся въ Москвѣ архіереи и господа министры, и генералитетъ, и дамы, и лейбъ-гвардіи полковъ штабъ и оберъ-офицеры, также и другихъ полковъ штабъ-офицеры и статскіе чины. Обѣдали и всѣ веселились довольно и очень были шумны, такъ что ихъ насильно на рукахъ снесли, а иныхъ развезли. Однакожь все по благодти Божіей благополучно. Токмо въ то число Федоръ Чекинъ былъ неспокоенъ. Какъ еще сидѣлъ за столомъ, то онъ много не пилъ, и которые офицеры подносили, пришли ко мнѣ и сказали, что онъ, Чекинъ, не пьетъ, и я ему сказалъ: „Вѣдаешь ли ты, что ты въ домѣ Ея И. В-ства, а не хочешь пить и сказываешь, что будто вино худо. Вѣдь ты это зашелъ не въ Вотчинную Коллегію и не на Катоку“<sup>1)</sup>. И оное я ему сказалъ для того, что онъ часто живетъ въ Вотчинной Коллегіи и кабацкѣ, который рядомъ и называется Катоку, а онъ сталъ со мной въ споръ говорить и хотѣлъ браниться, только я съ нимъ браниться не хотѣлъ въ домѣ Ея В-ства и въ такой торжественный день“. Въ концѣ-концовъ Чекина удалили.

Чувствительность, надо сказать, была наравнѣ съ правами, и этимъ можно объяснить покорность, съ которой переносилась дерзость какого-нибудь Вирона. Князь Шаховской возмущался казнью Волынскаго, но фаворитъ назначилъ его полицмейстеромъ, любезно принялъ и угостилъ кофеемъ, и благородное негодованіе какъ рукой сняло. Послѣ смерти Вирона начальникомъ полиціи сдѣлался Наумовъ, и Шаховской согласился стать его подчиненнымъ. Самъ Татищевъ, при случаѣ исполняя обязанности полицейскаго и почти палача, когда не устраивалъ маскарады<sup>2)</sup>. А между тѣмъ и тотъ и другой принадлежали къ избранному обществу.

---

1) Кабакъ Катоку въ Кремлѣ у Тайницкихъ воротъ, былъ уничтоженъ по Высочайшему Указу въ 1733 г.

2) Гольцевъ.

---

О правахъ простого народа въ эту эпоху намъ мало извѣстно. Свидѣтельства рѣдкихъ современниковъ, обратившихъ свое вниманіе въ эту сторону, весьма противорѣчивы; а самъ народъ при своей неграмотности, не оставилъ никакого памятника о своемъ житьѣ-бытьѣ, своихъ взглядахъ и чувствахъ. Можно догадываться, что они походили на господствующіе и понывѣ въ провинціяхъ, наиболѣе отдаленныхъ отъ центровъ цивилизаціи, т.-е. стояли на весьма низкой степени интеллектуальнаго развитія и отличались нравственной грубостью: всюду дикость, ограниченность и суевѣрія. Въ 1737 г. въ Москвѣ вспыхнула заразная болѣзнь; народъ приписалъ ее присутствію слона, котораго ночью ввели въ городъ<sup>1)</sup>, и Локателли, современное письмо котораго считалось отголоскомъ кружка Вольтскаго, такъ объясняетъ эту черту: „Представьте себѣ жителей этого большого города (Москвы) недавно основавшимся поселеніемъ лапландцевъ, самоѣдовъ и остяковъ, считающихся самыми глупыми племенами сѣвера. Однако не думайте, чтобъ такая параллель была вѣрна во всѣхъ отношеніяхъ: москвитяне стоятъ гораздо выше всѣхъ этихъ народовъ“.

Принужденное Петромъ Великимъ стать грамотнымъ, т.-е. учиться по крайней мѣрѣ читать и писать, дворянство, напротивъ, завѣщало намъ многочисленныя записки, гдѣ отразились безъ прикрасъ его умъ и характеръ. Для этого класса царствованіе Анны было временемъ переходнымъ. Въ рядахъ дворянства мы видимъ еще старинныхъ вельможъ, носителей титуловъ, имѣющихъ послѣ ре-

---

1) Даниловъ. *Записки*.

формы лишь историческое значеніе—*стольниковъ* и *окольничьи* — не согласившихся пожертвовать своими бородами, игнорирующихъ Полтаву, но рассказывающихъ о походѣ на Чигиринъ, въ которомъ они принимали участіе при Теодорѣ Алексѣевичѣ. Они жили въ *дворахъ*, обыкновенно состоявшихъ изъ нижняго этажа, гдѣ помѣщалась кухня и кладовая, и второго этажа съ двумя покоями, раздѣленными сѣнями. Въ одномъ изъ нихъ *стольникъ* жилъ лѣтомъ; въ другомъ—зимой. Менѣе зажиточные довольствовались еще болѣе скромными жилищами, ограничивавшимися всего двумя комнатами — кухней и жилымъ покоемъ. Молодое поколѣніе состояло, почти исключительно, изъ лицъ, служившихъ въ арміи при Петрѣ. Они брялись, одѣвались по французски, были образованы и имѣли болѣе широкіе взгляды, но нравы отъ того не смягчились. Они болѣе выносливы и закалены. Одиновъ, напр., вспоминаетъ, что царь подъ Нарвой соблаговолилъ отрѣзать ему ножницами два пальца на рукѣ, оторванные шведскимъ ядромъ и повисшіе на кожѣ.

Придать характерамъ и всему складу человѣка подобный особенный отпечатокъ могла только одна война! Прочтите записки Василя Васильевича Головина <sup>1)</sup>. Шестнадцати лѣтъ онъ долженъ былъ отправиться въ Петербургъ, чтобы, наравнѣ со многими другими молодыми людьми подвергнуться тамъ какъ бы экзамену или смотру въ присутствіи царя. Вслѣдствіе этого смотра, „меня грѣшнаго,— пишетъ онъ,— на мою бѣду отправили въ заморскіе края“. Т.-е. въ Амстердамъ. Четыре года спустя, поучившись въ Голландіи, онъ поступилъ въ Морскую академію, основанную въ Петербургѣ. Дисциплина тамъ была строгая. Живущіе находились подъ неусыпнымъ надзоромъ. Въ классъ надзиратель приходилъ съ бичемъ. Днемъ и ночью воспитанники должны были нести караулъ. За малѣйшій про-

---

<sup>1)</sup> Многочисленныя выписки въ Родословной Головиныхъ, изд. въ 1847 г. и въ книгѣ Казанскаго: „Село Новоспасское“. Также у Шубинскаго въ „Очеркахъ“.

ступокъ полагалось наказаніе батогами или кнутомъ, смотря по возрасту провинившагося. Въ случаяхъ вины болѣе важной — прогнаніе сквозь строй — два, три раза по всему полку, а въ полку считалось три тысячи человекъ. Ученіе было не замысловатое, но затруднялось схоластическими приемами и новизной официальнаго языка, самимъ профессорамъ понятнаго только въ половину. Василій Васильевичъ заболѣлъ отъ всего этого и получилъ отпускъ на годъ, женился и затѣмъ снова принужденъ былъ вернуться въ школу еще на пять лѣтъ. Въ 1720 г., благодаря неусыпнымъ хлопотамъ и вліянію родственниковъ, онъ получилъ должность камеръ-юнкера при Екатеринѣ I. Но будучи замѣшанъ въ придворную интригу, онъ вскорѣ былъ арестованъ, подвергнутъ пыткамъ и въ 1725 г. сосланъ. Екатерина I, вступивъ на престолъ, вернула ему свободу, но въ 1736 г. онъ попалъ снова въ руки Ушакова. Тутъ онъ познакомился съ дыбой, кнутомъ, горячими угольями, прикладываемыми къ окровавленному тѣлу, и чисткой ногтей раскаленными булавками. „Такого-то числа, — записалъ онъ, — мнѣ грѣшному почистили ногти и исколѣчили меня“. И тутъ же прибавляетъ: „Слава Богу, теперь мы спасены“. Эго слѣдуетъ понимать такъ, что за огромную сумму его женѣ удалось получить для него разрѣшеніе уѣхать въ его имѣніе, Новоспасское.

Въ этомъ мирномъ уголкѣ, гдѣ окончилась его жизнь, онъ представлялъ любопытную смѣсь европейской культуры и суевѣрной набожности, подозрительной трусости и вспышекъ дикости, граничившей съ помѣшательствомъ. Поднявшись до разсвѣта онъ служилъ съ слугой утреню, затѣмъ выслушивалъ отчеты домоправителя, бурмистра и старосты, о которыхъ старая служавка должна была докладывать по разъ установленному церемоніалу. — „Во имя Отца, Сына и Святого Духа“, — говорила она, отворяя дверь передъ пришедшимъ, на что тѣ должны были отвѣчать: „Аминь“. Она продолжала: „Входите съ кротостью, смиреніемъ, осторожностью и осмотрительностью, съ чистымъ сердцемъ и молитвой на устахъ, чтобъ дать отчетъ и



получить приказанія господина. Кланяйтесь монже его милости и смотрите въ оба“.

— Слушаемъ, матушка.

Они переступали порогъ, согнувшись въ три погибели, желали добраго здоровья барину и каждый день слышали въ отвѣтъ:

— Добро пожаловать, други, не знавшие пытки, казни, испытаній и наказаній. Все ли благополучно?

Доклады начинались въ определенныхъ выраженіяхъ библейскаго оборота. Надо было, напр., доложить о любимой кошкѣ хозяина, затаившейся въ петлѣ, желая попробовать рыбы, предназначавшейся для барскаго стола. Сообщали о ея преступленіи, но скрывали смерть, и баринъ, раздумавъ и снова вспомянувъ свое тяжелое прошлое, распорядился сослать виновную. Затѣмъ женщина приговаривалась къ тому же наказанію за то, что по ея винѣ произошелъ пожаръ. Вслѣдствіе этого происшествія Василій Васильевичъ приказалъ, чтобъ вся дворня готовила себѣ обѣдъ въ одной общей кухнѣ. А такъ какъ дворни насчитывалось до трехсотъ человекъ, то приказаніе оказывалось невыполнимымъ, но барину до того не было дѣла. По окончаніи докладовъ подавали чай съ новыми, не менѣ сложными церемоніями; затѣмъ Василій Васильевичъ отправлялся къ обѣднѣ, вернувшись плотно завтракалъ, а скоро послѣ того садился за обѣдъ. Торжественно благословенная священникомъ, семейная трапеза часто состояла изъ сорока блюдъ и продолжалась три съ половиной часа. Каждое блюдо готовилъ отдѣльный поваръ, подававшій свое произведеніе самъ при безконечныхъ поклонахъ. За столомъ служили лакеи въ красныхъ камзолахъ и пудрѣ. По выходѣ изъ-за стола, Василій Васильевичъ ложился спать до слѣдующаго утра. Но укладывавіе тоже представляло изъ себя цѣлую церемонію. Прежде всего баринъ приказывалъ закрыть ставни, и во время этого читались молитвы; тѣ, кто были заняты снаружи, отвѣчали помогавшимъ имъ въ комнатахъ. При словѣ *аминь* занавѣски спускались съ шумомъ. Тогда появлялись утренніе докладчики за новыми приказаніями, но всегда одними и тѣми же:

— Слушайте барина: сторожите, не спите до зари; обходите домъ; прилежно стучите въ колотушку, трубите въ рогъ, трещите трещотками, бейте въ набать; по угламъ не зѣвайте; смотрите, чтобъ птицы не летали, чтобъ не кричали, маленькихъ дѣтей не пугали, чтобъ барской штукатурки не клевали, на крышахъ не сидѣли и по чердакамъ не летали. Смотрите же, ребята!

— Слушаемъ, батюшка!

Особенныя распоряженія существовали относительно кошекъ Василія Васильевича. Ихъ было семь; на ночь ихъ привязывали къ столу съ семью ножками, и къ каждой изъ кошекъ была приставлена особая женщина. Приказавъ этимъ нянькамъ, чтобы ввѣренныя имъ животныя не нарушали барскаго покоя, Василій Васильевичъ закрывалъ глаза. Минуты, когда онъ задремлетъ, ждали, и тотчасъ на дворѣ поднимался страшный шумъ трещотокъ и колотушекъ, обыкновенно будившій его. Часто онъ уже не засыпалъ болѣе и проводилъ ночь въ чтеніи жизнеописанія Александра Великаго, или его катали по комнатамъ въ креслѣ на колесахъ, и онъ повторялъ громко, переходя отъ фортиссимо къ піаниссимо: „Братъ Сатаны, отыди отъ мене; удались въ мѣста пустынные, въ лѣса дремучіе, въ пучины, куда свѣтъ Божій не достигаетъ!“ Въ тоже время онъ отмахивался отъ злыхъ духовъ гусинымъ крыломъ.

Такъ продолжалось больше сорока лѣтъ. Василій Васильевичъ дожилъ до 1781 г., никогда не прибѣгая къ очкамъ при чтеніи и разгрызая орѣхи зубами, пока въ одинъ прекрасный день его не поразилъ ударъ. Послѣ него осталось восемь сыновей и десять дочерей.

Подобныя личности были явленіемъ обыкновеннымъ въ этой средѣ. Онѣ встрѣчаются и въ позднѣйшее время, воплощая въ себѣ кастовыя черты. Демидовъ, или какъ запросто называлъ его Петръ Великій, *Демидычъ*, знаменитый тульскій фабрикантъ оружія, разбогатѣвшій и подучившій дворянство въ царствованіе преобразователя, былъ человекъ уравновѣшенный и безъ претензій. Внукъ его уже

ставшій въ ряды аристократіи, принялъ отъ нея тотчасъ склонность къ чудачествамъ. Однажды онъ пригласилъ къ обѣду одно высокопоставленное лицо, случившееся проездомъ въ Москвѣ. Лицо это въ послѣднюю минуту прислало извиненіе, что не можетъ быть. Демидовъ приказалъ посадить на предназначенное для гостя мѣсто свинью и самъ съ поклонами прислуживалъ ей. Это не помѣшало повѣсить портретъ Демидова въ одномъ изъ учрежденій Императрицы Екатерины II, какъ благотворителя, а Московскій университетъ имѣлъ въ немъ одного изъ своихъ ревностныхъ покровителей. Подобное явленіе отчасти объясняется нарушеніемъ нравственнаго равновѣсія, вызваннымъ слишкомъ быстрымъ поглощеніемъ плохо согласованныхъ между собой цивилизующихъ элементовъ; но есть причины болѣе отдаленныя и глубокія: во первыхъ, деспотизмъ, выносимый съ одной стороны, а затѣмъ проявляемый въ свою очередь однимъ и тѣмъ же классомъ; и во вторыхъ, вѣковое отчужденіе отъ прочаго народа въ которомъ этотъ классъ жилъ. Что бы ни говорили, не одни только преобразованія были причиной этого отчужденія между высшими и низшими слоями общества, такъ рѣзко бросающагося въ глаза теперь. Оно, безъ сомнѣнія, усилилось въ ту эпоху подъ влияніемъ поверхностной, быстро нахватанной культурности, наложившей отпечатокъ западноевропейскихъ взглядовъ и нравовъ только на верхніе слои общества; но въ сущности это отчужденіе всегда существовало. Еще задолго до преобразованія, внутренній строй этого общества создалъ пропасть между *баринами* и мужикомъ. Существованіе перваго, раздѣленное между церковью, гдѣ онъ проводилъ половину дня, и пирами и охотой, которымъ посвящалъ остальное время, было совершенно чуждо второму. Свообразныя общественныя и экономическія условія исключали всякое посредничество между владѣльцемъ земли, являвшейся единственнымъ источникомъ дохода, и обрабатывающимъ эту землю. Баринъ съ одной стороны, рабъ—съ другой. Свободныхъ профессій не существовало. Не было третьяго сословія, которое имѣя свои корни въ народныхъ массахъ, а верхушками касаясь высшихъ слоевъ

общества, служило бы связующимъ звеномъ съ рабами. Привязанному къ землѣ, впряженному въ соху, приравненному къ рабочей скотинѣ, мужику некогда было ходить къ обѣднямъ и вечернямъ, что составляло одну изъ привилегій барина, внося такимъ образомъ даже въ храмъ это раздѣленіе и придавая ему еще больше рѣзкости.

Замѣтите при томъ, что до XVII вѣка, среди постоянной политической и соціальной анархіи, такое раздѣленіе классовъ строго опредѣлялось правомъ сильнѣйшаго. Съ IX вѣка уже *Русская правда* (собраніе законовъ) допускала, чтобы неоплатный должникъ дѣлался рабомъ заимодавца, чтобы человекъ неспособнаго самого зарабатывать себѣ пропитаніе постигала та же участь: на него надѣвали ключъ, какъ знакъ слуги. Когда въ XVII вѣкѣ укрѣпившаяся на прочныхъ основаніяхъ центральная власть справилась съ анархіей, законъ о податяхъ зиждился на тѣхъ же основаніяхъ или скорѣе подкрѣпилъ ихъ. Чтобы владѣлецъ земли могъ платить слѣдующій съ него валогъ государству, надо было, чтобы эта земля была обработана — и явилось крѣпостное право, прикрѣпленіе къ землѣ со всѣми его послѣдствіями

Здѣсь не было никакого принципа смягчающаго эти послѣдствія способнаго ослабить созданный ими антагонизмъ. На Западѣ, церковь, въ теченіе вѣковъ имѣла по меньшей мѣрѣ умѣряющее вліяніе. Въ древней Москвѣ, такъ же, какъ и въ современной Россіи, церковь до послѣдняго времени была только собраніемъ священниковъ и монаховъ, врупныхъ земельныхъ собственниковъ, а слѣдовательно владѣльцевъ многихъ крѣпостныхъ. Она никогда не представляла изъ себя ни интеллектуально смягчающаго начала, ни возвышающаго принципа. Попъ Сильвестръ, самый просвѣщенный изъ духовныхъ лицъ своего времени, сводилъ религію къ исполненію богослужбныхъ обрядовъ. Загляните въ Домострой; прочтите въ романѣ Лѣскова описаніе сильно идеализированнаго современнаго священника Туберозова: вы ее увидите ни единого порыва къ добрымъ дѣламъ <sup>1)</sup>.

---

<sup>1)</sup> Василевскій, *Русская литература*. Дятятинъ, *Этюды по исторіи русскаго права*.

Другіе источники нравственности, ума, свободы, разившіеся за позднѣйшій періодъ въ Западной Европѣ, отсутствовали въ Россіи до самаго начала XIX вѣка. Не было школъ, не было литературныхъ теченій—всюду молчаніе и мракъ.

Конечно, реформа Петра Великаго внесла въ такъ сложившееся общество сверху ферментъ экономическаго, умственнаго и соціальнаго переворота; но только черезъ полтора вѣка, въ 1861 г., созрѣли плоды освобожденія: процессъ шелъ чрезвычайно медленно. Уже съ этого времени, въ общемъ опредѣлилась эволюція, которая должна была привести къ освобожденію сословій; но одно только дворянство сначала воспользовалось этой эволюціей, а положеніе крестьянина только ухудшилось. Возложивъ на земельныхъ собственниковъ сборъ подушной подати, указъ 1731 г. шелъ въ разрѣзъ съ освободительной тенденціей, благодаря которой пять лѣтъ спустя, дворянство избавилось отъ вѣчной военной службы. Помѣщики могли оставаться въ своихъ имѣніяхъ; но будучи отвѣтственными за уплату подушной подати, они требовали, какъ необходимаго противовѣса болѣе полнаго подчиненія тѣхъ, кто работая, позволялъ имъ выполнять ихъ новыя обязанности. И послѣдовательные указы доставили имъ побѣду, все болѣе и болѣе ставя крестьянина въ зависимость отъ земли, превращая его въ внѣшній знакъ богатства, въ ходячую монету. Стали считать число крѣпостныхъ *душами*; душами платили взятки. Но и это съ извѣстной точки зрѣнія было уже успѣхомъ: созданъ движимый капиталъ. До тѣхъ поръ самое государство платило своимъ слугамъ землями, за немѣніемъ свободныхъ денегъ, а владѣльцы въ свою очередь, раздавали земли монастырямъ, чтобы получить царствіе небесное. Но скоро на путь этого прогресса стала созванная необходимостью прикрѣпить видъ богатства, подвижность которая грозила отнять у земли цѣнность, получаемую ею только отъ этого подвижнаго капитала. И такимъ образомъ, крѣпостное право приняло, благодаря новымъ законодательнымъ мѣрамъ, тотъ отвратительный обликъ, который мы видѣли въ дѣтствѣ,

а Радичевъ такъ краснорѣчиво отмѣтилъ въ своемъ разговорѣ съ крестьяниномъ, встрѣтившимся ему на петербургской дорогѣ:

— Да какъ же вы живете, когда обязаны ходить на барщину каждый день, даже въ воскресенье работать на барина?

— А ночи на что?...

Картина получается очень похожая на ту, въ которой одинъ современникъ рисуетъ положеніе дѣль Франціи во времена Лиги, въ XVI в.: „Недалеко отъ городовъ и укрѣпленныхъ мѣстъ, крестьяне, которымъ посчастливилось раздобыть нѣсколько мѣръ ржи, собирались по трое и по четверо, какъ совы, выпягались въ сѣху и въ темнотѣ, молча, точно тати, сѣяли этотъ скудный посѣвъ“.

Но тогда страна была на военномъ положеніи. Переносъ въ нормальную жизнь происходившіе отъ этого условія существованія и распространяя ихъ на самый многочисленный классъ населенія, между тѣмъ какъ привилегированное меньшинство приняло преждевременно всѣ наиболѣе утонченныя формы современной жизни, мы увидимъ, что Россія XVIII и XIX вѣка представляла зрѣлище возмутительное въ другомъ отношеніи.

Общепризнанная поговорка: „Нѣтъ худа безъ добра“, повидимому, получила въ этомъ случаѣ совершенно неожиданное подтвержденіе. Ставъ крестьянина еще въ болѣе обособленное положеніе, чѣмъ положеніе занимаемое его баринимъ,—потому что государство и дворъ заставляли послѣдняго приходить въ соприкосновеніе съ внѣшними вліяніями—этотъ режимъ способствовалъ созданію въ народной средѣ привычки къ самоуправленію и сравнительной независимости, подобныхъ которымъ не встрѣчается нигдѣ и никогда ни въ одномъ европейскомъ государствѣ. Кромѣ барщины, военной службы и подати, въ сферѣ своихъ личныхъ интересовъ крѣпостной былъ вполнѣ предоставленъ самому себѣ; онъ могъ устраивать эту сторону своей жизни по своему усмотрѣнію, и демократическій строй сельскихъ обществъ, представляющій одно изъ любопытныхъ явленій современной Россіи, есть слѣдствіе этой исторической особенности,

точно такъ же, какъ развитіе въ этихъ маленькихъ республикахъ нѣкоторыхъ добродѣтелей, духа здоровой инициативы и оригинальности національнаго характера, которымъ высшіе классы, повидимому, не одарены въ той же степени.

Трудно было бы приписать Аннѣ Іоанновнѣ этотъ косвенный, отдаленный результатъ. Съ общественной и экономической точки зрѣнія царствованію Анны Іоанновны можно скорѣе подвести слѣдующій итогъ: по ревизіи 1722 г. изъ шести милліоновъ жителей Великороссіи, 172 тысячи, т.-е. 2,9% принадлежали къ промышленному и торговому сословію. Переписи же 1742 и 1747 годовъ указывали всего 195 тысячъ этой категоріи на шесть милліоновъ четыреста тысячъ всѣхъ жителей—слѣдовательно 3%. Т.-е. развитіе почти не шло впередъ.

Какъ я уже сказалъ, это царствованіе вслѣдствіе причинъ, которыя я пытался выяснить—было временемъ „топанія на мѣстѣ“.



### III.

Анна слегла 5 октября 1740 г. и уже не вставала. Вопрос о престолонаслѣдіи послѣ ея смерти въ принципѣ былъ рѣшенъ уже въ 1731 г. высочайшимъ манифестомъ, назначавшимъ наслѣдникомъ престола будущаго сына племянницы императрицы, имѣвшей всего тринадцать лѣтъ и еще не выданной замужъ. Всѣ подданные должны были присягать этому, еще не существовавшему наслѣднику. Мать его перешла въ православіе только черезъ два года послѣ этого, и стала называться уже не Елизаветой-Екатериной-Христиной, но Анной Леопольдовой. Въ то же время шталмейстеръ Карлъ Лёвенвольдъ, которому было поручено отыскать жениха для нея, объѣзжалъ германскіе дворы и вернувшись, предложилъ маркграфа Карла прусскаго или принца Антона Ульриха Бевернскаго изъ Брауншвейгскаго дома, зятя наслѣднаго принца Прусскаго. Лично, Лёвенвольдъ отдавалъ предпочтеніе второму, и его мнѣніе взяло верхъ, несмотря на протестъ Остермана, стоявшаго за прусскаго принца.

Россія, какъ извѣстно, породнилась съ Брауншвейгской семьей—тогда раздѣлявшейся на четыре вѣтви: Бевернскую, Бланкенбургскую, Вольфенбюттельскую и Люксембургскую—черезъ замужество Алексѣя Петровича (въ 1709 г.) съ принцессой Вольфенбюттельской. Съ этихъ поръ Петръ I, Петръ II и сама Анна давали пособія нѣкоторымъ членамъ этой семьи, очень нуждавшейся. Въ Антонѣ Ульрихѣ не было ничего привлекательнаго — ни ума, ни вѣшности. Онъ такъ не понравился увидавшей его Аннѣ, что она, повидимому, вовсе не стала слѣдить осуществленіемъ плана, привлечшаго неудачника - Антона Ульриха въ Россію. Однако она удержала его при своемъ дворѣ, назначила его командиромъ кирасирскаго полка, съ



которымъ онъ отправился въ турецкую кампанію и отличился подъ Очаковымъ; но о замужествѣ съ нимъ племянницы императрица не заговаривала, а послѣ смерти Лёвенвольда проектъ, повидимому, былъ совершенно оставленъ. Биронъ относился къ Антону явно враждебно, что способствовало возникновенію слуховъ о соперничествѣ, о которыхъ я уже упоминалъ. Дѣло приняло еще худшій оборотъ, когда австрійскій дворъ, желая положить конецъ ходившимъ слухамъ и пріобрѣсти Антону-Ульриху поддержку фаворита, выступилъ съ проектомъ женитьбы молодого Бирона на одной изъ Вольфенбютельскихъ принцессъ. Биронъ отказался: очевидно онъ мѣтилъ выше!

Впослѣдствіи, въ своей автобіографіи онъ отрицалъ, чтобы домогался для сына руки Анны Леопольдовны, и когда въ 1739 г. Анна Іоанновна почувствовала первые приступы недуга—болѣзни почекъ, осложнившейся критическимъ возрастомъ—отъ котораго больше не оправилась, онъ, повидимому, уже не препятствовалъ такъ долго отдаваему счастью принца Брауншвейгскаго. Отношенія между фаворитомъ и молодой четой были холодные; но такъ какъ императрица желала этого союза—вѣроятно за неимѣніемъ лучшаго—то Биронъ не препятствовалъ, скрывая про себя истинные мотивы, руководившіе имъ.

Такимъ образомъ Анна Леопольдовна вышла замужъ за чело-вѣка, не пользовавшагося ея симпатіей и не имѣвшаго опредѣленнаго положенія. Одинъ Остерманъ стоялъ за то, чтобы Антону данъ былъ титулъ великаго герцога, но его не послушались. Входя въ возрастъ, сама Анна Леопольдовна очень много теряла въ глазахъ императрицы, не находившей въ ней ни красоты, ни ума. Это была толстая нѣжка, довольно ограниченная, чувственная и апатичная, но не злая. Въ сущности Анна Іоанновна остановила свой выборъ на ней, чтобы устранить Елизавету, которую терпѣть не могла; и этой причины было достаточно, чтобы она не измѣнила ни въ чемъ своего первоначальнаго рѣшенія. Она только не торопилась привести его въ исполненіе. Въ 1740 г. у Анны Леопольдовны родился сынъ, окрещенный

Иваномъ Антоновичемъ, которому, повидимому, суждено было со временемъ сдѣлаться царемъ русскимъ. Императрица очень радовалась его рожденію и приняла его на свои руки. Русскіе имѣли бы право спросить, почему этотъ чистокровный нѣмецъ, брауншвейгецъ по отцу, мекленбуржецъ по матери, родственникъ Романовымъ по бабкѣ, былъ призванъ управлять ими, и по какому праву Анна Іоанновна сама царствовавшая по милости Голицына и четырехъ Долгорукихъ, могла назначить себѣ преемника. Но кто бы могъ оспаривать это право? Итакъ, Ивану Антоновичу суждено было стать императоромъ. Но кто будетъ управлять вмѣсто него? Ему было всего девять мѣсяцевъ. Анну Іоанновну, повидимому, это не озабочивало ни прежде, ни теперь. Она боялась смерти и избѣгала всего, что могло напомнить ей о мрачной развязкѣ. Но вокругъ нея вопросъ о регентствѣ волновалъ всѣхъ. Можно себѣ представить всеобщій страхъ, когда болѣзнь императрицы приняла внезапно серьезный оборотъ. Биронъ послѣпно отправилъ ѣздового къ оберъ-гофмаршалу Лёвенвольду. Оба нѣмца спрашивали другъ у другъ: „Что дѣлать?“ Не зная, что предпринять, они рѣшили собрать наскоро Кабинетъ. Но Остерманъ, по обыкновенію, казался больнымъ. Лёвенвольдъ бросился къ „оракулу“ и привезъ совѣтъ, который не могъ удовлетворить фаворита. По своей привычкѣ вице-канцлеръ говорилъ много, но рѣшительно невозможно было догадаться, что собственно ояъ желалъ сказать, и, наконецъ, закончилъ: „Если быть наслѣдникомъ Ивану Антоновичу,

---

1) Биронъ вышелъ къ пріѣхавшимъ Черкасскому и Бестужеву и началъ говорить: „Императрица въ превеликомъ страхѣ отъ болѣзни, я предлагалъ ей объявить наслѣдницей племянницу свою, принцессу Анну; но она на мое представленіе не согласилась,— говорить, что не только наслѣдницею и правительницею принцессу Анну не объявить, и слышать о томъ не хочетъ, а изволить наслѣдникомъ опредѣлить внука своего, которому при крещеніи она общать изволила. О томъ, кому правительство поручить— надобно подумать“.

такъ матери его, Аннѣ Леопольдовнѣ, надо быть правительницей, а при ней быть Совѣту, въ которомъ можетъ присутствовать и герцогъ“. Послѣ того пріѣхалъ Черкасскій, а за нимъ новый членъ Совѣта, замѣнившій Волинскаго. То былъ креатура фаворита, Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ, уже прежде награжденный за доносъ въ дѣлѣ Милашевича, мѣстомъ министра въ Копенгагенѣ. Между тѣмъ фаворитъ говорилъ съ императрицей, но дѣла не подвинулъ. Государыня и слышать не хотѣла о назначеніи Анны Леопольдовны не только преемницей своей, но даже регентшей <sup>1)</sup>. Объ Антонѣ Ульрихѣ не могло быть и рѣчи. Императрица считала его человѣкомъ глупымъ. Между тѣмъ назначить правителя было необходимо. На комъ же могъ остановиться выборъ?

Снова сочли нужнымъ обратиться къ Остерману за совѣтомъ, и на этотъ разъ къ нему отправился Черкасскій съ Бестужевымъ. Дорогой они разсуждали о томъ, почему фаворитъ высказывается такъ нерѣшительно. Ужъ не желаетъ ли онъ, чтобы выборъ палъ на него самого?

— Отчего бы и не такъ?—сказалъ Черкасскій.

— Такъ въ чемъ же дѣло?—отвѣтилъ Бестужевъ.

Однако Остерманъ взглянулъ на это иначе. Назначеніе малолѣтняго Іоанна было дѣломъ рѣшеннымъ, такъ какъ объ этомъ объявлено манифестомъ, котораго императрица очевидно не желала уничтожать. Оставалось, слѣдовательно, только сдѣлать путемъ документа, рѣшеніе официальнымъ, и вице-канцлеръ бралъ на себя его составить. Вопросъ же о регентствѣ надо было предоставить рѣшенію государыни. Подданнымъ, а особенно нѣмцамъ, мѣшаться въ это не слѣдовало.

Дальнѣйшій ходъ этой путаницы передается развѣтливо. Вотъ, повидимому, наиболѣе достовѣрный разсказъ. Вернувшись изъ дворца, Черкасскій и Бестужевъ нашли у Бирона Лёвенвольда и Миниха. Черкасскій тотчасъ же передалъ, на чемъ они сошлись съ Бестужевымъ по дорогѣ къ Остерману. Тутъ и Бестужевъ подтвердилъ

тоже; но только что онъ произнесъ роковыя слова: „Кромѣ вашей свѣтлости, некому быть регентомъ“, какъ ему стало страшно, и онъ началъ путаться и заговорилъ по нѣмцки: „Разумѣтся, не безъ ненависти будетъ въ другихъ государствахъ, ежели обойти мать и отца“. „Разумѣтся“,—подтвердилъ фаворитъ и ждалъ. Но никто не смѣлъ произнести ни слова. Видя затрудненіе Бирона и боясь, что скомпрометировалъ себя, Черкасскій началъ шептать на ухо Лёвенвольду. „Что вы шепчетесь, говорите громко!“—сказалъ тотъ, и Черкасскій началъ вслухъ представлять о необходимости избранія Бирона въ регенты. Миниху оставалось только одобрить <sup>1)</sup>. И такъ дѣло было рѣшено тремя нѣмцами и двумя русскими иностраннаго происхожденія; они распоряжались будущностью страны, какъ будто послѣдняя была ихъ собственностью, и при томъ всѣ пятеро говорили на языкѣ иностранномъ — единственномъ понятномъ будущему регенту.

Рѣшено было собраться на слѣдующій день, чтобы составить новый манифестъ о назначеніи наслѣдника; но сочли вужнымъ призвать къ совѣту и другихъ знатнѣйшихъ людей. Вестужевъ привезъ Ушакова, Трубецкого и Куракина. Но за ночь передумали. Самъ Биронъ полагалъ, что слѣдуетъ приготовить императрицу къ мысли о подобномъ регентствѣ. Онъ чувствовалъ со стороны Миниха глухую враждебность, что дѣлало его еще болѣе опаснымъ. А „оракулъ“ все молчалъ. Такъ что, наконецъ, вовсе и не стали говорить объ этой части вопроса и составили только манифестъ о назначеніи наслѣдникомъ Іоанна Антоновича.

Когда Анна Іоанновна подписала поднесенный ей манифестъ, она знакомъ отпустила всѣхъ и удержала при себѣ одного Бирона. Но тутъ, выходя изъ спальни и держась за ручку двери, Минихъ оставился и рѣшился сказать: „Милостивая императрица, мы согласи-

---

<sup>1)</sup> Соловьевъ, „Исторія Россіи“. Костомаровъ, „Русская исторія въ біографіяхъ“

лись, чтобъ герцогу быть нашимъ регентомъ: мы просимъ о томъ всеподданнѣйше“.

Одинъ изъ врачей императрицы, португалецъ Рибейра, только что передъ тѣмъ увѣрилъ Анну, что ей гораздо лучше и что она можетъ выздороветь. Минихъ, какъ ловкій дипломатъ, придумалъ эту демонстрацію, чтобы выйти изъ двусмысленнаго положенія и подладиться къ фавориту, не обязывая себя ни къ чему.

Анна Иоанновна молчала, но когда фельдмаршалъ вышелъ, она спросила:

— Что онъ сказалъ?

— Я не слыхалъ,—отвѣчалъ Биронъ.

Онъ видѣлъ, что плодъ еще не созрѣлъ, но не сталъ терять времени, и въ тотъ же день одинъ изъ его довѣренныхъ, баронъ Менгенъ, отправился къ Бестужеву и заявилъ ему: „Если герцогъ регентомъ не будетъ, то мы всѣ пропадемъ! А вѣдь герцогу самому о себѣ просить нельзя — такъ нельзя ли объ этомъ какъ небудь сторовой просить ея величество“.

Бестужевъ цѣлую ночь просидѣлъ надъ сочиненіемъ указа о регентствѣ Бирона, а такъ какъ діагнозъ Рибейры, повидимому, подтверждался, то самъ Остерманъ отправился во дворецъ и горячо поддерживалъ проектъ. Однако Анна Иоанновна не спѣшила дать своей подписи. Она положила бумагу подъ подушку, отослала вице-канцлера и прочихъ, не проронивъ ни слова о своихъ намѣреніяхъ, а затѣмъ, оставшись съ глаза на глазъ съ Бирономъ, спросила его, какъ на- канунѣ.

— Тебѣ это нужно?

Онъ молчалъ, и она не прибавила ничего. Прошло нѣсколько дней, и императрица не возвращалась къ этому вопросу. Между тѣмъ временное улучшение ея здоровья прекратилось. По просьбѣ фаворита, Бестужевъ сочинилъ *позитивную декларацию*, отъ имени Сената и Генералитета яко бы просящихъ государыню „обезпечить миръ странѣ, поручивъ регентство Бирону“. Его заботами высше

члены приглашались небольшими группами, и Минихъ подписался первый, между тѣмъ какъ главный заинтересованный дѣлалъ видъ, что ничего не знаетъ.

— Что имъ всѣмъ надо?—спрашивалъ онъ.

Но и эта бумага скрылась подъ подушкой императрицы, какъ первая. Анна Иоанновна не сознавала приближенія смерти. Племянницѣ, спросившей ее, не желаетъ ли она поспорить, она отвѣчала сердито: „Не пугай меня!“ Напрасно Менгденъ пытался выдвинуть самого Антона-Ульриха или его жену, чтобъ они поддержали это, яко бы „желаніе всей націи“. И тотъ и другой отказались, говоря, что никогда не вмѣшивались въ государственныя дѣла. Самыя невѣроятныя извѣстія и предположенія ходили по городу. Мардефельдъ доносилъ своему правительству, что въ регентствѣ примутъ участіе по крайней мѣрѣ двѣнадцать человѣкъ; что фаворитъ не будетъ въ числѣ ихъ, но удалится въ Курляндію, и Россія, къ великой выгодѣ своихъ сосѣдей, не будетъ имѣть возможности вмѣшиваться въ европейскія дѣла. Ему уже мерещилась новая Польша на берегахъ Невы, и наслѣдникъ Фридриха-Вильгельма раздѣлялъ его радость <sup>1)</sup>).

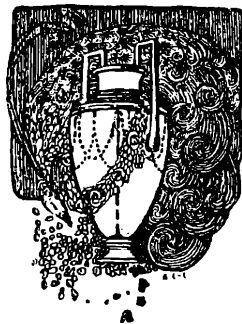
Такимъ образомъ настало 16 октября, когда Рибейра и его товарищи объявили, что положеніе императрицы безнадежно. Она послала за Остерманомъ, долго совѣщалась съ нимъ, затѣмъ позвала Бирона и показала ему столь давно ожидаемую подпись. Говорятъ, будто она не скрыла отъ него своего мнѣнія, что подписала его гибель. Другіе же утверждаютъ, будто она, напротивъ, сказала ему, „не бойся!“ Обыкновенно слова, которыми обмѣниваются любящіе, ускользаютъ отъ историка, и я не ручаюсь за безусловную достовѣрность приведеннаго на основаніи свидѣтельства одного изъ дѣйствующихъ лицъ. Если Биронъ въ своихъ запискахъ не привелъ

---

<sup>1)</sup> Мардефельдъ, 25 октября; Фридрихъ II, 5 ноября. Берлинскій секретный архивъ.

словъ „не бойся“, то это, можетъ быть отъ того, что онъ не зналъ по-русски; но это обстоятельство могло быть также причиной, что такихъ словъ вовсе не было сказано.

Отдавъ наслѣдіе Петра Великаго послѣ своей смерти въ руки иностранцевъ, какъ отдавала его уже въ теченіе своего царствованія, Анна Іоанновна, однако, доказала въ послѣднія минуты, что въ ея жилахъ текла русская кровь. Она сумѣла умереть лучше, чѣмъ жила. На другой день послѣ бесѣды съ фаворитомъ, она призвала духовенство и просила читать отходную. Высокая фигура Миниха привлекла между присутствующими вниманіе уже затуманивавшагося взора. Какъ будто желая примирить съ будущимъ регентомъ этого опаснаго врага, она обратилась къ нему въ послѣдній разъ со словами: „Прощай, фельдмаршалъ! Простите всѣ!“—повторила она еще и испустила духъ <sup>1)</sup>.



---

<sup>1)</sup> Хмыровъ, *Графиня Головина*.

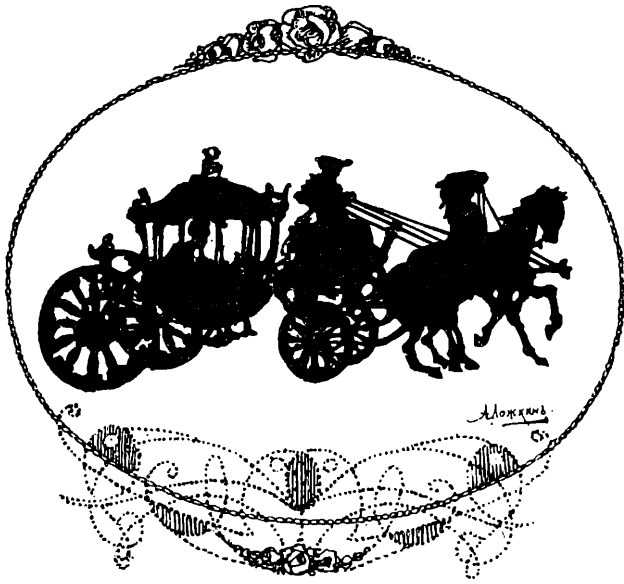




ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.



ДВА ЦАРСТВОВАНИЯ.



## Г Л А В А XII.

### Паденіе Бирона.

I. Бывшій фаворитъ у власти.—Мирное начало регентства.—Мнѣніе современниковъ.—Мардефельдъ.—II. Первыя мѣропріятія регента.—Милости.—Попытки приобрести популяриность.—Проявленія враждебности.—Борьба съ Брауншвейгской фамиліей.—Столкновеніе.—Видимая побѣда регента.—Сближеніе съ Елизаветой.—Проекты союза съ Голштинскимъ домомъ.—Катастрофа.—III. Минихъ у Анны Леопольдовны.—Подготовляемое покушеніе.—Ужинъ у регента.—Неожиданность.—Заключеніе Бирона въ Шлиссельбургъ.—Его процессъ.—Смертная казнь замѣненная пожизненной ссылкой.—Въ Пелымѣ.—Въ Ярославлѣ.—Переходъ Гедвиги Биронъ въ православіе.—Судьба Курляндскаго герцогства.—Возвращеніе Бирона въ Митаву.—Его отреченіе.—Смерть.—Его потомство.

#### I.

„Семнадцать лѣтъ деспотизма и девятимѣсячный ребенокъ, который можетъ умереть кстати, чтобы уступить престоль регенту!“—такъ характеризуетъ Мардефельдъ положеніе дѣлъ, показавшее какъ невѣрны были его предположенія <sup>1)</sup>, высказанныя въ письмахъ къ Фридрику.

Онъ ничего толкомъ не зналъ, и это еще больше возбуждало его досаду. Онъ сравнивалъ Бирона съ Кули-Ханомъ, однако находилъ

---

<sup>1)</sup> 29 октября 1740 г. *Секретный берлинскій архивъ*. Эта депеша, такъ же, какъ послѣдующія, писана по французски, согласно приказанію Фридриха II въѣмъ его представителямъ при иностранныхъ дворахъ.

въ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ его назначеніе правителемъ, нѣчто утѣшительное и возбуждающее надежды. „Принимая въ соображеніе, что онъ оскорбилъ императорскую фамилію и принца Брауншвейгскаго въ частности, позволявъ ему повидаться съ ея императорскимъ величествомъ во время ея болѣзни всего одинъ разъ; что нація его ненавидитъ; что тѣ, кто, повидимому, держитъ его сторону и способствовали его возвышенію, дѣлали это только въ личномъ интересѣ и намѣреваясь возстановить республиканскій образъ правленія, свергнувъ своего благодѣтеля, къ чему Швеція доставила возможность... можно предположить, что Биронъ только потому вознесенъ фортуной такъ высоко, чтобы потомъ очутиться тѣмъ ниже... Всѣ умы возстановлены противъ узурпатора, и гвардейскіе солдаты открыто заявляютъ, что будутъ свосить регентство только до похоронъ ихъ „матушки“, а многіе говорятъ, что лучше передать власть въ руки оставшихся потомковъ Петра I. Всѣ простые солдаты стоятъ за Елизавету“.

Если вѣрить этому пророку, предсказанный имъ переворотъ могъ совершиться тотчасъ же, по крайней мѣрѣ въ пользу Антона-Ульриха, если бы только принцъ догадался воспользоваться расположеніемъ къ себѣ гвардейскихъ офицеровъ. Но по совѣту императорскаго резидента онъ слишкомъ поспѣшно отказался отъ этой поддержки <sup>1)</sup>.

Подобную досаду, высказанную человѣкомъ, еще недавно мечтавшимъ о превращеніи Россіи въ другую Польшу, можно счесть почти за похвалу новому правительству. Очевидно Мардефельдъ не находилъ его способнымъ осуществить преждевременно возложенныя имъ на него надежды. Но, если дипломатъ и оказался болѣе дальновиднымъ въ своихъ настоящихъ предположеніяхъ о будущемъ столь неожиданно установленнаго правительства, то начинанія послѣдняго, повидимому, ничѣмъ еще не оправдали его предсказаній. Биронъ

---

<sup>1)</sup> 29 октября и 19 ноября 1740 г.

принялъ бразды правленія самымъ мирнымъ образомъ. По кончинѣ императрицы онъ какъ бы погрузился на нѣсколько минутъ въ глубокую печаль, но затѣмъ выпрямился и распорядился достать указъ о регентствѣ. Покойная императрица приказала запереть его въ лаптецъ съ брилліантами, стоявшій возлѣ ея постели, ключъ отъ котораго былъ у одной изъ ея приближенныхъ. Вице-канцлеру было поручено прочесть его; но слезы душили Остермана и князю Трубецкому, генераль-прокурору, пришлось замѣнить чувствительнаго старика, находившаго возможность хитрить даже съ смертью. Его окружили: только одинъ принцъ Брауншвейгскій съ женой стояли въ сторонѣ, какъ бы относясь безучастно къ происходившему.

— Вы не желаете выслушать послѣднюю волю императрицы?— громко спросилъ Биронъ, обращаясь къ герцогской четѣ.

Антонъ-Ульрихъ вздрогнулъ, какъ будто намѣревался отвѣтить, но затѣмъ покорно присоединился къ остальнымъ.

На слѣдующій день малютку-Ивана перевезли съ большимъ торжествомъ въ Зимній дворецъ. Шествіе открывалъ эскадронъ гвардіи; за нимъ регентъ пѣшкомъ шелъ впереди кресла, на которомъ несли кормилицу съ ребенкомъ на рукахъ. Принцесса-мать ѣхала въ парадной каретѣ съ Юліей Менгденъ, фрейлиной, сдѣлавшейся скоро ея фавориткой. И самому Мардефельду пришлось написать: „Всѣ русскіе отправились въ Зимній дворецъ и поздравляли регента, цѣдуя у него руку пли полу мантии. Онъ заливался слезами и не могъ произнести ни слова... Спокойствіе полное: такъ сказать, ни одна кошка не шелохнется“<sup>1)</sup>. Новый англійскій министръ Финчъ съ своей стороны писалъ, что гусарскій полкъ, проѣзжая по Гайдъ-парку возбуждаетъ больше шума, чѣмъ эта перемѣна правительства<sup>2)</sup>. Впрочемъ, все это было весьма естественно. Со времени Екатерины I верховная власть, наравнѣ съ царскимъ жилищемъ, казалась достояніемъ всѣмъ. Туда входили, какъ на мельницу.

1) 1 ноября 1770 г.

2) Финчъ. *Депешы*. Московск. Архивъ Минист. Иностр. Дѣлъ.

Сенатъ назначилъ регенту 500,000 рублей въ годъ и постановилъ именовать его высочествомъ. Впрочемъ, онъ пожелалъ, чтобы этотъ титулъ былъ данъ и Антону-Ульриху. Однако отецъ и мать императора должны были удовольствоваться 200,000 рублей въ годъ. На ектенияхъ былъ принятъ слѣдующій порядокъ: императоръ, принцесса-мать, цесаревна Елизавета и регентъ. Елизавета протестовала напрасно. Кое-кто удивлялся, почему въ манифестѣ о назначеніи наслѣдникомъ Иоанна Антоновича, въ случаѣ его смерти ему должны были наслѣдовать братья его отъ *того же брака*, но ни въ какомъ случаѣ не сыновья, могущіе родиться у Анны Леопольдовны отъ другого брака. Такимъ образомъ предпочтеніе отдавалось не потомству царя Иоанна Алексѣевича, но Антона Брауншвейгскаго, и могла прерваться послѣдняя связь этой династии съ домомъ Романовыхъ. Но развѣ не дѣлалось уже въ продолженіи 15 лѣтъ, что кому приходило въ голову? Точно также былъ предусмотрѣнъ случай, если бы Виронъ сложилъ съ себя званіе регента. Члены Сената, Кабинета и Генералитетъ должны были позаботиться о его замѣщеніи. О Симодѣ не упоминалось ни слова. Однако, пришлось обратиться къ нему, чтобы онъ подтвердилъ титулъ высочества, данный регенту. Этотъ вопросъ о титулахъ озабочивалъ Мардефельда. „Называйте ихъ какъ имъ вздумается“, рѣшилъ Фридрихъ, написавъ на поляхъ; Подевилъ же придалъ этому выраженію болѣе дипломатическую форму <sup>1)</sup>. Императоръ получилъ официально титулъ Ивана III, какъ *третій царь* этого имени, такъ какъ его предшественники до Ивана Васильевича были только великими князьями. Впослѣдствіи Ивана Антоновича неправильно называли Иоанномъ VI.

---

<sup>1)</sup> Рескриптъ отъ 19 ноября 1749 г. *Секретный берлинскій архивъ*.

## II.

Курляндскій дворянинъ сомнительнаго происхожденія, сдѣлавшійся на семнадцать лѣтъ, по вычисленію Мардефельда, неограниченнымъ властителемъ Россіи, болѣе неограниченнымъ и законнымъ, чѣмъ Меншиковъ—вчерашній фаворитъ и сегодняшній регентъ не обладалъ даже способностями временщика—своего предшественника—и не оказалъ Россіи такихъ услугъ, какъ тотъ. Единственное право его было основано на позорѣ Анны, примѣръ котораго она безнаказанно давала съ высоты престола и которымъ загрязнила колыбель, гдѣ поклонялась будущность имперіи. Бирона считали человѣкомъ способнымъ, но онъ проявилъ до сихъ поръ свою способность только въ придворныхъ интригахъ. Говорили, что онъ жестокъ; и можетъ быть преувеличивали его отвѣтственность въ кровавыхъ драмахъ только что окончившагося царствованія. Передъ нимъ преклонялись потому, что въ немъ соединялись два элемента—самовластіе и грубая сила, сдѣлавшіеся со времени Петра Великаго принадлежностью верховной власти. Анна согласилась накинуть на этого искателя приключеній порфиру, скроенную изъ занавѣсей ея алькова; гвардія не препятствовала: теперь все было для всѣхъ. И развѣ не безразличнымъ являлось для этого войска, гдѣ половина офицеровъ были нѣмцы, что Биронъ станетъ во главѣ правительства, оспариваемаго въ продолженіе десяти лѣтъ четырьмя или пятью нѣмцами? Бирона не любили, но развѣ имѣлся на лицо кто-нибудь любимый? Можетъ быть Елизавета? Уже въ продолженіе десяти лѣтъ она только и дѣлала, что мѣняла любовниковъ, выбирая ихъ иногда въ такихъ низкихъ слояхъ, что сама затруднилась бы сдѣлать ихъ официальными фаворитами. И чтобы обратить на себя вниманіе, ей

слѣдовало выдвинуться, проявить энергію и честолюбіе. Она же, по-видимому, только и знала одни удовольствія, забывала изъ-за нихъ все, и ее также забывали. Между Остерманомъ, Минихомъ, Лёвенвольдомъ и другими, составлявшими противовѣсъ вліянію Бирона, онъ еще, въ сущности, не всталъ во весь свой ростъ. Теперь настало время показать себя за работой.

Онъ началъ милостями, отмѣняя приговоры о смертныхъ казняхъ, смягчая наказанія. Онъ призвалъ обратно ко двору князя Александра Черкаскаго. Тредіаковскому изъ конфискованнаго имѣнія Волынскаго выдано 360 р.—сумма равная его годовому жалованью. За этимъ слѣдовали распоряженія, клонившіяся къ свисканію популярности: манифестомъ предписывалось строгое соблюденіе законовъ и строгая справедливость въ примѣненіи правосудія; подати были уменьшены (на 17 коп. съ души); часовымъ въ зимнее время приказано давать шубы, „ибо въ морозное время они безъ шубы терпѣваютъ великую нужду“. Бирона-фаворита упрекали въ роскоши; Биронъ-регентъ запретилъ носить матеріи дороже 4 рублей за аршинъ.

Но болѣе серьезныя задачи требовали его вниманія, какъ извѣстъ, такъ и внутри государства, и неизвѣстно, оправдалъ ли бы онъ лестныя описанія Мардефельда, если бы принялся за рѣшеніе этихъ задачъ. Но онъ едва успѣлъ прикоснуться къ нимъ. Смерть Карла VI вызвала во всѣхъ европейскихъ канцеляріяхъ оживленную дипломатическую дѣятельность. Биронъ попался на приманку въ видѣ гарантированнаго наслѣдственнаго титула герцога Курляндскаго, выставленную Пруссіей, и вступилъ съ послѣдней въ переговоры о оборонительномъ союзѣ, но не довелъ дѣло до конца. Онъ задумалъ было преобразованіе гвардіи, и мысль перевести дворянъ, служившихъ въ ней простыми солдатами, офицерами въ пѣхотные полки, замѣнивъ ихъ солдатами изъ простонародья, нельзя назвать вполне неудачной. Выполненіе этого плана, вѣроятно, предупредило бы неожиданныя государственныя перевороты. Пока же что, въ Петербургѣ



были призваны шесть пѣхотныхъ батальоновъ и вѣскольно драгунѡвъ, какъ противѡвѣсь гвардейцамъ; но Минихъ объяснялъ послѣднимъ, что это сдѣлано ради нихъ самихъ и съ цѣлью облегчить ихъ службу. Регентъ чувствовалъ, что ему необходимо оградить себя <sup>1)</sup>. И скоро онъ весь ушелъ въ эту заботу и мало по малу вступилъ на путь репрессій. Черезъ недѣлю Мардефельдъ могъ видѣть къ своему удовольствію, что „кошки“ зашевелились, особенно среди офицеровъ. Гвардейскій генераль-поручикъ Пустошкинъ пріѣхалъ къ Михаилу Гавриловичу Головкину, сыну бывшаго канцлера, состоявшаго въ

---

1) „Общество волновалось подъ невыносимымъ гнетомъ стыда, оскорбленнаго народнаго чувства. Тяжелъ былъ Биронъ какъ фаворитъ, какъ фаворитъ иноземецъ, но все же онъ тогда не свѣтилъ собственнымъ свѣтомъ, и хотя имѣлъ сильное вліяніе на дѣла, однако, довольствуясь знатнымъ чиномъ придворнаго, не имѣлъ правительственнаго значенія. Но теперь этотъ самый ненавистный фаворитъ-иноземецъ, на котораго привыкли складывать всѣ бѣдствія прошлаго тяжелаго царствованія, становится правителемъ самостоятельнымъ; эта тѣнь, брошенная на царствованіе Анны, этотъ позоръ ея становится полноправнымъ преемникомъ ея власти; власть царей русскихъ, власть Петра Великаго, въ рукахъ иноземца, ненавидимаго за вредъ имъ причиненный, презираемаго за бездарность, за то средство, которымъ онъ поднялся на высоту. Бывали для Россіи позорныя времена: обманщики стремились къ вѣрховной власти и овладѣвали ею; но они, по крайней мѣрѣ, обманывали, прикрывшись священнымъ именемъ законныхъ наслѣдниковъ престола. Недавно противники преобразованія называли Преобразователя иноземцемъ, подкидышемъ въ смѣю Русскихъ царей; но другіе и лучшіе люди смѣялись надъ этими баснями. И теперь въявь, безъ прикрытія, иноземецъ, иновѣрецъ самовластно управляетъ Россіей и будетъ управлять семнадцать лѣтъ;—по какому праву? — потому только, что былъ фаворитомъ покойной императрицы! Какими глазами православный русскій могъ теперь смотрѣть на торжествующаго еретика? Россія была подарена безнравственному и бездарному иноземцу, какъ цѣна позорной связи! Этого переносить было нельзя. (Шетарди).

давнишней ссорѣ съ Бирономъ, и предложилъ ему стать во главѣ группы недовольныхъ, чтобы способствовать Аннѣ Леопольдовнѣ стать у власти. Головкинъ отговорился подагрой <sup>1)</sup> и послалъ офицера къ Алексѣю Черкасскому. „Можетъ быть, чтонибудь и выйдетъ“, думалъ онъ. Но „группа недовольныхъ“ существовала только въ воображеніи Пустошкина. По крайней мѣрѣ она не имѣла ни организаціи, ни программы. Кое-кто изъ сохранившихся приверженцевъ конституціи 1730 г., избѣгшихъ участи Волицскаго, глухо роптали и искали человѣка, который повелѣ бы ихъ... неизвѣстно куда. Черкасскій замѣтилъ это, оцѣнилъ планъ по достоинству, назначилъ заговорщикамъ свиданіе и... предалъ ихъ. Пустошкинъ съ нѣкоторыми сообщниками были наказаны кнутомъ, и снова все утихло. Одинъ морякъ, Максимъ Толстой вздумалъ было отказаться отъ присяги регенту и смѣло выставивъ свое предпочтеніе Елизаветѣ <sup>2)</sup>.

Биронъ попросту отправилъ его въ Оренбургъ. Онъ очень искусно

---

1) Онъ сказалъ: „Что вы слышите, то и дѣлайте; однако-жь ты меня не видалъ, и я отъ тебя не слыхалъ; а я отъ всѣхъ дѣлъ отрѣшенъ и ѣду въ чужіе края“. Головкинъ принадлежалъ къ числу вельможъ недовольныхъ регентствомъ. Приходясь родственникомъ принцессы Анны по женѣ (Ромодановской), онъ надѣялся получить важное значеніе, если бы Анна была назначена регентшей, и при ссорѣ ея съ фаворитомъ сталъ на ея сторону, а о послѣднемъ позволялъ себѣ „вольныя рѣчи“. За это онъ былъ теперь отрѣшенъ отъ всѣхъ должностей и ѣхалъ въ чужіе края. (Шетарди).

2) „Толстой не пошелъ къ присягѣ для того, что государствомъ повелѣно править такому генералу, каковы у него, Толстого, родственники, генералы были. До возраста государева повелѣно править герцогу Курляндскому, о орелъ леталъ, да соблюдалъ не дѣтямъ своимъ, а дочь ея оставлена: императоръ Петръ Первый соблюдалъ и созидалъ все дѣтямъ своимъ, а у него, государя, осталась дочь Елизавета Петровна, и надобно нынче присягать ей, государынѣ цесаревнѣ. О томъ между собою говорили лейб-гвардіи Преображенскаго полка солдаты, идучи отъ присяги.

(Изъ дѣлъ канцеляріи).

щадилъ царевну, чтобы противупоставить ее матери императора. Предполагали, что онъ намѣревался женить на цесаревнѣ своего сына. Онъ не принималъ доносовъ, касавшихся ея, и совершенно неожиданно назначилъ ей 50,000 рублей. Но слѣдствіе по дѣлу Пустошкина и Толстого бросало также тѣнь на Анто́на-Ульриха, и между принцемъ и регентомъ началась борьба, скоро перешедшая въ смертельный поединокъ.

Было доказано, что отецъ императора благосклонно выслушивалъ офицеровъ, говорившихъ ему, что онъ могъ бы быть назначенъ регентомъ. Эти офицеры утверждали, что на указѣ, которымъ власть отдавалась въ руки Бирона, не было подписи государыни. Кабинетскій секретарь Яковлевъ, и всѣ, бывшіе при императрицѣ 10 октября—число, которымъ помѣченъ документъ—утверждали, что она ничего не подписывала въ этотъ день. Мардефельдъ узналъ объ этомъ и торжествовалъ; но узналъ также Биронъ и поспѣшилъ дѣйствовать рѣшительно. Онъ побывалъ у Анто́на-Ульриха и его жены, настоятельно требуя объясненій. Принцъ все отрицалъ и извинялся; принцесса увѣряла, что ничего не слыхала, и чтобъ умаслить регента даже проводила регента до его дома и просидѣла у него два часа. Но онъ не успокоился. На слѣдующій день, 24 октября созвавъ Сенатъ и генералитетъ; они принудили Анто́на-Ульриха явиться въ это собраніе и выслушать новый выговоръ. Принцъ залился слезами; но бывшій фаворитъ сталъ говорить все повышая тонъ, и когда принцъ безъ намѣренія положилъ руку на эфесъ своей шпаги, то Биронъ принялъ это движеніе за угрозу и, ударивъ рукой по своей шпагѣ, сказалъ:

— Готовъ и этимъ путемъ съ вами раздѣлаться, если вы того желаете.

Исходя отъ такого человѣка, вызовъ былъ настолько оскорбителенъ, что мужъ Анны Леопольдовны забылъ свою обычную робость и осторожность и далъ волю своимъ чувствамъ. „Да ему говорили о низверженіи Бирона, и онъ съ удовольствіемъ слушалъ эти рѣчи;

онъ привѣтствовалъ бы возстаніе, направленное къ тому, чтобы вернуть ему власть, вырванную изъ его рукъ низкимъ авантюристомъ...“ Но тутъ вмѣшался Ушаковъ:

— Если вы будете вести себя какъ слѣдуетъ, то всѣ будутъ почитать васъ отцомъ императора; въ противномъ случаѣ будутъ считать васъ подданнымъ нашего и вашего государя. По своей молодости вы были обмануты; но если бы вамъ удалось исполнить свое намѣреніе, нарушить спокойствіе имперіи, то я, хотя съ прискорбіемъ, обошелся бы съ вами такъ же строго, какъ съ послѣднимъ подданнымъ его величества.

Виронъ вызвалъ эту сцену только для того, чтобы получить отъ собранія подтвержденіе своего авторитета, что казалось необходимымъ въ виду предшествовавшихъ событій. Онъ продолжалъ болѣе спокойнымъ тономъ:

— Волею покойной императрицы я всегда воленъ отказаться отъ дарованной ею мнѣ власти, и если присутствующіе полагаютъ, что принцъ Антонъ-Ульрихъ достоинъ болѣе меня, я готовъ имъ подчиниться.

Затѣмъ обращаясь къ Остерману:

— Та ли это бумага, которую вы сами относили къ государынѣ для подписи?

Впослѣдствіи было доказано, что документъ былъ подписанъ заднимъ числомъ, и Виронъ приказалъ отпечатать его тайно, еще прежде, чѣмъ онъ былъ подписанъ. Остерманъ подтвердилъ его подлинность, и быстро приспособляясь къ обстоятельствамъ, предложилъ присутствующимъ подписать бумагу, что и было исполнено <sup>1)</sup>. Собраніе имѣло еще засѣданіе на слѣдующій день. Тѣмъ временемъ Виронъ, черезъ посредство Миниха предложилъ Антону-Ульриху сложить съ себя военные чины <sup>2)</sup>, и принцу пришлось подписать уже

---

1) Мардефельдъ, 19 ноября 1740 г.

2) Въ просьбѣ отъ имени принца Антона говорилось къ имени императора: „Я нынѣ, по вступленіи вашего императорскаго ве-

заготовленную просьбу объ отставкѣ. Но регенту и этого было мало. Онъ одѣлалъ видъ, будто не ожидалъ этой отставки и не придаетъ ей значенія.

— Я вамъ не давалъ никакихъ чиновъ, и дѣло не въ томъ, а въ спокойствіи всей имперіи. Советую вамъ нѣсколько времени посидѣть дома.

Антонъ-Ульрихъ понялъ, что его сажаютъ подъ арестъ, и общее мнѣніе было, что Биронъ на этомъ не остановится. Говорили, что отца и мать императора отправятъ за границу или въ какой-нибудь медвѣжій уголъ. Въ то же время въ отношеніи Елизаветы Биронъ проявлялъ почти рабскую угодливость, и можно догадаться, что у него было много причинъ поступать такъ въ этой борьбѣ, первые шаги въ которой были удачны для него. Онъ поспѣшилъ возобновить старинные переговоры, начатые покойнымъ герцогомъ Голштинскимъ, Фридрихомъ-Карломъ. Этотъ зять Елизаветы письмомъ просилъ о займѣ въ сто тысячъ рублей, соглашаясь, чтобы эти деньги шли въ приданое за единственной дочерью Бирона, Гедвигой, некрасивой и гордой, какъ ея мать. Руку Гедвиги герцогъ просилъ для своего сына, будущаго мужа Екатерины II.

Анна, неизмѣнно относившаяся недружелюбно ко всему, исходившему изъ Голштиніи, разсердилась, разорвала письмо и запретила упоминать объ этомъ дѣлѣ. Но регентъ не забылъ этого. Лишь только являлась возможность дѣйствовать самостоятельно, онъ

---

личества на Всероссійскій престолъ, желаніе имѣю мои военные чины низложить, дабы при вашемъ императорскомъ величествѣ всегда неотлучнымъ быть“. 1-го ноября въ отвѣтъ на эту просьбу данъ былъ указъ Военной Коллегіи, подписанный по обычаю: „Именемъ его императорскаго величества Юганнь, регентъ и герцогъ“. Въ указѣ говорилось: „Понеже его высочество, любезнѣйшій нашъ родитель желаніе свое объявилъ имѣвшіеся у него военные чины низложить, а мы ему въ томъ отказать не могли, того ради черезъ сіе Военной Коллегіи объявили для извѣстія“.

(Дѣло Мянниха. Шетарди. Финчъ).

отказалъ князю Саксенъ-Мейнингенскому, сдѣлавшему ему предложеніе, и бракъ, о которомъ императрица не хотѣла и слышать, былъ рѣшенъ въ нѣсколько дней. Какъ драгоцѣнно было для семьи Бироновъ это—хотя бы и косвенное—родство съ Романовыми! Никто въ это время еще не предвидѣлъ катастрофы, которая, черезъ нѣсколько часовъ, должна была помѣшать осуществленію этого проекта и неожиданнымъ образомъ положить конецъ конфликту, грозившему гибелью Брауншвейгскому дому. 8 ноября послѣ бала у Черкаскаго, Гедвига Биронъ вернулась поздно домой и только что успѣла уснуть, какъ была разбужена криками, доносившимися изъ спальни родителей. Она бросилась туда и увидала отца, полуобнаженного, оборонявшагося противъ нѣсколькихъ гвардейцевъ, бившихъ его прикладами и, наконецъ, унесшихъ. Событіе это извѣстно. Вотъ подробности о немъ, очищенныя отъ фантастическихъ разсказовъ, искажившихъ дѣйствительность.

---

### III.

Въ тотъ же день 8 ноября, Минихъ былъ у Анны Леопольдовны и казался растроганнымъ, при видѣ ея печали и безпокойства. Фельдмаршалъ самъ едва скрывалъ свое разочарованіе и свою досаду, въ интригѣ, въ которой онъ участвовалъ, онъ самъ оказался обманутымъ и самъ проложилъ дорогу своему сопернику. Рассказывали, что отправляясь во дворецъ, онъ встрѣтилъ регента и что послѣдній велѣлъ своему кучеру повернуть назадъ и вести его къ его брату Густаву. Въ этомъ Минихъ увидѣлъ угрозу себѣ и, можетъ быть, по этой или другой причинѣ, высказалъ передъ Анной Леопольдовной свои чувства къ бывшему фавориту.

— Если бы вашему высочеству было угодно, я бы избавилъ ее отъ этого зловреднаго человѣка.

— Какимъ образомъ?

Онъ развилъ свой планъ. Виронъ рассчитывалъ на вѣрность Измайловскаго и Конногвардейскаго полковъ, потому что однимъ командовалъ его братъ Густавъ, а другимъ его сынъ. Напротивъ, Преображенскій полкъ, которымъ онъ, Минихъ, былъ генераль-поручикомъ, не находился подъ вліяніемъ регента, и какъ разъ была очередь этого полка дежурить, какъ при зимнемъ дворцѣ, мѣсто-пребываніи императорской фамиліи, такъ и при лѣтнемъ дворцѣ, гдѣ жилъ „зловредный человѣкъ“. Съ горстью выбранныхъ Минихомъ преображенцевъ, онъ легко могъ овладѣть Вирономъ во время сна и представить его принцессѣ.

Анна Леопольдовна испугалась; но собственно ей уже нечего было терять. Все предвѣщало ей будущее изгнаніе. Она попросила только, чтобъ ее мужъ ничего не зналъ. Она боялась его щепе-

тельности и предоставляла ему, какъ и себѣ, въ случаѣ неудачи, отъ всего отказаться. Рисковалъ одинъ Минихъ. Для большей осторожности, проводивъ фельдмаршала, она уговорила Антона-Ульриха попросить свиданія съ регентомъ. Она сама, дрожа какъ листъ, была съ нимъ настолько почтительна, что, польщенный, онъ сдѣлался съ ней любезнѣе, чѣмъ обыкновенно, позвалъ принца съ собою въ манежъ и, отираваясь обѣдать, разстался съ нимъ очень ласково. Однако, грустныя мысли безпокоили его. Онъ замѣтилъ, что улицы имѣютъ необычный видъ. Рѣдкіе прохожіе имѣли озабоченныя лица. Его адъютантъ замѣтилъ, что въ городѣ опасались революціи въ пользу принца Брауншвейгскаго. Онъ пожалъ плечами. Съ этимъ молодымъ человѣкомъ дѣло было покончено.

Минихъ долженъ былъ обѣдать въ этотъ день со всей своей семьей у регента; онъ, конечно, не отказался отъ этого и имѣлъ совершенно спокойный и веселый видъ. Онъ ужиналъ съ Лёвенвольдомъ, много говорилъ, рассказывая о своихъ походахъ. Биронъ слушалъ разсѣянно и мрачно. Вдругъ онъ спросилъ:

— А что графъ, во время вашихъ походовъ вы никогда не предпринимали ничего важнаго ночью?

Несмотря на свое самообладаніе, Минихъ вздрогнулъ, но овладѣвъ собой, съ самымъ естественнымъ видомъ отвѣтилъ:

— Не помню, чтобъ я когда нибудь предпринималъ что нибудь чрезвычайное ночью; но мое правило всегда пользоваться всякимъ благопріятнымъ случаемъ.

Возвратившись отъ регента, ложась спать, Минихъ ведѣлъ разбудить себя въ два часа утра. Тогда, взявъ съ собой самаго преданнаго и самаго энергичнаго изъ своихъ адъютантовъ, полковника Манштейна, онъ отправился въ Зимній дворецъ, гдѣ, бывшая въ заговорѣ, Юлія Менгденъ ожидала ихъ. Она отправилась предупредить герцогиню, которая спала съ мужемъ.

— Что такое?—спросилъ Антонъ-Ульрихъ.

— Ничего, оставайтесь въ постели.



Минихъ хотѣлъ, чтобъ она послѣдовала за нимъ, но она отказалась, согласившись только на то, чтобы собрать около себя караульныхъ офицеровъ и объявить имъ о совершающемся событіи. Она поцѣловала при нихъ фельдмаршала и просила ихъ поддержать его. Всѣ увѣряли, что послѣдуютъ за нимъ. Онъ выбралъ тридцать гренадеровъ и трехъ офицеровъ. Стража въ лѣтнемъ дворцѣ состояла изъ трехъ сотъ человѣкъ, которымъ былъ данъ приказъ стрѣлять при приближеніи болѣе двухъ человѣкъ, но Минихъ рассчитывалъ избѣгнуть столкновенія. Онъ остановилъ свой маленькій отрядъ за сто шаговъ и послалъ парламентаря. Послѣдній привелъ съ собою отъ караула двухъ парламентаревъ, которые, узнавъ своего командира, увѣрили его, что ни они, ни ихъ люди не шелохнутся. Тогда Минихъ двинулся впередъ и приказалъ Манштейну съ двѣнадцатю гренадерами проникнуть въ покои регента. Часовые у дверей дали имъ войти. Остальное извѣстно.

Бенигна Виронъ выбѣжала за уносимымъ мужемъ на улицу въ одной рубашкѣ. Манштейнъ приказалъ одному солдату вернуть ее во дворецъ. Гренадеръ взялъ на руки хрупкое и безобразное созданье, посмотрѣлъ на него, плюнулъ и бросилъ свою ногу на кучу сѣнга. Она замерзла бы тамъ, еслибъ одинъ болѣе человѣчный каштанъ не озаботился укрыть ее и препроводить въ ея домъ, уже постигнутый разореніемъ. Возвращаясь, маленький отрядъ Миниха завладѣлъ Густавомъ Бирономъ, который яростно защищался, и Бестужевымъ, воображавшимъ, что, несмотря на его преданность регенту, онъ арестованъ по его приказанію. Въ Зимнемъ дворцѣ Антоновъ-Ульрихъ спалъ, а Анна Леопольдовна, обезумѣвъ отъ страха, искала помощи у сына Миниха, который, какъ камергеръ, спалъ въ передней маленькаго Ивана. Открывая глаза, онъ увидѣлъ сидѣвшую на его постели герцогиню и понялъ, что происходитъ. Послали за Остерманомъ, но онъ встрѣтилъ посланнаго стонами и сказалъ, что находится при смерти. Къ нему привели людей, которые его увѣрили, что видѣли регента въ рукахъ преображенцевъ; тогда онъ соскочилъ съ постели и побѣжалъ во дворецъ.

По увѣренію Манштейна можно было арестовать регента, выходящаго всегда съ однимъ только адъютантомъ, и днемъ. „Но маршалъ, любившій придавать своимъ поступкамъ извѣстный блескъ, выбралъ путь самый трудный“. Какъ ни какъ, онъ явился побѣдителемъ въ борьбѣ между нѣмцами, въ которую не входили мѣстные національные элементы и которая была безразлична, какъ казалось, для пользы націи. „Минихъ и Биропъ вырывали другъ у друга русское государство, какъ кружку пива“, по выраженію Герцена <sup>1)</sup>.

Раннимъ утромъ регента посадили въ возокъ и отправили въ Шлиссельбургскую крѣпость. Въ то же время Анна Леопольдовна была объявлена регентшей, при напускной радости окружающихъ и бѣлѣ искреннемъ удовольствіи арміи. Приказъ Бирона, запрещавшій солдатамъ и унтеръ-офицерамъ входить въ кабаки, былъ отмѣненъ, и кабаки переполнились посѣтителями. Бывшій регентъ провель, вмѣстѣ со своей семьей, шесть мѣсяцевъ въ тюрьмѣ, пока шло слѣдствіе. Послѣ долгаго отрицанія онъ призналъ свое участіе въ составленіи и редактированіи того акта, по которому Анна Леопольдовна вручила ему власть <sup>2)</sup>. По Мардфельду, въ его бумагахъ нашли доказательства, что еще при жизни императрицы, онъ самовольно вмѣшивался въ дѣла государства и безъ согласія министровъ заключилъ тайный договоръ съ дрезденскимъ дворомъ, въ силу котораго онъ обѣщаль послѣднему войско въ двѣнадцать тысячъ человекъ для дѣйствій противъ Австріи, а въ замѣнъ получилъ гарантію мѣръ, принимаемыхъ Анной для упроченія престолонаслѣдія <sup>3)</sup>. Среди обвиняемыхъ

---

<sup>1)</sup> Предисловіе къ его изданію *записокъ Екатерины II*. Для подробностей событія см., кромѣ *Мемуаровъ Манштейна, Реляціи Мардфельда*, 21 и 23 ноября. Сборникъ LXXXV, Костомаровъ-Русская Исторія, Соловьевъ, *Исторія Россіи*, XXI. *Naem, L e b e n s b e i c h g e i b u n g M ü n n i c h s*, Хмыровъ, Густавъ Биронъ, Восемнадцатый вѣкъ.

<sup>2)</sup> Протоколы опубликованы Щебальскимъ, *Чтенія Р. И. О.*

<sup>3)</sup> 17 декабря 1740 г. *Берлинскій тайный архивъ*.

вмѣстѣ съ нимъ Бисмаркъ выдѣлился циническимъ стремленіемъ отягчить участь своего благодѣтеля и поддѣлаться къ Аннѣ Леопольдовнѣ низко-жалобными письмами. Этотъ предокъ желѣзнаго канцлера имѣлъ мало рыцарскихъ качествъ!

Обвиненный, между прочими злодѣяніями, въ томъ, что покушался на жизнь покойной императрицы, заставивъ ее поѣхать верхомъ въ дурную погоду, Биронъ 8-го апрѣля 1741 года былъ приговоренъ къ смертной казни, къ четвертованію. Манифестомъ отъ 15-го апрѣля казнь была замѣнена вѣчной ссылкой. Обвинительный актъ содержалъ цѣлое историческое изслѣдованіе, гдѣ приговореннаго сравнивали съ Борисомъ Годуновымъ. Мѣстомъ ссылки былъ назначенъ Пелымъ, сибирская деревня, за три тысячи верстъ отъ Петербурга.

Тамъ наскоро выстроили домъ въ четыре комнаты, обнесенный высокимъ заборомъ. Минихъ начертилъ планъ этого жилища, не подозревая, что ему самому скоро придется занять его и провести въ немъ двадцать лѣтъ жизни. Густавъ Биронъ, его братъ Карлъ и Бисмаркъ были также сосланы въ Сибирь, за Тобольскъ, а Вестужевъ остался въ заключеніи въ Копорѣ.

Съ бывшимъ регентомъ обращались лучше, чѣмъ во время оно съ Долгорукими: ему дали содержаніе 15 рублей въ день и оставили довольно значительный штатъ прислуги, между которой были два лакея, два повара, негритянка и горничная турчанка. Но имущество его было все конфисковано. Когда адъютантъ Миниха Вольфродъ былъ посланъ въ Шлиссельбургъ истребовать у обвиненныхъ ихъ драгоценности, онъ сдѣлался свидѣтелемъ такой сцены отчаянія, что не могъ удержаться отъ слезъ, хотя по его словамъ не плакалъ даже, когда хоронилъ отца и мать. Первое время родные безпокоились о здоровьѣ того, кого еще называли герцогомъ Курляндскимъ. Онъ переходилъ отъ полной апатіи къ припадкамъ бѣшенства и серьезно захворалъ. Въ началѣ 1742 г. восшествіе на престолъ Елизаветы подбодрило его и вернуло надежду.

Дѣйствительно, вскорѣ курьеръ Сената привезъ ему вѣсть о свободѣ и о пожалованіи ему имѣнія Вартембергъ. Хотя еще слабый, онъ отправился въ путь, направляясь въ Курляндію. Онъ былъ остановленъ приказомъ поселиться въ Ярославлѣ, куда прибыли и его братья съ Бисмаркомъ. Густавъ вскорѣ умеръ, а Карлъ и Бисмаркъ, повидимому, поступили въ военную службу. Бывшій регентъ поселился въ болѣе обширномъ помѣщеніи съ чуднымъ садомъ на берегу Воьги. Изъ Петербурга ему прислали его библіотеку, мебель, посуду, лошадей и ружья, съ позволеніемъ охотиться на протяженіи двадцати верстъ отъ города. Онъ могъ жить комфортабельно, но его дочь Гедвига до того скучала, что ей пришла въ голову мысль явиться передъ государыней во время ея посѣщенія Троицкой лавры, около Москвы, и просить набожную царицу позволенія принять православіе. Ее дѣйствительно перекрестили и сдѣлали надзирательницей надъ фрейлинами, съ которыхъ, какъ говоритъ молва, она брала взятки, смотря сквозь пальцы на ихъ ночныя похождения.

Въ 1753 году, въ 33-хъ лѣтнемъ возрастѣ, она вышла замужъ за гвардейца, барона Александра Черкасова, и жила до 1787 г.

Герцогство Курляндское оставалось безъ правителя до 1758 г., когда, по желанію Елизаветы, былъ избранъ герцогомъ Карлъ Саксонскій, сынъ Августа III, къ величайшему, однако, неудовольствію курляндцевъ, предпочитавшихъ имѣть герцогомъ протестанта, поляковъ, вновь мечтавшихъ объ аннексіи, и мужа будущей Екатерины II, желавшаго предоставить Курляндію своимъ родственникамъ. Въ 1762 г. Петръ, сдѣлавшись императоромъ, вернулъ Вирона ко двору, возвратилъ ему остатки его состоянія, но объявилъ, что представляетъ Курляндію своему дядѣ Георгу-Людвигу Голштинскому. Бывшій регентъ долженъ былъ отречься въ пользу этого принца, но тутъ случился переворотъ, власть Петра III перешла къ его женѣ, а она рѣшила вопросъ въ смыслѣ наибольшей пользы для интересовъ Россіи. Биронъ, сдѣланный герцогомъ по произволу русскаго правительства и согласія арміи, казался болѣе подходя-

щимъ кандидатомъ. Екатерина велѣла ему ѣхать въ Митаву, куда онъ прибылъ 14 (25) января 1763 г. Русскій резидентъ Симолинъ угрозилъ гражданамъ военнымъ судомъ, если герцога не примутъ съ должными почестями, и 10 (21) февраля сеймъ призналъ законность правъ герцога <sup>1)</sup>).

Въ 1769 г. бывшій регентъ отрекся въ пользу своего сына Петра и умеръ черезъ три года. Этотъ второй герцогъ Курляндіи изъ семьи Бироновъ былъ и послѣднимъ. Въ 1795 г. онъ также отрекся за пенсію въ двадцать пять тысячъ дукатовъ, но въ пользу русскаго губернатора, графа Палена, того самаго, который впоследствии принималъ, какъ извѣстно, участіе въ воцареніи Александра I.

Петръ Курляндскій былъ женатъ сначала на принцессѣ Вальдекской, которая умерла не оставивъ ему дѣтей, потомъ на княжнѣ Юсуповой, съ которой развелся и, наконецъ, на умной графинѣ Доротеѣ Медемъ; отъ послѣдней онъ имѣлъ четырехъ дочерей. Старшая, выйдя замужъ за герцога Роана, продолжала носить, какъ говорятъ англичане *по личному праву*, титулъ герцогини Саганской, по имѣнію, купленному въ Силезіи ея отцомъ. Вторая сдѣлалась герцогиней Гогенцоллернъ-Гешингенъ, а третья принцессой Ачеренца изъ дома Вельмонтъ-Пиньателли. Послѣдняя дочь долго не признавалась Петромъ за дочь, такъ какъ по общему имѣнію ея отцомъ былъ красивый полякъ Батовскій. Она вышла замужъ за графа Эдмонда де Перигоръ, впоследствии герцога Талейрана, сдѣлалась герцогиней Дино, оставила Францію послѣ смерти дяди князя Талейрана, купила вновь Саганъ и носила это имя и титулъ, какъ раньше ея сестра.

Братъ Петра, герцогъ Карлъ-Эрнестъ, родившійся въ 1728 г. былъ родоначальникомъ вышнихъ герцоговъ Курляндскихъ, этимъ титуломъ напоминающимъ о своей минувшей власти, а именемъ Биронъ о вздорной выходкѣ фаворита Анны Іоанновны.

---

<sup>1)</sup> Документы, опубликованные Бартечевымъ, *Восемнадцатый вѣкъ*.



## Г Л А В А XIII.

### Анна Леопольдовна.

I. Нравственный обликъ новой регентши. — Политическая бездарность. — Интимная жизнь. — Юлія Менгденъ. — Сплетні по поводу этой дружбы. — Графъ Линаръ. — Возобновленіе прежняго романа. — Портретъ графа, сдѣланный Екатериной II. — Снова бракъ втроемъ. — Криптографическая переписка. — Безполезное вмѣшательство Антона-Ульриха. — Ожиданіе новаго фаворита. — II. Преобразование высшихъ должностей послѣ паденія Бирона. — Минихъ — первый министр. — Попытки къ диктатурѣ. — Оппозиція Остермана. — Злосчастная болѣзнь фельдмаршала. — Отставка. — Паденіе. — III. Значеніе этого новаго переворота. — Личное управленіе Анны Леопольдовны. — Результаты внутренней политики. — Непослѣдовательность. — Продажность высшихъ сановниковъ. — Болѣе важныя послѣдствія во вѣшной политикѣ. — Противорѣчивые союзы. — Между Пруссіей и Австріей. — Необходимость рѣшенія. — Склонность Анны Леопольдовны къ Австріи. — Оптимизмъ Мардефельда. — Весь міръ можно купить. — Угроза разрыва съ Швеціей. — Напрасное воззваніе къ Фридриху II. — Объявленіе войны. — Первые удачи русскаго оружія. — Плохія надежды въ будущемъ. — Союзъ съ Англіей и разочарованіе имъ. — Двусмысленное отношеніе Даніи. — Опасность конфликта съ Турціей и Персіей. — Настоящая опасность.

#### I.

Значеніе переворота было для всѣхъ ясно: одинъ нѣмецкій авантюристъ смѣнялся другимъ нѣмецкимъ авантюристомъ, Бирономъ — Минихомъ. Потому, что было извѣстно объ умѣ и характерѣ Анны Леопольдовны, нельзя было ожидать, чтобъ она взяла въ свои руки бразды правленія. Изъ всѣхъ современниковъ и близкихъ къ ней

людей, одинъ только сынъ фельдмаршала приписывалъ ей умственныя, сердечныя качества и преданность дѣламъ. Другіе же <sup>1)</sup> рисуютъ ее ограниченною въ умственномъ отношеніи и лѣнливой въ физическомъ, цѣлый день проводящею въ постели за чтеніемъ романовъ. Лишь воображеніе ея развилось рано, вслѣдствіе чтенія. Она, однако, была очень набожна, ставила образа во всеѣ углы своихъ комнатъ, слѣдила, чтобъ вездѣ были зажжены лампы, а впоследствии, въ заточеніи предавалась благочестивымъ занятіямъ, въ сообществѣ двухъ пѣвчихъ и пономаря <sup>2)</sup>. Какъ все лютеранскія принцессы, перешедшія въ православіе, она ревностно относилась къ новой религіи и строго слѣдила за религіознымъ воспитаніемъ своихъ дѣтей, хотя супругъ ея продолжалъ посѣщать лютеранскую церковь. Не любя показываться публично, она уменьшила елико возможно придворныя выходы, рѣдко являлась на приѣмахъ и отпустила большую часть служащихъ, въ такомъ изобиліи окружавшихъ ее тетку. Во дворцѣ скоро водворились пустота и безмолвіе. Регентши почти не было замѣтно, она не любила одѣваться и проводила обыкновенно время до обѣда съ Юліей Менгденъ. Объ этомъ много болтали, увѣряя, что фаворитка запрещала Аптону-Ульриху входить въ спальню жены <sup>3)</sup>. Мардефельдъ, однако, опровергаетъ толки, ходившіе между его товарищами дипломатическаго корпуса:

„Я не удивляюсь, что публика, не зная причины сверхъестественной привязанности великой княгини къ Юліи, обвиняетъ эту дѣвушку въ пристрастіи къ вкусамъ знаменитой Сафо; но я не могу простить маркизу Вотта, благодѣтельствуванному великой княгиней, что онъ приписываетъ селонность этой принцессы къ Юліи тому, что послѣдняя женолжница со всеми необходимыми для того каче-

---

1) Минихъ — сынъ, *Мемуары*, Финчъ, *Переписка*, Сборникъ, LXXXV; Минихъ—отецъ, *Набросокъ о формѣ управленія въ Россіи*, 1774 г., Лэди Рондо. *Письма*.

2) Карновичъ, *Разказы, Внутренняя жизнь Русской имперіи*.

3) Ла Шетарди, 2 сентября 1741 г. Арх. Ин. Дѣль.



ствами... Это черная клевета, так как покойная императрица, изъ-за такихъ обвиненій, повелѣла тщательно освидѣтельствовать эту дѣвушку, и исполнившая это комиссія доносила, что нашла ее настоящей дѣвушкой, безъ малѣйшихъ мужскихъ признаковъ“ 1).

Стало быть подозрѣнія существовали давно. Можно все же допустить, что они были лживы и что комиссія, о которой говоритъ агентъ Фридриха добросовѣстно исполнила свой долгъ. Вскорѣ уединенная жизнь Анны Леопольдовны подала поводъ къ новымъ злобнымъ предположеніямъ, и могло казаться даже, что побѣдившій Минихъ встрѣтилъ новаго соперника. Въ 1735 году, семнадцатилѣтняя принцесса, которой уже искали жениха, романтически влюбилась въ саксонскаго посланника графа Линара. Въ гувернантка, М-ше Адеркасъ, пруссачка, родственница Мардефельда, помогала въ этой интригѣ 2). Узнавъ объ этомъ, императрица отослала виноватую воспитательницу въ Германію, потребовала, чтобъ отозвали слишкомъ предприимчиваго дипломата и, какъ казалось, успѣла вернуть свою племянницу къ чувствамъ болѣе приличнымъ ея сану. Но лишь только Анна получила неограниченную власть и свободу, Линаръ появился въ Петербургѣ. Онъ происходилъ изъ итальянской семьи, съ шестнадцатаго вѣка поселившейся въ Германію; ему было около сорока лѣтъ; онъ остался вдовцомъ послѣ жены, урожденной Флемингъ, которой былъ обязанъ своей дипломатической карьерой. Красивый, хорошо сложенный, занимающійся своею собою, онъ казался гораздо моложе своихъ лѣтъ. Екатерина II, видѣвшая его девять лѣтъ спустя, полушутливо рисуетъ его такъ:

„Это былъ человѣкъ, соединявшій въ себѣ, какъ говорятъ, большія знанія съ такими же способностями. По вѣншности это былъ

---

1) Къ королю, 19 decembre, 1741 г. *Тайный берлинскій архивъ*. Маркизь Ботта былъ въ то время австрійскимъ посланникомъ.

2) Лэди Рондо, *письмо*. *Замѣтка Шубинскаго объ этомъ письмѣ въ русскомъ изданіи; Делети Рондо, Сборникъ LXXVI, LXXX.*

въ полномъ смыслѣ фатъ. Онъ былъ большого роста, хорошо сложенъ, рыжевато-бѣлокурый, съ цвѣтомъ лица нѣжнымъ, какъ у женщины. Говорятъ, что онъ такъ ухаживалъ за своей кожей, что каждый день передъ сномъ покрывалъ лицо и руки помадой и спалъ въ перчаткахъ и маскѣ. Онъ хвастался, что имѣлъ восемнадцать дѣтей и что всѣ ихъ кормилицы, могли заниматься этимъ дѣломъ по его милости. Этотъ, такой бѣлый, графъ Линаръ имѣлъ бѣлый дамскій орденъ и носилъ платья самыхъ свѣтлыхъ цвѣтовъ, какъ, напримѣръ, небесно-голубого, абрикосоваго, лиловаго, тѣлеснаго“ 1).

Роль этого создателя кормилицъ обрисовалась въ апрѣлѣ 1741 г., о чемъ Мардефельдъ даетъ слѣдующія объясненія: „графъ Линаръ намеренъ изобразить искусственный обморокъ, играя съ великой княгиней; онъ идетъ впередъ, такъ что объ немъ уже поговариваютъ въ народѣ. Собственно, ничего между ними не было; они никогда не оставались одни. Какъ кажется и фаворитка и фельдмаршалъ покровительствуютъ этой интригѣ“.

И черезъ нѣсколько недѣль.

„Графъ Линаръ не пропускаетъ случая доказать великой княгинѣ какъ онъ безумно влюбленъ въ нее. Она выносить это безъ признаковъ неудовольствія... Онъ навялъ домъ близъ царскаго сада и съ тѣхъ поръ великая княгиня регентша, противъ своего обыкновенія, стала очень часто прогуливаться“ 2).

Не могу сказать: дошли ли, въ продолженіе лѣта, отношенія великой княгини къ ея прежнему возлюбленному до той близости и того безстыдства, о которыхъ говоритъ Герццъ:

„Регентша Анна Брауншвейгская лѣтомъ спала со своимъ любовникомъ на освѣщенномъ балконѣ дома...“

---

1) Записки.

2) 14 апрѣля, 9 мая, 24 іюня 1741 г. Эти депеши, адресованныя Подевилъсю должны были быть сожжены по желанію автора.

Въ глазахъ публики возобновлялась та жизнь втроемъ, примѣръ которой подала Анна Іоанновна, и можно было ожидать, что пришелецъ займетъ привилегированное мѣсто, на подобіе Вирона. По совѣту Ботты, Линаръ, продолжая свою любовную интригу съ регентшей, попросилъ руки Юліи Менгденъ, при чемъ увеличилась милость къ нему. Онъ получилъ орденъ Андрея Первозваннаго, и Анна Леопольдовна, родившая въ іюлѣ, захотѣла, къ негодованію Анто́на-Ульриха, встать на десятый день, чтобы самой передать орденскій знакъ жениху своей любимицы. Мардефельдъ, предсказывавшій, что окончательная побѣда „новаго Париса“ послѣдуетъ послѣ родовъ великой княгини, рѣшилъ, что его разсчитать вѣрнѣе.

Въ сентябрѣ Линаръ уѣхалъ въ Германію, куда не думалъ вернуться, чтобы привести въ порядокъ свои дѣла. Его отношенія къ регентшѣ были таковы, что онъ при другихъ говорилъ ей: „Вы сдѣлали глупость“<sup>1)</sup>. Намѣревались къ его пріѣзду совершенно устранить отъ дѣлъ даже Анто́на-Ульриха. Русскіе уже кланялись Линару такъ же низко, какъ и герцогу Курляндскому; а новый фаворитъ, со своей стороны, бралъ примѣръ съ прежняго, принимая его „высокомѣрныя манеры“ и получая отъ дамъ тѣ же доказательства „почтенія“<sup>2)</sup>.

Онъ взялъ съ собой много драгоценныхъ камней, чтобы сдѣлать имъ оправу въ Дрезденѣ, и большія суммы денегъ. По этому поводу Мардефельдъ началъ подозрѣвать, — и не безъ основанія, какъ мы увидимъ потомъ, — что Анна Леопольдовна намѣревалась объявить себя императрицей и что деньги были нужны для коронаціи<sup>3)</sup>. Дорогой и по прибытію въ Дрезденъ, путешественникъ получалъ отъ регентши многочисленныя письма, изъ которыхъ нѣсколько дошло до насъ. Влюбленная великая княгиня употребляла остроумный спо-

1) *Мардефельдъ. Королю*, 7 ноября 1741 г. Секретн. берл. арх.

2) *Мардефельдъ Подевильсу*, 16 сентября 1741 г.

3) *Тотъ же королю*, 3 декабря 1741 г. Ла Шетарди, 1 (12) сентября 1741 г. Иностр. дѣла.

собъ переписки „условными цифрами“, дающій понятіе о роли предназначенной въ ихъ общемъ сожителствѣ будущей графинѣ Линарь. Корреспонденція переписывалась начисто секретаремъ, но Анна Леопольдовна прибавляла своей рукой разныя шифрованныя замѣчанія, которыя я привожу буквами:

„Поздравляю васъ съ прїѣздомъ въ Лейпцигъ, но я буду довольна только, когда узнаю, что вы возвращаетесь... Что касается до Юліи, какъ вы можете, хотя минуту сомнѣваться въ ея (*моей*) любви и въ ея (*моей*) нѣжности, послѣ всѣхъ доказательствъ данныхъ вамъ ею (*мною*). Если вы ее (*меня*) любите и дорожите ея (*моимъ*) здоровьемъ, то не упрекайте ее (*меня*)... У насъ будетъ 19-го или 20-го маскарадъ, но не знаю буду ли я въ состояніи (*безъ васъ, мое сердце*) участвовать въ немъ; предчувствую также, что и Юлія не будетъ веселиться, такъ какъ и сердце и душа ея заняты инымъ. Пѣсня хорошо выражается: „Не нахожу ничего похожаго на васъ, но все заставляетъ меня вспоминать о васъ“. Назначте время вашего возвращенія и будьте увѣрены въ моей благоклонности. (*Цѣлую васъ и остаюсь вся ваша*). Анна“ <sup>1)</sup>.

Что же думалъ обо всемъ этомъ Антонъ-Ульрихъ? По свидѣтельству Мардефельда, онъ былъ недоволенъ, но нашелъ утѣшеніе въ чувствѣ свободы и въ хотя скромной долѣ власти. Супруги по послѣднему поводу часто ссорились. Объ одной изъ этихъ ссоръ, особенно бурной, упоминаетъ Мардефельдъ въ 1741 году: назначеніе безъ его вѣдома нѣсколькихъ сенаторовъ показалось герцогу болѣе обиднымъ, чѣмъ почести, открыто доставшіяся графу Линарь. Но онъ торжествовалъ въ этихъ пререканіяхъ столь же мало, какъ прежде въ столкновеніяхъ съ Бирономъ:

„Такъ какъ этотъ разговоръ начался случайно и герцогъ не имѣлъ времени предварительно переговорить со своимъ менторомъ

---

<sup>1)</sup> 13 октября 1741 г. у Соловьева, *Исторія Россіи*, письмо приведено по-французски.

Остерманомъ, то великая княгиня взяла верхъ. Герцогъ подчинился. Съ тѣхъ поръ онъ мягокъ какъ перчатка... Это было его счастье, что она, вслѣдствіе лѣни, предоставила ему дѣла, чтобы самой заниматься удовольствіями, и что такимъ образомъ онъ сталъ необходимымъ. Увидимъ, продолжится ли это, когда у ней будетъ фаворитъ. Она его не любитъ, онъ получилъ разрѣшеніе ночевать съ ней только послѣ отъѣзда Нарцисса (Линара)<sup>1)</sup>.

Къ чести Антона-Ульриха надо замѣтить, что причиной выпешупомянутой ссоры, было, главнымъ образомъ, назначеніе на должность оберъ-прокурора Сената нѣкоего Брылкина, темной личности, который отличился въ 1735 году, покровительствуя интригѣ Линара и, какъ увѣряютъ, имѣлъ личный успѣхъ у Анны Леопольдовны, что нѣсколько сомнительно въ виду его некрасивой наружности<sup>2)</sup>.

Чтобы сопротивляться своей супругѣ, Антонъ-Ульрихъ требовалъ помощи Остермана. Но развѣ Минихъ не былъ главнымъ лицомъ въ наслѣдствѣ Бирона? Онъ былъ имъ безъ сомнѣнія на другой день послѣ своего ночного подвига, но, и безъ содѣйствія будущаго мужа Юліи, онъ ощущалъ нетвердость положенія, основаннаго на дворцовой революціи.

---

1) Мардефельдъ, 17 октября 1741 г

2) Ла Шетарди. 22 septembre (3 oct.) 1741 г.

## II.

Манифестъ, данный тотчасъ послѣ ареста Бирона, назначалъ организатора переворота первымъ министромъ и вторымъ лицомъ послѣ отца императора. Въ то же время ему была дарована сумма въ сто тысячъ рублей, — онъ былъ жаденъ до денегъ, — и вслѣдъ за этимъ еще семьдесятъ тысячъ рублей, на постройку дома на Васильевскомъ островѣ—нынѣшній Морской корпусъ,—который онъ кончалъ, обращая вниманіе на то, чтобы скульпторы изображали его военные трофеи и побольше закованныхъ турокъ<sup>1)</sup>. Надо было, однако, подумать и о властолюбіи противниковъ. Не будучи въ состояніи взять себѣ все, фельдмаршалъ постарался удовлетворить ихъ, но такъ, чтобы они не мѣшали ему. По его указанію, постъ канцлера, незанятый послѣ смерти стараго Гаврилы Головкина, былъ предоставленъ князю Черкасскому, а чтобы Остерманъ не считалъ такое вазначеніе немилостью, взяли предлогомъ его случайныя занятія флотскими дѣлами, чтобы назначить его генераль-адмираломъ. Черкасскій былъ полное ничтожество, и ему дали въ товарищи такое же ничтожество, Михаила Головина, въ должности вице канцлера. Такимъ образомъ, въ дѣйствительности Минихъ распоряжался бы управленіемъ иностранныхъ дѣлъ.

Не было остроумно съ его стороны предполагать, что генераль-адмиралъ останется доволенъ такой комбинаціей. „Оракулъ“ уже давно укоренился въ вѣдѣніи иностранныхъ дѣлъ. Въ этихъ конфликтахъ бывший вице канцлеръ нашелъ себѣ драгоцѣннаго союзника въ лицѣ Антона-Ульриха. Последняго Минихъ ожесточилъ тѣмъ, что

---

1) Буріановъ, *Прогулка по Санктъ-Петербургу*.

предоставивъ ему титулъ генералиссимуса, принадлежавшій короткое время Меншикову, присовокупилъ нѣкоторыя выраженія, показавшися ему оскорбительными; такъ въ указѣ было сказано, что фельдмаршалъ, изъ-за своихъ заслугъ имѣющій право на этотъ титулъ, уступаетъ его изъ уваженія къ его высочеству. Кромѣ того Антонъ-Ульрихъ понялъ, что Минихъ представлялъ ему быть начальникомъ только по имени и давалъ только тѣнь власти.

Точно также было оскорблено самолюбіе и другихъ лицъ. Левенвольдъ, другъ Остермана, и Михаилъ Головкинъ, недовольный подчиненнымъ положеніемъ, стали на сторону адмирала. Столькимъ врагамъ фельдмаршалъ могъ противу поставить только благодарность женщины, легкость характера которой онъ хорошо зналъ. И какъ разъ Остерманъ рѣшился взять эту, плохо защищенную крѣпость. Онъ противъ своей привычки, сталъ часто посѣщать дворець. Каждый день, въ разговорахъ съ Анной Леопольдовной, онъ настаивалъ на томъ, что опасно оставлять и ея, и государственные интересы въ рукахъ столь надменнаго человѣка, что блестящій военный, побѣдитель при Ставучанахъ не былъ хорошимъ администраторомъ, что объ этомъ свидѣтельствуютъ, какъ турецкая война, такъ и польская.

Это были удачныя аргументы; самъ Мардефельдъ, который не могъ не быть доволенъ новымъ порядкомъ, раздѣлялъ мнѣніе враговъ фельдмаршала о его талантахъ. „Онъ красивъ собой“, писалъ онъ въ это время, „трудолюбивъ и краснорѣчивъ; у него большой талантъ къ воинскому дѣлу, но къ тому, которымъ онъ занимается теперь, ни малѣйшаго“ вообще его умъ болѣе поверхностенъ, чѣмъ глубоко. Его скупость, настоящая *splendida avaritia*, заставила его продавать иностраннымъ государствамъ свою дружбу и свои намѣренія на вѣсъ золота. Такъ какъ онъ крупный невѣжда, то обращается за совѣтами къ своему брату, несмотря на педагогическую эрудицію, лишенному и тѣни здраваго смысла <sup>1)</sup>).

---

<sup>1)</sup> Къ королю, 17 декабря 1740.

Къ его несчастью, идя по слѣдамъ Меншикова, новый министръ заболѣлъ какъ онъ, въ декабрѣ. Этимъ воспользовались, какъ и тогда. Январскимъ указомъ, издаваемъ безъ вѣдома жениха былъ назначенъ пересмотръ министерскихъ должностей, причемъ фельдмаршалу предоставлялись военныя дѣла, а внутреннія вновь передавались Остерману. Онъ подчинился, но почувствовалъ, что данная ему малая власть, и та ускользаетъ изъ его рукъ. Когда онъ являлся къ регентшѣ, она не могла принимать его и отсылала къ генералиссимусу, съ которымъ онъ могъ говорить только, какъ подчиненный. Въ мартѣ онъ попробовалъ послѣднее средство: просьбу объ отставкѣ, и одну минуту могъ льстить себя надеждой, что оно помогло.

Испуганная мыслью остаться безъ помощи человѣка, помогаго ей поразить Бирона, Анна Леопольдовна воскликнула, что не можетъ обойтись безъ его услугъ. Остерманъ успокоилъ ее: вѣдь бывшій регентъ въ Целымъ! И отставка была принята, милостиво дарована по просьбѣ фельдмаршала, ввиду его лѣтъ и болѣзней. Посланныкомъ Франціи и Австріи, регентша объяснила, что отставленный министръ, склонный давать преимущество Пруссіи, препятствовалъ ея твердому намѣренію притти на помощь вѣнскому двору <sup>1)</sup>).

Торжествуя, Антонъ Ульрихъ хотѣлъ объявить указъ при барабанномъ боѣ; но гнѣвъ фельдмаршала произвелъ переполохъ во дворцѣ. Вспомнили ночь 8-го ноября, и въ то время какъ, по приказанію регентши, три сенатора отправились къ раздраженному воину съ оскорбительными извиненіями, цѣлый полкъ шпионовъ слѣдилъ за каждымъ его шагомъ. Регентша и генералиссимусъ каждый день мѣняли свою спальню. Они успокоились только, когда фельдмаршалъ переѣхалъ въ свой отстроенный домъ на Васильевскомъ островѣ и рѣка отдѣлила его отъ тѣхъ, кто его такъ боялись. Если бы не

---

1) *Ла Шетарди*, 21 маго 1741. Сравни. Соловьевъ *Исторія Россіи* XXI, 38.





**АННА ЛЕОПОЛЬДОВНА**

(Романовская галерея.)



Юлія Мевгенъ, покровительствовавшая своему соотечественнику, его, можетъ быть, и совсѣмъ удалили-бы.

Это тоже была революція, третья въ году; на этотъ разъ она имѣла болѣе важное значеніе, чѣмъ простыя внутренніе безпорядки. Ссора двухъ нѣмцевъ была связана съ другой распрей, разыгравшейся между двумя Германіями—Германіей Маріи Терезіи и Германіей Фридриха II.

Преданный Пруссіи, изъ-за очень звонкихъ аргументовъ, Минихъ въ короткое время своей власти, успѣвшій закончить трактатъ, набросанный Бировомъ. Онъ даже хотѣлъ, несмотря на то, что Мардефельдъ на этомъ не настаивалъ, послать въ помощь Фридриху двѣнадцатитысячное войско. Король мало этимъ интересовался, онъ не хотѣлъ казаковъ подъ своей командой! Минихъ полагалъ честь русскимъ въ томъ, чтобы одолѣть общихъ враговъ общими силами. Но какихъ враговъ? Бировъ не предвидѣлъ сюрприза, который доставили Европѣ послѣдствія смерти Карла VI: нашествія прусской арміи въ Силезію. Минихъ столь же мало думалъ объ этомъ. Остерманъ, одинъ, въ разговорахъ съ Анной Леопольдовной упоминалъ о томъ, что теперь случилось. У Россіи оказались два союзника, которымъ она обязалась помогать и которые воевали другъ съ другомъ! Надо было выбирать, а какой сторонѣ будетъ дано предпочтеніе ясно показывали паденіе Миниха и возвышеніе Остермана, главнаго устроителя союза съ Австріей.

Мардефельдъ не смутился этимъ, и обстоятельства подтвердили его оптимизмъ.

### III.

Побѣдитель Бирона, Миннихъ, былъ побѣжденъ Остерманомъ. Ни тотъ, ни другой не имѣлъ способностей диктатора; оба были одинаково безсильны энергично взяться за власть, даже за ту, которая колебалась въ слабыхъ рукахъ женщины, лишенной ума и воли. Анна Леопольдовна оказалась совершенно неумѣлой въ дѣлахъ управленія, но ей хотѣлось управлять или хотя показывать видъ, что она держитъ бразды правленія; ея близкіе, съ Юліей Менгденъ во главѣ, хотѣли помочь ей, рассчитывая на великодушіе иностранныхъ посланниковъ. Такое положеніе вещей давало достаточныя основанія для спокойствія Мардефельда, но было чревато угрозами для Россіи.

Внутри дворца царствовала непослѣдовательность, о которой даетъ понятіе слѣдующій случай: только что Остерманъ успѣлъ устранить своего соперника, какъ самъ слѣлся предметомъ серьезнаго обвиненія, изшедшаго изъ спальни Юліи Менгденъ. Статскій совѣтникъ Темирязовъ, неизвѣстно какъ проникнувъ въ нее, обратилъ вниманіе фаворитки на то, что въ манифестѣ, составленномъ „оракуломъ“ во время принятія власти регентшей, не было упомянуто о правахъ на престолонаслѣдіе ея дочерей. Важное опущеніе, показывающее преступныя намѣренія! Неожиданно вошедшая, во время этого разговора, Анна Леопольдовна, тутъ же повелѣла Темирязову тайно составить два манифеста, въ которыхъ будетъ объявлено: въ одномъ, что по смерти царствующаго императора, въ случаѣ отсутствія брата, престолонаслѣдницами должны быть его сестры, а въ другомъ, что въ такомъ же случаѣ престолонаслѣдницей будетъ его мать. Несчастный статскій совѣтникъ чуть не сошелъ съ ума, но долженъ былъ

тѣмъ не менѣе составитъ два противорѣчащія другъ другу документа, выбрать между которыми помѣшало событіе, положившее конецъ регентству Анны Леопольдовны <sup>1)</sup>.

1) Этотъ случай, по словамъ Темирязева, произошелъ слѣдующимъ образомъ: Темирязева къ Менгденъ послалъ архіерей Амвросій Юшкевичъ, чтобы онъ ей разсказалъ о „неправдахъ Остермана“. Онъ уже и самъ говорилъ государынѣ про него, да къ нему ничто не льнетъ; онъ и книгу у насъ запечаталъ „Камень Вѣры“; я сколькократно на него просилъ государыню, чтобы ту книгу распечатать, только не могъ милости получить и поднесъ книга запечатана, и во всемъ онъ все мѣшаетъ черезъ генералиссимуса; для того и мы ему противны, что онъ не одного съ нами закону. Знаешь ли тебя фрейлина Менгденова; она очень у великой княгини въ милости?“—„Не знаетъ“,—отвѣчалъ Темирязевъ. „Ну такъ ты пойди къ ней“—продолжалъ архіерей,—„и про манифестъ, какъ сравнена великая княгиня съ регентомъ, скажи, и ту рѣчь покажи, и то ей подкрѣпи, что все это дѣло Остерманово; можетъ, что онъ будетъ великой княгинѣ на него представлять“.

Темирязевъ не зналъ какъ пройти къ Менгденъ; архіерей послалъ келейника показать ему крыльцо, ведущее къ ея спальнѣ. Только что началъ Темирязевъ объяснять фавориткѣ обиду, нанесенную принцессѣ Андѣ въ манифестѣ, о „сверстаніи“ съ Вирономъ, какъ та перебила его: „У насъ все это есть, мы знаемъ, постоя-ка здѣсь“, и сама ушла. Темирязевъ догадывался, что она пошла къ правительницѣ. Возвратившись Менгденъ начала говорить: „Сходи ты къ Михайлѣ Гавриловичу (Головкину), скажи ему, что онъ по приказу великой княгини написалъ ли, и буде написалъ, то бы привезъ, да и манифестъ, какъ сверстана великая княгиня съ регентомъ, покажи, и что онъ тебѣ скажетъ, ты приди сюда и скажи“. Темирязевъ отправился къ Головкину; тотъ взялъ манифестъ, посмотрѣлъ и сказалъ: „Мы про это давно вѣдаемъ, я государынѣ объ этомъ доносилъ обстоятельно; а написано или нѣтъ, скажи фрейлинѣ, что я самъ завтра буду во дворцѣ“.—Темирязевъ отправился къ фрейлинѣ, вошелъ къ ней въ спальню—смотреть вмѣсто фаворитки, сама правительница. „Что съ тобой говорилъ Михайла Гавриловичъ?“—спросила Анна. Темирязевъ пересказалъ слова Головкина. Принцесса начала опять: „Мнѣ не такъ досадно,

Когда она не вмешивалась въ вопросъ высшей политики или администраціи такого рода рѣшеніями, она предоставляла служащимъ разныхъ ранговъ предаваться ихъ собственному вдохновенію. Объ этомъ Мардефельдъ пишетъ своему государю слѣдующее:

„Нынѣшнее правительство самое мягкое изъ всѣхъ, бывшихъ въ этомъ государствѣ. Русскіе злоупотребляютъ этимъ. Они крадутъ и грабятъ со всѣхъ сторонъ и все-таки крайне недовольны, отчасти потому, что регентша не разговариваетъ съ ними, а отчасти изъ-за

---

что меня сверстали съ регентомъ, досаднѣе то, что дочерей моихъ въ наслѣдствѣ обошли; поди ты, напиши такимъ манеромъ, какъ пишутся манифесты, два: одинъ въ такой силѣ, что буде волею Божіею государя не станеть и братьевъ послѣ него наслѣдниковъ не будетъ, то быть принцессамъ по старшинству; въ другомъ напиши, что ежели такимъ же образомъ государя не станеть, чтобъ наслѣдницей быть мнѣ“. Темиряевъ оцѣнилъ отъ ужаса. Подъписаться подъ манифестъ Остермана онъ съумѣлъ, но самому написать два манифеста, самому вдругъ изъ Темиряева сдѣлаться Остерманомъ... „Что ты боишься“—продолжала Анна: „ты государю присягалъ? присягалъ также, чтобъ и мнѣ быть послушву?“— „Присягалъ“,—отвѣчалъ Темиряевъ. Анна была неумолима въ своей наивной логикѣ. „А коли присягалъ“,—продолжала она,— „то помни присягу и поди сдѣлай, а сдѣлавъ отдай фрейлинѣ, только этого не проноси,—помни свою голову“.—Съ этими грозными словами несчастный Темиряевъ былъ отпущенъ. Что оставалось ему дѣлать: самому не написать; надобно посоветоваться съ какимъ нибудь знающимъ человѣкомъ,—и вотъ Темиряевъ отправляется къ секретарю Иностранной коллегіи Позднякову. „Такъ и такъ, выручи ради Бога!“— „Что же дѣлать“,—отвѣчалъ Поздняковъ,— „не робѣй; много нынѣ непорядковъ происходитъ, да коли это приказано отъ правительницы, то сдѣлать надобно“.— „Сдѣлай ты, напиши“,—сталъ умолять Темиряевъ. „Добро“,—отвѣчалъ коллежскій искусникъ. „Я напишу и уже къ тебѣ завезу.“ Дѣйствительно, ночью Поздняковъ явился къ пріятелю съ манифестами; обрадованный Темиряевъ отвезъ ихъ немедленно къ фрейлинѣ. (Показаніе Темиряева въ Госуд. Архивѣ. Соловьевъ).

того, что герцогъ Брауншвейгскій слѣдуетъ слѣпо совѣтамъ директора его канцеляріи, нѣкоего Граматина, еще болѣе корыстнаго, чѣмъ отвратительный Фѣяинъ, бывший секретарь Миниха“<sup>1)</sup>).

Россія Петра Великаго имѣла силу переносить такое положеніе дѣлъ нѣсколько времени, надѣясь на будущее. Анна и ея сообщники совсѣмъ не думали о внутренней политикѣ, но показывали видъ, что слѣдуютъ завѣтамъ Петра Великаго. Ихъ озабочивало плачевное состояніе промышленности, и они назначали комиссію для его изслѣдованія. Они посылали молодыхъ людей за границу, чтобъ приобрѣсти тамъ большую культурность. Но не находилось желающихъ ѣхать; въ это царствованіе удалось отыскать только трехъ, и то двое были нѣмцы<sup>2)</sup>).

Европа, съ которой правительство равняло себя, была болѣе требовательна. По повѣду трактата съ Пруссіей, подписаннаго 16 (27) декабря 1740 г. Минихъ получилъ кольцо въ шесть тысячъ талеровъ для жены, пятнадцать тысячъ талеровъ для его сына и нѣмце въ Бранденбургъ, а Юлія Менгденъ прислали портретъ королевы, осыпанный брилліантами. Благодаря фельдмаршалу собственноручнымъ письмомъ Фридрихъ называлъ его „великимъ человекомъ“ „героємъ“ и „близкимъ другомъ“<sup>3)</sup>; онъ, конечно, совершалъ это не даромъ. Статья объ наследованіи Курляндіей была, послѣ паденія Биропа, измѣнена настолько, что оставляла этотъ вопросъ открытымъ<sup>4)</sup>. На чтѣ рѣшится Анна Леопольдовна? Подъ вліяніемъ Ливара ея личныя симпатіи клонились къ Австріи. Въ Вѣнѣ паденіе Миниха встрѣтили какъ побѣду, тѣмъ болѣе, что оно

---

<sup>1)</sup> 27 іюля 1841.

<sup>2)</sup> Ножевщиковъ, Минау и Цирольдъ. Они должны были въ продолженіе трехъ лѣтъ „обучаться анатоміи, хирургіи, леченію очныхъ болѣзней, употребленію бандажей и какъ новорожденныхъ принимать“.

<sup>3)</sup> Pol. Correspondenz.

<sup>4)</sup> Maylens, Recueile des traités.

открывало дорогу Вельгелю, который въ эту минуту ѣхалъ къ Фридриху, чтобы предложить ему помощь Франціи <sup>1)</sup>). Извѣстно, однако, что отважный сопарникъ Маріи Терезіи не торопился заключать такого союза, ибо изъ Петербурга Мардефельдъ посылалъ ему утѣшительныя извѣстія. Остерманъ принялъ управленіе иностранными дѣлами, но Анна Леопольдовна постоянно вмѣшивалась, слушала Михаила Головкина, котораго можно было купить за пятьдесятъ тысячъ, и Юлію Менгденъ, особу, съ которой можно было сдѣлать все, что угодно за половину названной цѣны. Великій адмиралъ также не былъ настолько австрійцемъ, чтобъ нельзя было надѣяться склонить его, избравъ только подходящія мѣры. Если не деньги, то портретъ короля, нѣсколько любезностей къ его роднымъ въ Вестфаліи легко послужили бы этой цѣли, тѣмъ болѣе, что причиной его приверженности къ Австріи было желаніе привлечь герцога Брауншвейгскаго и уничтожить Миниха <sup>2)</sup>). Въ концѣ года агентъ Фридриха считалъ свое дѣло выиграннымъ. Деньги, бывшія въ его распоряженіи, помощь Юліи Менгденъ и другихъ ея товарищей, цѣна которыхъ была хорошо извѣстна Фридриху, Анна Леопольдовна, совершенно запутавшая нить иностранныхъ дѣлъ,—все это создало такое положеніе, что правительство регентства не могло уже слѣдовать своимъ желаніямъ, или дѣйствовать на пользу Россіи. Оно не послало на помощь побѣдителю Мольвица двѣнадцатитысячнаго войска и не могло также предоставить его въ распоряженіе Маріи Терезіи, потому что нуждалось въ немъ для собственной защиты.

Изъ Стокгольма Бестужевъ давно извѣщалъ о военныхъ приготовленіяхъ, для которыхъ по его мнѣнію присылались пособія изъ Франціи и, можетъ быть, изъ Пруссіи <sup>3)</sup>). Но съ его обыкновеннымъ оптимизмомъ, онъ считалъ ихъ слишкомъ ничтожными, чтобы воз-

---

1) Le due de Broglie Frédéric II et Marie Therése,

2) 14 апрѣля и 31 октября 1741.

3) См. его депешы у Соловьева, Исторіи Россіи, XXI.



буждать опасенія. Онъ видѣлъ, что шведы не торопились начать войну, но ошибался въ отношеніи причины этого. На самомъ дѣлѣ въ Стокгольмѣ выжидали въ Россіи, новой дворцовой революціи которая могла быть благопріятной для плановъ, составленныхъ двадцать лѣтъ передъ тѣмъ. Самыя разнообразныя вѣсти ходили тогда и принимались на вѣру. Предсказывали демонстрацію Леси въ пользу Елизаветы! Говорили о скоромъ пріѣздѣ Морица Саксонскаго, за котораго царевна якобы уже просватана; ожидали что онъ, во главѣ русской и шведской арміи, встанетъ за ея права! Вслѣдствіе слишкомъ долгаго ожиданія и вѣщныхъ вліяній, настроеніе такъ разгорѣлось, что въ іюнѣ 1741 года, Вестужевъ долженъ былъ созваться, въ своей ошибкѣ и неизбежности разрыва.

Предупрежденная своимъ повѣреннымъ, Анна Леопольдовна не нашла ничего лучшаго, какъ обратиться къ союзнику, на котораго могла рассчитывать менѣе всего, такъ какъ сама дала ему поводъ не довѣрять ей. Она послала въ Берлинъ жалобы на будто-бы оказанныя Швеціи субсидіи и даже на тѣ, которыя приписывались Франціи. Наканунѣ союза съ этой послѣдней страной, Фридрихъ долженъ бы помѣшать дѣйствіямъ ея, клонившимся къ ущербу его другой союзницы. Конечно, король оправдывался. Его оскорбляли такими низкими „клеветами“. Министръ Подевилльсъ писалъ: „Я знаю, что носятя разные слухи; утверждаютъ будто нашъ король шведамъ деньги далъ, но я желаю, чтобъ тотъ талеръ, который данъ шведамъ, сгорѣлъ въ моей душѣ“, и почти гарантировалъ такой же нейтралитетъ со стороны Версальскаго двора <sup>1)</sup>. Мы знаемъ теперь насколько можно было этому вѣрить. Начало войны между Россіей и Швеціей было однимъ изъ условій, предъявленныхъ Фридрихомъ для осуществленія союза съ Франціей. Въ іюнѣ 1741 г. онъ категорически объявилъ Валори, что не исполнитъ своего

---

<sup>1)</sup> Brackel, ministre de Russie à Berlin, 13 septembre 1741. См. Martens Recueil des traités.

объщанія, если шведы не начнутъ тотчасъ же компанію <sup>1)</sup>). Угроза подѣйствовала, и война была объявлена. Предлогомъ разрыва было несоблюденіе Россіей статьи 7-й Нейштадтскаго трактата, говорившей объ общаніи не вмѣшиваться въ внутренніе дѣла сосѣдки, убійство Сень-Клера и нѣсколько менѣе важныхъ вещей.

Хотя застигнутая врасплохъ, Россія, благодаря слабости и неподготовленности враговъ, побѣдоносно вывела первый натискъ. Леси, въ котораго они неразумно вѣрили, не только не пришелъ къ нимъ на помощь, но вмѣстѣ съ Кейгомъ побѣдилъ, въ виду Вильманстранда, генерала Врангеля и взялъ его въ плѣнъ. Но вскорѣ, возвратившись въ Петербургъ, оба генерала объявили, что не могутъ предпринять зимній походъ, который собирался вести главнокомандующій шведскими войсками Левенгауптъ. Какъ въ Крыму, для продолжительныхъ компаній всегда недоставадо провіанту. Мѣры Петра Великаго по устройству складовъ оставались мертвой буквой. Не было даже провіантмейстера <sup>2)</sup>).

Анна Леопольдовна снова обратилась въ Берлинъ и очень наивно напомнила объ обязательствѣ, изложенномъ въ новомъ трактатѣ—помогать другъ другу, чѣмъ дала поводъ Фридриху посягнуть надъ ея уполномоченнымъ. „Великая Россія можетъ легко справиться съ маленькой Швеціей“, утверждалъ король <sup>3)</sup>. Когда русскій посланникъ Бракель выразилъ мысль, что можно обратиться противъ Франціи, которой не особенно сочувствовали въ Петербургѣ, Фридрихъ сказалъ:

---

<sup>1)</sup> Pol. Correspondenz.

<sup>2)</sup> Въ 1731 г. было приказано содержать провіанту меньше. Въ 1736 г. учреждена должность генераль-провіантмейстера, а съ 1740 г. никакого генераль-провіантмейстера нѣтъ и въ магазинахъ рѣшено держать только рожь.

<sup>3)</sup> Замѣтка Фридриха на поляхъ письма Подевилляса 14 сентября 1741 г. (Донесеніе Ласи). *Донесенія Бракеля*. Тайн. Берл-арх.

„Да, да, я поневолѣ въ союзѣ съ Франціей, но не могу разторгнуть его теперь, не подвергая опасности мои владѣнія въ Клевѣ и Вестфалію <sup>1)</sup>).

Неудовлетвореннымъ съ этой стороны, регентшѣ и ея совѣтникамъ приходилось только рассчитывать на союзъ съ Австріей, но Марія Терезія была достаточно занята борьбой со своимъ противникомъ. Оставалась Англія. Препятствія къ политическому сближенію, заключавшагося въ симпатіи петербургскаго двора къ Стюартамъ, болѣе не существовало. Шевалье Сенъ-Жоржъ еще велъ тайную корреспонденцію и сохранялъ большія надежды, на получаемые имъ отвѣты были все болѣе безцвѣтны. Постоянныя колебанія внутренней политики Россіи помѣшали переговорамъ, начавшимся было при пріѣздѣ въ іюнь 1740 года Финча. Послѣ паденія Миниха была попытка устроить союзъ Англіи, Ресіи, Австріи и Саксоніи. Стремительность Фридриха и его первый успѣхъ заставили Англію отказаться даже отъ заключеннаго уже съ Австріей трактата. Тѣмъ болѣе она была склонна заключить союзъ съ Россіей, и 3 (14) апрѣля 1741 г., Финчъ подписалъ дружеское условіе объ оборонительномъ союзѣ, который долженъ былъ продолжаться двадцать лѣтъ и обязывалъ заключившихъ его державъ помогать другъ другу, съ одной стороны двѣнадцатью военными кораблями, а съ другой двѣнадцатитысячнымъ войскомъ. Тайная статья обязывала Россію доставить эту помощь даже въ настоящую войну съ Испаніей, если другія державы въ нее вмѣшаются <sup>2)</sup>).

Въ Петербургѣ надѣялись, что эскадра этой третьей союзницы не преминетъ явиться къ шведскимъ берегамъ. Князь Щербатовъ получилъ приказъ просить ея немедленной отправки. Его вѣжливо отослали къ статьямъ недавняго тракта, который, между прочимъ, Анна забыла ратифицировать. Мы до сихъ поръ не знаемъ, состоя-

---

1) Marteno Recueil des Traitès.

2) Martens. Переписка Финча, *Сборникъ*.

лась ли ратификація, — столько было безпорядка подъ владычествомъ Анны въ дипломатической канцеляріи, какъ, впрочемъ, и въ другихъ вѣдомствахъ. Англійское правительство говорило Щербатову: „Прочтите статьи! Вы увидите въ нихъ, что мы ни къ чему не обязаны до окончанія нашей войны съ Испаніей“.

Посланникъ могъ добиться только обѣщанія посредничества въ Версалѣ о томъ, чтобъ Франція также воздержалась отъ посылки флота въ Балтійское море. Развѣ Россія воевала съ Франціей? Нѣтъ? Ла-Шетарди оставался въ Петербургѣ и Кантемиръ искренне предлагалъ Флѣри сговориться относительно поддержки прагматической санкціи.

— Но мы ее не гарантировали!

— А вашъ октябрьскій трактатъ 1735 года съ Карломъ VI?

— Императоръ не ратифировалъ его и даже старался помѣшать его составленію на Регенсбургскомъ сеймѣ.

Кардиналь подражалъ Фридриху, мистифицируя бѣднаго дипломата. Но, въ іюніѣ 1741 г. Анна Леопольдовна и его поставила въ тяжелое положеніе, серьезно приказывая ему предложить Флѣри оборонительный союзъ. Она стучалась во всѣ двери. Въ своемъ извѣщеніи окружающей дѣйствительности, она разсчитывала даже на Данию, тоже союзницу! Весной 1741 г., однако, Корфъ, посланникъ въ Копенгагенѣ, утверждалъ, что датскій дворъ тайно побуждалъ етокгольмскій къ войнѣ по ненависти къ Россіи и изъ-за подчиненія къ Франціи. Когда же война разразилась, Корфъ слышалъ только извиненія: „Все было сдѣлано, чтобы предупредить конфликтъ, послѣдствія же его нельзя измѣнить; шведскій флотъ занималъ Балтійское море, а французская армія находилась у границъ Ольденбурга“.

Враждебные элементы со всѣхъ сторонъ окружали бѣдную регентшу. Даже въ Константинополѣ Франція и Швеція, не безъ успѣха, старались возбудить враждебное настроеніе. Россія опоздала исполненіемъ мирнаго договора, устроеннаго Вальпёвымъ, и ставилъ

шаго ей въ обязанность уничтожить Азовъ. Румянцевъ, замѣнявшій на берегахъ Босфора Неплюева, правда, просилъ не торопиться: Порта была озабочена другимъ, она дрожала передъ ужаснымъ шахомъ Персіи Надиромъ, завоевателемъ Индіи. Вдругъ послѣдній обернулся было противъ Россіи. Калужкинъ, представитель при его дворѣ маленькаго Ивана III, доносилъ, что тамъ извѣстны внутренніе безпорядки и внѣшнія опасности, съ которыми бились наслѣдники Петра Великаго, и что шахъ не прочь воспользоваться положеніемъ. „Скверная страна“, будто бы сказалъ онъ, „ты не стоишь того, чтобъ имѣть такого государя, какъ я! Если бъ мы подняли оружіе, намъ ничего бы не стоило теперь завладѣть всей Россіей“.

Анна Леопольдовна и ея совѣтники испугались и, по строгому приказанію, Румянцевъ долженъ былъ подписать конвенцію, въ силу которой, за признаніе императорскаго титула русскаго государя, Россія обязывалась немедленно уничтожить Азовъ.

Это былъ почти успѣхъ. Другихъ уже не было въ царствованіе Ивана III. Само по себѣ довольно опасное столкновеніе съ Швеціей представляло для правленія регентши, не сознававшего этого, большую опасность, грозившую его существованію и дѣйствительно вскорѣ уничтожившую его.

---



## Г Л А В А VI.

### Елизавета.

I. Легенда и исторія.—Предполагаемое участіе Франціи и національнаго элемента въ декабрьскомъ переворотѣ 1741 г.—Дѣйствительность.—Молодость Елизаветы.—Воспитаніе.—Крылья подрѣзаны.—Первая любовь.—Венера и Минерва.—Первое тщеславіе.—Удаленіе.—Одиночество.—Темныя связи.—Предполагаемый бракъ.—Алексѣй Разумовскій.—Видимый упадокъ.—II. Движеніе въ казармахъ въ пользу царицы.—Причины его.—Его агенты.—Салтыкова.—Преобладаніе иностранныхъ элементовъ въ заговорѣ.—Шварцъ.—Грюнштейнъ.—Роль хирурга Лестока.—Цитерскія тайны.—Корреспонденція по этому предмету, между Мардефельдомъ и Фридрихомъ II.—III. Отношеніе Елизаветы къ Франціи и Швеціи.—Призывъ къ первой.—Уклончивый отвѣтъ Ла Шетарди, одобренный его правительствомъ, Попытки Нолькена.—Онъ предлагаетъ помощь шведской арміи.—Перемѣна въ Версалѣ, основанная на союзѣ противъ Австріи.—Приказъ Ла Шетарди способствовать этому.—Нолькенъ проситъ у Елизаветы письменнаго приказа и отступленія отъ политики завоеванія Петра Великаго.—Нерѣшительность царицы.—Отступленіе.—Отъѣздъ Нолькена.—Отставка Ла Шетарди.—Швеція неожиданно объявляетъ войну Россіи.—Отсутствіе единенія.—Ни плана, ни направленія.—Скупость Ла Шетарди.—Елизавета считаетъ себя покинутой.—Попытка сватовства принца Конти.—Отказъ Елизаветы.—Неудача заговора.—IV. Неожиданное совпаденіе обстоятельствъ ускоряетъ развязку.—Бурныя встрѣчи во дворцѣ.—Лестокъ покинутый Елизаветой.—Приказъ объ отправленіи гвардейцевъ.—Рѣшительный поступокъ.—Новыя просьбы о деньгахъ у Ла Шетарди.—Отказъ.—Революція *безъ Франціи*.—V. Ночь 4 декабря.—Собраніе въ домѣ Елизаветы.—У Преображенцевъ.—Къ Зимнему дворцу.—Покушеніе.—Бывшій императоръ на рукахъ новой императрицы.—Заключеніе.

## I.

То событіе, о которомъ я упомянулъ, одно изъ самыхъ извѣстныхъ въ исторіи и дало поводъ къ наиболѣе разнообразнымъ комментаріямъ. Малѣйшія подробности его установлены съ большимъ искусствомъ свидѣтелями, и, можетъ быть, považется лишнимъ и дерзкимъ вновь рассказывать о немъ на этихъ страницахъ, тѣмъ болѣе, что у меня нѣтъ новыхъ документовъ, а тѣ, которыми я воспользовался впервые, вполнѣ согласуются съ использованными раньше парижскими. Мое извиненіе въ томъ, что мои предшественники не вполнѣ примѣнили свои знанія. Въ двухъ случаяхъ: во-первыхъ въ участіи Франціи и ея представителя Ла-Шетарди въ событіяхъ декабря 1741 г. положившихъ конецъ царствованію Ивана III и возведшихъ на престолъ дочь Петра Великаго, и во-вторыхъ— въ роли національнаго элемента въ этомъ событіи,—они вполнѣ ошибаются. Я увѣренъ въ этомъ именно изъ-за отсутствія противоположныхъ данныхъ. Не можетъ быть никакого сомнѣнія. Истина очевидна. Но почему же ее затемняли?

Откуда произошли всѣ легенды? Ихъ происхожденіе обыкновенно бываетъ неизвѣстно. Однако, кое-какія предположенія можно сдѣлать. Тотъ, кто выигралъ отъ переворота, былъ заинтересованъ въ томъ, чтобы придать этому самому обыкновенному заговору между спальной и казармой, болѣе торжественный и приличный видъ, и для этого воспользоваться престижемъ Франціи и русскими патріотическими чувствами. Иные современники были обмануты, другіе сознательно поддерживали выдумку. Легенда выросла, принята повсюду и мнѣ, можетъ быть, не будутъ благодарны за мои изслѣдованія. Легенда такая пріятная! Молодая, прекрасная и страстная цесаревна.



возведенная на престолъ народнымъ теченіемъ, при содѣйствіи тридцатилѣтняго посла и восьмидесятилѣтняго кардинала,—какая богатая тема! Но въ этомъ уголкѣ прошедшаго, не кажется ли вамъ что романы, помимо сочиненныхъ, играютъ достаточную роль? Къ тому же легенды живучи и эту мнѣ, вѣроятно, также не удастся уничтожить. Поэтому позвольте мнѣ окончить мою книгу, какъ я ее началъ,—съ единственной заботой объ истинѣ.

Родившаяся въ памятный день 19 декабря 1709 года, когда Петръ вернулся послѣ побѣды подъ Полтавой, Елизавета была въ тѣхъ лѣтахъ, когда, послѣ многихъ неудачъ, люди перестаютъ думать о властолюбіи. Она, дѣйствительно, давно оставила такія мысли. Дѣятельная или, по крайней мѣрѣ, оживленная при Петрѣ II, при Аннѣ Іоанновнѣ она должна была сдерживаться и постепенно допла до равнодушія, которому способствовало злоупотребленіе удовольствіями. Образованія она не получила. Ея мать, „по важнымъ причинамъ“, какъ она выражалась, заботилась объ томъ, чтобъ она говорила по-французски и хорошо танцевала менуэтъ. „Важныя причины“ извѣстны. Менуэтъ долженъ былъ произвести впечатлѣніе въ Версалѣ; это, по мнѣнію Екатерины, было все, чего могли требовать отъ принцессы. Сама царевна не думала восполнить пробѣлы своего воспитанія. Она никогда не читала, проводя время въ охотѣ, верховой и лодочной ѣздѣ, въ заботахъ о своей красотѣ, хотя и дѣйствительной, но грубоватой. Ея лицо, съ неправильными чертами, освѣщалось удивительно прекрасными глазами, но портилось короткимъ, толстымъ и приплюснутымъ носомъ, который она не любила, чтобъ воспроизводили на портретахъ. Шмитъ, знаменитый граверъ, долженъ былъ измѣнить его очертанія, когда работалъ съ картины Тока <sup>1)</sup>; по той же причинѣ Елизавета не позволяла снимать себя въ профиль. Но она была хорошо сложена, у нея была хорошенькая ножка, тѣло твердое, цвѣтъ лица ослѣпительный, ненапудренные волосы

---

<sup>1)</sup> Ровинскій, собраніе портретовъ.

прекраснаго рыжаго оттѣнка; отъ всей ея особы вѣяло любовью и сладострастіемъ. Въ юности, въ костюмѣ итальянской рыбацки: въ бѣломъ лифѣ, въ короткой красной юбкѣ, въ маленькой шляпкѣ, съ крыльями за плечами—молодыя дѣвушки носили ихъ въ то время до 18 лѣтъ,—она была неотразимо хороша, такъ же, какъ впоследствии, когда надѣвала мужской костюмъ, выдѣлявшій ея полную, изящную фигуру. Она возбуждала мужчинъ, очаровывала ихъ своей живостью и веселостью. „Всегда въ движеніи“, говорилъ саксонскій уполномоченный Лефортъ, „безпечная, остроумная, васмѣшливая. Казалось, что она родилась для Франціи, ибо любила фальшивый блескъ 1)“.

Въ январѣ 1722 г. въ ея совершеннѣйшіе, Петръ передъ большимъ собраніемъ, ножницами обрѣзалъ ея крылья 2). Ангелъ превращался въ женщину. Мужчинамъ не понадобился символъ, чтобы убѣдиться въ этомъ. Давъ кое-что впередъ своему жениху, бѣдному Карлу Августу Голштинскому, она развратила Петра II и обманывала его съ красавцемъ Бутурлинымъ. Ее называли „Венерой“, а серьезную и, долгое время добродѣтельную, сестру ея Наталью Алексѣевну „Минервой“. Покинутая племянникомъ, которому она на это дала много поводовъ, „Венера“, стала просто развратничать, „дѣлая“,—какъ писалъ Лирія,—„съ безстыдствомъ вещи, которыя заставляютъ краснѣть даже наименѣ скромныхъ 3)“. Въ своемъ домѣ въ Александровской слободѣ, (знаменитой ужасами совершенными въ ней Іоанномъ Грознымъ) Елизавета собирала самое дурное общество; когда же Анна заставила ее переселиться въ Петербургъ, она продолжала дѣлать то же въ отдаленной окраинѣ города. Она жила въ тѣни, почти бѣдно, въ постоянной нуждѣ, окруженная шпионствомъ. Въ 1735 г. заключили въ тюрьму одну изъ ея прислужницъ, по обвиненію, что она говорила дурно о Биронѣ. Было

---

1) Морицъ Веберъ, *графъ саксонскій*.

2) Михневичъ, *Русская женщина въ XVIII вѣкѣ*.

3) *Восемнадцатый вѣкъ*.

намѣреніе подвергнуть тому же и царевну <sup>1)</sup>). Она одѣвалась просто, обыкновенно въ платье изъ бѣлой тафты на темной подкладкѣ, „чтобы не дѣлать долговъ“, говорила она впоследствии Екатерина II. „Еслибы я сдѣлала долги, я могла погубить свою душу; еслибъ я умерла, никто не заплатилъ бы моихъ долговъ и я попала бы въ адъ, а этого я не хотѣла“. Но платье изъ бѣлой тафты съ черной подкладкой должно было напоминать также о вѣчномъ траурѣ и служить въ нѣкоторомъ родѣ знаменемъ. Въ большую тягость ей были ея родственники, эта ужасная семья литовскихъ мужиковъ,—три дяди, двѣ тетки,—присвоившихъ себѣ аристократическія имена и титулы, но лишенные матеріальныхъ средствъ и преслѣдуемые презрительнымъ отношеніемъ къ нимъ Анны. Она воспитывала на свой счетъ двухъ дочерей Карла Скавронскаго, старшаго брата Екатерины I, и собиралась выдать ихъ замужъ <sup>2)</sup>). Аристократія пренебрегала ею, какъ изъ-за незаконности ея рожденія, такъ и изъ-за качества ея пріязячностей. Чтобы составить себѣ какое-нибудь общество, она поневолѣ опускалась ниже и ниже, слѣдуя въ этомъ, какъ дочь служанки, своимъ природнымъ склонностямъ.

Вотъ что называютъ ея популярностью.

Въ Александровской слободѣ она сходилась какъ съ подругами съ деревенскими дѣвушками, катаясь съ ними на саняхъ, или, между двумя оргіями, угощая ихъ орѣхами и маковниками, принимая участіе въ ихъ хороводахъ и пѣсняхъ. Въ Петербургѣ она открыла свой домъ гвардейскимъ солдатамъ. Она дѣлала имъ подарки, крестила у нихъ дѣтей, и кружила имъ головы вызывающей улыбкой и „глазками“. „Ты кровь Петра Великаго!“—говорила она ей. Но она показывала имъ также, что въ ея жилахъ течетъ кровь бывшей

---

<sup>1)</sup> Есиповъ, Замѣтка въ *Историческомъ Вѣстникѣ* 1880 г., мартъ. Schmidt—Materialien zu der russischen Geschichte, 1772 г.

<sup>2)</sup> Архивъ Воронцова.

пращки, служившей утѣхой старымъ служакамъ подѣ стѣнами Мариенбурга.

Елизавета рѣдко показывалась даже въ торжественныхъ случаяхъ и держала себя тогда серьезно и грустно, какъ бы съ видомъ молчаливаго протеста, ясно показывавшаго, что она не отреклась отъ своихъ правъ. Объ этомъ можно также было догадываться по нѣкоторымъ поступкамъ, внушенными ей безъ сомнѣнія окружающими, потому что, лично, ей всегда не хватало инициативы. Она посѣтила несчастнаго Лопатинскаго, извлеченнаго изъ тюрьмы Анной Леопольдовной, послѣ того, какъ его уже считали умершимъ.

— Узнаешь ты меня?

Разбитый долгимъ заключеніемъ, старикъ нѣкоторое время сидѣлъ припоминать, затѣмъ вдругъ выпрямился съ радостнымъ выраженіемъ:

— Ты искра Петра Великаго!

Она оставила ему триста рублей,—и рассказы объ этомъ пошли по церквамъ и монастырямъ.

Но все же цесаревна жила покинутая и полузабытая. Она была красива, но полнѣла, и англійскій посоль Финчъ, говорилъ, вспоминая слова Цезаря у Шекспира, что „Елизавета слишкомъ полна, чтобы быть заговорщицей“. Говорили, что она уже замужемъ, за Алексѣемъ Разумовскимъ, пѣвчимъ-малороссомъ, замѣченнымъ ею въ церковномъ хорѣ Анны Іоанновны. И очевидно онъ не былъ человѣкомъ, способнымъ побудить ее выйти изъ пассивной, лѣнливой неподвижности, благодаря которой, она, по словамъ Ла Шетарди, „была робка въ самыхъ простыхъ поступкахъ“. Красавецъ хохоль бывалъ иногда „буенъ во хмѣлю“, но буйство ограничивалось только сокрушеніемъ мебели. Изъ числа людей стоявшихъ близко къ Елизаветѣ были братья Шуваловы—Александръ и Иванъ,—инициативы тоже было трудно ожидать, а Михаилъ Воронцовъ, женатый на одной изъ Скавронскихъ, былъ олимпетворенная сдержанность и вмѣстѣ съ тѣмъ осторожность.

Во время своего всемогущества, регентъ Биронъ, какъ будто пытался приблизиться въ ореолъ своего сіянія къ этой затуманившейся звѣздѣ, и это произвело нѣкоторое волненіе, какъ между приверженцами, такъ и между врагами цесаревны. Послѣ того, казалось, будто она искала сближенія съ находившимся въ немилости Минихомъ, и ставленники Антона-Ульриха получили приказъ арестовать эксъ-министра, если увидятъ его выходящимъ отъ Елизаветы. Однако, говорятъ, что онъ посѣщалъ ее переодѣтымъ. Но свиданія не пмѣли видимыхъ послѣдствій. Минихъ прежде совѣтовалъ Бирону заточить цесаревну; она, повидимому, не забыла этого, и всѣ согласились, что съ этой стороны нечего бояться, но не на что и надѣяться. А между тѣмъ готовилось событіе, которому суждено было разсѣять эти предположенія, и это событіе готовилось не въ кабинетѣ Ла Шетарди...



## II.

Въ то время, какъ среди приближенныхъ къ цесаревнѣ не находилось человѣка, способнаго внушить ей сознаніе роли, которую она можетъ играть, и дать ей средство для осуществленія этихъ стремленій, въ болѣе отдаленныхъ сферахъ, имѣвшихъ сношеніе съ Елизаветой, было много людей, волновавшихся и возмущавшихся ея бездѣятельностью. Гвардейскія казармы волновались. Мужество и готовность служить тѣхъ силъ, къ которымъ обращались устроители государственныхъ переворотовъ и своихъ дѣлъ, испытываемые въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, пробудили въ этихъ силахъ ихъ честолюбіе, но не удовлетворяли ему. Гвардейцы помогали потому, что дѣло нравилось имъ самимъ, придавая имъ значеніе и случай требовать награды; но каждый разъ у нихъ появлялось чувство, что было бы лучше, если бы плоды ихъ трудовъ пожинали не Биронъ, Минихъ или Антонъ-Ульрихъ. И это не потому, чтобы среди нихъ было сильно развито національное чувство. Между гвардейцами было очень много иностранцевъ — даже простыхъ солдатъ. Но тѣ другіе иностранцы, которые, ссорясь между собой, проявляли притязанія командовать ими, сверхъ того, управляя Россіей, имѣли въ ихъ глазахъ мало привлекательнаго и внушительнаго. Биронъ и Минихъ довели себя, каждый въ свою очередь, до того, что первый попался какъ простакъ въ западню, а второго прогнали, какъ лакея; Антонъ же Ульрихъ, отецъ императора и генералиссимусъ покрылъ себя позоромъ и сдѣлался смѣшнымъ между Юліей Менгденъ и Линаромъ. Анна Леопольдовна не была зла; гвардейцы легко простили бы ей уклоненіе въ ея домашней жизни; но они никогда не видали ее. Она запиралась съ фаворитомъ и фавориткой. Такъ какъ переменна госу-

даря представлялась теперь дѣломъ очень легкимъ, то гвардейцы предпочли бы Елизавету, не потому, что она была „искрой Петра Великаго“, но потому что она была доступна веѣмъ, привѣтлива и снисходительна; потому что та мрачная жизнь, которою другіе заставляли жить Россію, безъ сомнѣнія, должна была превратиться въ веселую, какъ „глаза царевны“, — ужъ не говоря о томъ, что эти глаза сулили наиболѣе предприимчивымъ. Воспоминаніе о Шубинѣ преслѣдовало воображенія, и рассказы, ходившіе о немъ, больше сдѣлали для успѣха дочери побѣдителя при Полтавѣ, чѣмъ его слава.

Образовался очагъ страстныхъ желаній и горячихъ домогательствъ, пламя котораго распространилось даже въ пѣхотные полки. Раздавались крики: „Развѣ никто не хочетъ предводительствовать нами въ пользу матушки Елизаветы Петровны“? <sup>1)</sup>). Солдаты всегда такъ звали цесаревну. Одна ея пріятельница, Салтыкова, урожденная Голицына, по своему служила въ этой средѣ дѣлу цесаревны. Казармы Преображенскаго полка приходились рядомъ съ ея домомъ, и она такъ усердно посѣщала ихъ, что ей случалось возвращаться съ весьма ощутительными воспоминаніями <sup>2)</sup>).

Такимъ образомъ возникъ заговоръ, если можно такъ назвать опрометчивое стремленіе нѣсколькихъ лицъ сойтись для общей цѣли, но безъ яснаго выработаннаго плана, безъ определенной программы дѣйствія. Чтобы установить необходимое общеніе, два невидныхъ агента—одинъ изъ числа слугъ цесаревны, другой военный—выступили на арену въ послѣднюю минуту; но уже однихъ ихъ фамилій достаточно, чтобы судить о національномъ и патріотическомъ характерѣ попытки, которую они затѣяли: они оба были иностранцы! Даже самую Елизавету не считали сторонницей чувствъ, приписываемыхъ

---

1) Финчъ.

2) Мардефельдъ. Къ королю 6 февраля 1742 г. *Секретный берлинскій архивъ.*

ей по этому поводу. Въ сентябрѣ 1727 г. занятый проектами брака Елизаветы съ маркграфомъ Бранденбургскимъ, Мардефельдъ писалъ: „Она вполнѣ *нѣмка* по духу и уѣдетъ отсюда съ величайшимъ удовольствіемъ“. Двое посредниковъ, роль которыхъ я долженъ выяснитъ, не имѣли ровню никакого отношенія къ французскому посольству. Благодаря нѣсколькимъ разговорамъ, которые Елизавета могла поддержать на языкѣ Расина, тотчасъ же показалось, что между цесаревной и королевскимъ посломъ существуетъ короткость. И это подало поводъ къ разговорамъ. Разъ Австрія поддерживала Анну Леопольдовну, не должна ли была Франція поддержать цесаревну, которую гвардейцы выставляли соперницей правительницы? Съ тактомъ и ловкостью, которые однѣ женщины способны вносить въ подобныя дѣла, цесаревна старалась поддержать и укрѣпить это впечатлѣніе: оно выставило ее въ выгодномъ свѣтѣ, вызывало уваженіе къ ней. Но постоянный надзоръ надъ нею и ея робость, преувеличивавшая опасность этого надзора, помѣшали, какъ мы увидимъ, поддержать это сближеніе, между тѣмъ какъ болѣе или менѣе основательныя опасенія и недовѣрчивость со стороны Ла Шетарди не дали ему извлечь изъ сближенія большой выгоды. Важнѣе, дѣйствительнѣе и рѣшительнѣе была въ подготовлявшемся государственномъ переворотѣ роль Шварца и Лестока. Въ осуществленіи же его на первомъ планѣ очутился еще одинъ иностранецъ—дрезденскій еврей, бывшій маклеръ и ювелиръ, а въ то время гвардейскій солдатъ, Грюнштейнъ.

Шварцъ былъ нѣмецъ, капитанъ пѣхотнаго полка, поступившій на русскую службу, выдавшій себя за инженера и работавшій въ качествѣ такового на докахъ. Я уже упоминалъ о Лестокѣ. Онъ давно состоялъ врачомъ при Елизаветѣ. Отецъ его, уроженецъ Шампани, называлъ себя дворяниномъ Л'Эстоць Л'Эльвекъ. Покинувъ Францію во время Нантскаго эдикта, онъ поселился въ Германію, въ Цемсѣ, гдѣ сначала былъ цырюльникомъ, затѣмъ лѣкаремъ при дворѣ Георга-Вильгельма, послѣдняго герцога Брауншвейгъ-Цемс-



скаго. Родившійся въ 1692 г. сынъ его прѣхалъ искать въ 1713 г. счастья въ Россію. Петръ Великій оцѣнилъ его хирургическія способности и живой умъ, но онъ имѣлъ несчастье не понравиться дѣвицѣ Крамеръ, которая приписала ему злыя рѣчи объ отношеніяхъ Петра къ его денщику Вутурлину. Лестокъ отдѣлался ссылкой въ Казань, откуда его вернула Екатерина I и назначила его медикомъ при шестнадцатилѣтней Елизаветѣ, хотя и знала всю его безнравственность. Отношенія его къ цесаревнѣ выяснились только послѣ декабрьскихъ событій 1741 г., когда Мардефельдъ послалъ своему государю сообщеніе о лично добытыхъ имъ свѣдѣніяхъ по этому поводу, которыя онъ собиралъ очень усердно и, повидимому, съ удовольствіемъ. Собственно говоря, не предвидѣлось, чтобъ мы получили возможность раздѣлить это удовольствіе, такъ какъ авторъ сообщенія, гарантируя себя отъ позднѣйшаго разоблаченія, просилъ получившаго его письмо „отдать въ жертву Вулкану“ подробности, которыя онъ находилъ нужнымъ сообщить, „о жертвахъ, принесенныхъ на другихъ алтаряхъ, благодаря стараніямъ франко-нѣмецкаго хирурга“. Фридрихъ II не исполнялъ этой просьбы. Можетъ быть, мнѣ слѣдовало бы принять ее къ свѣдѣнію—изъ уваженія къ моимъ читателямъ. Но можетъ также быть, что они не извинили бы меня, если бы я не познакомилъ ихъ съ этимъ образчикомъ дипломатической переписки, содержащей, какъ принято утверждать, всю квинтъ-эссенцію современной исторіи. Однако, я все же счелъ необходимымъ сдѣлать кое-какія сокращенія, оставляя все прочее на совѣсти писавшаго. Вотъ текстъ:

„Особа, о которой идетъ рѣчь соединяетъ въ себѣ большую красоту, чарующую грацію и чрезвычайно много пріятнаго съ большимъ умомъ и набожностью, исполняя внѣшніе обряды съ безпримѣрной точностью. Но родившаяся подъ роковымъ созвѣздіемъ, т. е. въ самую минуту нѣжной встрѣчи Марса съ Венерой, она ежедневно по нѣсколько разъ приноситъ жертву на алтарѣ матери Амура, значительно превосходя такими набожными дѣлами супругъ императора

Клавдія и Сигизмунда. Первымъ жрецомъ отличеннымъ ею, былъ подданный Небуна, простой рослый матросъ... Теперь эта важная должность не занята въ продолженіи двухъ лѣтъ; до того ее исполняли жрецы, не имѣвшіе особеннаго значенія. Наконецъ, нашелся достойный въ лицѣ Аполлона съ громовымъ голосомъ, уроженецъ Украйны... и должность засіяла съ новымъ блескомъ. Не щадя силъ, онъ слишкомъ усердствовалъ, и съ нимъ стали дѣлаться обмороки, что побудило однажды его покровительницу отправиться въ полномъ дезабилье къ Гипократу, посвященному въ тайны Цитера, чтобы просить его оказать быструю помощь больному. Заставъ лѣкаря въ постели, она усѣлась на край ея и упрашивала его встать. А онъ, напротивъ, сталъ приглашать ее... позабавиться. Въ своемъ нетерпѣніи помочь другу сердечному, она отвѣчала съ сердцемъ: „Самъ знаешь, что не про тебя печь топится!.. „Ну“, — отвѣтилъ онъ грубо, — „развѣ не лучше бы тебѣ заняться этимъ со мной, чѣмъ со столькими изъ подюжковъ?“ Но разговоръ этимъ ограничился, и Лестокъ повиновался. Я узналъ эти подробности отъ человѣка присутствовавшего при этомъ фарсѣ!.. <sup>1)</sup>).

Націонализмъ или патриотизмъ всѣхъ этихъ господъ—нелѣпость, какую рѣдко можно встрѣтить даже въ тайныхъ углахъ, гдѣ живутъ всякія расказыи.

Перехожу къ организаціи заговора, —если таковой существовалъ, —основываясь для восстановленія фактовъ на донесеніяхъ самого Маркиза Ла Шетарди, проконтролировавъ ихъ по рапортамъ, — до сихъ поръ оставляемымъ безъ вниманія — получавшимся въ то же время версальскими и стоцгольскими кабинетами. Этихъ источниковъ совершенно достаточно для провѣрки достовѣрности фактовъ: именно того, что участіе Франціи въ этой авантурѣ существовало только въ проектѣ, и этотъ самый проектъ—вопреки господствующему мнѣнію—не исходилъ отъ инициативы молодого представителя французской дипломатіи въ Петербургѣ.

<sup>1)</sup> Мардефельдъ къ королю 28 декабря 1742. *Секретныйше. Секретный берлинскій архивъ.*

### III.

Маркизь Ла Шетарди прибылъ въ 1739 г. на свой постъ только въ качествѣ представителя и не болѣе того. Ограничившіяся первоначально исключительно обмѣномъ любезностей, его отношенія къ Елизаветѣ приняли болѣе близкій характеръ только въ ноябрѣ 1740 г. послѣ паденія Бирона, лишившаго цесаревну еще нѣсколькихъ иллюзій. Тогда она послала къ Ла Шетарди подѣ большимъ секретомъ Лестока, чтобы выразить послу, какъ она сожалѣетъ, что не можетъ принимать его у себя. Въ это время относились съ недоувѣріемъ къ ней и къ лицамъ, бывавшихъ у нея. Ла Шетарди отвѣтилъ уклончиво. Ему казалось, что овъ имѣлъ причины недоувѣрять цесаревнѣ, такъ какъ овъ предполагалъ, что она въ хорошихъ отношеніяхъ съ Анной Леопольдовной, сторонницей Австріи. Но, къ его великому изумленію, и Лестокъ заговорилъ о паденіи Бирона съ сожалѣніями. Царевна лишилась всего, потерявъ его. И тотчасъ же овъ обратилъ особенное вниманіе на тѣ надежды, которыя могла возбуждать могущественная національная партія, стоявшая на сторонѣ дочери Петра Великаго и ея племянника, герцога Голштинскаго. Маркизь не былъ убѣжденъ, и даже не счѣлъ узнать мнѣніе своего двора о подобномъ намекѣ. Овъ не отправилъ курьера. И тѣмъ менѣе пытался овъ завести съ Елизаветой разговоръ о такомъ щекотливомъ предметѣ. Овъ оградился тѣмъ, что сообщалъ о словахъ Лестока въ *очередномъ* докладѣ и сталъ ждать событій, по его мнѣнію вовсе не обѣщавшихъ осуществленія рискованныхъ надеждъ Лестока или его возлюбленной.

Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ шведскій министръ, Нолькенъ, въ свою очередь озадачилъ его сообщеніемъ еще болѣе щекотливаго свойства.

По его словамъ, онъ получилъ приказаніе остановиться, по своему выбору, на партіи герцога Курляндскаго, или Анны Леопольдовны, или Елизаветы и въ его распоряженіе было отпущено сто тысячъ червонныхъ. Онъ рѣшилъ ихъ употребить въ пользу цесаревны и обратился къ своему французскому коллегѣ за совѣтомъ, какъ воспользоваться деньгами наиболѣе выгоднымъ образомъ въ соотвѣтствующемъ направленіи.

Сначала Ла Шетарди испугался. Теперь рѣчь шла уже не объ однихъ пожеланіяхъ, но объ заговорѣ, для осуществленія котораго Нолькенъ возлагалъ надежды на переговоры, возникшіе между цесаревной и нѣсколькими гвардейцами и незначительными чиновниками. И представители всхристіаничѣйшаго короля предлагалъ сдѣлаться сообщникомъ? Какое безуміе! Однако, сто тысячъ червонныхъ заставляли призадуматься. Не въ обычаяхъ, да и не въ средствахъ Швеции было производить такіе расходы. Откуда же взялись деньги? Часто суммы, тратившіяся въ Стокгольмѣ на предметъ внѣшней политики, истекали изъ французской казны. Въ виду всеупотребительныхъ пріемовъ современной дипломатіи, предположеніе интриги, косвенно поощряемой версальскимъ кабинетомъ безъ вѣдома своего офиціального посланника, не заключало въ себѣ ничего невѣроятнаго. Обстоятельно все взвѣсивъ, маркизъ рѣшилъ дать уклончивый отвѣтъ, написать еще разъ, испрашивая указанія, и занять выжидательное положеніе, держась въ сторонѣ. Прошло болѣе мѣсяца, и лишь по настойчивому приглашенію Елизаветы онъ согласился видѣться съ ней; однако, и тутъ онъ заботливо старался вѣтъмъ не нарушить своей сдержанности.

Впрочемъ, цесаревна въ этомъ отношеніи ни разу не поставила его въ неловкое положеніе; она ограничилась сѣтованіями на настоящее состояніе вещей, „причинившее бы Петру Великому не мало огорченій“,—и взволнованнымъ голосомъ упомянула о привязанности, высказываемой гвардіей къ памяти царя и его отпрыскамъ. Имя Людовика XV *ни разу не было упомянуто* во время этого разговора, несмотря на всѣ утвержденія, а тѣмъ

болѣ не возбуждалось воспоминаній, скорѣе унижительныхъ для царицы, о предполагавшемся бракѣ, гдѣ отказъ исходилъ не отъ нея. По крайней мѣрѣ Ла Шетарди совершенно объ этомъ умалчиваетъ въ своихъ депешахъ, и безъ сомнѣнія ему не простили бы въ Версалѣ слишкомъ рискованныхъ намековъ на чувства, постоянство которыхъ у всякой другой кромѣ Елизаветы, могло бы польстить королю, но у возлюбленной красавца Шубина заставило бы его очутиться въ слишкомъ дурномъ обществѣ. Также, совершенно вопреки истинѣ по этому поводу кардинала Флѣри обвиняли въ перѣшительности, а его представителя въ склонности къ интригамъ. Ла Шетарди никогда не думалъ выступать защитникомъ плановъ, сообщенныхъ ему Полькеномъ, и его сдержанность встрѣтила полнѣйшее одобреніе. При первыхъ донесеніяхъ, государственный секретарь Амло слѣдующимъ образомъ отвѣчалъ посланнику: „Надо думать, что не можетъ быть рѣчи о ея (Елизаветы) притязаніяхъ на русскій престолъ при жизни ребенка-царя. Поэтому въ настоящее время всѣ разсужденія по этому поводу представляются излишними“.

То былъ ясный и категорическій отказъ.

Только шведскій посланникъ упорно продолжалъ работать, и въ январѣ мѣсяцѣ Ла Шетарди узналъ, что при его содѣйствіи заговоръ начинаетъ осуществляться. Теперь уже поднимался вопросъ о вооруженномъ вмѣшательствѣ Швеціи, войска которой поддержали бы гвардію, возставшую за дочь Петра Великаго.

Дѣло принимало серьезный оборотъ. Все еще сохраняя свою сдержанность, Ла Шетарди уклонился отъ совмѣстнаго свиданія со своимъ коллегой, предполагавшагося Елизаветой, но на слѣдующій день ему пришлось повиноваться настойчивому зову царицы, оказавшейся на этотъ разъ болѣе откровенной. Она говорила о „положеніи вещей, достигшемъ той точки, когда дальнѣйшее ожиданіе уже невозможно“, о глубокой преданности войскъ, о самоотверженности *заговорщиковъ* и собиралась перейти къ самому щекотливому вопросу, выразивъ свою увѣренность въ „дружбѣ со стороны Франціи“,

когда доложили о приходѣ англійскаго посланника. Движеніемъ руки Елизавета предложила Ла Шетарди остаться и дожидаться ухода докучливаго посѣтителя. Финчъ понялъ, что мѣшаетъ и посѣшилъ удалиться... „Наконецъ, мы отъ него отдѣлались!“ — вздохнула цесаревна. Но Ла Шетарди, не давая ей времени вернуться къ прерванному признаніямъ, сейчасъ же сослался на необходимость прекратить свиданье, чтобы не навлечь на себя подозрѣнія. Она лишь успѣла ему заявить, что „такъ какъ ей нѣтъ больше надобности сдерживаться, онъ можетъ посѣщать ее, когда ему будетъ угодно <sup>1)</sup>).

Онъ далъ себѣ слово не злоупотреблять такимъ позволеніемъ. Но въ Версалѣ теперь находили, что онъ проявляетъ чрезмѣрную осторожность. Извѣстія, получаемыя тамъ изъ Стокгольма, рисовали заговоръ въ болѣе серьезномъ видѣ, чѣмъ позволяли предполагать донесенія, посылаемыя изъ Петербурга; въ тоже время проектъ коалиціи противъ Австріи, нарождавшійся между Версалемъ и Берлиномъ, сдѣлалъ болѣе желательнымъ переворотъ, благодаря которому Вѣна лишилась бы своего послѣдняго союзника. Слѣдствіемъ этого явились рѣшительныя приказанія, рисующія въ дѣйствительности въ совершенно обратномъ свѣтѣ взаимоотношеніе ролей, приписываемыхъ обыкновенно кардиналу Флѣри и его послу. Не послѣдній убѣждалъ министра, но Флери самъ руководилъ имъ съ начала и до конца, предписывая ему впредь безъ колебаній помогать готовившемуся перевороту и передать Елизаветѣ что, „если король въ состояніи оказать ей какую-либо услугу, и она пожелаетъ представить ему на то возможность, она можетъ быть увѣрена, что его величеству доставитъ удовольствіе способствовать ожидаемому ея успѣху <sup>2)</sup>).

---

1) Ла Шетарди, 3, (14) января 1741, *Вѣд. Инстр. Дѣль.*

2) Амло къ Ла Шетарди, 12 и 15 февраля 1741 г. *Россія Вѣд. Инстр. Дѣль.* Онъ же къ Сенъ-Северѣну, посланнику въ Стокгольмѣ, 16 февраля 1741 г. *Швеція Вѣд. Инстр. Дѣль.*

Такимъ образомъ вслѣдъ за Швеціей Франція обѣщала свое содѣйствіе. Но въ это самое время со стороны первой державы предпріятіе наткнулось на камень преткновенія, на которомъ чуть было не потерпѣло крушенія. Когда дѣло коснулось главной пружины заговора, Нолькенъ неожиданно обнаружилъ ея тайную подкладку. Онъ предлагалъ немедленно ввести на русскую территорію значительный военный отрядъ, но требовалъ отъ цесаревны *письменной* просьбы, заключавшей въ себѣ обязательство возвратить Швеціи владѣнія, отнятыя побѣдами Петра Великаго. Онъ ссылаясь на обѣщанія, подлинность которыхъ Елизавета впоследствии оспаривала, и бывшія дѣйствительно, кажется, весьма неопредѣленными. Въ перепискѣ съ французскимъ посланникомъ въ Стокгольмѣ, Нолькенъ утверждаетъ, что Елизавета сама признала за Швеціей право требовать обратно часть своихъ утраченныхъ владѣній въ награду за услугу, оказываемую дочери Петра Великаго, и *почти* соглашалась на просьбу <sup>1)</sup>. Но даже самъ Амло нашель, что требованіе было слишкомъ велико <sup>2)</sup>, а цесаревна обнаружила непреодолимое нежеланіе, что-либо признавать или обѣщать письменно. Надо довольствоваться ея словомъ. Но шведъ оказывался несговорчивымъ, и она обратилась къ французу.

Проведя нѣсколько дней въ деревнѣ, тѣмъ она воспользовалась чтобы дать обѣдъ офицерамъ армейскаго полка, расположеннаго поблизости, Елизавета вызвала къ себѣ Ла Шетарди, сообщая ему, какихъ трудовъ ей стоило сдерживать пылъ своихъ приверженцевъ, благодаря тому, что Нолькенъ своими неприемлемыми условіями задерживалъ исполненіе условленнаго плана. Обязанный дѣйствовать согласно полученнымъ инструкціямъ за одно съ своимъ шведскимъ

---

1) Сенъ-Северенъ къ Амло, 14 апрѣля 1741 г. Швеція Вѣд. Иностр. Дѣль.

2) Амло къ Сенъ-Северану, 4 апрѣля 1741 г. Швеція Вѣд. Иностр. Дѣль.

коллегою, маркизь вынужденъ былъ, помимо воли, поддерживать требованіе, также и по его мнѣнію, совершенно безосновательное, добавивъ, что его личнымъ желаніемъ было бы, чтобы дѣло уладилось, такъ какъ связи, соединяющія Францію и Швецію, можетъ быть доставили бы королю случай доказать цесаревнѣ тѣмъ или инымъ способомъ свою дружбу <sup>1)</sup>).

Большаго ей не удалось добиться. Ла Шетарди окончательно самъ потерялъ почву подъ ногами и такъ убѣдительно оправдывалъ свое поведеніе передъ своимъ начальствомъ, что поколебалъ даже рѣшимость послѣдняго. Подозрѣнія закрались въ голову Амло. Чистосердечно-ли дѣйствовала Елизавета, высказывая такое мужество послѣ столькихъ проявленій малодушія? Не являлась-ли она орудіемъ западня, разставленной правительствомъ Анны Леопольдовны для Швеціи и Франціи? „Я нахожу такое несоотвѣтствіе“,—писалъ онъ къ Ла Шетарди,—„между рѣшительнымъ и смѣлымъ планомъ цесаревны и легкомысліемъ и слабостью ея характера, какъ вы мнѣ его описывали, что не могу воздержаться отъ нѣкотораго недовѣрія“. По подобное впечатлѣніе было непродолжительно, и со слѣдующей почтой маркизь получилъ предписаніе разстаться съ замкнутостью, какой онъ себя окружилъ. Ему было поручено передать Елизаветѣ, что военственныя приготовленія шведовъ находили себѣ поддержку въ королѣ и что его величество „дастъ имъ возможность содѣйствовать перевороту, когда она совершитъ его при ихъ участіи“ <sup>2)</sup>).

Въ концѣ мая Государственный Секретарь сдѣлался еще настойчивѣе. Валоръ и Бель-Иль сообщили ему о значеніи, придаваемомъ Фридрихомъ обязательствамъ, которыхъ отъ него добивались. Необходимо было во что бы то ни стало побудить шведовъ перейти къ наступленію! Ла-Шетарди получилъ приказаніе вмѣшаться въ дѣло

---

<sup>1)</sup> Ла Шетарди къ Амло, 3 (14) февраля 1741 г. Россія. Вѣд. Иностр. Дѣлъ.

<sup>2)</sup> Амло къ Ла Шетарди, 22 февраля и 16 марта 1741 г. Россія. Вѣд. Иностр. Дѣлъ.



и добиться отъ Елизаветы удовлетворенія Нолькена. Онъ предложилъ ей сохранить письменный договоръ въ своихъ рукахъ. Прижатая къ стѣнѣ, она рѣшительно отказала. „Она не желала навлечь на себя упрека народа, если бы ей пришлось въ чемъ-нибудь пожертвовать его правами, чтобы добиться для себя престола“. Въ то же время, придерживаясь принятаго правила, болѣе не стѣсняясь, она рѣшила временно прекратить свои сношенія съ французскимъ посланникомъ. Только что передъ тѣмъ она совершила крупную ошибку, вообразивъ, что сумѣетъ привлечь на свою сторону ужаснаго Ушакова, отклонившаго ея предложенія весьма невѣжливоымъ образомъ. Она догадалась, что онъ предупрежденъ; можетъ быть, даже имѣетъ въ рукахъ доказательства. Въ то же время она узнала, что капитанъ Семеновскаго полка, ея преданный приверженецъ, находясь на караулѣ въ императорскомъ дворцѣ явился предметомъ лестнаго вниманія со стороны герцога Брауншвейгскаго; Антонъ-Ульрихъ наговорилъ ему тысячу любезностей и вручилъ триста червонцевъ <sup>1)</sup>. Слѣдовательно Анна Леопольдовна и ея супругъ также знали о заговорѣ и намѣревались употребить все усилія, чтобы помѣшать его осуществленію. Цесаревна уже видѣла себя съ обстриженными волосами, а свое прекрасное тѣло облеченнымъ въ монашескую расу. Но, *she has not one bit nuns flesh about her* (въ ней вѣтъ ни крошки монашеской плоти), по утверженію Финча. Трусливо она вернулась къ своимъ прежнимъ привычкамъ — къ замкнутой жизни. Самому Нолькелю пришлось звать Лестока подъ предлогомъ пустить себѣ кровь, чтобы узнать о положеніи дѣлъ!

Въ маѣ лекаръ посѣтилъ Ла Шетарди, но „лишь обнаружилъ снѣдавшее его безпокойство. При малѣйшемъ раздававшемся шумѣ онъ быстро подбѣгалъ къ окну и воображалъ, что погибъ <sup>2)</sup>. И сама

---

<sup>1)</sup> Соловьевъ, Исторія Россіи, XXI.

<sup>2)</sup> Ла Шетарди къ Амло, 30 мая (10 іюня) 1741 г. Россія. Вѣд. Ипостр. Дѣлъ.

цесаревна, замѣтивъ маркиза въ садахъ лѣтняго дворца, благо-разумно уклонилась отъ встрѣчи, что ставила себѣ въ заслугу передъ регентшей.

Въ концѣ іюня, Нолькенъ былъ отозванъ своимъ дворомъ, склонившимся къ войнѣ совершенно помимо Елизаветы, стараясь, однако, внушить цесаревнѣ, что его рѣшимость стоять въ зависимости отъ ея намѣреній и желанія ихъ поддержать. Въ дѣйствительности шведы медлили взяться за оружіе лишь добываясь отъ Франціи болѣе крупной субсидіи, а также благодаря неполной своей боевой готовности. Колебанія цесаревны также благопріятствовали ихъ планамъ, предоставляя болѣе времени для переговоровъ и приготовленій<sup>1)</sup>. Тѣмъ не менѣе, разставаясь съ Елизаветой, шведскій посланникъ настаивалъ на полученіи „письменнаго обѣщанія“, безъ котораго дѣло не могло двинуться впередъ. Она сдѣлала видъ, что не понимаетъ о чемъ идетъ рѣчь, указавъ движеніемъ руки, что присутствіе находившагося тутъ же камергера мѣшаетъ ей высказаться; затѣмъ шепотомъ кинула Нолькену слѣдующія слова: „Я жду лишь вашего выступленія, чтобы также начать дѣйствовать. Завтра Лестоку будетъ у васъ“. И шведъ вообразилъ себѣ, что побѣда осталась за нимъ. Но лекарь принесъ ему лишь письмо отъ цесаревны къ герцогу Голштинскому, заключавшее въ себѣ по увѣренію Лестока „доказательство обязательствъ принятыхъ на себя его повелительницей относительно Франціи и Швеціи“. Онъ обѣщалъ побывать еще разъ, но не сдержалъ слова.

Въ іюлѣ Ла Шетарди рѣшилъ также послѣдовать примѣру своего коллеги и удалиться. Возникли затрудненія въ церемоніалѣ по поводу вѣрительныхъ грамотъ, которыя маркизъ желалъ непременно лично вручить императору. По совѣту Остермана регентша нашла въ этомъ благовидный предлогъ, чтобы отдѣлаться отъ посланника, навлекавшаго

---

1) Сень-Северенъ къ Амло, 10 (21) апрѣля 1741 г. Швеція. Вид-Иностр. Дѣлъ.

на себя подозрѣніе, благодаря своимъ свиданіямъ съ Елизаветой и Нолькеномъ. Онъ всгрѣтилъ окончательный отказъ, пересталъ показываться при дворѣ, и его отозваніе было рѣшено.

Елизавета не подавала ему никакихъ признаковъ жизни. Лишь въ августѣ она послала къ нему одного изъ своихъ камергеровъ, возможно что Воронцова, который проникъ ночью въ садъ къ посланнику, рассказывалъ ему басни о многочисленныхъ попыткахъ цесаревны съ нимъ увидаться. Такъ какъ садъ маркиза выходилъ на Неву, она три раза проѣзжала мимо па лодкѣ, приказывая трубить въ рога, чтобы привлечь его вниманіе. Она даже предполагала купить домъ по сосѣдству, но когда это намѣреніе получило огласку, то пришлось отъ него отказаться. Теперь она предлагала свиданіе въ окрестностяхъ Петербурга, на дорогѣ, по которой она будетъ проѣзжать въ восемь часовъ вечера. Вооружившись перомъ „съ невысыхающими чернилами“ и копіей съ „обѣщанія“, требуемой Нолькеномъ, Ла Шетарди явился аккуратно на мѣсто встрѣчи въ условленный часъ, прождалъ до одиннадцати часовъ и долженъ былъ убѣдиться, что цесаревна надъ нимъ забавлялась<sup>1)</sup>.

Опечаленный онъ принялся за приготовленія къ отъѣзду, когда записка Остермана, содержащая важное сообщеніе, нарушила его предположенія. Швеція рѣшила не ожидать долѣе согласія Елизаветы.

— Васъ это происшествіе не должно поразить, — замѣтилъ вице-канцлеръ при встрѣчѣ съ маркизомъ. — Вы, вѣроятно, подготовились къ нему.

Онъ имѣлъ важный видъ, „но не вращалъ болѣе яростно глазами, такъ что видѣлись одни бѣлки“, какъ во время предыдущихъ разговоровъ. Напротивъ, самымъ любезнымъ образомъ онъ возвѣстилъ посланнику, что вопросъ о церемоніалѣ получилъ разрѣшеніе въ желательномъ для него смыслѣ, и что императоръ вскорѣ приметъ

---

1) 8 августа 1741 г. *Вѣд. Иностр. Дѣлъ.*

его „на аудіенціі особенной и секретной“. Безъ сомнѣнія онъ вспомнилъ Константинополь и Вильнёва, а объявленіе войны, на которую представитель Франціи въ Стокгольмѣ выдалъ десять милліоновъ, не считая щедротъ, расточаемыхъ крестьянамъ и духовенству<sup>1)</sup>—мѣстной демократіи—послужило причиной неожиданнаго возврата благоволенія къ ея представителю на берегахъ Невы!

Въ свою очередь Елизавета сочла нужнымъ выразить свое вниманіе. При посредствѣ на этотъ разъ секретаря шведскаго посольства она объявила Ла Шетарди, что только боязнь скомпрометировать себя заставляли ее отказаться отъ подписанія пресловутаго обѣщанія, но что у нея сохраняется оригиналъ, и она подпишетъ его „когда дѣла примутъ благопріятный оборотъ и явится возможность это сдѣлать, не подвергая себя опасности“. Въ то же время она выражала готовность возмѣстить Швеціи ея военныя издержки; выплачивать ей въ послѣдствіи постоянныя субсидіи, даже втайнѣ ссудить ей всю необходимую денежную сумму, и не имѣть другихъ союзниковъ помимо нея и Франціи. Она называла это „идти далѣе своихъ прежнихъ обѣщаній“, не проговариваясь, однако, ни словомъ о возвратѣ отнятыхъ владѣній.

Не разочаровавшись недавнимъ опытомъ, маркизъ поспѣшилъ испросить у нея новаго свиданія на слѣдующій день. Отправляясь на обѣдъ къ графу Ливару, онъ пройдетъ мимо дворца цесаревны, которую проситъ выйти на крыльцо около половины перваго. Къ несчастію, на другой день шелъ дождь, свиданіе вновь не состоялось, и человѣкъ, котораго представляли въ это время руководителемъ сложныхъ политическихъ интригъ, военныхъ и революціонныхъ, ставившихъ на карту вмѣстѣ съ будущностью Россіи успѣхи внушительной европейской коалиціи, направленной противъ Австріи — бѣдный Ла Шетарди—вынужденъ былъ признать въ нижеслѣдующемъ письмѣ къ своему коллегѣ въ Стокгольмѣ свое полное безсиліе.

---

<sup>1)</sup> Сень-Северинъ къ Амло, 27 іюля 1741 г. *Швеція. Вид. Иностран. Дѣлъ. М. Вандаль.*

„Я все еще не могу понять, для чего двору понадобилось мое дальнѣйшее пребываніе тутъ“ <sup>1)</sup>).

Очевидно пружины, отъ которыхъ завясеѣло привести въ дѣйствіе эту коалицію, здѣсь по крайней мѣрѣ, ускользали отъ всякаго руководства и согласованія, такъ какъ переговоры между двумя главными сторонами, повидимому, сообразовались съ колебаніями барометра!

Соглашеніе было невозможно, такъ какъ цесаревна по-прежнему ограничивалась заигрываніями съ гвардейцами, раздачей время отъ времени денежныхъ подарковъ, безъ помощи которыхъ ихъ приверженность „къ отпрыскамъ Петра Великаго“ ежеминутно грозила остыть. Въ оправданіе своей бездѣятельности Елизавета жаловалась, что объявляя войну, шведы не заявили, что вступаются за ея права, и отказались поставить во главѣ своихъ войскъ герцога Голштинскаго, какъ обѣщаль Нолькенъ. Въ сентябрѣ, черезъ посланца, назначавшаго теперь Ла Шетарди свиданія въ лѣсу, она заявила, что ея денежные источники изсякли. Ей требовалось пятнадцать тысячъ червонцевъ. Маркизь поморщился и по настойчивой просьбѣ согласился одолжить двѣ тысячи, занявъ ихъ у пріятеля, выигравшаго въ карты значительную сумму <sup>2)</sup>).

Это называлось „предоставить въ распоряженіе цесаревны казну и кредитъ Франція!“ <sup>3)</sup>).

Амло одобрилъ денежную ссуду, но выразилъ опасенія „чтобы она не пошла совершенно даромъ“. Его охватили прежнія сомнѣнія относительно силы и преданности приверженцевъ, склонившихся на сторону цесаревны. Что касается ея жалобъ по поводу герцога Голштинскаго, онъ находилъ ихъ неумѣстными и противорѣчащими

---

<sup>1)</sup> Сенъ-Северинъ, 26 августа 1741 г. *Вѣд. Иностр. Дѣлъ*. Вандаля: „Съ тѣхъ поръ заговоръ налаживается и Франція становится его рѣшительной руководительницей.

<sup>2)</sup> Ла Шетарди къ Амло, 2 сентября 1741 г. *Вѣд. Иностр. Дѣлъ*.

<sup>3)</sup> Вандаля. Соловьевъ. XXI.

ся собственнымъ видамъ. Какое участіе могъ принимать этотъ нѣмецкій принцъ въ *національномъ* переворотѣ? Да кромѣ того король и королева шведскіе не могли его выносить <sup>1)</sup>.

Въ октябрѣ, несмотря на двѣ тысячи червонцевъ и на щедрія обѣщанія Ла Шетарди, приложенныя къ нимъ, Елизавета находила поддержку своихъ чужеземныхъ друзей слишкомъ недостаточной и менѣе тѣмъ когда-либо была расположена приступать къ дѣйствіямъ, тѣмъ болѣе, что война принимала для Швеціи неблагоприятный оборотъ. Манифестъ, изданный этой державой въ концѣ-концовъ согласно требованію цесаревны, въ которомъ она объявляла себя поборницей ея правъ, не помѣшалъ Леси дать побѣдоносный отпоръ, и ничто не предвѣщало, что Версальскій дворъ пожелаетъ вступить, чтобы возстановить нарушенное равновѣсіе. Положимъ, въ это время въ Петербургѣ появился новый представитель Франціи, о пріѣздѣ и объ миссіи котораго Ла Шетарди не получалъ никакого предупрежденія. Вслѣдствіе этого посланникъ почувствовалъ нѣкоторую обиду, а Елизавета новую надежду, въ которой, однако, ей скоро пришлось разочароваться. Вновь прибывшій, по имени Давентъ, привезъ съ собою письмо къ г-жѣ Каравакъ, супругѣ французскаго живописца, находившагося въ числѣ приближенныхъ цесаревны. Увы! Онъ оказался лишь сватомъ, а женихомъ — принцъ де Конти, при чемъ дворъ версальскій, повидимому, не желалъ вмѣшиваться въ это сватовство <sup>2)</sup>. Елизаветѣ оно мало польстило. Въ эту минуту мужъ ей былъ совершенно ненуженъ. И она еще съ большей горечью стала жаловаться на охлажденіе, проявленное Франціей, а послѣдняя считала себя взваливать въ правѣ на нее всю отвѣтственность за всеобщее

---

<sup>1)</sup> Амло къ Ла Шетарди, 8 октября 1741 г. Вандаль.

<sup>2)</sup> *Письмо принца Конти къ кардиналу Флери*; 15 и 27 января 1742 г.; депеша Амло къ Ла Шетарди отъ 23 ноября 1741 г. *Вѣд. Иностран. Дѣлъ*. Фридрихъ II ошибочно понялъ характеръ этой миссіи и М. Вандаль раздѣляетъ его заблужденіе.

разочарованіе. Амло писалъ къ Ла Шетарди: „До сихъ поръ со стороны цесаревны я не вижу ничего позволяющаго надѣяться, что усилія его величества приведуть къ должнымъ результатамъ. Я замѣчаю лишь неувѣренность вмѣсто всякаго опредѣленнаго плана <sup>1)</sup>“.

Плана не было; ему не суждено было существовать никогда! И усилія его величества сводились въ ихъ настоящемъ результатѣ къ тому, что шведы были разбиты ради прусскаго короля.

Правда, въ концѣ ноября Елизавета при посредствѣ новаго посланца къ представителю всехристіаннѣйшаго короля объявила, что настало время выполнить заговоръ при содѣйствіи Швеціи. Но ей необходима доплата пятнадцати тысячъ червонцевъ, равнѣ обѣщанныхъ. Ла Шетарди разсыпался въ извиненіяхъ. Онъ еще не успѣлъ получить кредита, немедленно испрошеннаго имъ по этому поводу. Онъ говорилъ неправду, такъ какъ не просилъ ничего и твердо рѣшилъ также не давать ничего. Постоянная передача французскихъ денегъ, происходившая черезъ его посредство и поддерживавшая заговоръ относится къ области вымысла. Скептическое отношеніе посланника къ приверженцамъ цесаревны и ея шансамъ на успѣхъ все усиливалось. Но черезъ нѣсколько дней Ла Шетарди сильно встревожился: Лестокъ, давно не показывавшійся къ нему, посѣтилъ его и своими рѣчами внушилъ ему мысль, что можетъ быть Елизаветѣ придется уступить напору, „т.-е. нетерпѣнію гвардейцевъ“. Сообщеніе это привело маркиза въ ужасъ. Онъ также признавалъ необходимость какого-либо плана, а его не было и слѣда. Необходимо было бы столкнуться, условиться о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ съ Франціей и Швеціей.

— Прекрасно,—поручила передать ему Елизавета,—предоставляю все на ваше усмотрѣніе.

Онъ предложилъ отправить въ Стокгольмъ гонца, чтобы условиться насчетъ необходимыхъ мѣропріятій и затѣмъ передать Лёвен-

---

1) 7 декабря 1741 г. *Вѣд. Иностр. Дѣлъ.*

гаупту соответствующія приказанія. Но въ душѣ онъ не питалъ никакихъ надеждъ относительно результатовъ этихъ переговоровъ, справедливо усматривая въ нихъ лишь продолженіе игры, бесплодно тянувшейся уже цѣлый годъ. При случайномъ свиданіи съ Елизаветой въ ту минуту, когда она выходила изъ саней, она показалась ему настолько „преисполненной неувѣренности“, что онъ исцугался, какъ бы она совсѣмъ не отказалась отъ своихъ намѣреній, чѣмъ причина бы Швеція крупныя непріятности, и рѣшилъ попробовать ее подбодрить, сказавъ на удачу, что слышалъ, будто ее хотятъ постричь въ монастырь.

Этимъ пугаломъ пользовались съ ней Лестоукъ и Шварцъ, какъ пугаютъ дѣтей дѣшымъ, и маркизу было знакомо это средство.

Сильно взволнованная, она объявила, что если ее доведутъ до крайности, она не покроетъ позоромъ „отпрыскъ Петра Великаго“. Разговоръ оживился и перешелъ къ обезужденію государственнаго переворота, какъ вопроса возможнаго и осуществимаго. Былъ составленъ списокъ лицъ, подлежащихъ опалѣ, Ла Шетарди указывалъ, что первымъ дѣломъ необходимо арестовать: Остермана, Миниха, сына фельдмаршала, барона Менгдена, графа Головкина и Лёвенвольда съ ихъ завѣломыми приверженцами. Онъ, какъ утверждали, не упомянулъ ни Линара, такъ какъ послѣдняго не было въ Петербургѣ, ни Юлія Менгденъ, такъ какъ, несмотря на свое серьезное участіе въ заговорѣ — въ первый и послѣдній разъ, — посланникъ оставался галантнымъ кавалеромъ. Онъ совѣтовалъ цесаревичу надѣть кольчугу въ часъ рѣшительныхъ дѣйствій. Но когда же они начнутся? Условились послать гонца въ Стокгольмъ. Необходимо дожидаться вѣрныхъ послѣдствій этого мудраго рѣшенія. Дѣль кромѣ того въ Петербургѣ, повидимому, еще ничего не подготовлено. Елизавета сама въ этомъ созналась безо всякаго труда. Не существовало никакого плана, никакой организаціи. Такова была дѣйствительность. И, придя къ такому сознанію, оба заговорщика какъ будто очнулись отъ сна, понявъ, что въ ихъ воображеніи ви-



тали призраки, что ничего еще не сдѣлано, да и нечего дѣлать, по крайней мѣрѣ въ настоящее время. Они такъ и разстались не сговорившись ни объ чемъ <sup>1)</sup>).

Встрѣча эта произошла 22 ноября 1741 г. и участіе маркиза Ла Шетарди въ длительной интригѣ съ этой минуты прекращается. Спустя нѣсколько часовъ, подобно обрушившейся лавинѣ, неожиданно въ дѣло вмѣшались подъ вліяніемъ совершенно непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, остальные элементы заговора, почти неизвѣстны послу и не заслуживавшіе, по его мнѣнію, вниманія; но онъ тутъ былъ не при чемъ, находился въ полномъ невѣдѣніи, и ни Франція, ни Швеція не принимали никакого участія въ грядущихъ событіяхъ.



---

<sup>1)</sup> Ла Шетарди къ Амло 26 ноября (7 декабря) 1741 г. *Взд. Иностран. Дѣлъ.*

#### IV.

На слѣдующій день при дворѣ былъ назначенъ пріемъ—„куртагъ“, какъ говорится и до сихъ поръ. Елизавета на немъ присутствовала. Ея отношенія съ регентшей оставались любезными и даже сердечными. Раздѣлившись между любовью къ Линару, возвращенія котораго она съ нетерпѣніемъ ожидала, своею нѣжностью къ Юліи Менгенъ, которой заготовляла приданое, заботами о дѣтяхъ, какъ подobaетъ доброй нѣмецкой матери семейства, и все возрастающею безпечной лѣтностью, Анна Леопольдовна равнодушно или съ досадой выслушивала предостереженія относительно поведенія цесаревны. Только при такихъ обстоятельствахъ становится понятной новѣроятная безнаказанность этого заговора, который велся въ казармахъ совершенно открыто и въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ обнаруживался рядомъ ежедневныхъ происшествій. Своему возлюбленному, уговаривавшему ее передъ отъѣздомъ заточить Елизавету въ монастырь, регентша только возразила: „Къ чему? Чертушка-то останется“. Она намекала на юнаго герцога Голштинскаго. Когда Остерманъ, предупрежденный Финчемъ, доносилъ ей о подозрительныхъ поступкахъ Лестока, она перебивала его съ гордостью показывая ленты, которыя намѣревалась пришить къ платью маленькаго императора. Кромѣ того, въ глубочайшей тайнѣ, она подготавливала неожиданный сюрпризъ, долженствовавшій по ея мнѣнію положить сразу конецъ надеждамъ „чертушки“ или его тетки. Догадки Мардефельда были совершенно справедливы. 9-го декабря, въ день своихъ именинъ, она собиралась провозгласить себя императрицей и поручила Бестужеву составить по этому поводу третій манифестъ въ дополненіе къ двумъ, изготовляемымъ Темиряевымъ <sup>1)</sup>).

---

<sup>1)</sup> Соловьевъ. *Исторія Россіи*.

Однако герцогиня рѣшила воспользоваться куртагомъ, чтобы объясниться съ цесаревной. Она только что получила по этому поводу отъ Линара весьма настоящее письмо, съ довольно точными указаніями на интриги Ла Шетарди и Лестока. Прервавъ игру въ карты, въ которой Елизавета, повидимому, находила громадное удовольствіе, она увлекла ее въ уединенную гостиную и слово въ слово повторила ей содержаніе полученнаго посланія. Елизавета была поражена. Черезъ посредство грузинки изъ прислужницъ регентши и лакея Антона-Ульриха, дѣлавшихъ ежедневные доклады Шварцу, она обыкновенно бывала въ курсѣ всего происходившаго во дворцѣ, такъ какъ оба шпиона тщательно знакомились съ содержаніемъ получаемой тамъ корреспонденціей, разбросанной по всѣмъ столамъ <sup>1)</sup>). Письмо Линара, повидимому, ускользнуло отъ ихъ наблюдательности, такъ какъ цесаревна не была объ немъ предупреждена и такимъ образомъ не имѣла времени приготовиться къ своей защитѣ. Она стала увѣрять въ своей невинности. Вѣдь стоитъ только воспретить Ла Шетарди съ ней видѣться! Что касается Лестока, его можно арестовать и подвергнуть заслуженному наказанію, если онъ окажется виновнымъ. Она безъ колебаній выдала своего сообщника, съ плачемъ упала къ ногамъ регентши, та прослезилась также и, изливъ такимъ образомъ свое волненіе и вмѣстѣ поплакавъ, обѣ женщины разстались въ довольно дружелюбныхъ отношеніяхъ <sup>2)</sup>).

На слѣдующій день, 23-го ноября рано утромъ Лестокъ прибѣжалъ къ Ла Шетарди въ чрезвычайномъ волненіи. Если не принять немедленныхъ мѣръ,—все погибло! Посланникъ выслушалъ рассказъ о событіи, вызвавшемъ такую тревогу и отказался ее раздѣлать. Въ другое время, когда, не имѣя возможности вручить свои ввѣ-

---

<sup>1)</sup> Мардефельдъ, 9-го декабря 1741 г. *Секретный Архивъ Берлина*. „Воронцовскій Архивъ“.

<sup>2)</sup> „*Русскій дворъ сто лѣтъ тому назадъ*“; Вейдемейеръ. Ла Шетарди 26 ноября и 17 декабря 1741 г. *Вѣд. Иностр. Дѣлъ*.

рительныя грамоты, онъ не чувствовалъ себя подъ покровомъ дипломатической неприкосновенности, онъ такъ же быстро забилъ тревогу и, зная свою причастность къ заговору, довелъ опасенія до того, что превратилъ свой домъ въ крѣпость. Теперь же, чувствуя себя подъ двойной защитой своего официального положенія и впечатлѣнія, произведеннаго, повидимому, на Остермана войной со Швеціей, онъ не нашелъ въ сообщеніи лѣкаря ничего, чтобы его „касалось“—выраженіе одной изъ его депешъ <sup>1)</sup>—или обезпечило. Получены ли навѣстія отъ Лёвенгаупта? Нѣтъ. Ну, такъ надо подождать. Онъ заговорилъ о необходимости отложить переворотъ на мѣсяцъ, обнаруживая довольно откровенно свою единственную заботу обезпечить интересы Швеціи, а слѣдовательно и Франціи въ этомъ дѣлѣ, успѣхъ котораго по-прежнему ему казался весьма сомнительнымъ и мало вѣроятнымъ, но которое своимъ существованіемъ представляло преимущество для обѣихъ державъ, ослабляя общаго врага.

Лестоку ушелъ отъ посла въ глубокомъ уныніи. У него были еще другія заботы. Черезъ своихъ шпионовъ онъ зналъ, что еще со вчерашняго дня рѣшено его арестовать, и только Остерманъ потребовалъ предварительнаго удаленія изъ Петербурга Преображенскаго полка, такъ какъ опасался, какъ бы въ немъ по этому поводу не вспыхнуло возмущенія. Предлогомъ должно было послужить выступленіе въ походъ противъ Шведовъ. Отправившись въ ресторанъ, безъ сомнѣнія, Иберкампа на Милліонной, гдѣ продавались флессингенскія устрицы, парижскіе парики и вѣнскія кареты, и гдѣ онъ обыкновенно встрѣчался со своими друзьями, лѣкарь узналъ, что приказъ о выступленіи разосланъ во всѣ гвардейскіе полки. Это грозило крушеніемъ заговора и гибелью для него самого. Лестоку уже чувствовалъ на своей спинѣ ударъ кнута. Онъ бросился къ Елизаветѣ. Занимаясь рисованіемъ въ часы досуга, онъ набросалъ аллегорическое изображеніе, гдѣ цесаревна фигурировала въ

---

1) 7-го декабря 1741 г. *Вѣд. Иностр. Дѣлъ.*

двухъ видахъ: съ одной стороны—сидя на тронѣ, съ короной на головѣ, а съ другой—въ монашеской рясѣ, окруженная орудіями пытки. Лестокъ показалъ ей рисунокъ, подъ которымъ было подписано: „Выбирайте!“ Она все еще колебалась, когда явились нѣсколько гвардейцевъ. Они были такъ же того мнѣнія, что необходимо или дѣйствовать немедленно или отказаться отъ заговора со-всѣмъ. Говорившій отъ ихъ имени сержантъ Грюнштейнъ выказалъ особенно убѣдительно краснорѣчіе. А Лестокъ подкрѣпилъ его рѣчь типичнымъ аргументомъ: „Я чувствую, что подъ кнутомъ сознаюсь во всемъ!“<sup>1)</sup>.

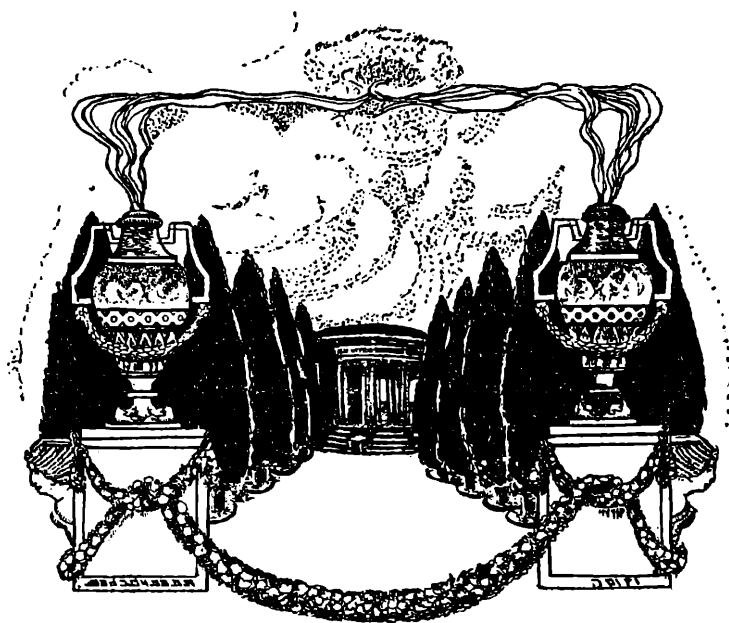
Елизавета рѣшилась, и исполненіе плана было назначено на слѣдующую ночь. Вечеромъ предположено было обойти казармы, и если настроеніе окажется благоприятнымъ, приступить къ дѣлу. Грюнштейнъ настаивалъ на необходимости послѣдней раздачи денегъ. Елизавета обшарила свои ящики и нашла только триста рублей. Лестокъ снова полетѣлъ къ Ла Шетарди, но не добился ничего. Маркизъ, ведя широкій образъ жизни, тратя, не зная счета, всегда сидѣлъ самъ безъ денегъ. По крайней мѣрѣ, онъ жаловался на ограниченность своихъ средствъ, что по справедливости могло казаться невѣроятнымъ. Онъ обѣщалъ достать къ завтрашнему дню двѣ тысячи рублей, полагаясь на любезность снисходительнаго кредитора, счастливаго въ игрѣ. Такимъ образомъ принцъ де-Конта имѣлъ основаніе писать впоследствии: „Переворотъ (въ Россіи) совершился безъ насъ“; добавляя, что невозможно простить королевскому посланнику неумѣнія болѣе выгодно воспользоваться положеніемъ вещей и проявленіе такой предпримчивости при другихъ обстоятельствахъ, послѣ „равнодушія“, когда духъ подобной предпримчивости пришелся бы именно, какъ нельзя болѣе кстати<sup>2)</sup>.

---

<sup>1)</sup> Мардефельдъ, 19 декабря 1741 г. „Русскій Вѣстникъ“ 1842 г. Апрель, (Извлеченія изъ портфеля Малиновскаго въ Министерскомъ Архивѣ Вѣд. Иностр. Дѣлъ въ Москвѣ).

<sup>2)</sup> Къ Флери 25 и 30 января 1742 г. *Вѣд. Иностр. Дѣлъ.*

Мардефельдъ, толковавшій въ своихъ донесеніяхъ о шестистахъ тысячахъ червонцевъ и о „драгоценностяхъ и уборахъ“ на тридцать шесть тысячъ, переданныхъ цесаревнѣ Франціей, долженъ былъ также сознаться въ своей ошибкѣ послѣ совершившагося переворота. Когда Лестокъ вернулся съ пустыми руками, Елизаветѣ пришлось заложить свои брилліанты <sup>1)</sup>.



---

<sup>1)</sup> Королю, 6 февраля, 1742 г. *Секретные Архивы Берлина.*

## V.

Въ одиннадцатъ часовъ вечера Грюнштейнъ и его товарищи вновь посѣтили цесаревну съ весьма утѣшительнымъ донесеніемъ: гвардейцы рвались впередъ, въ особенности узнавъ, что имъ предстоитъ покинуть столицу и двинуться въ зимній походъ. Все равно, гдѣ рисковать; они предпочли переворотъ. Лестокъ послалъ людей къ Остерману и Миниху, чтобы убѣдиться, что тѣ ни о чемъ не догадываются: не было замѣчено ничего подозрительнаго. Самъ онъ отправился къ Зимнему Дворцу и не увидалъ свѣта въ окнахъ, выходившихъ по его предположенію изъ опочивальни регентши. Какъ извѣстно, она ее перемѣнила. Вернувшись, онъ засталъ Елизавету на молитвѣ передъ образомъ Божіей Матери.

Говорятъ, будто въ эту минуту она дала обѣтъ отмѣнить смертную казнь, если ея опасная попытка увѣнчается успѣхомъ.

Въ сосѣднемъ покоѣ собрались всѣ ея приближенные: Разумовскій, Шуваловы,—Петръ, Александръ и Иванъ; Михайлъ Воронцовъ, принцъ Эссенъ-Гомбургскій съ супругой, родственникъ цесаревны Василій Салтыковъ, дядя Анны Іоанновны, Скавронскіе, Ефимовскіе и Гендриковы. Имъ пришлось ее успокаивать, а Лестоку вновь употребить все свое краснорѣчіе и вліяніе, такъ какъ въ послѣднюю минуту Елизавету оцять охватило чувство нерѣшительности и малодушія. Онъ надѣлъ ей на шею орденъ св. Екатерины, вложилъ въ руки серебряный крестъ и вытолкнулъ наружу. У подъѣзда ожидали сани. Она усѣлась въ нихъ вмѣстѣ съ лѣкаремъ; Воронцовъ и Шуваловы помѣстились на запятки и всѣ помчались галопомъ по пустыннымъ улицамъ къ Преображенскимъ ротамъ, гдѣ теперь находится церковь Преображенія. Алексѣй Разумовскій и Салтыковъ

слѣдовали позади въ другихъ санихъ вмѣстѣ съ Грюнштейномъ и его товарищами.

Мало вѣроятія, что поѣздъ остановился въ такую минуту у дома Ла Шегарди, и Елизавета дала себѣ трудъ предупредить посланника, „что летить къ славѣ“. Первое донесеніе маркиза о происшествіи, весьма подробное,—совершенно замалчиваетъ о подробномъ эпизодѣ, крайне рискованномъ при своей полной бесполезности. Посланникъ находился въ домѣ не одинъ; ничего не подозрѣвая, онъ не могъ принять предосторожностей, чтобы избѣжать тревоги, которая распространившись среди его окружающихъ, безъ сомнѣнія, разнеслась бы по городу. Дневникъ посольскаго секретаря Марамбера и еще болѣе обстоятельные историческіе мемуары, составленные въ 1754 г. для французскаго правительства <sup>1)</sup>, также не упоминаютъ ни о чемъ подобномъ. Ла Шегарди описываетъ событіе лишь въ позднѣйшемъ письмѣ, объясняя, какимъ образомъ, застигнутый врасплохъ неожиданной развязкой заговора, былъ лишенъ возможности во время доставить просимую субсидію, необходимую для его выполненія.

Однако, возможно, что ночное посѣщеніе посольства, какъ оно не опрометчиво, входило въ планъ декораций, которымъ Елизавета всегда, и весьма предусмотрительно, придавала большое значеніе. Она летѣла къ славѣ подъ эгидой Франціи—только что отказавшей ей въ двухъ тысячахъ рублѣхъ для этой побѣды!

Сани остановились передъ сѣзжей избой полка, гдѣ непредупрежденный часовой—настолько заговоръ былъ неподготовленъ—сейчасъ же забилъ тревогу. Лестокъ разрѣзалъ его барабанъ ударомъ кинжала, и въ то же время тринадцать гренадеръ, посвященныхъ въ тайну, разсѣялись въ разныя стороны, чтобы предупредить товарищей. Налицо были только солдаты, размѣщенные по отдѣльнымъ деревяннымъ избамъ, образовавшимъ казармы. Офицеры

---

<sup>1)</sup> „Мемуары и документы Россіи“ Вид. Иностр. Дѣль.



проживали въ городѣ, и лишь одинъ изъ нихъ оставался по очереди дежурнымъ по полку. Въ короткое время собралось нѣсколько сотъ человѣкъ. Большинство изъ нихъ совершенно не подозрѣвало въ чемъ дѣло.

Елизавета вышла изъ саней.

— Узнаете-ли меня? Знаете-ли, чья я дочь?

— Да, матушка!

— Меня хотятъ заточить въ монастырь. Согласны-ли слѣдовать за мной, чтобы не дать этому свершиться?

— Готовы, матушка; мы всѣхъ ихъ перебьемъ!

— Если вы собираетесь убивать, я уйду; я не хочу ничьей смерти.

Солдаты стояли въ недоумѣніи, растерянные. Но она видѣла, что они всецѣло въ ея рукахъ. Она подняла крестъ.

— Клянусь умереть за васъ. Поклонитесь и вы умереть за меня; только не проливая напрасно ничьей крови.

— Клянемся!

Они бросились цѣловать крестъ, а тѣмъ временемъ былъ арестованъ офицеръ, проснувшійся и прибѣжавшій съ обнаженной шпагой, однако не оказавшій никакого сопротивленія.

Разказы современниковъ объ этой подготовительной части государственнаго переворота, можетъ быть, носятъ извѣстный слѣдъ фантазіи, но въ общемъ во всѣхъ передачахъ сохранилась версія вполне соответствующая характерамъ дѣйствующихъ лицъ и нравамъ эпохи, и я считаю ее совершенно правдоподобной.

По окончаніи обряда присяги, Елизавета произнесла: „Идемъ!“

Послѣдующія событія произошли по образцу предыдущихъ примѣровъ, такъ сказать по установившейся нѣкоторымъ образомъ программѣ переворотовъ, отдѣльныя подробности которой намъ сообщаетъ Минихъ. Около трехсотъ человѣкъ послѣдовало за „матушкой“ по Невскому проспекту, и понынѣ вѣдущему къ Зимнему Дворцу.

На Адмиралтейской площади Елизавета пожелала выйти изъ са-

ней и итти пѣшкомъ вмѣстѣ съ гвардейцами. Но ея маленькія ножки вязли въ снѣгу, и вскорѣ среди гренадеръ поднялся ропоть.

— Матушка, мы идемъ слишкомъ тихо!

Она позволила двумъ солдатамъ взять себя на руки и повести. Подходя къ дворцу, Лестоку отдѣлилъ двадцать пять человекъ и поручилъ имъ арестовать Миниха, Остермана, Лёвенвольда и Головкина. Восемь гренадеръ двинулись впередъ. Зная пароль, они сдѣлали видъ, будто идутъ ночнымъ дозоромъ и неожиданно набросились на четырехъ часовыхъ, стоявшихъ на караулѣ у главнаго входа. Закоченѣвшіе отъ холода, стѣсненные своими широкими плащами, послѣдніе не оказали никакого сопротивленія. Гренадеры вошли и попали прямо въ кордегардію. Находившійся тамъ офицеръ закричалъ: „На караулъ!“ Его повалили; говорятъ, Елизавета отвела направленный на него штыкъ—и поднялись въ апартаментъ регентши. Такъ какъ Линарь отсутствовалъ, она спала рядомъ съ мужемъ, хотя и находилась съ нимъ въ это время въ весьма плохихъ отношеніяхъ, если вѣрить Мардефельду. Они другъ съ другомъ не разговаривали, но аккуратно исполняли свои супружескія обязанности<sup>1)</sup>.

Въ ту минуту, какъ они удалились въ опочивальню, Лёвенвольдъ, говорятъ, приказалъ предупредить Анну Леопольдовну о грозящей ей опасности; но она сочла его слова за выходку безумца, и теперь спала глубокимъ сномъ. Гренадеръ, въслѣдствіи замѣшанный въ заговоръ противъ самой Елизаветы—по имени Ивинскій—грубо разбудилъ несчастныхъ. Цесаревна не приказала тревожить малютку Іоанна III, но вскорѣ шумъ, происшедшій вокругъ, вырвалъ ребенка изъ объятій сна. Тогда кормилица снесла его въ кордегардію, гдѣ дочь Петра Великаго посадила его къ себѣ на колѣни и сказала съ растроганнымъ видомъ:

— Бѣдный, невинный крошва! Во всемъ виноваты только твои родители!

---

<sup>1)</sup> Королю, 19 декабря, 1741 г. *Секретный Архивъ Берлина.*

Она посадила его съ собой въ сани и выѣхала на Невскій, уже кишѣвшій толпами народа, кричавшаго „ура!“ при ея появленіи. И, слыша такіе радостные клики, ребенокъ также развеселился и улыбаясь той, которая лишила его короны, прыгаль у нея на рукахъ).

На этомъ я прекращаю свой рассказъ, предполагая продолжить его въ слѣдующемъ томѣ. Здѣсь я остановился на пятомъ или шестомъ государственномъ переворотѣ—такъ какъ даже восшествіе на престоль Петра II происходило не при обычныхъ условіяхъ—совершившихся въ теченіе 15 лѣтъ по произволу личнаго честолюбія, опиравшагося на поддержку солдатъ. Указавъ причину такихъ періодическихъ кризисовъ, мнѣ, кажется, удалось объяснить, какимъ образомъ страна справилась со столькими испытаніями; этимъ она обязана громадной силѣ сопротивленія въ организмѣ, находившемся на пути развитія. Расцвѣтъ его сопровождался періодическими кризисами, которые можно сравнить съ болѣзнями, сопровождающими возмужалость, но лишенными возможности задержать общее развитіе. По своимъ составнымъ элементамъ, призыву къ неповиновенію, обращенію къ помощи чужеземцевъ и къ подкупу во всѣхъ видахъ—декабрскій переворотъ 1741 г. былъ по существу безспорно самымъ предосудительнымъ и, повидимому, самымъ опаснымъ для національной

---

1) Ла Шетарли, 7 декабря 1741 г. *Взгд. Иностр. Дѣлъ*; Мардефельдъ, *декабрская переписка 1741 г. Секретный Архивъ Берлина*; Соловьевъ. *Исторія Россіи*; Воронцовскій Архивъ V, (Автобиографическая замѣтка графа А. Воронцова); Позн, *Мемуары*; Русская Старина 1870 г. Согласно нѣкоторымъ историкамъ, именно Шапцъ д'Отероншъ (Путешествіе по Сибири), Анна Леопольдовна и Елизавета видѣлись въ эту минуту; а въ весьма рѣдкомъ сочиненіи, озаглавленномъ „*Merkwürdige Geschichte... Elisabeth der Ersten*“ 1759 г. есть гравюра, изображающая Елизавету, арестовывающую собственной рукой регентшу, уцѣпившуюся за одѣяло.

будущности. Что можно было ожидать отъ императрицы, превратившей въ подножіе трона свое собственное ложе, открывъ на него доступъ развратнымъ гвардейцамъ; отъ дочери Петра Великаго, основывавшей подготовку заговора на походъ шведовъ, официально объявившихъ войну, чтобы способствовать осуществленію этого заговора.

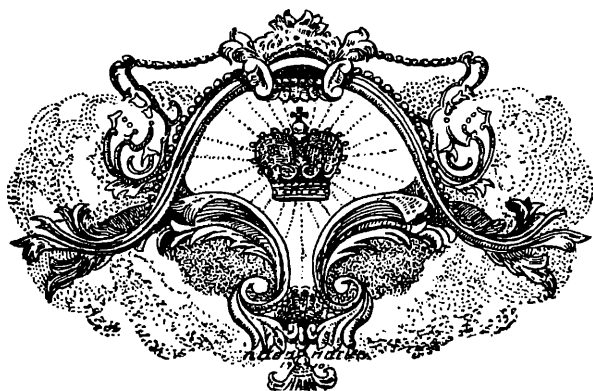
Однако, мы видимъ, что честолюбіе Елизаветы и безхарактерность Анны Леопольдовны останавливаются въ границахъ, за которыми наследію великаго мужа грозила бы дѣйствительная опасность. Несмотря на всю свою жажду власти, цесаревна отказалась отъ условий, подвергавшихъ это наследіе безвозвратной утратѣ. Съ плохими начальниками, недостаточно снабженными продовольствіемъ, войска Леси отразили вторженіе чужеземцевъ. Такимъ образомъ страна, съ шайкой авантюристовъ и авантюристокъ во главѣ, жадно вырывавшихъ другъ у друга изъ рукъ бразды правленія, не погибала, она миновала пропасти и не падала въ нихъ, поглощала самые опасные яды, но извергала ихъ смертоносныя части. Развращенные и развратители удерживались на наклонной плоскости отъ непоправимаго паденія тѣмъ инстинктомъ самосохраненія, энергія котораго у отдѣльныхъ личностей и у націи служить признакомъ и лучшимъ мѣриломъ ихъ жизнеспособности.

Такая скрытая сила встрѣчается у всѣхъ народовъ въ ранней стадіи развитія. Съ XV по XVI вѣкъ Польшу потрясали смуты анархій гораздо болѣе сильныя, чѣмъ тѣ, что два вѣка спустя привели ее къ гибели. Она была молода. Въ своемъ болѣе длительномъ развитіи Россія въ XVIII вѣкѣ лишь начинала переживать весну, не закончившуюся и по сіе время. Ея молодость спасала ее съ 1725 г. по 1742 г. Она воспрепятствовала отравленію главнѣйшихъ органовъ ея крѣпкаго тѣла, а здоровымъ частямъ позволила сохранить свою мощь и одержать побѣду въ продолжительной борьбѣ генія и національнаго патріотизма, за чудесными успѣхами которыхъ мы можемъ прослѣдить до настоящаго времени.

Въ переговорахъ съ Полькеномъ Елизаветой безспорно руководило—что она въ послѣдствіи доказала въ широкой степени—никакъ не чувство болѣе заботливаго отношенія къ интересамъ родины, чѣмъ у польскихъ магнатовъ, уже собиравшихся тогда въ Петербургѣ съ подобными же цѣлями. Но ее сдерживали опасенія, имъ совершенно незнакомыя, и она указывала, откуда они происходятъ: изъ страха отвѣтственности передъ общественнымъ мнѣніемъ.

Леси былъ простымъ наемникомъ, но онъ командовалъ людьми, изрубившими бы его на куски, не исполни онъ своего долга и не окажи отпора врагу. И такимъ образомъ не участвуя непосредственно въ движеніи, приведемъ въ Зимній дворецъ сообщницу Лестока, Шварца и Грюнштейна, національное чувство,—т.-е. совѣсть, — хотя темное и бессознательное, но могущественное, вмѣшалось, чтобы сгладить извѣстныя шероховатости, и могло на законномъ основаніи заявлять о своемъ участіи въ торжествѣ воцаренія новаго правительства.

К О Н Е Ц Ъ.



# СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

Предисловіе. . . . . 45

## ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

### **ЖЕНЩИНА и ВНУКЪ.**

#### ГЛАВА I.

#### **Государственные перевороты, возведенные въ правило.—Екатерина I.**

I. Наслѣдіе Петра Великаго. Никакихъ указаній. Ни завѣщанія, ни династія, ни закона о престолонаслѣдін. Партія. Екатерина, руководимая умными совѣтниками, дѣйствуетъ ловко. День 28 января 1725 г. Наскоро созванное публичное собраніе. Въмѣшательство гвардіи. Избраніе Екатерины. II. Периодическіе государственные перевороты. Военная диктатура. Политическія и общественныя послѣдствія. Свобода сословій. Правленіе женщинъ. Его историческіе элементы. Женщина въ славянской старинѣ. Русскіе женскіе типы. III. Нравственный обликъ новой государыни. Окружающіе и дворъ. Приближенныя. Семья. Голштинскій домъ. Герцогиня Курляндская. Наперники и любовники. Искатели приключеній—нѣмцы и польскіе перебѣжчики. Девенвольдъ. Сапѣга. Интимныя нравы. Непрерывныя оргіи. Видимое отсутствіе правительства. Ключъ къ загадкѣ. . . . .

11

#### ГЛАВА II.

#### **Фаворитизмъ.—Меншиковъ.**

I. Историческое происхожденіе фаворитизма. Борьба Меншикова съ его соперниками. Острое столкновеніе. Учрежденіе Верховнаго Совѣта. Характеръ и послѣдствіе реформы. Периодическій упадокъ самодержавія. Екатерина не имѣетъ никакого значенія Самодержавіе и фаворитизмъ въ опасности. Местя Меншикова. II. Вопросъ о престолонаслѣдін. Агитація въ пользу Петра Алексѣевича. Проектъ замужества. Въмѣшательство Даніи и Австріи. Графъ Рабутинь. Дэвида Крамеръ. Петръ Алексѣевичъ, женихъ Меншиковой. Торжество фаворита. Смерть Екатерины. Ея завѣщаніе. Вошество на престолъ Петра II. III. Общій итогъ царствованія. Участіе Екатерины. Ничтожество и грязь Почему Россія не послѣдовала за ней въ этомъ паденіи. Страна и ея естественныя богатства. Задатки силы и причины слабости. Преобразование безъ преобразователя. Возсиліе страны продолжать. Финан-

совыя затрудненія. Экономія поневоля. Спасаютъ вѣщность. Академія наукъ. Вѣщій престижъ. Дипломатія Петра Великаго. Положеніе Европы. Союзъ съ Франціей. Причины его неудачи. Людовикъ XV и Елизавета. Угрозы войны. Союзъ съ Австріей. Присоединеніе Пруссіи. Первый тројственный союзъ. Основаніе его и виды въ будущемъ. Итогъ. Внутреннее и вѣщее развитие задержались, но не прекратились. Развитие продолжается. . . .

35

### ГЛАВА III.

#### Бабья война.—Морицъ Саксонскій.

I. Курляндское наслѣдство. Происхожденіе кандидатуры Морица Саксонскаго Проектъ брака съ Анной Іоанновной и Елизаветой Петровной. Морицъ въ Польшѣ. Его успѣхи у варшавскихъ дамъ. Августъ II поддерживаетъ его. Оппозиція польской знати. Перемена въ отношеніяхъ короля. Тайный отъѣздъ Морица въ Митаву. Онъ увлекаетъ Анну Іоанновну и приобретаетъ расположеніе курляндцевъ. Его избраніе. II. Ворьба партій въ Петербургѣ. Юбки за Морица. Кандидатура Меншикова. Его прибытіе въ Митаву. Свиданіе съ Морицомъ. Ложные слухи. Морицъ выходитъ побѣдителемъ. III. Проектъ договора въ его пользу между Августомъ II и Россіей. Неудача. Польскій сеймъ высказывается противъ курляндскаго избранника. Изгнаніе. Новые планы брака и любовныя похожденія Морица. Герцогиня курляндская на его сторону. Двойное вмѣшательство Россіи и Польши. Бѣгство Морица. IV. Онъ возобновляетъ переговоры. Шансы на успѣхъ у Елизаветы. Окончательное разочарованіе. V. Эпилогъ. Десять лѣтъ спустя. Снова проснувшіеся влчудив. Коронація Елизаветы въ Москвѣ. Приглашеніе туда Морица. Многообщающій пріемъ. Романъ обрывается. Судьбы Курляндія и Россіи. . . . .

66

### ГЛАВА IV.

#### Императоръ забавляется.—Петръ II.

I. Воспитаніе юнаго императора. Многообщающее начало. Любезнательность и задатки великодушія. Выборъ воспитателя. Остерманъ. Водвореніе въ домѣ Меншикова. Ловкая подлтина временщика. Онъ пытается примириться съ Долгорукимъ и удаляетъ герцоговъ Голштинскихъ. Полное торжество, II. Волѣзнь временщика. Либеральныя мѣропріятія Верховнаго Совѣта. Освобожденіе Евдокія. Новая вѣянія. Сестра и тетка. Наталья и Елизавета. Соперники. Иванъ Долгорукой. Его семья возвращается къ своимъ прежнимъ чувствамъ. Петръ приобретаетъ вкусъ къ независимости и расвѣянной жизни. Увлеченіе охотой и утѣхами любви. Участіе въ кутежахъ. Марія Меншикова позабыта. Выздоровѣвшій временщикъ пытается измѣнить положеніе дѣла. Столкновенія. Праздникъ въ Ораніенбаумѣ. Немильность. Изгнаніе Меншикова въ Ораніенбургъ. Разрывъ помолвки. III. Новое соперничество. Ворьба Остермана и Натальи Алексѣевны противъ Долгорукихъ. Отъѣздъ въ Москву. Надежды Остермана на Евдокію. Вабка и вукъ. Разочарованіе. Торжество Долгорукихъ. Кордованіе. Смылка Меншикова въ Сибирь. Вердовъ. Печальная участь семьи. IV. Петръ II продолжаетъ развлекаться. Тщетныя старанія заинтересовать его дѣлами. Его увлеченіе охотой и страсть къ кутежамъ усиливаются. Кровосмѣнительная любовь. Эгерія, превратившаяся въ вакханку. Кочевая жизнь. Новак привязанность. Немильность Елизаветы. Смерть Натальи. V. Екатерина Долгорукая. Романическое прошлое. Искусное кокетство. Вродячая жизнь. Нѣтъ болѣе правительства. Горька. Разочарованіе и недовѣріе. Ловушка. . . . .

89

### ГЛАВА V.

#### Олигархія и анархія.—Верховники.

I. Преемники Меншикова. Олигархическая партія. Голицыны и Долгорукіе. Раздѣленіе власти. Растройство и подчиненіе прынствительственныхъ функцій. Верховный совѣтъ и Сенатъ. Удаленіе Петра II отъ дѣлъ. II. Результаты.



Дезорганизация высшей и низшей полпции. Уничтожение Преображенскаго приказа и его послѣдствія. Пожары и грабежи. Неудачная законодательная попытка. Выгодныя финансовыя мѣропріятія, введенныя по инициативѣ Остермана. Устраненіе отъ дѣлъ его коллегъ. Онъ одинъ представляетъ изъ себя правительстве. Разстройство арміи и флота. Умственное движеніе замерло. Религіозныя смуты. Выжидательная политика. Виѣшнее сохраняется. Автоматическія дѣйствія на востокѣ. Договоръ съ Китаемъ. Экспедиція Беринга. III. Всеобщая косность и реакціонное теченіе, недостаточно вознаграждаемое подобными усиліями. Свидѣтельства современниковъ. Противорѣчивыя мнѣнія. Почему правительство Петра II было полярнымъ. Олигархія граничащая съ анархіей. Временныя благодѣянія режима. Почему Россія могла его вынести. Перспективы будущаго. . . . .

125

## ГЛАВА VI.

### Царская трагедія.—Екатерина Долгорукая.

I. Обрученіе Петра II и Екатерины Долгорукой. Въ Лефортовскомъ дворцѣ. Зловѣщее предзнаменованіе. Неумѣстная встрѣча. Графъ Миллесимо. Привѣтственная рѣчь Василія Долгорукаго. Долгорукіе на верху величія. Матримоніальныя планы Ивана Алексѣевича. Отказъ Елизаветы. Наталья Шереметьева. Новая помолвка. II. Загадочное поведеніе Петра II. Тайныя свиданія съ Остерманомъ и Елизаветой. Испугъ и ссоры Долгорукихъ. Ихъ хищеніе. Болѣзнъ царя. Смертельная опасность. Семейный совѣтъ въ Головинскомъ дворцѣ. Несогласія. Составленіе завѣщанія, провозглашающаго наслѣдницей Екатерину Долгорукую. Замышляемый подлогъ. Иванъ Долгорукій и „Царская рука“. III. Препятствія. Сопrotивленіе Верховнаго Совѣта. Враждебность гвардіи. Чрезвычайныя мѣры. Беременность Екатерины. Послѣднія попытки. Евдоія отказывается. Остерманъ зорко слѣдитъ. Василіе фаворита. Смерть Петра II. . . . .

145

## ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

# А Н Н А I.

## ГЛАВА VII.

### Попытка введенія конституціоннаго строя.—Первая русская партія.

I. Ночныя совѣщанія въ Лефортовскомъ дворцѣ. Верховный Совѣтъ присваиваетъ себѣ право замѣстить незанятый тронъ. Избраніе Анны Іоанновны Проектъ конституціонной реформы. Ея происхожденіе и примѣры прошлаго „Пункты“. Политическій идеаль Дмитрія Голицына. Привѣтствія новой императрицы. Первая русская партія. Верховный Совѣтъ скрываетъ ее. Опасность этого способа. II. Оппозиція. Духовенство. Феофанъ Прокоповичъ. Дворянство. Противоположныя мнѣнія. Волненіе. Анна принимаетъ „пункты“ Дворянство желаетъ обсудить ихъ. Противоположныя проекты и подписавшіе ихъ. Они берутъ верхъ надъ Совѣтомъ Попытки примиренія. III. Пріѣздъ Анны. Первое нарушеніе конституціонной картіи. Тайное содѣйствіе Остермана неограниченной власти. Анна намѣревается возстановить ее путемъ государственнаго переворота. Увѣренность въ содѣйствіи гвардіи. Движеніе въ пользу самодержавія въ средѣ дворянства IV. 25 февраля. Дворянская петиція. Дворянство желаетъ обсудить основанія новаго управленія. Вмѣшательство герцогини Мекленбургской. Манifestація гвардіи. Дворянство сдается. Хартія

разорвана на клочки. V. Ответственная сторона этой неудачи: Ея послѣдствія. Паденіе дворянства. Мель. Ссылки Долгорукихъ. Въ Березовѣ. Слѣдствіе и пытки. Въ Новгородѣ. Иванъ Долгорукій. Бывшая невѣста царя. Наталья Долгорукая. Ея романъ. Ея записки. Выгровая заря новаго царствованія.

## ГЛАВА VIII.

### Императрица и фаворитъ.— Биронъ.

I. Признанный и предполагаемый отецъ Анны Иоанновны. Василій Юшковъ. Дворъ царицы Прасковьи. Бракъ будущей императрицы. Пребываніе въ Митавѣ. Бестужевъ. Портретъ государыни. Физическій и духовный образъ. Интимныя черты. Переписка съ Салтыковымъ. Умъ и характеръ. Увеселенія. „Говоруны“. Шуты. Голландскіе волчки. Окружающіе. II. Биронъ или Биронъ. Сущность его сношеній съ Анной. Источники. Біографія фаворита. Ходячія сужденія объ его характерѣ и историческомъ значеніи. Высшая сторона и дѣйствительность этой роли. Фаворитъ и герцогъ Курляндскій. Его сподвижники. Еврей Мейманъ. Семья Вирона. Настоящія причины его непопулярности. III. Нѣмецкая гегемонія и роль иностраннаго элемента въ исторіи Россіи. Восточное происхожденіе знатныхъ семействъ. Иностранные источники въ умственномъ движеніи. Причины этого явленія. Соперничество нѣмцевъ въ царствованіе Анны Иоанновны. Биронъ и Мнинхъ. . . . .

## ГЛАВА IX.

### Внутренняя политика царствованія.— Нѣмцы у власти.

I. Организція новаго правительства. Сенатъ. Кабинетъ. Олигархія, состоящая изъ иностранцевъ. Остерманъ и Биронъ. II. Административныя реформы. Возвращеніе къ программѣ Петра Великаго. Перевѣздъ въ Петербургъ. Законодательство и юстиція. Реформа и традиція. Утилитарный характеръ уголовного процесса. Одиссея Ваньки Каина. Жестокость. Высшая и административная полиція. Бѣдность послѣдней. Ножары. Нищенство. Разбои. Медицинская канцелярія. III. Финансы. Бѣдственное положеніе финансовъ, осложняющееся отъ неправильнаго поступленія налоговъ. Медленность экономическаго развитія. Ея причины. Переселеніе. IV. Военное устройство. Трудность поддерживать его кадры. Общее бѣгство. Манифестъ 1786 г. Частичное отступленіе отъ принципа обязательной службы. Его послѣдствія. Разрывъ съ народными традиціями. Слишкомъ большая погоня за иностранными образцами. Роль Мнинха. Упадокъ флота. Его причины. Первое столкновеніе на морѣ русскихъ съ французами. Военноучебныя заведенія. Ихъ недостаточность. Кадетскій корпусъ. V. Народное образованіе. Недостатки школъ. Академія наукъ. Уходъ ученаго персонала, собраннаго Петромъ I. Россія пользуется плодами иностранной науки. Байеръ. Мюллеръ. Научные журналы. Первые русскіе ученые. Аладуровъ. Тредіаковскій. Татищевъ. Вторая экспедиція Беринга. Влагородины усилия. VI. Правительство Анны и національная церковь. Протестанскія и католическія тенденціи. Прокоповичъ. Торжество православія. Преслѣдованіе ереси и раскола. VII. Должно приписываемый этому царствованію характеръ нѣмецкой тираниі. Причины такой ошибки. Такъ называемыя жертвы народнаго дѣла. Румянцевъ. Ягужинскій. Долгорукіе. Черкасскій. Волынский. Его судьба. Его проекты реформъ. Его процессъ и казнь. Разсказы и исторія. Заключеніе. . . . .

## ГЛАВА X.

## Внѣшняя политика. Ученики и преемники Петра Великаго.

I. Осложненія въ Персіи и въ Крыму. Угроза европейской войны. Австрійскій союзъ. Партія русская и нѣмцы. Престононаслѣдіе Австріи и Польши. Лживые переговоры съ Франціей. Проекты соглашенія съ Пруссіей и Австріей. Попытки саксонскаго двора. Матримональный планъ Августа II. Дѣянца Огюаская. Окончательное соглашеніе. Участь Польши. II. Двойное избраніе Станислава и Августа III. Война за престолонаслѣдіе Польши. Взятіе Ландига. Французскіе плѣнники въ Россіи. Попытки французской дипломатіи въ С.-Петербургѣ. Бернардони. Польская конфедерація и ея посланникъ въ Парижѣ. Озаровскій. „Варвары“ на Рейнѣ. Миръ. III. Война съ турціей. Происхожденіе восточнаго вопроса. Историческія толкованія. „Система Петра Великаго“. Ученіи великаго мужа въ Константинополѣ. Неплюевъ и Вишняковъ. Они требуютъ войны. Сопротивленіе Остерману. Начало враздѣбныхъ дѣйствій въ Крыму. Неудачный походъ Миниха Разарывъ съ Портой. Вездѣйствіе Австріи. Критическое положеніе. Дорогой успѣхъ подъ Очаковымъ. Россія и Австрія намѣреваются заключить договоръ. Немировский конгрессъ. Прекращеніе переговоровъ. Новая неудача. Посредничество Франціи. Вильдѣвъ. Побѣда Мясного подѣ Ставучанами. Слишкомъ поздно! Капитуляція Австріи. Она принуждаетъ Россію заключить невыгодный миръ. IV. Избѣгнутый разрывъ со Швеціей. Партія русская и французская въ Стокгольмѣ. Желское вліаніе. „Колпаки“ и „шляпы“. Планы союза между Швеціей и Турціей. Вестужевъ и Сень-Северинъ. Убіиство Сень-Клера. Возбужденіе общественнаго мнѣнія въ Швеціи. Торжество русской дипломатіи. V. Ея успѣхъ въ Польшѣ. Образованіе русской партіи. Благопріятное для Россіи разрѣшеніе курляндскаго вопроса. Новый проектъ конфедераціи, поощряемый Пруссіей. Смерть Карла VI. Опасность новыхъ осложненій. Ла Шетарди въ Петербургѣ. VI. Общій обзоръ. Политика укрьпленія внутренняго и внѣшняго. Присоединеніе Малороссіи. Умиротвореніе, достигнутое на берегахъ Урала. Сношеніе съ Китаемъ. Национальное стремленіе къ распространенію и политикѣ нѣмцевъ. . . . .

283

## ГЛАВА XI.

## Дворъ и общество—Смерть Анны I.

I. Утро при дворѣ Анны Іоанновны. Картина живописца Якоби. Два фасада царскаго жилища. Интимная обстановка. Обитатели. „Звѣринецъ“. Слуги и шуты. Приворотные шуты во Франціи и въ Россіи. Шико и Балакиревъ. Князь Квасинскій. Его свадьба. Ледяной домъ. Наружное убранство. Наружные обычаевъ. Подражаніе западнымъ образцамъ. Организация двора. Приемы. Балы. Театръ. Новая роскошь. Сохранившаяся грубость обычаевъ подѣ европейскимъ лоскомъ. Нравы и чувства. II. Общественный строй. Простой народъ и аристократія. Переходная эпоха. Типы прошлаго и настоящаго. Василій Головинскій. Его карьера и удаленіе. Наслѣдственная эксцентричность. Причины непосредственныя и отдаленныя. Наружные моральные равновѣсія. Вѣковая отчужденность. Отсутствие общенія между различными слоями общества. Ихъ антагонизмъ. Отсутствие руководящаго принципа. Преобразовательный ферментъ, проникнувшій съ реформой. Стремленіе къ максимизаціи. Дѣйствіе въ обратномъ смыслѣ новыхъ законодательныхъ мѣропріятій. Окончательное установленіе крѣпостнаго права. Какъ оно содѣйствовало развитію мѣстнаго самоуправленія въ народной средѣ. Общій балансъ. III. Волѣзанъ Анны Іоанновны. Вопросъ о престолонаслѣдіи и регентствѣ. Интриги Бирона. Двусмысленное поведеніе Остермана. Вышательство Миниха. Объявленіе фаворита регентомъ. Смерть императрицы. . . . .

317

## ДВА ЦАРСТВОВАНИЯ.

### ГЛАВА XII.

#### Падение Бирона.

Стр.

I. Бывший фаворитъ у власти. Мирное начало регентства. Мнѣніе современниковъ. Мардефельдъ. II. Первые мѣропріятія регента. Милости. Попытки пріобрѣсти популярность. Проявленія враждебности. Борьба съ Брауншвейгской фамиліей. Столкновение. Видимыя побѣды регента. Сближеніе съ Елизаветой. Проекты союза съ Голштинскимъ домомъ. Катастрофа. III. Минихъ у Анны Леопольдовны. Подготавливаетъ покушеніе. Ужикъ у регента. Неожиданность. Заключение Бирона въ Шлиссельбургъ. Его процессъ. Смертная казнь замѣненная пожизненной ссылкой. Въ Целмыѣ. Въ Ярославлѣ. Переходъ Гедвиги Биронъ въ православіе. Судьба Курляндскаго герцогства. Возвращеніе Бирона въ Митаву. Его отреченіе. Смерть. Его потомство. . . .

355

### ГЛАВА XIII.

#### Анна Леопольдовна.

I. Нравственный обликъ новой регентши. Политическая бездарность. Интимная жизнь. Юлія Менгенъ. Слетки по поводу этой дружбы. Графъ Лянгаръ. Возобновленіе прежняго романа. Портретъ графа, сдѣланный Екатериной II. Снова бракъ троємъ. Криптографическая переписка. Безполезное вмѣшательство Антона-Ульриха. Ожиданіе новаго фаворита. III. Преобразование высшихъ должностей послѣ паденія Бирона. Минихъ—первый министръ. Попытки къ диктатурѣ. Опозиція Остермана. Злостастная болѣзнь фельдмаршала. Отставка. Паденіе. IV. Значеніе этого новаго переворота. Личное управленіе Анны Леопольдовны. Результаты внутренней политики. Непблѣдовательность. Продажность высшихъ сановниковъ. Болѣе важныя послѣдствія во внѣшней политикѣ. Противорѣчивые союзы. Между Пруссіей и Австріей. Необходимость рѣшенія. Склонность Анны Леопольдовны къ Австріи. Оптимизмъ Мардефельда. Весь міръ можно купить. Угроза разрыва съ Швеціей. Напрасное воззваніе къ Фридриху. VII. Объявленіе войны. Первые удачи русскаго оружія. Плохія надежды въ будущемъ. Союзъ съ Англіей и разочарованіе имъ. Двусмысленное отношеніе Даніи. Опасность конфликта съ Турціей и Персіей. Настоящая опасность. . . .

375

### ГЛАВА XIV.

#### Елизавета.

I. Легенда и исторія. Предполагаемое участіе Франціи и національнаго элемента въ декабрьскомъ переворотѣ 1741 г. Дѣйствительность. Молодость Елизаветы. Воспитаніе. Крылья подрѣзаны. Первая любовь. Венера и Минерва. Первое тѣславіе. Удаленіе. Одиночество. Темныя связи. Предполагаемый бракъ. Алексѣй Разумовскій. Видимый упадокъ. II. Движеніе въ казармахъ въ пользу царевны. Причины его. Его агенты. Салтыкова. Преобладаніе иностранныхъ элементовъ въ заговорѣ. Шварцъ. Грюнштейнъ. Роль хирурга Лестока. Цитерскія тайны. Корреспонденція по этому предмету, между Мардефельдомъ и Фридрихомъ II. III. Отношеніе Елизаветы къ Франціи и Швеціи. Призывъ къ первой. Уклончивый отвѣтъ Ла Шетарды, одобренный его правительствомъ. Попытки Нолькена. Онъ предлагаетъ помощь шведской арміи.

Перемѣна въ Версалѣ, основанная на союзѣ противъ Австріи. Приказъ Ла Шетарди способствовать этому. Нолькенъ проситъ у Елизаветы письменнаго приказа и отступленія отъ политики завоеванія Петра Великаго. Нерѣшительность царевны. Отступленіе. Отѣздъ Нолькена. Отставка Ла Шетарди. Швеція неожиданно объявляетъ войну Россіи. Отсутствіе единенія. Ни плана, ни направленія. Скупость Ла Шетарди. Елизавета считаетъ себя покинутой. Попытка сватовства принца Ковти. Отказъ Елизаветы. Неудача заговора. IV. Неожиданное совпаденіе обстоятельствъ ускоряетъ развязку. Бурная встрѣча во дворцѣ. Лестокъ покинутый Елизаветой. Приказъ объ отправленіи гвардейцевъ. Рѣшительный поступокъ. Новая просьба о деньгахъ у Ла Шетарди. Отказъ. Революція безъ Франціи. V. Ночь 4 декабря. Собраніе въ Домѣ Елизаветы. У Преображенцевъ. Къ Зимнему дворцу. Покушеніе. Бывшій императоръ на рукахъ новой императрицы. Заключеніе. . . . .



Польский историк, писатель и публицист Казимир Валишевский родился в 1849 году. Он учился в гимназии в Варшаве, затем в иезуитской школе в Меце во Франции. Свое образование К. Валишевский продолжил в школе права в Нанси, а завершил в Парижской школе права, где получил степень доктора права. С конца 70-х годов прошлого века К. Валишевский начал публиковать статьи, сборники документов, книги, посвященные экономическим, политическим и правовым проблемам. Они включают: "Экономические обычаи во Франции", "Общественное воспитание во Франции", проблемы отношений Польши с Францией и другими европейскими странами, работы по польской истории. Некоторые его книги этого периода были переведены на русский язык, например, "Польша и Европа во 2-й половине 18 в" (Петербург, 1892 г.).

Однако широкую известность К. Валишевскому принесла серия произведений, посвященных истории России 17—19 вв. — периода, когда отношения России и Польши оказывали существенное влияние на их развитие. К. Валишевский издает во Франции на французском языке, начиная с 1892 года, одну за другой книги о русских царях и императорах, об их окружении — "Роман одной императрицы" (1893); "Вокруг трона. Екатерина II." (1894); "Петр Великий" (1897); "Елизавета Петровна" (1902.); "Иван Грозный" (1904); "Смутное время" (1911) и др. Более тридцати лет К. Валишевский посвятил изучению России. Он работал в архивах Парижа и Лондона, Берлина и Вены, а также Петербурга, где пользовался покровительством Великого князя Николая Михайловича. Последняя его книга, посвященная Александру I, вышла в Париже в 1925 году, когда К. Валишевскому было 76 лет. Он умер в Париже в 1935 году.

Как писал К. Валишевский, "до 1905 года строгость цензуры не допускала выхода" его работ на русском языке. Но после революционных событий 1905 года и либеризации режима для книг К. Валишевского начался настоящий бум. Несколько издательств в Петербурге и Москве ("Сфинкс", "Современные проблемы", "Наука и жизнь", "Образование", "Новое время") выпускают одну

за другой книги К. Валишевского. Книгоиздательство "Сфинкс" готовит полное собрание его сочинений (вышло 4 тома).

Издание работ К. Валишевского продолжалось до начала мировой войны. Затем наступил длительный перерыв до конца 80-х годов, когда его книги вновь приходят к нашему читателю.

Русская печать откликнулась на работы К. Валишевского широкой гаммой оценок — от одобрения до резко негативных суждений. К. Валишевский внимательно следил за реакцией печати и в своем предисловии к одной из книг отвечает критикам. "Как ни снисходительно встретило большинство мою скромную попытку, я все же вызвал споры, т.е. довольно резкие упреки, впрочем, в достаточной степени противоречивые. Если одни обвиняют меня в том, что я очернил, даже оклеветал прошлое России, то другие назвали меня низким куртизаном. Эти маленькие неприятности, — пишет К. Валишевский, — не удивили и не расстроили меня... В них я нашел доказательство того, что я, по крайней мере, приблизился... к тому идеалу исторического беспристрастия, который является нашей общей честолюбивой мечтой... Как ни суровой, — продолжает К. Валишевский, — может показаться моим русским читателям моя оценка роли их страны в истории европейской цивилизации, ничто лучше не подтверждает ее правильности, как самая острота протестов, мною возбужденных. Неосновательная гордость, убеждение в своем превосходстве над окружающим миром, служат столько же доказательством и малого культурного развития, по крайней мере, в некоторых отношениях". К. Валишевский далее говорит о своем стремлении сделать доступным историю на основе свободного от всяких предвзятостей исследования.

Современный читатель получает теперь возможность самостоятельно судить о работах К. Валишевского. Познакомим его с оценкой творчества К. Валишевского в справочной и энциклопедической литературе в дореволюционных изданиях и в Большой Советской энциклопедии, резюмирующих мнение критики своего времени.

Обнаруживается определенная общность некоторых оценок и вместе с тем каждый период накладывает на характеристику К. Валишевского свою печать. Работы К. Валишевского по своему жанру ставят в затруднительное положение людей, которые предпочитают однозначность определений: кто он — писатель или историк?

Первая справка о К. Валишевском содержится в "Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона", в т. 9, изданном в 1891 году, где говорится, что ему принадлежит множество ценных статей и книг исторического, экономического и социального содержания. Более

обширную статью помещает "Большая энциклопедия", выходявшая под редакцией С.Н. Южакова и П.Н. Милюкова, где в 4 томе (1894 год) сказано, что К. Валишевский "Блестящий стилист, усвоивший себе манеру французских писателей. Сочинения его не отличаются особой основательностью и глубиной, но автор знаком с литературой предмета и умело пользуется ею для характеристик, всегда остроумных, часто односторонних. Выходя из сферы этих характеристик, суждения автора становятся шаткими. Истинно научную ценность имеют собственно только труды, представляющие собой издания исторических материалов". Напомним, что это 1894 год, когда еще не было многих работ К. Валишевского о российской истории. Энциклопедия братьев Гранат (т. 7, II стереотипное издание) называет К. Валишевского польским писателем (в отличие от "Большой энциклопедии", считающей К. Валишевского историком), перечисляет его книги, цель которых — ознакомиться с русской историей "французскую большую публику". Эти работы "живо написанные и изобилующие бытовыми подробностями в научном отношении оцениваются как крайне легковесные, часто не возвышающиеся над уровнем заурядного исторического романа".

В первом издании "Большой советской энциклопедии" в 8 томе (1927 г.) К. Валишевский определяется как историк и публицист. Названы его работы по русской истории, отличающиеся "живым изложением и массой бытовых подробностей" и "лишенные ценности в научном отношении". Здесь, как мы видим, практически воспроизводятся предшествующие характеристики. Но далее вносятся новые аспекты: "Сосредоточивая свое внимание исключительно на личной жизни царствующих особ, Валишевский дает лишь историю придворных интриг и любовных походов и анекдотов; какой-либо социальный анализ в сочинениях Валишевского совершенно отсутствует". К этому добавляется, что "монархист по своим воззрениям", К. Валишевский был постоянным сотрудником газеты "Новое время" А.С. Суворина.

Второе издание "Большой советской энциклопедии" (т. 6, вышедший в 1951 г.) явно обнаруживает время написания статьи. К. Валишевский определяется как буржуазный польский историк, писатель и публицист и консерватор по своим политическим взглядам. Сообщается, что "масса бытовых деталей из жизни царствующих особ привлекла к работам Валишевского внимание буржуазной публики", а также, что он "не придавал никакого значения социальному анализу явлений и научному аппарату", и труды его "не имеют никакой научной ценности". Вероятно, эти оценки стали причиной исключения



статьи о К. Валишевском в 4-м томе 3-го издания "Большой советской энциклопедии", вышедшем в 1971 году.

Читателю, наверное, будет интересно узнать, что думал о К. Валишевском Лев Николаевич Толстой. Упоминание об этом мы находим у библиографа Л.Н. Толстого Д.П. Маковецкого в "Яснополянских записках". Так, например, в книге 2-й (стр. 136) говорится: "Оболенские привезли книги Валишевского, те, которых у Льва Николаевича нет. Л.Н.: "Валишевский немногими штрихами живо передает главное, характерное. Соловьев, наоборот, заваливает материалом". В этой же книге (стр. 156) читаем: "...Когда Беляев прощался, Лев Николаевич сказал ему: "Кланяйтесь от меня Суворину, советуйте ему прочесть Хомякова "Самодержавие" и спросите, не издаст ли Валишевского — книги очень интересные. В таком порядке, как он писал, начать с Екатерины..."

Наше время отбрасывает или подвергает сомнению многие суждения прошлого, связанные с вульгарно-социологическим подходом к истории, со значительным перекосом в ее анализе в сторону социально-экономических проблем.

В современной исторической науке как выраженная тенденция обозначилось нарастание внимания к истории частной жизни и быта различных эпох. Современный человек все больше испытывает потребность в знании живой жизни всех слоев общества. Немалый интерес проявляется и к образу жизни и быту людей, осуществлявших реальную власть. В этом следует видеть не обывательское любопытство, а естественный человеческий интерес. Увлекательно написанные книги К. Валишевского будут несомненно полезны в постижении широким кругом читателей истории России во всех ее проявлениях.

Кандидат философских наук

*Л. Наумов*

К. ВАЛИШЕВСКИЙ  
**ЦАРСТВО ЖЕНЩИН**

*Репринтное воспроизведение  
издания 1911 года*

Редактор *А.А. Волков*  
Художник *Б.И. Астафьев*  
Технический редактор *Н.А. Посканная*

Подписано к печати 27.09.89. Формат 60х90 1/16  
Бумага офсетная. Печать офсетная  
Усл.печ.л. 28,0 + 0,3 вкл. Усл.кр.-отт. 28,38. Уч.-изд.л. 20,64  
Тираж 200000 экз. (1 – 100 000 экз. 1-й завод)  
Тип. зак. 571. Цена 20 руб.

Совместное советско-финское предприятие "ИКПА"  
103050, г. Москва, ул. Горького, 23

Текстовые диапозитивы изготовлены  
во 2-й типографии издательства "Наука"  
121099, Москва, Шубинский пер., 6

Отпечатано с диапозитивов  
в Тульской типографии Госкомпечати СССР  
300600, ГСП, Тула, просп. Ленина, 109